

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В НОМЕРЕ:

К 140-ЛЕТИЮ С.Н. БУЛГАКОВА
ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

№3(75)

ИННОВАЦИИ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

2011

«Человеку дано было первоначально даровое существование — вкушением “плодов от древа жизни”; хотя он, призванный лелеять и холить сад Божий, и не был обречен на праздность, но райский труд его имел не подневольный, а вдохновенный характер любовно-творческого отношения к миру. Перемена в отношениях человека к миру, выразившаяся в том, что в них ворвалась стихия хозяйственности, получила выражение в суде Божием после грехопадения. Вся жизнь человеческая получает привкус хозяйственности, пленяется суете стихий пустых и немощных.

Во всех своих разветвлениях хозяйство одинаково подвержено власти ничто, актуализировавшегося в мире. Поэтому и все его достижения, имея положительную основу в творческих силах бытия, несут на себе неизгладимую печать этой власти. Этот модус бытия находит свое выражение во власти временности, т. е. истории.

Цель истории ведет за историю, к “жизни будущего века”, а цель мира ведет за мир, к “новой земле и новому небу”. Лишь в царстве славы, когда окончится время, осуществится цель мироздания. Лишь тогда окончится сотворение мира, совершаемое Божиим всемогуществом на основе тварной свободы. В судьбах мира существеннейшую роль играет это соединение божественного могущества с тварной свободой, допущение участия твари в созидании мира.

Надо отречься от себя, не восхотеть своего я, идти крестным путем аскетике смирения. Нет задачи для человека труднее победы над самим собой».

С.Н. Булгаков «Свет Невечерний»

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ **№3(75)**

МОСКВА 2011

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2011. № 3. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); к.э.н. К.А. Зимарин;
д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.э.н., проф. В.М. Сологубов (Екатеринбург);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *П.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *П.Г. Полунина, С.С. Нина*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Издается с участием Академии философии хозяйства
и Философско-экономического ученого собрания**

**Издано при поддержке Российского центра социальных исследований
и просвещения имени С.Н. Булгакова, г. Иваново
(исполнительный директор — А.В. Петелин)**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

<http://www.econ.msu.ru/cd/311/>, <http://www.css.msu.ru>

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2011 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
К 140-летию С.Н. Булгакова	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Русская софийная философия (к 140-летию С.Н. Булгакова)	9
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Софиология и философия в творчестве С.Н. Булгакова	21
<i>М.А. Румянцев</i>	
Смыслы в философии хозяйства	37
<i>З.Э. Скрынник</i>	
«Финансовая цивилизация»: тупик или перспектива?	46
<i>В.К. Королев</i>	
Социально-экономический кризис и модернизационный «ренессанс» философии хозяйства	54
<i>М.Р. Эляян</i>	
Философия хозяйства С.Н. Булгакова: история и современность	63
<i>В.В. Рышкус</i>	
Хозяйственный потенциал развития России	76
<i>П.П. Жуликов</i>	
Современный капитализм и его гносеологические корни	84
Раздел II	
История, культура, цивилизация	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Мир после истории	95
<i>Р.М.-А. Гусейнов</i>	
История — это всемирный суд	100
<i>В.П. Океанский</i>	
Метафизический конфликт подвижных означающих «столица» и «провинция» — в структуре проблематики «Россия и Европа»	104
<i>В.Я. Курбатов</i>	
Предел	113
<i>Н.М. Чуринов</i>	
Русский экономический проект	116
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Апокалипсис не отменяется, но конца не будет!	129
<i>П.С. Толкачев</i>	
Духовно-нравственные ориентиры мировой экономики	141
<i>Л.И. Ростовцева</i>	
Самоутверждение России — в традиционности	150
<i>М.А. Вахтина</i>	
Особенности российской экономической ментальности	158
<i>И.М. Покидченко</i>	
Модерн и социализм	
(социально-экономические взгляды	
Т. Карлейля, Д. Рескина и У. Морриса)	166

Раздел III

Экономическая теория

П.С. Лемещенко

«Усталость» рынка, или Антиинновационные тенденции институциональной архитектуры современной хозяйственной системы ... 185

Ю.М. Осипов

Развитие и его парадигмальное осмысление 196

А.И. Субетто, В.В. Чекмарев

Философический концепт военной экономики в интерьере национального хозяйства и общей экономической теории..... 199

Е.М. Мартишин

Методологический инструментарий современного исследования экономической эволюции..... 216

Г.А. Котова

Полезность бесполезных абстракций..... 223

О.В. Корнищева

Анализ ликвидности при оценке экономической безопасности железнодорожных операторов грузов 230

Т.И. Сафаров

Необходимость повышения корпоративной культуры в деловых организациях 237

Раздел IV

Инновации

А. Бэттлер

Научно-технологический потенциал Россия: сравнительный анализ 247

Г.И. Мойсейчик

Перестроение вместо модернизации (о необходимости новой парадигмы российской реформации)..... 259

П.П. Жуликов, А.С. Фузеев

Шанс России возродить индустриальный потенциал..... 264

Раздел V

Энциклопедия

Ю.М. Осипов

Экономическая глобализация 271

Ю.М. Осипов

Солидарность 273

Ю.М. Осипов

Мера 277

Раздел VI

Рецензии и отклики

Ф.И. Гиренок

Алгоритмическая эстетика 283

Ю.М. Осипов

Социо-хозяйственная модернизация как момент реконструкции 288

Научная жизнь 293

Наши авторы 299

Contents

Part I

Philosophy of Economy

To the 140 Anniversary of S.N. Bulgakov

Yu.M. Osipov

Russian Sophian Philosophy (to the 140 Anniversary of S.N. Bulgakov) 9

N.B. Shulevsky

Sophiology and Philosophy in the Works of S.N. Bulgakov 21

M.A. Romyanzev

Senses in Philosophy of Economy 37

Z.E. Skrinnik

«Financial Civilization»: Deadlock or Perspective? 46

V.K. Korolev

Socio-Economic Crisis and Modernizational «Renaissance» of
Philosophy of Economy 54

M.R. Eloyan

S.N. Bulgakov. Philosophy of Economy: Past and Present 63

V.V. Ryshkus

Economic Potential of the Development of Russia 76

P.P. Julikov

Modern Capitalism and its Epistemological Roots 84

Part II

History, Culture, Civilization

F.I. Girenok

The World after History 95

R.M.-A. Guseinov

History is the World Court 100

V.P. Okeansky

Metaphysical Conflict of Mobile Meanings of the Terms
Capital and *Province* in the Structure of the Topic «Russia and Europe» 104

V.Ya. Kurbatov

The Limit 113

N.M. Churinov

Russian Economic Project 116

N.B. Shulevsky

Apocalypse Is Not Cancelled, but No End! 129

P.S. Tolkachev

Spiritual and Moral Guidance of the World Economy 141

L.I. Rostovtseva

Traditional Morality («Traditionality») Approach as the Basis for
Russia's Self-Identification and Self-Assertion 150

M.A. Vahtina

Peculiarities of the Russian Economic Mentality 158

I.M. Pokidchenko

Modern and Socialism
(Socio-Economic Views of T. Carlyle, Jh. Ruskin and W. Morris) 166

Part III	
Economic Theory	
<i>P.S. Lemeshenko</i>	
«Weariness» of the Market, or Antiinnovative Tendencies Institutional Architectonics of Modern Economic System.....	185
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Development and its Paradigmatic Comprehension	196
<i>A.I. Subetto, V.V. Chekmarev</i>	
Philosophical Concept of Military Economy in the Interior of the National Economy and General Economic Theory	199
<i>E.M. Martishin</i>	
Methodological Tools of Modern Studies of the Economic Evolution	216
<i>G.A. Kotova</i>	
The Utility of Non-Useful Abstractions.....	223
<i>O.V. Korisheva</i>	
The Analysis of Liquidity within the Framework of an Estimation of Economic Safety of Rail Transport Operators	230
<i>T.I. Safarov</i>	
Need to Improve the Corporate Culture in Business Organizations.....	237
Part IV	
Innovations	
<i>A. Battler</i>	
Scientific and Technological Potential of Russia: Comparative Analysis.....	247
<i>G.I. Moiseichik</i>	
Re-architecture instead of Modernization (the Need for a New Paradigm of the Russian Reformation)	259
<i>P.P. Julikov, A.S. Fuzeev</i>	
Russia's Chance to Revive Industrial Potential.....	264
Part V	
Encyclopedia	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Economic Globalization.....	271
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Solidarity.....	273
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Measure.....	277
Part VI	
Reviews and Responses	
<i>F.I. Girenok</i>	
Algorithmic Estheticism	283
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Socio-Economic Modernization as a Moment of Reconstruction	288
Scientific Life	293
Our Authors	299

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

*К 140-ЛЕТИЮ
С.Н. БУЛГАКОВА*

Ю.М. ОСИПОВ

Русская софийная философия

(к 140-летию С.Н. Булгакова)

Аннотация. Рассматривается феномен русской софийной философии, возникшей на рубеже XIX и XX вв. и имеющей продолжение в XXI в., в частности на основе и в рамках философии хозяйства.

Ключевые слова: София, философия, русская софийная философия, философия хозяйства, Россия.

Abstract. Author considers phenomenon of Russian sophian philosophy, which emerged at the turn of XIX and XX centuries, and has continued in XXI c., particularly on the basis and in the framework of philosophy of economy.

Keywords: Sophia, philosophy, Russian sophian philosophy, philosophy of economy, Russia.

Язык не поворачивается называть Сергея Николаевича Булгакова (о. Сергия) экономистом, философом, литератором, писателем, публицистом, богословом, ибо Булгаков — *мыслитель*, разумеется, универсальный и, конечно же, великий. И ежели универсальность Булгакова легко бросается в глаза, то величие... это как бы надо еще доказать... вот Ломоносов — да, велик, ну, пожалуй, Менделеев, как и Циолковский, может, Вернадский, а чего ради к великим причислить Соловьева, Флоренского, Бердяева, С. и Е. Трубецких, Булгакова... Что они, где они, зачем они?..

Да, это *феномен* — действительный, странный и непонятный — феномен *русского непризнания русских!* Он есть, этот гнусный феномен, он невероятно живуч, самонадеян и деятелен. Вот зачислили в сонм великих двух-трех-четырёх ученых, не говоря о ряде всемирно известных писателей и двух-трех композиторов, и хватит, а тут какие-то замысловатые мыслители, философы-метафизики, еще и еретики-софиологи, в бездны людские и мировые заглянувшие, стройные умы смущающие и несмелые сердца тревожащие, какие-то концы мировые зачем-то предсказывающие.

В самом деле, зачем россиянам все эти беспокойные, многоликие, неуловимые и малопонятные, законспирированные подозрительным любомудрием, мыслители, почему-то вдруг узревшие незримую Софию Премудрость Божию — именно на рубеже XIX и XX вв., как раз в

разгар русско-имперского апокалипсиса, — вышедшие благодатной Софии навстречу, что-то сообразившие, оттого в откровенческом экстазе и пытавшиеся передать что-то важное невменяемым тогда и сегодня соотечественникам?

Интеллектуальная элита отгородилась от самобытных русских мыслителей западного происхождения наукой, не признающей никакой Софии Премудрости Божией, хоть и самозабвенно ее познающей на уровне феноменогенной материи, страшась скрытого в ней и за ней начальствующего духа и бежа что есть мочи от трансцендентной метафизики; священство закрылось от софиологических умников в догматически трактуемом им писании, в церковной институции; народ... а народ ничего о своих великих сынах-мыслителях попросту не знает, даже имен не знает, не говоря уже о поясняющих сказаниях, слухах и мифах.

Русская философия, а это именно *софийная философия*, окормляемая божественной мудростью и конструируемая вовсю работающей трансценденцией, взлетела было над обеспокоенной и обезумленной от чужебесия предреволюционной (следственно, предкатастрофной) Россией, бывшей тогда Российской империей, но была умело подбита на взлете разразившейся по итогам ненужной России мировой войны вполне уже чужеродной революцией, подвергнута дружному оскотлению, насильному изгнанию, нарочитому забвению и точечному умерщвлению, но выжила каким-то чудом, что вовне (за границей, в изгнании), что внутри (в подпольях неукротимых библиотек и уцелевших частных собраний), восстала через полвека из сероглазого пепла, негромко, но явственно обозначилась, достойно заявила, но... не была адекватно и счастлива принята раздобревшим на секулярных харчах интеллектуализмом, не говоря уже о бесчисленных отечественных образованцах, ибо мешала, смущала, препятствовала... а место-то уже было занято — просвещенным сциентизмом, замкнутым в себя клерикализмом, метропольным западнизмом, как и общим колониальным невежеством.

Не в чести у нынешних россиян русская философия, которая как раз есть софийная философия, не в чести: что у тонких интеллектуалов, что у бойких властей предержавших, что у добротного священства, что у лучших влиятельных людей, обобравших реформно Россию и лоснящихся от внезапно выпавшего на них экзистенциального успеха, что у полузабытых и реально забытых простецов, ибо расставаться всем надо со старательно нажитым идейным багажом, вникать в неожиданное, находить иное, натываясь непременно на злую правду, выбивающую из колеи, смущающую, разочаровывающую, разоблачающую, понижающую, возвышающую, меняющую.

Не в чести в нынешней России и Сергей Николаевич Булгаков, он же о. Сергей — раздумщик, яркий бунтарь, неугомонный творец. Побыв некоторое молодое время дипломированным ученым и атеистом, специалистом по политической экономии, адептом марксизма, он, как бы вдруг опомнившись, выскочил за пределы науки и научной философии, устремился через проклятые тогда вполне надежно идеализм и метафизику к Богу, к Христу, к Софии, став одним из провозвестников и создателей русской софийной философии, а затем и софийного, хотя и не бесспорного, богословия, названного им, наверное, по причине своего вынужденно-спасительного изгнанничества, да, видно, не без немалой досады, хотя и в порыве личного интимного откровения, «парижским».

Булгаков, как и его соотечественные аналоги-мудрецы, вырвался на отечественный размыслительный простор, открыв для себя софийное пространство, относительно окружающего мира и самого человека запредельное, уходящее в неизвестность, но, благодаря благодатной Софии, открывающееся и говорящее. София везде, во всем мире, ибо София — замысел Божий, его умственный проект, сердечное обоснование, но и их земное (и человеческое!) воплощение. София в Логосе, в Писании, в Библии, во всех Священных Текстах, в запечатленных словах и в незапечатанном межсловье, София полностью и до конца не прочитываема, как и вообще до дна непостижима. Ее можно и должно читать и постигать, но не обольщаясь надеждой добрести до предела. Мир и человек, все мироздание — тоже текст, как и Библия, и он тоже софиен и, как Библия — не подлежит полной дешифровке.

Есть наука, не лишенная стихийной софийности, есть философия, щедро сдабриваемая Софией, а есть *софиология*, выводящая на софийную философию и придающая открыто софийное звучание науке.

В вершимых человеком науке и философии хватает и несофийного. Еще больше его в идеологии, культуре, цивилизации, как и в текущей вокруг повседневности. Человек умен, самонадеян, дерзок и глуп. Он вырвался из-под власти Природы и опеки Господа Бога, заявил себя самостоятельным творцом-демиургом. И творит, и демиургурует, и вытворяет! Но вдруг наступил какой-то странный предел, вполне и метафизический, он же и момент истины, однако истины для человека — самовольного творца и самозабвенного демиурга — явно тяжелой, почти что и невыносимой: что же человек сотворяет, туда ли идет, зачем творит и с каким конечным результатом? Одно дело — освобождение от природы, ее быстрое покорение и порыв к легко воображаемой неприроде, совсем другое — торжество созданной человеком неприроды, обретенная ею своевольная свобода и свалившееся на нее среди мироздания одиночество, как и подчас трудно объяснимое ме-

тафизическое отчаяние, захватывающее человека-демиурга, весьма уже и самого по себе неприродного.

Великий антропогенный конфликт — человека с Природой, с Богом, с Софией, но и... с самим собою; отрицание природы и сакрала ради доминирования человека обернулось вдруг... отрицанием самого человека, но вот ради чего или кого?... уж не ради ли замаячившего на горизонте *постмира* и все более уверенно заявляющего о себе *постчеловека*, а может, просто ради самоисчезновения сделавших какое-то важное трансцендентное дело человека и человеческого мира?

И вот из и из-за этого острейшего конфликта как раз и явилась на свет *философия хозяйства*, вполне и софийная: сначала булгаковская, потом уже и постбулгаковская — современная, хотя само обращение к философии хозяйства было на поверхности более всего обусловлено неудовлетворением размышляющего и совестливого человека от загосподствовавшихся науки и философии, не дававших достойных объяснений ни человеческой демиургии, ни построенной человеком реальности, не говоря о великой антропогенной коллизии, в возникновении которой наука и философия сыграли не только не последнюю, но, пожалуй что, и первостепенную роль.

Что означали в таком разе хозяйство человека вообще и его преобразовательное хозяйствование в частности? На что же в конце концов работали наука, философия, идеология, культура, цивилизация, раз не могли обеспечить достойного пребывания человека на Земле — самоуважительного, солидарного, счастливого?

Ведь ничего подобного самоуважению, солидарности и счастью у творящего человека совсем не выходило, да и не могло выйти, ибо человек сознательно или бессознательно следовал в общем и целом противоположно другому — и никакие хозяйственные достижения не заставили человека отвернуть раз и навсегда от этого другого. И все это несмотря на добытую в муках мораль, различение зла и добра, запреты, угрозы, совесть, мифы, религию, утопии, государственность, неизбежность кары и безжалостные наказания. Человек предпочитал не превращаться в совершенного человека, не создавать совершенных обществ, не вести совершенное хозяйство.

Красота, конечно, местами и временами спасала и спасает мир человеческий, как и самого человека, а вот уродство разноликое мир этот, как и человека этого, с явной с их стороны попустительной признательностью упорно и обильно окормляло и окормляет.

Наделенный вообразительным сознанием, человек способен, в отличие от обычного животного, самостоятельно и по-своему проектировать свою жизнь, но, оставаясь при этом животным, человек не может расстаться с животным началом, а в исполнении человека и звер-

ским, предпочитая для себя если не прямо античеловеческие, то определенно порочные в сакральном измерении варианты жизнеотправления. Это, во-первых. Во-вторых, человек, не будучи только животным, стремится к чему-то *иному*, как раз к тому, чего нет в земном мире, в природе, а потому создает что-то неземное и неприродное, переходя от одного им искусственно созданного к другому. Если сопоставить вместе неприродное сознание и неприродную животность, порождающие особого рода метафизическую порочность человека, а также природность необходимых воспроизводственных потребностей и возможность проективных неприродных конструктивно-потребительных устремлений, то получается сложная, крайне противоречивая, раздорная и раздольная, с неизвестной заданностью и неразгадываемой конечностью базисная физико-метафизическая матрица человеческого хозяйства, как и любых встроенных в человеческое бытие людских деяний.

Неизвестно как, почему и зачем появившийся на Земле человек, воспроизводя себя по-природному, производит при этом вовсе не столь необходимую ему для воспроизводства неприроду — *искусственный мир*, делая это вроде бы для себя, по велению и потребности своего сознания, но не зная и не сознавая определенно, с какой последней целью, зато успешно достигая ряда промежуточных целей — благополучия, непотребства и угрозы самоуничтожения. Творя свой собственный мир, человек идет по границе между светом и тенью, миром и бездной, то ли стремясь навсегда уйти от тени и бездны в горние вершины (в сверхмир, куда, возможно, он и должен когда-нибудь прийти), то ли, наоборот, навечно вогнать себя в тень и бездну (в предмир, откуда, возможно, он когда-то и вышел).

И надо отдать должное смелости, а может, попросту отчаянности человека, последовательно отрицающего данный ему мир ради мира, ему совершенно неведомого. А был бы человек совершенным, как, к примеру, тот же муравейчик, то ничего событийно-исторического в его жизни не было бы. Вот поэтому-то и не муравей человек, хоть и негодяй он, и зверь, и убийца, но зато... строитель... и не муравейника вовсе, а *неизвестного мира*.

Сознание — знание, но сознание ведь и не незнание тоже, а что тут ценнее — знание или незнание, причем вполне осознаваемое незнание, кто знает?

А где вот такое осознаваемое незнание, там и... нет, не наука как конечная истина, не философия как самоуверенное поучение, даже не религия как табельное вразумление, а... *мудрость*, можно даже сказать — *Мудрость*, которая ни наука, ни философия, ни религия, а... пустота, ничто, нуль, ибо молчалива она, удручена, скукожена, хоть и не испугана, не угрюма, не зла. София — молчание, хоть и не загроб-

ная тишина, она сродни немотству, хоть иной раз и весьма красноречивому. София — не красота вовсе, хоть и тяготеет она к красоте, не совершенство, хоть и признает стремление к совершенству, не тупая благодать, хоть и не брезгует благорасположением. София — не так истина, как правда, а потому она не так желанна, как вынужденна, не так выразительна, как иносказательна, не так словесна, как попросту данна.

Вот и воспринимается София не всеми «людьми», далеко не всеми, да что говорить — единицами, по преимуществу юродивыми, теми, что не от мира сего, философами-чудаками, не слишком разумной, вполне и интимной, философией.

София вовсе не оторвана от реальности, хотя сама по себе она чистая ирреальность, данная и даваемая высшей неизвестностью миру, жизни, человеку. София сродни всему предшествующему, тому, чего еще нет, но что либо будет, либо возможно будет, о чем сказать до поры ничего или почти ничего определенного нельзя, хотя кое-что все-таки можно пророчески нежданно-негаданно уловить и даже иносказательно ни с того ни с сего выказать. Однако София и в самой текущей реальности, а не в одном только ей предшествовании, что не значит, что вся реальность софийна, ибо она в то же время и антисофийна: реальность ведь и от материи, от природности и животности, от жизни, от человека, которые, надо особо заметить, не состоялись бы вовсе, будь они только от Софии.

София не от антисофии, как и антисофия не от Софии, но никакой Софии не было бы, не будь антисофии, как и наоборот.

Полностью софийная реальность — уже не софийная реальность, а всего лишь бессофийная реальность. Так что София не открывает пути к совершенству, она лишь поддерживает стремление к совершенству, следственно, и к *иному*, без чего нет ни мира, ни жизни, ни человека, ни всего того, что называется индивидуальностью, социумом, государством, культурой, нацией, цивилизацией.

Одно дело «шарахаться» наобум, как придется, совершая пробы и делая ошибки, чего-то вдруг неожиданно добиваясь; другое дело вершить что-то, заранее обдумывая, воображая, проектируя, предвидя возможные ошибки и их, по возможности, не допуская, добиваясь в итоге всего или почти всего задуманного; совсем же другое дело идти по жизни, может, и «шараша», и верша, но с учетом неизбежной неизвестности, в немом и непрерывном с нею диалоге, в контакте с молчаливой Софией, которая открывается лишь упорно шагающему — осознанно и метафизически — ей навстречу.

Руководствуясь Софией, стоически стоящей за меру среди громогласного безмерия, за тихую гармонию среди звонкого хаоса, за утешительный порядок среди разнузданной стихии (не абсолютные тут,

конечно, меры, гармония, порядок, а относительные — реалистичные). Можно, к примеру, не допустить разорительной войны или той же «бунташной» революции, провести эффективные реформы, как и приемлемо организовать человеческое общежитие. И проблема тут не столько в невозможности познания Софии, эффективного с ней духовно-умственного взаимодействия, сколько... в нежелании человека и человечества всерьез вдохновляться Софией и вступать на софийный путь. Проблема тут не в Софии, ее закрытости и недоступности, а в самом человеке, старательно избегающем спутывающего-де его софийного благорасположения.

Благо, польза, выгода, удовлетворение, довольство, накопление, обогачение, гедонизм, гламур, порок, упрощение, опошление, ложь, игра — все это куда как милее человеку экзистенциальному, чем софийное добро, мера, самоограничение, ответственность, аскеза, возвышение, мораль, правда.

Нельзя сказать, что человек, и весьма многий человек, вообще несофиен, но по преимуществу же своему — человек более всего антисофиен, что не значит, что он совсем, непременно и навсегда плох и подл, но что значит, что он все-таки не слишком хорош и не очень возвышен, а главное — не так уж умен, рационален, ловок, в общем — он более всего какой-то получеловек, предчеловек, может, и недочеловек. И ежели не избежать человеку деятельских несуразиц, как и не избавиться ему, видно, от порочности и несовершенства, но от самоистребительного падения-то можно же как-то отпрянуть... или все-таки нельзя?

Хозяйствовал человек многие века, искал, строил, лепил старательно свой искусственный мир, а вылепил в итоге... мир-самоубийцу, против самого создателя вдруг и восставшего. Как восстал когда-то христианизированный европеец против Господа Бога, Христа, Святого Духа и Софии Премудрости Божией, так теперь мир человеческий восстает против своего создателя, как и сам человек восстает против самого человека, причем не так в междуусобице, как по самой сути своей и по сути своего же мира. А это уже вопрос уровня Софии, а не человека как такового: «Быть или не быть?».

Лишь дивиться приходится тому, насколько прозорлива была в начале христианства София Премудрость Божия, поместившая в софийную книгу свою кое-какие горькие пророчества, среди которых самое достойное место, причем заключительное, занимает Иоанново «Откровение». Апокалиптические кони, может, и антисофийны по своему метаморфическому мотиву, но зато насколько они софийны по своему метафизическому смыслоизвержению! Это сама София в образе коней выступает перед ошарашенным от собственных деяний человеком. И не понимает ничего во всем этом человек, и путается, и

страшится! И пытается закрыться рукою от ужасных видений, отвернуться, забиться и... не думать, не думать, не думать!..

Вот и от софийной философии старается улизнуть, и ту же философию хозяйства не заметить, и великих русских мыслителей подержать поболе за горизонтом — авось пронесет!

Однако жизнь продолжается, и уже охваченный субстанциальным безумием мир (не путать субстанциальное безумие с простым сумасшествием!), кажется, уже созрел для большой общемировой, если не вселенской, коллизии в духе какого-нибудь Армагеддона.

И уже женщины пришли в большую мировую политику, и развязывают уверенно новые колониальные войны (одна американка покорила Сербию, другая вторглась в Иран, третья «лечит» Ливию, а их славная предшественница с туманного Альбиона прямо-таки разгромила в пух и прах обнаглевшую от национализма аргентинскую военщину). Женщина — не мужчина, она куда решительнее, радикальнее и последовательнее. Недаром мужики-прозорливцы заговорили в XX в. об inferнальной роли женщины... в судьбах великих мужей. А теперь вот и всего «мужеского» мира. И женская литература тут как тут, и женская болтовня на телевидении и женская крикливая эстрада, не говоря о повальных женских изменах мужчине, семье, материнству. А ведь это признак, ох, какой показательный признак — торжество маскулизированной фемини (феминогендера!) над феминизированной маскулиной (маскулогендером!) — как характернейший признак и ядовитый прирзак уже последних времен.

Нет, София вовсе не женская ипостась Бога, даже и не какое-то женское начало в Боге; София — внеполовое качество Бога, это его личная внегендерная эманация; разумеется, Бог может наделить софийностью и женщину — да и разве мало было в истории человеческой и сегодня есть мудрых женщин, по-своему, конечно, мудрых, по-женски, но и по-общечеловечески тоже; разве Богоматерь не мудра, а мать (мать!) любого сына, любой дочери? Мудрость на то и мудрость, чтобы не быть ни мужской атрибуцией, ни женской, а быть присущей, ежели Господь позволяет, что мужчинам, что и женщинам.

София — прерогатива Бога, но она и принадлежность, по велению Божьему, человека — человека вообще!

Человек и мир человеческий, отгородив себя от Софии Премудрости Божией и положившись на свою собственную... э-э... всего лишь от-ума-разума-интеллекта самонадеянность, впали в конце концов в это самое субстанциальное безумие, отличающееся не сумасшествием как таковым, ибо все передовики земные вокруг умны, расчетливы, проективны, а неуклонным продуцированием... *антимира* в мире и *античеловека* в человеке, казалось бы, никак человеком-демиургом не предусматриваемых.

Теряя связь с Небесной Софией, человек утрачивает и свою собственную мудрость, все более отдавая себя во власть... infernalного безумия: разве не безумны ныне города-мегаполисы, искусство, литература, телевидение, Интернет, аэропорты, АЭС, автобаны, одиночные кругосветки, торгово-развлекательные центры, шоу-позорища, спорт, наука, философия, политика, университеты, цветные революции, производство, предложение, спрос, потребление, гедонизм, гламур, изобилие, избыточность, деньги, финансы, доходы, цены, богатства, наркота, гей-парады, та же фемина, гендеризм, инфантилизм, в общем — не многовато ли вокруг этого субстанциального безумия, которое уже не отклонение, не исключение, не случайность, а... вполне нормальная норма?

Этот безумный, безумный мир! — и это при явном доминировании ума, знания, расчета, математики, информатики, кибернетики, синергетики! Безумие везде и всюду, оно в изобилии и в избытке, это уже не безумие в мире и в человеке, а не что иное, как *мир-безумие* и *человек-безумие*!

Так было всегда, заявят нам модернисты-прогрессисты и разные ученые доброты, ничего нового, но зато жизнь теперь в физическом отношении несравнимо легче, а в метафизическом — куда как занимательнее. Да, согласимся мы, это так, но никогда ранее планетарный мир не был столь освоен человеком, как и никогда ранее человек не обладал столь масштабным и столь целостным миром собственного изготовления — тоже планетарным, даже и ближнекосмическим; никогда ранее человек-демиург не стоял над миром столь высоко (прямотаки как Бог) и никогда ранее судьба мира не зависела столь прямо и сильно от воли, решений и ошибок человека; никогда ранее мир человеческий не был столь уязвимым и рискованным, как сейчас, хотя и зависел от природы, ее дерзких состояний и неожиданных капризов; никогда ранее под весь мир и само человечество не был подложен столь мощный заряд самоуничтожения; никогда ранее человек не чувствовал столь сильное ограничение по будущему, которое всегда воспринималось как обширно беспредельное; никогда ранее человек не ощущал пределов и предельности всего мира и вообще человека; никогда ранее человек-демиург не был столь творчески самонадеян и делячески близорук.

Занятому своими повседневными заботами, потребностями и действиями обычному человеку — что аграрию, что урбанисту, что простому трудяде, что высоколобому ученому, что успешному предпринимателю, что ловкому политику, что доходному спортсмену, что скучающему милитарию, что поникшему мужичонке, что крутой бабенке — не до высоких, еще и не слишком радостных и оптимистических материй, что вполне понятно, объяснимо и, разумеется, правильно. Тут,

как говорится, не до Софии с софиологией, даже и не до давно уже обкусанной и облизанной официально-институциональной философии. Так что, если и ставить вдруг на глубокомыслие, то лишь единиц, а коли так, то что тогда на них и их глубокомыслие вообще обращать внимание? В век всеобщего просвещения и тотальной информатики никто в их сторону даже не посмотрит, не то что услышит. Вот, к примеру, финансы, юриспруденция, электроника, генетика, логистика, «психологика», робототехника — это да-а! а философия, да еще метафизическая, софийная, за-умная, к тому же еще и... русская... —это-то зачем? Есть в конце концов церковь, где все ясно и без всякой мистики, а ежели и есть там что-то непонятное, то без никакой особой рефлексии на эту тему, тем более тревоги. Так что не быть ныне ни глубокой философии, ни напряженного философствования, за исключением разве отдельных эпизодов, общей картины никак не меняющих.

Софиология — это не столько учение о Софии, которая может быть воспринята и без всякого учения, сколько возможность размышлять, а потом и действовать, в соответствии, а то и вместе, с Софией, под ее присмотром и опекой, но с условием взаимного доверия. София не так эталон, как маяк, ориентир, критерий, ключ. Не столько читать надо Софию, сколько думать вместе с нею, вовсе не будучи ее иждивенцем, а скорее, со-участником, со-разумником, со-мыслителем. И всегда помнить, зарубив себе на носу, что София не прощает легкомыслия, самоуверенности, дурости, не говоря о лжи, обмане, фальсификации. Шутки с Софией плохи!

Софийный философ признает не безоговорочный авторитет Софии, а ее несомненное смысло-понятийное величие — величие неведомой, хоть и являющейся и обозначающейся истины; он сознает, что есть что-то, чего он не знает и знать не может, но с чем он должен считаться в своих раздумьях и действиях; человечность — это очень много, но это не все, а потому есть что-то, что выше человечности, что не относительно, а абсолютно; София абсолютна, но она является в относительном мире, в нем присутствует, окормляя и относительное существо, называемое человеком; взаимодействуя с Софией, человек размышляющий не только обогащает себя, взыскуя возможность быть мудрее, умереннее и увереннее, а потому правдивее и правильнее.

Софиология — возможность быть ближе к истине, к мере, к божественной, а не чисто человеческой реальности.

Софийная философия не окажется на стороне капитализма, хотя и не отвергнет вовсе частной собственности, частной инициативы, товарообмена, денег, как не станет и безоговорочной сторонницей социализма с его преклонением перед общественностью в ущерб личному и частному; не станет софийная философия ни ярким адептом гуманизма с либерализмом, ни шальной провозвестницей тоталитаризма с дикта-

турой; не стоит ожидать от софийной философии одобрения глобализма, как и восхищения тем же оголтелым национализмом.

София не любит крайностей, она не приветствует ни тот же крайний гедонизм, ни тот же крайний аскетизм, не одобряет она ни религиозный фанатизм, ни безрелигиозный фатализм, ни самонадеянный атеизм. София на стороне целостности, разнообразия, цветущей сложности, упорядоченности, меры, но никак не мертвящей системности. Приветствуя жизнь, София стоит за перемены, но за органичные жизни перемены, способные ее усовершенствовать и возвысить.

София не только высший, трансцендентный, чистый источник истины, текущий откуда-то извне, но и, будучи свидетельствующей судией человеческой реальности, она служит и источником критериальной, оценочной и функциональной справедливости. И это заставляет Софию не только твердить о сакральном благе, различая абстрактные добро и зло, но и иметь конкретные суждения о том, что происходит в земном мире, о реальных намерениях, деяниях и устремлениях человека — этого не такого уж софийного, во многом и антисофийного, существа.

Русская софийная философия, частью которой является и философия хозяйства, имеет свое мнение о человеке, человеческом мире, человеческих свершениях. Мнение это не самое одобрительное, хотя и весьма «понимательное». О восторженном восхищении тут говорить не приходится, ибо слаб человек, зловреден и порочен, но нет здесь и высокомерного осуждения. Здесь более всего сожаления, но никак не неприязни. Да, критична, строга, разоблачительна, но при этом и страдательна; она вовсе не отвергает заблудшего человека, а пытается обосновать возможность иной экзистенции, которая уже указана Софией и весьма известна человеку, но которой человек, не совершив всего им самим произвольно задуманного, следовать никак не желает. Русская софийная философия, существенной частью которой является философия хозяйства — *философия иного* — как иных обо всем мирском представлений, иных человеческих ожиданий и интенций, так и иного пути в будущее.

Русская софийная философия не была устремлена в русскую революцию, хоть и не стояла за сохранение самодержавия, отходившего в прошлое; она не только не одобрила социализм, но и, исходя из его целостно-стратегической невозможности, предсказала ему скорую гибель; не выступила она и на стороне большевизма, за что была наказана изгнанием, забвением и умерщвлением; не обрадовалась эта философия, уже более всего в лице новой философии хозяйства, как крушению СССР и советского социализма в ходе и по итогам элитарной и массовой измен, так и воцарению ельцинизма с его отвратительным имморализмом, гнуснейшей приватизацией и резким падением России

в вязкую инфернальную жижу, не способна признать эта философия ни возникшего в итоге необуржуазной реформации 1900—2000 гг. строя произвольной — финансовой, административной, корпоративной, сетевой, информационной, пиарной — деспотии, ни попыток нынешней власти стабилизировать и даже модернизировать, а не коренным образом перестроить этот уникальный по своей имманентной сути строй, вовсе по человеческим меркам и не легитимный.

Не глобализированный неокapитализм с лукавым неолиберализмом и конспиративным неокoлониализмом нужен России и всему миру, а самый что ни на есть естественный, гуманистический, социальный и экологический *солидаризм*, когда солидарное в разнообразии и разнообразии человечество находит эффективную возможность взаимоприемлемого для всех людей, народов и рас существования, сопровождаемого совершенствованием и развитием.

Нам непременно возразят, что это, мол, не более, чем очередная утопия в духе того же раннего социализма, еще не освободившегося от христианской идеологии. Но мы не будем спорить, а лишь укажем на то, что иного выхода у человечества попросту нет, даже если оно овладеет нескончаемыми источниками энергии и научится выращивать массы человекоподобных работников и менеджеров. Мало того, мы укажем и на то, что человечество, не устроив высокорисковой, если не окончательной, катастрофы — откровенного Апокалипсиса с не менее откровенным Армагеддоном, вовсе ничего из выказанного софологии не поймет и не унаследует.

Софийная философия не только не отличается самоуверенностью и легковерием, а исходит из горькой в общем-то реальности, не позволяющей ни идеализировать человека, ни надеяться на его какой-либо благородный и эффективный переустроительный проект.

Судьба человека, может, и не полностью в его руках, но нельзя сказать, что человек к сотворению своей судьбы не имеет никакого отношения.

Софийная философия, составной частью которой является философия хозяйства, как, собственно, и наоборот (!) — не откровение Божие, а откровение человеческое, однако совершенное на траверсе и в направлении Божиим, как и, надо полагать, по Господней интенции, при непосредственном участии Софии, а потому участь такой не совсем человеческой философии хозяйства известна — быть широко не признанной и в общем-то отвергнутой самодостаточным человеком, а ежели вдруг и счастливо просиять, то уже в самом конце последних времен!..

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Софиология и философия в творчестве С.Н. Булгакова

Высоко нес я стяг своей любви.
Но есть другие радости, другие:
Оледенив желанья свои,
Я только твой, познание, — София!

И.А. Бунин

Аннотация. В статье исследуется софиология С.Н. Булгакова. Софиологическая тема пронизывает всю человеческую культуру, находя свое целостное выражение и оформление в творчестве русского мыслителя. Выделяются мифологический, философский, хозяйственный и христианский контексты Софии-мудрости в мировоззрении С.Н. Булгакова. В мифологии София выступает как исток многообразных умений людей, начиная от изобретения бытовых орудий и кончая созданием государств, олицетворением этой духовно-практической мудрости в Афине Палладе. В хозяйстве София-мудрость выступает как божественный замысел, реализуемый посредством домостроительства жизни человеческой. Цельный и заверченный облик Софии представлен в христианстве, где она выступает как Премудрость Божья, посредством которой осуществляются творение, оформление, смысловое и разумное устройство бытия. В философии София-мудрость выступает как недостижимый идеал жизненного знания; поэтому лишь в контексте Софии и христианства философия может из книжного знания стать формой и ступенью жизненной мудрости.

Ключевые слова: София, мудрость, софиология, философия.

Abstract. The article investigates sophiology of S.N. Bulgakov. Sophiological theme permeates the entire human culture, finds its complete expression in art and design of the Russian thinker. Highlighted the mythological, philosophical, economic and Christian contexts Sophia-wisdom in the outlook of S.N. Bulgakov. In the mythology of Sofia serves as a source of diverse abilities of people, ranging from the everyday tools of the invention to the establishment of States, the personification of the spiritual and practical wisdom of Pallas Athene. The economy Sofia wisdom serves as a divine plan that is implemented through the dispensation of human life. Solid and complete image of Sofia presented in Christianity, where she serves as the Wisdom of God, through which the creation, execution, meaningful and reasonable dispensation being. In the philosophy of Sophia wisdom appears as an unattainable ideal of life skills, and therefore only in the context of Sofia and the Christian philosophy of the book can become a form of knowledge and wisdom of life stage.

Keywords: Sophia, wisdom, sophiology, philosophy.

В статье о Ф.М. Достоевском С.Н. Булгаков дерзновенно заметил, что уже в конце XIX в. центр и пульс мировой мысли сместились в Россию [1, 38], исполнив тем самым библейский закон, согласно которому «последние станут первыми», ну, а «первые» пусть идут за своим прогрессом. А центром и пульсом всякого ума-разума, мысли-смысла, правды-истины, рассудка и логики является София Премудрость Божья. С.Н. Булгаков глубоко чувствовал свое софийное родство с преп. Сергием Радонежским, свой софийный долг перед многострадальной Россией, свою софийную миссию в мире¹. Н.А. Ваганова, автор лучшей книги о софиологии С.Н. Булгакова, неоспоримо доказала, что «Булгаков пока что нами не прочитан, и в этом — но уверена, не только в этом — отношении он является тем великим мыслителем, встреча с которым у нас еще впереди. ... Сама дерзновенная попытка русского мыслителя, стремившегося в своей философско-богословской системе разрешить фундаментальные антиномии бытия и в конечном счете *софио-логически* нерушимо связать мир с Богом — в эпоху мировых катастроф и распада всех и всяческих связей, — представляется духовным подвигом огромного и пока неоцененного исторического значения» [3, 8—9].

Посредством софийной идеологии С.Н. Булгаков свершил сверхисторический прорыв к новым горизонтам мысли. Этот прорыв воочию раскрыл бесплодие всех социально-экономических теорий, сверхточных и точных наук, художественных течений, реформ, войн и революций, которые, несмотря на свою разнонаправленность, все же неотвратно движутся в бесконечные тупики ничто и тоски, ибо все свои творящие смыслы они уже исчерпали, потеряв главное — сакральный навигатор, без которого люди идут в никуда. И лишь в софийном хождении виден луч света для современного мира, испытавшего все возможные теории, учения, проекты, идеи, но так и не нашедшего в них спасения от своего же безумия.

В Софии С.Н. Булгаков увидел христианское спасение жизни от пустоты экономизма и атеизма. В его учении религия, философия, наука, искусство становятся полноценными субъектами соборной Со-

¹ Это софийное зерно детская душа С.Н. Булгакова восприняла в храме г. Ливны, где он родился. «Здесь, в Софийном храме Успения, — писал он, — я родился и определился как читатель Софии, Премудрости Божией, как читатель преп. Сергия в Его простоте и смирении, соединенной с горением и дерзновением, в его народолюбии и социальном покаянии, и здесь я определился как русский, сын своего народа и своей матери — русской земли, которую научился чувствовать и любить на этой горке преп. Сергия и на этом тихом смиренномудром кладбище» [2, 15].

фии, в которой С.Н. Булгаков узнал Сфинкса человечества, ведущего отчаянную войну со смертью. Да и сам С.Н. Булгаков остается поныне русским апостолом и Сфинксом истины-правды². Поэтому не нужно отдавать на откуп гностицизму и оккультизму софийные обеты, ибо в них *неведомым нам способом неустанно присутствует в мире воля Божья*. Нужно постичь хотя бы общий смысл загадочного и чарующе влекущего феномена, сокрытого в имени Софии... Ведь София в России выступает и как созидающая, охраняющая, спасительная сила, которая воспринимается народом как таинственная реальность, логически неопределимая, но тем не менее имеющая софийно обоснованную действительность, софийный Град свой³.

Острые софиологические споры о Софии-мудрости в православном богословии начале XX в. остались во многом бесплодными⁴. Ибо тема Софии-мудрости впервые была выдвинута не С.Н. Булаковым и даже не Вл.С. Соловьевым; софиологическая традиция пронизывает всю историю⁵, не случайно став и ядром русской философии. Да и рассудок советует: если ключи к высшим смыслам веры, жизни, человека даны не в Софии — Премудрости Божией, то где же их искать? Не в безумии же и не в математике? Или же в ядерной физике и в клонировании их искать?

Именно в Софии-мудрости Великая Традиция видела выходы из тупиков жизни и власти. Нет проблем, решения которых не ведала бы Василиса Премудрая, знающая языки всех стихий и обитателей универсума. А С.Н. Булгаков, создавший наиболее полный портрет Со-

² После кончины С.Н. Булгакова 13 июня 1944 г. митрополит Евлогий (Георгиевский) сказал в надгробном слове: «Ты был истинным христианским мудрецом, учителем жизни, поучавшим не словом только, но и всем житием своим, в котором — дерзаю сказать — ты был апостолом» [2, 179]. А сколько этому апостолу пришлось претерпеть за «свою» софийность! В каких только грехах его ни обвиняют и поныне!

³ Так, Екатерина II осуществляла все государственные проекты, руководствуясь именно софийной идеологией, которой она доверяла вместе с создателями храмов Софии Премудрости Божьей в России.

⁴ И вот, что важно, вот что упускают из виду все критики софиологии. Не человек находит Софию, мыслит софийными идеями, создает софийное видение мира. Вернее, не только человек! Сама София находит своих избранных, посвящая их в таинства целостного понимания сущего. И посвященных Софии никто, никак, никогда и ни в чем не переубедит. Их нужно слушать, а затем в их словах искать недостающие нам звенья понимания. А их ошибки рухнут сами без всякой критики.

⁵ В книге Н.А. Вагановой дан обзор богатейших софийных сокровищ мировой культуры; и эти сокровища ждут своего преображения в осознанные идеи философии, наук, искусства и практики.

фии-мудрости, услышал в ней и весть о Втором Пришествии Спасителя. Величайший подвиг и благоразумие русской философии, особенно — С.Н. Булгакова, сказались в том, что они обратились именно к этому первоисточку всех смыслов — человеческих, сакральных, хозяйственных, домостроительных. С.Н. Булгаков создал новую — софийную — философию, живущую постоянным обменом смыслами между религией, искусством, наукой, хозяйствованием⁶, служением России. Мифологема, теологема, философема мысли обогатились еще софиологемами и софиократией мудрости⁷.

Термин «софия», слово-Имя «София» (греч. σοφία — мастерство, знание, мудрость) выступает прямо-таки как неведомый вселенский храм смыслов — небесных, земных, человеческих, инфернальных,

⁶ Ю.М. Осипов справедливо напоминает, что «философия хозяйства, вслед за Булгаковым, относится к Софии Премудрости Божией и как к феномену хозяйственному — сначала как к замыслу Божию, вполне и хозяйственному, затем как к воплощенной в мире, природе и человеке, его хозяйстве, идеальности Божией, наконец, как дару Божьему, нисходящему постоянно на мир, природу, человека, его хозяйство» [4, 9]. В хозяйстве есть начала софийного познания, а познание — вид софийного хозяйствования.

⁷ В софиологии речь-то идет о том, каким образом, посредством чего Бог, силы ангельские действуют в мире. А поскольку в Творце нет целей и средств, а есть замыслы и их воплощения, то софийность есть проблемное поле, на котором можно вести христианские дискуссии, к которым призывал ап. Павел: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11, 19).

С.С. Хоружий уже сегодня ставит два креста на этой проблеме: «В целом же, сегодня уже можно считать сложившимся определенный consensus, согласно которому для Софии как самостоятельного начала нет места ни в тринитарном, ни в христологическом учении Церкви, но нет и таких проблем, которые для своего разрешения с необходимостью нуждались бы в этом начале» [5, 84]. Есть такая проблема! Как, посредством чего Бог творит, воздействует на мир? Как, посредством чего Христос воздействует на людей?

Следуя подобной логике, можно дойти до точки и сидеть в ней, не рыпаясь, хотя проблема софийности и там не оставит в покое: ведь точка — наименее проблемная штука, которая, не имея ничего, все имеет. Проще сказать, что Христос — это все, и потому вообще больше не о чем размышлять. Да и Христос, если пройти эту логику до конца, тоже окажется не нужным — вот сколько людей в мире обходятся без него.

Но С.Н. Булгаков с галилеевским упрямством все же не отрекся от заветов софийных. Ибо он знал, что все аргументы против Софии целят на деле именно в Христа, а все доводы за Софию служат во славу Спасителя. Если София есть Премудрость Божья, ставшая богочеловеческой силой Спасителя, то что именно в этих сакральных мыслях не соответствует истине? Премудрость неисчерпаема, а все пути ее связывают землю и небо. Что же здесь критиковать? Размышлять нужно, чтобы видеть эти пути.

открывая перед непредвзятым исследователем новый мир необычных и в то же время близких, укорененных в глубинах человека смыслов. Софийность пронизывает собой все бытовые и государственные события, весь мир текстов, культуры и религии, искусства и природной жизни древлян.

Поэтому начинать разговор о любых вещах нужно с Софии, ибо вначале было Слово, и не просто Слово, а Слово Софийное и Премудрое, Слово-Художник Домов и домиков Божьих, Слово-Хозяин миров жизненных, Слово-Мастер дел человеческих, Слово Творимое, Несотворимое и Творящее, Слово-София и Слово с Софией; и если Слово-София стало миром, человеком, то София-Слово стала загадкой, тайной мысли, ума, сознания, души и языка сынов человеческих. И в то же время их разгадкой, ибо при встрече с Софией, даже в одном стремлении к ней все вопросы становятся на путь ответов. Ибо человек не может отвечать на вопросы просто потому, что он сам по себе является безответным вопросом и неразрешимой проблемой земной жизни, что доказал Сократ своей гибелью. А ответы дает только вечность, о чем говорит сам корнеслов «от-веч-ать», сам смысл ответа как акции и реакции вечности на боль незакрывшихся ран ее же страдающих сыновей, дочерей. А исцеляет их раны София-мудрость, для которой нет бессознательных бездн, незнания и мрака. Даже вопросы о посмертной участи людей становятся в ней ответами. «Блажен человек, который слушает меня, бодрствуя каждый день у ворот моих и стоя на страже у дверей моих. Потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа. А согрешающий против меня наносит вред душе своей. Все ненавидящие меня любят смерть» (Прит. 8, 34—36)⁸. Люди ставят мнимые проблемы, не видя того, что они сами суть проблемы, разрешимые лишь в суетных словесах. Да и не они ставят проблемы, а сами проблемы выставляют на аукцион Преисподней их «обаянные» головы.

София! Странное, таинственное, чарующее, сладкопевное Слово, притягивающее своей благодатной силой! Простой обзор его смыслового универсума ведет к пониманию мира, своего призвания в этот мир.

⁸ А.Ф. Лосев так охарактеризовал художественный автопортрет миротворной Софии: «И поскольку эта София объявлена выше, глубже и первичнее всякого бытия, то такая София, очевидно, понимается либо как сам бог, либо как его максимально существенная функция» [6, 283]. А если без «либо»? «Функция» не может быть богом, а Бог — «функцией»? Каков же тогда статус богочастицы-Софии?

София-мудрость выражает и оформляет свои смыслы в мифологии, в фольклоре, в языческих мистериях, в иудейской, христианской сакральности, в иконописи, в храмостроительстве, в православной литургии, в искусстве, в литературе, в философии, в софиократии, в хозяйстве, в природных творениях. София-мудрость заявляет о себе в формах субстанции, знания, духа, субъекта, личности, персонажа; она в центре Св. Троицы и в каждой ее ипостаси, представляя Троицу как миротворное бытие, выступая как творящая сила сознания, ума, языка и души. София — начало, проявляющее свои священные художественные дарования в небесных, природных, человеческих, идеальных, символических мирах, охраняя их от тлетворных сил, от всех миазмов inferнальных, от за-над-ного мертвящего дыхания. София-мудрость везде и во всем; поэтому доступное человеку разумение возможно лишь на основе, посредством и в контексте Софии Премудрости Божией. Анаграмма обнаружит в «Софии» даже «Иосиф-а», опекающего Россию как единую общесакральную собственность, упорядоченную единым хозяйственным планом!

София, мудрость извечная, человеческая и Премудрость Божия во всех культурах мира воспринимается как мать умений людей, особенно — как искусство человека сохранять себя именно в качестве человека. Тяга, влечение к Софии-мудрости как неведомому Абсолюту генерирует и поныне огромную и непостижимую смысловую энергию. Тайны софийные нас опекают, духи софийные нас берегут, смыслы софийные нас просветляют, правду софийную нам отдают. Парадоксальную апофатику Софии-мудрости оглашает русский фольклор: «Пойди туда — не зная куда, принеси то — не зная что». И разгадкой этой тайны является разум; причем не как безличная рациональность, а как некое анонимное существо, выстраивающее храм жизни. А в отрыве от своего Владыки разум идет, не зная куда, открывает, несет в себе, на себя, от себя, не зная что. Разум сам по себе не может определить цели свои и свое назначение. И мудрость без Бога, природы, праведности становится не премудростью, а безумностью. В софии (Софии) представлен феномен всезнания, всепонимания, феномен *сущего ума*, постигающего Первопричину и конечные следствия, угрозы деяний людей, роль человека в планах Провидения.

София-мудрость питает своими энергиями духовные и практические поиски человеком сакрально-мирской меры своего бытия, в котором будет царить единая воля — как на небе, так и на земле. Особо загадочно то, что в Византии и на Руси сложилась богатая традиция иконописи и храмового зодчества, которые прямо-таки посвящены Софии как священному лицу. Митрополит Илларион описывает крещение Руси как приход Софии Премудрости Божьей. В Ярославле, в

Новгороде, в Костроме, в Киеве стоят храмы Софии. В росписи Костромского Успенского собора вокруг Св. Троицы размещается еще одна троица, образуемая Софией, церковью и Богородицей. Архитектура и икона по своей природе не приемлют неправды. Что именно сказали наши религиозно образованные, и глубоко религиозно свободные, умелые предки этим видением Софии в качестве отдельного лица, которое не является Ипостасью и ангелом, но и не сливается с Церковью, с Богородицей, хотя и не отделяется от них [6, 390]? О чем говорит нам Киевская Русь именно языком Софии?

Софиология в силу своего вселенского смысла и универсальной мифопоэтической, сакральной и жизненной укорененности выступает как форма вечной метафизики, которая реализуется в религии, в богословии, в иконописи, в храмостроительстве, в искусстве, в интеллектуальной, политической, хозяйственной и экзистенциальной жизни людей.

Мифы были первыми хранителями мудрости⁹. Само корнесловие термина «софия» («мудрость») означало в древнегреческой культуре *мастерство, умение* создавать полезные и красивые вещи обихода, понимать их *устройства*. Эту мудрость древние прямо связывают с «искусством» и «ремеслом». Мудрость — это *умение править* колесницами, судами, войсками, царствами, *умение властвовать* над людьми. Мудрость — это *умение врачевать*, умение пользоваться своим телом в состязаниях и на войне. Далее, мудрость есть умение видеть, созерцать гармонии и целое раньше частей. Особо ценилась мудрость как умение создавать семью и дом. Видом мудрости, «софии», является и умение пользоваться умом — индивидуальным и космическим. Мудрость — это живое единство целетворных, познавательных, духовно-практических, управленческих умений самой жизни. Далее, мудрость рассматривалась как субстанция мира, ибо все природные, искусственные, чувственные, числовые, образные формы создает некая смысловая сила, правящая самим творчеством. София есть миротворная сила, действующая посредством творящего, ремесленного, семейного, правящего хозяйствования в телесно-пластических формах; это — умение внедрять формы в материал, оформлять хаос, упорядо-

⁹ Мы отвлекаемся от очень важной гипотезы Ф. Бэкона о том, что мифы только для нас являются изначальным знанием, а сами по себе они суть останки некоей нам неведомой и недостижимой традиции. Для Ф. Бэкона мифы как будто «стоят вне времени и являются не созданием самих поэтов, а чем-то вроде священных реликвий, дыханием лучших времен, проникшим в поэзию древних греков из преданий еще более древних народов» [7, 231].

чивать множества, разыскивать во всем священную меру, истину и благо.

Откуда в человеке эта универсальность, эти творческие, созидательные силы? Откуда в человеке эта *страшная масса всевозможных умений*? Он сам не знает, что он умеет и что он может сотворить в мире и с миром, в себе и с собой. Он идет упрямо своим самостоятельным путем, полностью не доверяя ни богам, ни героям, ни демонам, даже — свободе! Куда он идет? Кто руководит всеми его инициативами?

Но если есть умения, мастерство в различных деяниях людей, то нужно признать, что эти умения и мастерство в более совершенных формах проявляются и в отношении Космоса как целого. Сделав еще шаг, мы приходим к неизбежному выводу, что есть существо, которое уже владеет высшим совершенством в любом умении и мастерстве. И это существо — София. *Без Софии-мудрости не понять самые важные реалии бытия! Ибо лишь она одна соизмерима и с совершенством Творца и с несовершенством творения, выражая их общие связующие смыслы и символы!*

И философия как любовь к мудрости, знанию, тоже была элементом первичного жизнехозяйствования, вырабатывая и совершенствуя умения видеть, созерцать умом невидимые элементы, превращать эти созерцания и умозрения в знания. Мудрость есть знание о знании, всезнание и всепонимание. И если есть люди немудрые, малознающие, если есть люди многознающие, если есть люди умные и сведущие в делах мудрости, то из этого неизбежно следует, что есть, должно быть существо, которое все знает и понимает, которое обладает полной и совершенной мудростью. И мудрость эта воплощена в Боге. А поскольку в Боге все живое, а неживого в нем нет, то и мудрость в нем тоже олицетворяется, становясь живым существом. Внутренняя эволюция мудрости как высшего человеческого качества постепенно приводит к осознанию ее в качестве божества. Олицетворением мудрости становится Афина Паллада — многодаровитая мать всех умений, художеств, искусств и мастерства людей; особо она опекает и защищает гражданские блага, которыми устроятся дома, города. Носителем мудрости во всех мифах выступает дева, наставляющая умным делам и обрядам мужей многоопытных, но не мудрых. Афина рождается из головы Зевса сразу взрослой, вооруженной и обладающей всей полнотой власти над хаосом, ложью, обманом. Афина — парадоксальное существо даже среди богов, выступающая как *дева, дочь, мать и хозяйка*, как исполнительница воли и замыслов Зевса, создающая орудия обихода, устои семьи, городов, царств и мироздания. Уже изначально слово «софия» (мудрость) выполняло творческую, гармонизи-

рующую, посредническую роль, соединяя в себе смыслы земных и небесных, человеческих и божественных («олимпийских») реалий, деяний. Но в древней культуре мудрость обожествляется, но сама лицом не является.

В полной мере сущность, роль, назначение и деяния феномена Софии-мудрости раскрылись только в христианстве, став его Софией Премудростью Божьей. Мистическая сущность Софии означает как открытость творений Творцу, так и благодатную милость Творца своим созданиям. София говорит, что мы не брошены Богом, но мы не должны быть иждивенцами Его, а должны доказать свою сакральность посредством мудрости. Благодаря Софии, совершенство не мы имеем, не нам присуще, а совершенство нас имеет, мы ему присущи.

София — многоумелая помощница и хозяйка Творца. София представляет пассивное знание-начало, в котором и посредством которого Бог творит небо и землю. Дом — главный символ и принцип библейской Премудрости, через которую идет самораскрытие трансцендентности Бога в Доме природы, в Доме народа, в Доме семьи, в Доме души и ума, в Доме личности человека, в Доме знания. Символ Дома выражает дух согласия и мира, сплывающий людей в малые и большие общности, в царства. И лик Премудрости не растворяется в Христе, в Св. Троице, сохраняя всегда открытыми ворота между трансцендентным бытием Святого и земными реалиями жизни. Образ и лик Софии Премудрости открыт во всех направлениях, неся просветление, просвещение, осмысленность всему существующему. С.С. Аверинцев видит в Софии и теократический принцип. Поэтому главный храм христианского мира был освящен 12 декабря 537 г. в Византии именем Софии. «Благоверное царство и благочестивая ученость — вот две равновеликие формы проявления Софии в мире людей» [9, 569]. София вновь напоминает нам о союзе власти и мудрости, преодолевая метафизическое сиротство, метафизический изоляционизм людей, давая им полноценными гражданами мира Духа и культуры, давая им понимание низшего и открывая их для благодати небес¹⁰.

София есть ключ к Тайне самих тайн: тайна раскрывается в Слове, Слово — в Боге, Бог — в мире и в человеке, человек — в богочеловеке. София роднит людей и поднимает их на уровень богородства (Па-

¹⁰ «Реальность, которую можно назвать софийной в наиболее точном смысле этого слова, т. е. ни чисто Божественная, ни чисто человеческая, ни Трансцендентность, ни имманентность сами по себе, но, если воспользоваться высказыванием великого английского поэта Уильяма Блейка, “божественный человеческий образ”...» [9, 545]. Тайна предшествует всему, завершает все, раскрывая себя в человеке, который становится основным хранителем тайны.

вел. Деян. 17, 28). Божественные имена несут в себе софийные смыслы, хранят в себе замыслы провидения, служат ключом ко всем остальным словам и языкам. Все слова — софийные имена Бога. София представляет *особый, «третий», мир*, в котором трансцендентное воздействует своими энергиями на земное, идеальное преобразует материю своими ценностями, в котором земное стремится своими смыслами приобщиться к небесному, а материя — стать сакрально значимой реальностью. В Софии субстанциальность знания, идеальных смыслов достигает уровня субъекта, личности, предпочитая во всех культурах женщину, Деву. В иудаизме и в христианстве мудрость становится личностью, говорящей, поучающей, вразумляющей — Софией.

Этот третий мир софийной мудрости необходим даже для существования веры, являясь ее основанием. Ведь не только человек верует, но и бесы веруют и трепещут. А человеку присуща софийная вера, пронизанная пониманием того, что сознание, ум и язык суть небесные дары, соединяющие людей с Богом вопреки даже их губительному своеволию. Чем дальше Бог, тем большая нужда в понимании, тем острее потребность в милосердии и спасении. Требуется некая особая реалья, в которой проявляются, действуют имманентные силы Бога, в которой возможны трансцендентные прорывы, выходы человека за пределы своей смертной доли. Сам Бог невидим, а говорит, проявляется действует посредством Славы, Силы Своей, через ангелов. Необходимо некое привилегированное творение, существующее вместе с Богом до создания мира и служащее органом, который и сотворен, и сам творит, и наделяет творческими способностями все свои создания. И творящие силы Бога выражает София, в которой сверхъестественный Бог действует естественным способом, а ум, сознание, душа и язык человека могут действовать по логике спасительной надежды, которая прорывается к нам из трансцендентных миров.

София неотделима от божественной мощи, но она и не сливается с ней; она безлична и в то же время это особая личность, Дева Небесная, Хозяйка, Художница Бога; она открывает во всем существующем промысел Господа и в то же время побуждает все создания стремиться к познанию, «ословесниванию» своего бытия; она как образ не отделима от своего прообраза, но и не сливается с ним, обладая всей полнотой полномочий в отношении творений, будучи зависимой от Творца. София Премудрость Божия — оригинал и образ, тайная встреча Бога и творения еще до создания мира, в созданном мире и в мире, который создают Его творения.

Поэтому «начало Премудрости — страх Господень» (Пс. 111, 10; Притч. 1, 7; 9, 10). Почему именно страх? А потому что контакт неба и земли молнии подобен, это — страшное место и страшное событие,

радикально изменяющие жизнь, обретшую опыт встречи с молнией. София преобразует страх и опасность встречи с Господом в особое, откровенческое знание, которое становится источником других знаний и умений людей. Это софийное знание предстает как несокрушимый Авторитет, как тайный Приказ и как внутренний Долг человека. И страх Божий вызывает не данный мир, не трансцендентность, а проникновение высшего мира в низший, Первообраза, оригинала — в мир его копий и образов, мнящих себя единственной реальностью. Этот страх открывает в человеке врата для вхождения в него мудрости, исцеляющей от губительных знаний мира сего.

София-мудрость представляет уникальный тип сакрального рационализма и христианского интеллектуализма (умославия), давая развернутое понимание соотношений «ума — разума — рассудка» — важнейших и определяющих категорий философии. В отличие от обыденного ума, софийный ум ограждает людей не только от безумств повседневной жизни и науки, но и указывает пути спасения от греха. София постоянно и везде взывает града небесного, несет в себе оригиналы всех вещей, слов, мыслей, желаний. Поэтому и гностики не называли свое учение философией, предпочитая многоликую Софию-мудрость.

Согласно преданию, термин «философия» (любовь к мудрости, любомудрие) ввел Пифагор. Но смысл этого термина остается и поныне нераскрытой и неосознанной тайной познания, рефлексии, разума.

Во-первых, Пифагор полагал, что даже самые великие умы могут лишь любить мудрость, дожидаясь ее отклика-откровения в своей жизни; не оглашать ее смыслы, а испытывать, исследовать свою пригодность к пониманию ее. Тем самым Пифагор впустил Эрос в самую суть познания, а познание — в сердце Эроса. Эрос стал силой познания, проникающий в суть истин, недоступных существу без любви, а познание стало внутренним зрением любви, видящей истины, недоступные чистому разуму Канта нечистого. Любовь стала высшим познанием мудрости, а сама мудрость — деянием подлинной любви. И это понимание философии не осталась у Пифагора декларацией или манифестом философской партии мира, а стало особым микрокосмосом реальной и крайне необычной даже для греков духовно-практической жизни, устроенной именно философией.

Пифагор и безмерно преданные ему ученики создали школу-общину, некий орден, живущий по заветам философии. Умеренный спорт рассматривался как философское орудие сохранения здорового тела. Вегетарианство культивировалось как философская диета, очищающая душу человека от общения со смертью в виде убитых животных. Утренние и вечерние распевания религиозных гимнов, молитвы и музыка служили философскими средствами очищения души от суеты

и возвращения ее к общению с богами (Богом). Математика служила философским средством восстановления ума, загрязненного и притупленного работами на службе у корысти; занимаясь изысканиями практически бесполезных гармоний, теорем и смыслов чисел, фигур, ум восстанавливает свою первоначальную силу и целостность. Человеческое общежитие философия очищает посредством идеи справедливости и устраивает на основе дружбы как высшего блага. Изучение философии готовит людей к семейной жизни, а семья выступает как философская форма возвращения нравственности и благочестия, как защита от полового безумия. Школа служит основным философским инструментом очищения, исправления государства и власти, ибо в школе правители и граждане приучаются повиноваться своему общему властителю — мудрости и ее учителям. Собственность ордена сочетала в себе общие и частные элементы: члены ордена могли отдать в общее пользование всю свою собственность или только часть, или вовсе ничего не вносить в общий котел; никаких привилегий и ограничений прав собственность не давала. Школа Пифагора представляла собой уникальную коммуну, в которой превыше всего ценился культ целостного развитого человека, свободно живущего по заветам мудрости богов, готового добровольно в любой миг принести себя в жертву во благо отечества и своих друзей. И хотя для приема в школу Пифагора нужно было пройти непростые испытания, такая простая, но насыщенная тайными смыслами жизнь влекла в орден Пифагора массу людей. Власти Кротона косо смотрели на этот новый источник власти, набирающий силу не по дням, а по часам. Терпение отцов города кончилось, когда в школу Пифагора пошли дети олигархов, променяв богатство на праведную жизнь. И мэр Кротона велел ночью тайком сжечь школу вместе с ее учителями и учениками. Но вместе с пеплом по миру разнеслась и метасофия праведного общества. Легенда гласит, что Пифагора спасли, спрятали, орден стал нелегальным и живет поныне в традициях математических сообществ.

Школа-община Пифагора — это не только познание, но и духовно-практический образ праведной жизни, живой организм ее бытия. Почти все древние философы не просто размышляли, но и превращали свои знания в школы-общины. Платон и неоплатоники пытались даже превратить философию в государство! Таковой была первая мудрость, София, действующая в облике Афины Паллады, первых мудрецов Эллады, первых ее философов, первых творцов быта людского. Вход в философию возможен только через коммунистические ячейки жизни, а не через чистые «штудии» философских текстов. В средневековой культуре вход в философию был возможен через Церковь и универси-

теты. А философия в отрыве от своей софийной почвы неизбежно завершится научным атеизмом насилия и секса.

В последующей истории дух отрицания (разложения!) раздробил философский организм на части, превратив философию в чистое познание. Но русская философия помнила: София-мудрость имеет собственные смыслы, права и без философии. Русская мысль искала пути, формы, способы действия Бога в земных реалиях, пыталась оправдать творчество, культивирующее в людях радостное ожидание встречи с тайной промысла, устремлено к его планам, работает над ними. *Русская мысль искала переходы от противоречий инфернальной диалектики к единоречиям сакральной триалектики!* От двуединого богочеловеческого Христа к единой христовой сущности вместе с преображенным человечеством! Христос стал богочеловеком только для спасения человечества; после завершения своей трансцендентной миссии он возвратится в Отчий Дом Троицы. Она искала смысл Царства Божьего как особого рода власти именно в софиократии.

Странно, но из термина «философия» христианство, сознание Византии и Руси приняло только «софию», признав ее высшей священной ценностью, Софией Премудростью Божьей, Девой Небесной, мастерицей и художницей, вечной радостью Его, исполнителем всех его творческих замыслов и миротворных проектов. И хотя София сотворена, но не в мире и с миром, а до мира в покоях Св. Троицы; но и погибающих София не покинула, добровольно разделив с ними их горестную участь.

София — это не только сакральное лицо и божественная сила, не только священная ценность всех религий мира, но в ней действует и какая-то смысловая прареальность Бога, обозревающего своим умозрением грядущее творение как целое. И вся полнота благодати этой прареальности (отдающей себя миру, ничего не требуя взамен!) не постигается логикой, суетным прозословием; эта полнота выражается священным безмолвием¹¹ икон, храмов, умозрительных символов России, софийной метафизикой¹². Это софийное празнание лежит в основе искусств, наук и религий как их единый творящий дух, названный

¹¹ Но это не пифагорейское молчание, призванное излечить человека от рассеянности и научить слушать учителей; это и не молчание суфиев, полагающих, что слова лишь кощунственно оскорбляют внесловесную суть Бога. Это прамолчание России, создающее и хранящее ее разящие, смысловые, глаголы, ее макросимволы благословенной и благодатной Софии, хранятся в Слове. Но в Слове первозданном, доступном лишь чистым и сильным духом натурам, которые избирает для своего откровения сама София.

¹² «Дух дышит, где хочет» (Иоан. 3, 8). Мудрость — это знания, которые дышат лишь там, где хотят!

Традицией «Sophia Perennis», «Вечной мудростью», ибо в нем *знающий, знаемое и знание* даны в нераздельном и в неслиянном братстве правды бессмертной, воплощая в себе строгость математическую, кротость моральную, и свободу музыкальную.

На Юге гностики почитали Софию в качестве Логоса как внутреннего закона вещей, которые могут спасти себя в качестве знания. На Востоке Софию почитали как невысказываемую мудрость Бога, не имеющего во всем мире достойного выражения. На Западе Софию почитали как разум, рацию, способный создать свой искусственный технологический и финансовый мир. Россия почитала Софию как сокровенное и самоценное Слово мудрости Бога, ставшее софийной метафизикой и Россией.

Софию нельзя определить логически, ибо она сама предопределяет логику и философию. Нам не дано выйти за пределы Софии, мы не можем мыслить вне и без Софии. София по доброй воле искупает грехопадение вместе с тварью, пробуждая в людях смыслы, которые побуждают их к жертвенному служению миру, осуществляя в нем древнейшее арийское богославие Белой Даме. Но София не бессильная любовь к мудрости, а сама творящая мудрость. София не нуждается в философии, а вот философии без нее некого любить и незачем быть.

Софиократия как идея, сущность и форма власти вытекает из христианства, которое выступает не только как вера, но и как мудрость. Это знание, которое искало и нашло людей, владеет ими. В научных знаниях человек наряду с желаемым получает и нежелаемое, которое отрицает желаемое, загоняя человека в тупики абсурда и суицида. Например, техника — ее последствия — контртехника — контрпоследствия — гибель природы и жизни в горах мусора. А софийное познание завершается чистотой души, помыслов и природы, ибо оно целостное. Софиократия — это власть Троицы, а не диалектики. В софиократии общественная и частная собственность, инициатива и план нераздельны, но и неслиянны.

Софийная метафизика соединяет философию с религией, содействуя апокалипсическим различениям зерна и плевел в глубинах сознания, ума, души и языка. Она возвращает человека в мир оригиналов, прообразов, выявляя и поражая все виды симулякров. Сама Россия родилась из софийной реальности. И русская философия связана не с логосом, это — ее подчиненный аспект, а с Софией. Святая Русь — молчальница, хранящая в имени своем сакральное слово, не подлежащее всеобщему разглашению и утилитарному использованию. И это Неизвестное, Запредельное сказывается, намекает о себе в *софийных измерениях* русского мира.

Булгаков осознал ограниченность логосного, технического разума Европы и ее философии; но он не восполнял эту ограниченность алогизмом в духе Шопенгауэра и Ницше, а нашел исходную цельность и полноту разума именно в Софии Премудрости Божией, признающей и сохраняющей в себе малейшие проявления рации-логосных свойств человека и мира. София представляет «третий путь», путь Троицы («То царь»), выводящий из тупиков диалектики с ее кровавыми единствами борьбы и противоречий на сакральный путь единоречий и триалектики, на путь, сакрально одобряемый и поддерживаемый небесной благодатью.

Изначально, до греховной катастрофы¹³, познание было софийным и софиологическим. Поэтому София представляет единственный путь, единственную альтернативу всем противоборствующим альтернативам мысли — идеализму, материализму, диалектике, скептицизму, релятивизму, агностицизму, модернизму, догматизму, капитализму, социализму, либерализму, тоталитаризму и прочим «-измам»¹⁴, мироустроительный сакральный проект Софии-мудрости всегда остается открытым для новых смыслов, интеллектуальных дерзаний, инициатив истины, закрывая путь всем спекуляциям и переинтерпретациям очень убедительным способом.

Софийное познание есть *преображение* познающего, познаваемого, самого знания в духовную личность. Чисто научное познание — это внешнее к предмету и человеку деяние, даже если он при этом активно вовлечен в преобразование всего и вся. Человек может познавать, может не познавать, может познавать так или иначе, но у него нет внутренних обязанностей перед предметом и самим собой, кроме внешнего интереса, как лучше использовать предмет в своих целях. А потому преобразование здесь уместней было бы назвать превращением и разрушением.

Познание как преобразование должно стать и внутренним изменением самого познающего субъекта, иначе предмет останется закрытым для человека. В преобразении образы и подобию людей и вещей постоянно возвращаются к своим прообразам и оригиналам, измеряются ими, определяют ими свое бытие. Так происходят софийное постижение и софийное посвящение в знание. Познание софийное не просто прилаживает вещи к человеческим нуждам и порокам, а содействует

¹³ Греховная катастрофа напоминает информационную войну, которая ведется электронными наркотиками. Незаметно в сознание закладываются орудия самоотрицания человека, его замены призраком, тенью. Грех — это основная вирусная программа, плодящая вирусы смерти.

¹⁴ Суффикс «-изм» выражают незрелость мысли.

восстановлению их исходного, *цело-мудренного*, здорового состояния, которое сопротивляется всяческой порче и пагубе. В софийном познании само проклятие проклинает себя, снимает запреты с познания добра и зла, ибо в нем само зло окажется лишь памятью о невероятном событии, примерно так сегодня человек воспринимает рай. В Софии «ничего не будет проклятого» (Отк. 22, 2).

София выражает тайну высшего, динамического, созидającego равновесия между идеальным и материально-вещественным; это вовсе не означает равноценности этих полюсов, а подчиненность материального своей мере, представленной идеальным миром сознания, языка и мысли. Смысл этой меры и динамизм ее равновесий находятся за пределами наук, искусства, ибо они связаны с христианской метафизикой воплощения трансцендентного в имманентном, с тайной материнства и всяческого произрастания. София мистически обозначает, выражает благое, созидающее воздействие идеального на материальное, преобразование материального энергиями, целями и смыслами идеального. В то же время София служит творческим медиатором, трансформирующим провиденциальные воздействия вечности в реально земные и предметные формы человеческих призваний и творческих порывов, храня в себе прообразы всех людских умений. София никогда и ни с кем не враждует, примиряя и умеряя диалектически неразрешимые противоречия в составе и по аналогии Св. Троицы, преобразуя диалектические антагонизмы в триалектические согласия любви, жертвуя даже своей таинственной личностью и небесной репутацией. София преодолевает как онтологическую отчужденность творения от Творца, так и антропологическое тождество человека с творением и с Творцом, устанавливая их смысловую слитность и материальную неслиянность. В Софии и посредством Софии Бог воздействует на все и присутствует во всем, а все многообразии творений через Софию имеет возможность приобщаться к своей Первопричине, использовать ее идеальные (информационные?) ресурсы. В Софии непроходимая граница имманентного и трансцендентного, видимого и невидимого открывается благодаря боговоплощению. Реальность, соответствующая своему закону, находится в софийных пределах между физическим и метафизическим, естественным и сверхъестественным. Софийность возвещает об этих пределах, устанавливает их, осуществляет их в сфере творений и человека. С.Н. Булгаков доказал, что возникновение, смысл, содержание, дела и судьбы философии и России обусловлены тайной миссией Софии-мудрости, исполняющей провиденциальную волю Творца.

Литература

1. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
2. Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Париж, 1991.
3. Ваганова Н.А. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. М., 2010.
4. Осипов Ю.М. Философия хозяйства как особое знание-размышление // Философия хозяйства. 2009. № 1.
5. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 2. М., 2000.
7. Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1972.
8. Аверинцев С.С. София — Логос. Словарь. Киев, 2006.

М.А. РУМЯНЦЕВ

Смыслы в философии хозяйства

Уток, вышитых на ковре, можно
показать другим.

Но игла, которой их вышивали,
бесследно ушла из вышивки.

Китайская мудрость

Аннотация. Проблема смыслов рассматривается как одна из ключевых проблем философии хозяйства. Внимание уделено незнаковым смыслам, в контексте которых определена философско-хозяйственная процедура осмысления реальности. Исследованы смысловые парадигмы хозяйства и их энергийный аспект. Представлена панорама идеальных движущих сил хозяйственного развития.

Ключевые слова: смыслы, хозяйство, философия хозяйства, парадигма, идеальное, энергии, движущие силы.

Abstract. The problem of senses is regarded as one of the key problems of philosophy of economy. Attention is paid to non-sign sense in the context of which is determined by philosophical and economic procedure of comprehending reality. The semantic paradigm of management and their energetic aspect are investigated. The article represents an ideal view of the driving forces of economic development.

Keywords: senses, economy, philosophy of economy, paradigm, ideal, energies, driving forces.

1. Незнаковые смыслы. Поле актуализации философии хозяйства представляет собой пространство всех жизненных смыслов человека, от сакральных до рационально-экономических, от рафинированных культурных изысков и научных озарений — до смыслов рутинных и повседневных, обыденных, практических. В основе всего многообразия смыслов лежит духовно-хозяйственный опыт взаимодействия человека и бытия, который является условием познания мира и раскрытия, самоутверждения личности. Один из модусов этого опыта — знаковый, чувственно-вербальный, проговоренный и осмысленный в слове нам хорошо известен. Если язык, знак и текст онтологически первичны, тогда человеческий опыт мыслится исключительно в знаковой форме, а сфера сказанного, записанного, артикулированного расширяется до границ всего человеческого и оказывается безальтернативным чувственно постижимым бытием.

А если нет? Каждому из нас знакомо состояние, когда мы представляем то, о чем хотим сказать, а слово ускользает от нас, когда смысл перед нами, а его знаковой формы нет. Знакомо нам порой и чудо понимания, когда ошеломляюще неожиданно из разрозненных фактов, научно-экономических категорий и собственных безуспешных размышлений рождается стройное и ясное видение хозяйственной реальности. Причем в самих по себе фактах и научных категориях возможности познания или синтетического мышления просто нет. Стремление к преодолению эмпирии самотождественного существования — устремленность к сверх- и надэмпирическому — образует качественный, сущностный признак человека. Человек отличается от животных как раз стремлением к преодолению частичного, натурального, самотождественного в своих духовных и трудовых практиках. Преодоление тождества объекта деятельности самому себе ($A=A$) и составляет сущность любой человеческой деятельности. Даже простое соединение материальных и духовных ресурсов в хозяйстве есть чудо, так как в итоге мы получаем результат, который никак не содержался в этих ресурсах самих по себе ($A>A$). В хозяйстве мы преодолеваем как собственную ограниченность, так и ограниченность мира вещей.

И именно в таких ситуациях мы ощущаем незнаковые смыслы реальности. Стало быть, помимо знакового, словоцентричного смысла существует смысл незнаковый, внеположенный миру знаков, сказанных слов и написанных текстов.

Незнаковые смыслы онтологически предшествуют образованию вербальных форм, позволяют воспринимать мир во всей его полноте и истинности. Истина не может быть доказана, вербализирована, «предъявлена» публике. Истина не тиражируема, не квантифицируема, не имеет границ — она ничем не ограничена. Смысл не удостоверяется

нашими словами и не маркируется текстом, он находится *за границей слов*. Постигая смысл, человек вступает в разговор с Богом: «бездна бездну призывает» (Пс. 41, 8). Но этот порыв к иному, к незнакомому трансцендентному смыслу наталкивается на неизбывный предел — ограниченную и конечную природу человека. Трансцендентные смыслы запредельны только для нас, сами же смыслы не ограничены никакими пределами, они везде, здесь и там, в прошлом, будущем и настоящем. В свете сказанного, в незнакомом смысле можно увидеть эманацию ничем не ограниченного трансцендентного, пульсирующую в ограниченных пределах человеческого опыта. Человек крайне редко может прорваться к незнакомой стихии смыслов и преобразовать, переосмыслить свой ограниченный практический опыт. Эта метаморфоза всегда трагична и всегда страдательна. Но, как однажды выразился А.Ф. Лосев, «Возьми опыт в чистом виде — это же будет ад» [1, 202].

Философия хозяйства открывает способы незнакомых или предзнакового отношения к смыслам, преднаходимыми в себе, в хозяйстве и в Боге. Особенность такого способа познания можно назвать отрешенностью. В широкой панораме незнакомых смыслов практический хозяйственный опыт не существует. Философско-хозяйственное знание не рождается на почве конкретных исследований хозяйственных проблем, наши умозаключения не должны здесь исходить из реальной жизни. В дальнейшем, получив знание о незнакомой демиургии смыслов, мы задаемся целью совмещения знакового и незнакового, явного и скрытого в познании хозяйства.

2. Знаковые смыслы. Явленные или данные в вербальном мышлении смыслы обладают отчужденным от непосредственной жизни идеальным значением в качестве безусловных и необсуждаемых целей для агентов хозяйствования, иначе они не смогли бы длительное время совместно существовать и сотрудничать. Эта идеальная стихия необсуждаемых хозяйственных смыслов фиксируется и утверждается религией, философией и идеологией. Религия определяет смысловую стихию в области трансцендентного — в области сверхэмпирических, наиндивидуальных, абсолютных смыслов. Сверхразумное содержание религии фиксируется и утверждается в догматическом богословии, в котором истины веры приобретают мыслимые формы. Философское знание организует смысловую стихию опыта в качестве системы теоретического разума, утверждающей логическую необходимость или смысловую линию развития стихийных, мифологических форм идеального. Идеология организует смыслы в сфере политического, подчиняя смысловую стихию отношениям власти — подчинения и встраивая ее в Большие проекты общественного развития.

Именно религия, философия и идеология формируют смыслы — отвечают на вопрос, «ради чего» происходит развитие хозяйства, смыслы рожают внутреннюю идею хозяйственных систем, определяя в итоге их мета-цели и основное русло развития. Знаковые смыслы это сквозные (всеобщие, всеохватывающие) идеи, разрешающие основные противоречия человеческого существования [2, 7] — между жизнью и смертью, добром и злом, временем и вечностью, духовным и материальным, человеком и природой, прошлым и будущим, солидарностью и индивидуальностью. Смыслы соотносят личность человека с наиболее фундаментальными аспектами его бытия, организуя социальную стихию в систему, в исторический тип общественно-хозяйственного устройства. Смыслы — всеобщее основание для всех форм идеального в обществе, все формы и структуры идеального имеют свое основание в доминантных смыслах, в то время как смысл имеет свое основание только в себе самом. Смыслы есть нечто неизменное в многообразных идеальных формах хозяйствования, изменяющихся в ходе исторической эволюции, они образуют идеальное первооснование хозяйства в качестве источника его движения. «Всякое вообще движение, всякое событие во времени имеет свой неподвижный смысл — истину, которая его выражает» [3, 19].

Смыслы есть, прежде всего, абстрактно-всеобщие, неконкретные нормативные модели или образцы желаемого будущего, с которыми соотносятся конкретные эпифеномены идеального: ценности (значимости) социально-экономических явлений для субъекта и его цели (образы желаемого результата).

Смысловые доминанты действуют во всех резонирующих друг с другом сферах деятельности человека — в экономике, политике, культуре, идеологии и обеспечивают их единство по ценностному критерию. По-особенному преломленные смыслы порождают особые формы ценностей в каждой из сфер общества и создают типологическое единство общественно-хозяйственных структур и институтов по целевому критерию. Они утверждают отличие этого смысла и этого хозяйственного опыта от любого другого исторического смысла и хозяйственного опыта.

Экономика, следовательно, не создает свою ценностную систему — но своеобразно видоизменяет и утверждает смыслы общественного субъекта. При этом хозяйственно-экономическая инстанция является решающей в легитимизации смыслов: чтобы стать доминантой развития, они должны быть восприняты и реализованы экономикой. Перед тем как реализоваться в экономике смыслы определяют ее социальный контекст — ценности статусов и власти, преобладающий «код» значений материальных и духовных благ для потребителей, идеологию и

структуру общества. По утверждению Ж. Бодрийяра, «смысл никогда не берет начало в отношении, которое является собственно экономическим отношением, то есть отношением, рационализированным в терминах выбора и подсчета, отношением между данным а priori автономным сознательным субъектом и предметом, произведенным с рациональными целями — он начинается с различия, систематизируемого в терминах кода, а не подсчета, с различительной структуры, в которой находит основание социальное отношение» [4, 87].

Религиозно-философские и идеологические смыслы есть предценности хозяйства: всеобщие ценностные ориентиры или направления развития хозяйственных субъектов. Смыслы не столько отражают общественно-хозяйственный опыт, сколько творят его. Смыслы есть такое обобщение прошлого опыта, при котором формируется миф об этом прошлом; определяется место человека в масштабных исторических процессах и вырабатываются цели и задачи в отношении окружающей действительности. Смысловая демиургия хозяйства превращает неконкретные, всеобщие смысловые интуиции субъекта в конкретную систему экономических целей, ценностей и институтов. Назовем смысловую доминанту или определяющую смысловую линию развития хозяйства смысловой парадигмой.

«Парадигма» — это не только термин науковедения, введенный Т. Куном и означающий модель научного мышления, принятую в качестве образца решения научной задачи. Обратимся к первоначальному смыслу этого понятия. Парадигма (от греч. — пример, образец) — это понятие, которое использовалось в античной и средневековой философии для характеристики взаимовлияния духовного и реального миров. В учении об идеях Платона парадигма — это реально существующие прообразы вещей, их идеальные образы, обладающие подлинным существованием. Понимание парадигмы как духовного, идеального принципа целостной организации мироздания, взятого в единстве взаимоперехода идеи и материи, содержится в сочинениях христианских мыслителей православного Востока и католического Запада.

Смысловая парадигма придает конкретную всеобщность абстрактным идеальным смыслам, определяя характер и способ их соединения с «материей» — с общественно-хозяйственной стихией исторического процесса. Смысловая парадигма хозяйственного развития есть: а) конкретно-исторический первопринцип взаимодействия идеального и материального в хозяйстве; б) при этом определяется основная идея хозяйственного развития или нормативная модель желаемого будущего; в) которая образует целостность хозяйственных систем — смысловое единство агентов и институтов экономики; г) устанавливает превали-

рующее направление и институциональные рамки для волевых, сознательных действий в экономике.

3. Совмещение знаковой реальности и незнаковой демиургии: энергичность смыслов. Смысловая парадигма как диалектическое отношение духовного мира смыслов и хозяйственной практики, как связь между смыслом хозяйства и фактом хозяйства выражает энергичное воздействие смысловых программ человеческой деятельности на область материальных экономических объектов. Своим трудом и творчеством человек оживляет неживую природу: «Мир мертвой и косной материи разрешается в мир энергий, за которым скрываются живые силы» [5, 125]. Здесь уместно вспомнить формы-идеи Платона, Аристотеля и Фомы Аквинского, которые одухотворяли и организовывали бытие в качестве носителей трансцендентных энергий. В этом контексте вся история хозяйства есть история обмена между двумя мирами: миром духовных (смысловых) энергий и миром производства материальных благ. Речь идет об актуализации (опредмечивании в социально-экономических практиках) особых «тонких» видов энергии, источниками которых служат системы ценностей и жизненных смыслов.

На человека влияют биохимическая, солнечная, космическая, нервно-физиологическая, радиационная и другие виды энергии. Благодаря энергии осуществляется полезная деятельность, в том числе по созданию хозяйственных ценностей — продуктов труда. Для исследования хозяйства важно обнаружить его энергетический источник развития — особый вид духовной энергии, воздействующей на хозяйственную деятельность человека. Колебания уровня духовной энергии хозяйственного субъекта выражаются в изменениях напряженности труда и направленности трудовых усилий личности, в исторической динамике трудовой самоотдачи и хозяйственного творчества человека.

Знание смыслов — религиозно-мифологическое знание — и есть энергичное выражение смысла и цели человеческой деятельности, но данное лишь потенциально, в возможности. При метаморфозе знаний об абсолютном в конкретные мотивы хозяйственной практики происходит «распредмечивание» религиозно-мифологических и идеологических смыслов и «овладение» их духовной энергией.

При таком подходе история хозяйства предстает как процесс периодических «взбросов» в экономику духовной энергии, которая конвертируется в массовую энергию общественно-хозяйственных мобилизаций, в новое качество институциональной экономики — в социально-экономические сдвиги, на века определяющие развитие хозяйственных систем. Смысловая энергия формирует исторический тип хозяйственного субъекта с его ценностями и мотивациями, нормати-

вами и стереотипами, уровнем потребительской аскезы и трудовой мобилизованности. Смысловая энергия — это мера развития и мобилизованности всех агентов данного хозяйственного типа.

Разнообразные формы идеального в экономике (от институтов до ценностных ориентаций) имеют два аспекта: информационный и энергийный. Идеальное как информация — это сведения о фактах и хозяйственном опыте, идеальное как энергия — это мобилизационная сила, которая превращает информацию в систему приоритетов и ценностей, обеспечивающих высокий уровень продуктивной хозяйственной мотивации и степень трудовой самоотдачи хозяйствующего субъекта.

Напряженность разноуровневых смыслов и типов идеального генерирует своего рода «идеальное энергетическое поле» и дает нам путь к познанию природы энергии хозяйства — духовных энергийных движущих сил хозяйственного развития¹⁵.

Выход личности за грань исторического времени — стремление к сверхэмпирическому, трансцендентному знанию приобщает ее к духовным энергиям Абсолюта. Со временем духовная энергия трансформируется в хозяйственную «энергию идеального», побуждающую человека к увеличению напряженности трудовых усилий ради достижения присущих эпохе хозяйственных идеалов. Да, но что же представляет собой идеальное как таковое — в экономике и хозяйстве?

4. Проблема идеального — ключ к познанию движущих сил хозяйственного развития. Эта проблема связана с наличием разрыва между означаемым — смыслами субъекта и означаемым — смыслами экономических благ, ресурсов и их функций, данными в их собст-

¹⁵ Природа влияния духовных энергий на материальные практики была исследована философом С.С. Хоружим на примере православной традиции исихазма. Исихазм (XIV в., Византия) это учение о преобразовании личности посредством божественных энергий, возникающих на основе сотрудничества, «сотрудничества» человека с Богом — духовного созерцания и молитвенной практики. Но исихасты не только ощущали пронизанность мира божественными энергиями, они «перерабатывали» эти креативные духовные субстанции в действие, в принципы практического руководства по «обожению» человека. Исихазм, согласно С.С. Хоружему, представляет собой «духовный процесс на антропологической границе, носящий холистический характер (т. е. задействующий все уровни организации человека, физические, психические, интеллектуальные), осуществляемый сознательно и активно, и ставящий онтологически значимую цель». Исихазм открывает для человека доступ к неформализуемым, трансцендентным источникам духовной энергии: «речь идет о вхождении энергии человека в соприкосновение с такими энергиями, источник которых он не может идентифицировать, локализовать не только в себе самом, как таковом эмпирическом существе, но нигде в пределах своего существования» [6].

венном изолированном от социального контекста исторической эпохи содержании. Конкретное экономическое определение блага или ресурса зависит не только от его функциональных характеристик, но и от логики значений, вмененной ему идеальным контекстом экономической эпохи. Например, в рамках логики рыночного обмена все блага оказываются универсально заменяемыми посредством цен и денег. Тогда в их значении «нет никакого отношения ни к субъекту, ни к миру, есть лишь отношение к рынку» [4, 77]. В рамках логики статусов экономические блага определяют себя посредством символических ценностей или знаков власти, социальных различий, престижного потребления, моды и т. п. Хозяйственная практика всегда отлична от непосредственного смысла вещей и их функций: она осуществляется как практика образов, целей и смыслов, наделенных самостоятельным значением. Экономические блага в своем экономическом обороте воплощают определенные исторические модели мышления, меняющиеся в ходе общественно-хозяйственной эволюции.

В условиях капиталистической формации основные факторы производства — труд, земля и деньги — обращаются в виде товаров, вовлеченных в оборот рыночных сделок. Однако в действительности эти «принципиальные» определения труда, земли и денег, как показал К. Полань, оказываются «полнейшими фикциями». Согласно Поланью, «совершенно очевидно, что труд, земля и деньги — это отнюдь не товары, и применительно к ним постулат, гласящий, что все продаваемое и покупаемое производится для продажи, явным образом ложен». Труд — «это лишь другое название для определенной человеческой деятельности, теснейшим образом связанной с самим процессом жизни, которая в свою очередь «производится» не для продажи». Земля — «это другое название для природы, которая создается вовсе не человеком». Деньги — «просто символ покупательной стоимости, которая, как правило, вообще не производится для продажи» [7, 86—87]. Тем не менее на этих идеальных «фикциях» построены реальные рынки факторов производства. Для возникновения капиталистической институциональной модели экономики, основанной на безусловной вере в реальность фиктивных товаров, потребовался фундаментальный переворот мышления. Должен был родиться позитивистский образ мышления, санкционирующий манипуляцию естественными непродаемыми качествами природы и человека.

В процессе хозяйствования происходит идеализация реальности: рождение объективно идеальных форм мышления и сознания, действие которых по степени своей детерминации сопоставимо с действием природных закономерностей и ограничений. Идеальны цены, деньги, институты, склонности к инвестициям и потреблению, доверие к фи-

нансовым организациям — как и все прочие феномены хозяйства и экономики. Объективно идеальные или общественно значимые представления о хозяйственной реальности принудительно вменяют массам людей образ мышления и действий, формируют доминанту хозяйственного поведения, определяют ценность благ и ресурсов. Идеальное в качестве превалирующей мировоззренческой парадигмы хозяйственного развития организует экономическую реальность в «Большие» формационные и цивилизационные системы. Невидимые сдвиги в пространстве идеального оказываются глубинными причинами движения всего хозяйственного космоса. Или, если использовать выражение Ю.М. Осипова, «вот оно первичное и наиважнейшее производство, вот оно изначальное и первостепенное хозяйство — идеальное!» [8, 13].

В ракурсе познания идеальных движущих сил хозяйственной эволюции нас волнует и всегда будет волновать творчество Сергея Николаевича Булгакова. В его творчестве много полемичного и непризнанного (например, софиология). Но это не главное в его наследии. Главное — его вера, его бескомпромиссность в поиске выхода из тупика экономизма. Булгаков учит о том, что современное научное знание должно быть как можно дальше от «современности» в убого-восторженном понимании «современных “экономистов”».

Литература

1. *Бибихин В.В.* Язык философии. М., 1993.
2. *Рашковский Е.Б.* Смыслы в истории: Исследования по истории веры, познания, культуры. М., 2008.
3. *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 2000.
4. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2007.
5. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
6. *Хоружий С.С.* Очерки синергичной антропологии. М., 2005.
7. *Поланьи К.* Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002.
8. *Осипов Ю.М.* Сознание и хозяйство, и философия хозяйства тоже // Философия хозяйства. 2009. № 2.

«Финансовая цивилизация»: тупик или перспектива?

Аннотация. Автор ставит задачу: уточнить временные рамки и сущностные характеристики явления, называемого «финансовой цивилизацией», и, исходя из этих характеристик, очертить ее исторические перспективы. В статье обоснован вывод: финансовая цивилизация — это завершение огромной исторической эпохи, но одновременно и момент перехода, вызревание качественно новой социальной и хозяйственной реальности. Аргументированы ее необходимые условия: если социальным обеспечением современных денег являются доверие и социальная ответственность, то в самих денежно-кредитных механизмах должны быть заложены гарантии того, что доверие не будет обмануто, а ответственность будет неотвратимой.

Ключевые слова: финансовая цивилизация, деньги, социальное доверие, социальная ответственность, духовность.

Abstract. The author poses the problem: to clarify the chronological boundaries and the essential characteristics of a phenomenon called "financial civilization" and, on the basis of these characteristics, to outline its historical perspective. The article justifies the conclusion: the financial civilization is the completion of the great historical epoch, but at the same time it is the moment of transition, the aging of a qualitatively new social and economic reality. Necessary conditions of this reality are reasoned: if the ensuring of modern money is the trust and social responsibility, then in the monetary arrangements must be included assurances that the trust will not be disappointed, and the responsibility will be inevitable.

Keywords: financial civilization, money, social trust, social responsibility, spirituality.

В последние годы в контекстах философско-хозяйственного дискурса все чаще встречается концепт «финансовая цивилизация». Толчком к его распространению послужил выход в свет одноименной монографии украинского исследователя В.В. Ильина [1], одного из наиболее успешных последователей философии хозяйства на Украине. Насколько правомерно применение понятия «финансовая цивилизация» к современному экономическому строю и состоянию общества в целом — вопрос дискуссионный. Основная проблема дискуссии: является ли финансовая цивилизация тупиком, ложным направлением социального прогресса (наподобие, например, проекта построения коммунизма в СССР), или, наоборот, это новый перспективный этап социального развития? Таким образом, поставлен кардинальный вопрос об

универсальных тенденциях цивилизационного развития человечества в современную эпоху.

Цель данной статьи — уточнить временные рамки и сущностные характеристики явления, называемого «финансовой цивилизацией» и, исходя из этих характеристик, очертить ее исторические перспективы.

Во-первых, определим, какие сущностные черты финансовой цивилизации выделены для ее исследования. Их две: 1) изменение ценностного мира человека; 2) колоссальный рост роли финансово-монетарного фактора.

Когда речь идет об изменениях ценностного мира, роль денег является в том, что дух «экономизма» приводит к предельной рационализации мышления и поведения человека. Это бесспорно так, но поворот к монетарному сознанию, «трансформация ценностей в направлении экономических приоритетов» и соответствующие изменения в жизненном мире начались не в наше время, а в самом начале эпохи Модерна.

Как встретились деньги и мировоззренческие ценности — можем проследить еще в эпоху Ренессанса. В начале XIV в. был ликвидирован орден тамплиеров, создавший первую в мире систему банковских услуг для обслуживания крестовых походов. Импульс, который тамплиеры дали развитию денежного обращения в Средневековой Европе, продолжился в развитии новой сети банковских учреждений, созданной банкирскими семьями северо-итальянских городов-государств Пизы, Венеции, Вероны и Генуи. Богатая, банкирские семьи вкладывали деньги в предметы искусства и старины — произведения культуры Древнего Рима и Греции. Они выплачивали собственные стипендии, финансировали искусство, использовали классические знания, произведения искусства, стиль домашнего обихода, которые принадлежали к дохристианским временам, чтобы таким образом дистанцироваться от религиозных идей, подчеркнуть, что имеют власть благодаря своим коммерческим предприятиям и ничем не обязаны церкви. Гуманизм Ренессанса сформировался как культура торговцев и банкиров, центром Возрождения, как и банковского дела, была Флоренция. На пике расцвета Флоренции как банкирского города в 1422 г. в ней работали 72 международных банка.

Вот тогда-то и началось противостояние, о котором нередко говорят как об отличительной черте жизненного мира сегодняшнего человека: противостояние массового сознания, сформированного на общих принципах добра, с рациональным индивидом, который именно благодаря рассудку является более умелым, деловым, практичным, способным, уверенным, «имеет волю, но не духовность» (В.В. Ильин). Это столкновение глубоко описал М. Вебер, неразрывно связав дух капи-

тализма с протестантской этикой. Интеллект приобретает новый смысл, в котором уже не остается места для трансцендентности, метафизических «души» и «духа», начиная с наступлением эпохи Модерна. Вероятно, чтобы выйти за рамки парадигмы, определенной этим интеллектом, Ю.М. Осипов говорит о необходимости «нового средневековья». Что же имеем сегодня собственно нового — это стремительное нарастание монетаристских моделей в количественном измерении. Но их суть от этого не меняется. Тем более не следует рассматривать как трагическую коллизию нашего времени противостояние «человека, воспитанного на пассивности, софийности» (В.В. Ильин), и мира собственности и денег. Во-первых, потому что традиции пассивности и софийности не являются признаком массового воспитания сегодня и никогда не относились к базовым принципам массового воспитания. Во-вторых, потому что выбор между этими альтернативами — это не столько социальная, сколько персональная экзистенциальная проблема, перед которой встает личность любого периода в истории человечества. Поэтому «мир ловил меня, но не поймал» — это позиция уникальной нравственной высоты еще от Сократа, и так же во времена Г. Сквороды, и так же сегодня. И закономерная плата за личный выбор «пассивности, софийности» — это позиция «героического пессимизма».

Вторая сущностная черта финансовой цивилизации — возрастание роли финансово-монетарного фактора сегодня — раскрывается в научной литературе через понятие «финансовая власть». Ее главный признак — ослабление наработанного веками ценностно-духовного барьера, что привело к потере собственного осевого центра человека и общества. Это тоже совершенно справедливо, но тоже не может рассматриваться как явление, характерное именно и только для нынешнего этапа общественного развития. Этот процесс начался гораздо раньше — при переходе от традиционного общества к современному. Ю. Хабермас подробно проследил, как с утверждением денежных кодов в человеческих практиках начинается поляризация и разделение традиционного общества на «жизненный мир» и «систему».

Возникнув в коммуникативных контекстах жизненного мира традиционного общества, деньги постепенно отделились от них и вместе с политической властью образовали самостоятельные коды, которые стали инструментами системной колонизации жизненного мира. В эпоху Модерна система тотализируется, а контексты жизненного мира отодвигаются на задний план и маргинализируются.

Следовательно, очерченные выше процессы следует рассматривать не как начало новой цивилизации, а как сущностные характеристики уже пройденной человечеством эпохи, которую мы называем эпохой

Модерна. Сегодня можно говорить разве что о доведении этих процессов до крайних пределов, до полного исчерпания их потенциала и перехода в кризисное состояние. Поэтому, очевидно, речь должна идти не о повороте к чему-то качественно новому, а о завершении длительной исторической эпохи, исчерпании ресурсов ее саморегуляции и жизнеспособности.

И в таком случае концепт «финансовая цивилизация» имеет такой же смысл, какой в понятие «цивилизация» вкладывает О. Шпенглер. То есть как для культуры цивилизация — период истощения, упадка и угасания, так финансовая цивилизация — завершающая фаза великой эпохи экономической и в целом социальной эволюции, обозначенной в культурно-историческом аспекте как эпоха Модерна, а в экономическом — как индустриальное общество. Мы — люди, живущие в конце своего времени. Эта констатация сегодня не является открытием — об этом говорили уже Ницше, Шпенглер, Ясперс, Фукуяма, в среде экономистов — Бьюкенен.

Глядя на вещи в таком ракурсе, нет оснований называть финансовую цивилизацию «тупиком». Но не она открывает перспективу будущего развития.

И в этом, собственно, заключается проблема: сегодня придает остроту ситуации полная неизвестность относительно того, куда идем, что там, за поворотом. Постмодерн определяет себя не через будущее, а через прошлое, ибо не существует более или менее вероятных сценариев действительно новой картины грядущего социума. Все попытки прогнозирования будущего состояния дел и хода событий пока осуществляются по принципу проекции ретроспективы в перспективу. Как же не сделать вывод: все идет к худшему, следовательно, в конце будет полный крах. Так же и в Средневековье никто не смог бы предсказать картину европейской жизни, например, XIX в.

Этот принцип ретроспективы, спроецированной в будущее, видим и во многих публикациях, посвященных финансовой цивилизации. Поэтому не лишним в нашей дискуссии будет вопрос о том, какие же хронологические рамки мы для нее устанавливаем. Слова «сегодня», «в наши дни», «современный» встречаются в таких публикациях буквально на каждой странице, нередко констатации: «человечество вступает в эру финансов и денег». Это побуждает к рассмотрению проблемы не в далекой исторической ретроспективе от начала индустриальной эпохи (а именно тогда и начался переход от доминирования социокультурных факторов самоорганизации общества к финансовым отношениям и денежному строю), а на достаточно коротком историческом отрезке, обозначенном как эпоха Постмодерна.

И в таком случае нам, пожалуй, стоит обратиться к тем характеристикам денег, которые проявились уже в эту пору. Я бы остановилась на двух таких характеристиках, которые считаю наиболее значимыми.

Во-первых, деньги в XX в., начиная со времен Первой мировой войны, прошли цикл эволюции от полноценных, обеспеченных золотом, до денег электронных, обеспеченных лишь доверием граждан к государству, его монетарной политике. По сути, деньги стали виртуальной реальностью. Тем самым они в полной мере реализовали свою символическую природу как «чистые» знаки, значения которых исключительно социальны, лишены связи с природной, физической субстанцией. Они проявили себя как информация в чистом виде, код, матрица социальных процессов. Но их трансформация пошла еще дальше: на финансовых рынках они из символов превращаются в симулякры, т. е. «пустые» знаки, с которыми не соотнесена никакая реальность. Это демонстрирует феномен финансовых «пузырей», который стал реальной экономической проблемой современности. Крах каждого такого «пузыря» — это момент отрезвления, который убеждает, что в своем перепроизводстве симулякров мы в действительности создаем не новую реальность, а псевдореальность, оставаясь, вместе с тем, полностью зависимыми от объективных обстоятельств экономической и социальной жизни.

Влияние электронных денег на внеэкономические сферы социума имеет невиданные масштабы и в значительной степени непредсказуемо. С помощью современных электронных технологий деньги легко преодолевают границы национальных денежных единиц, пространства, времени и становятся одним из ведущих факторов глобализации. При всех своих достоинствах они оказались чрезвычайно уязвимыми для хищений и мошенничества — таких же современных, сложных и непредсказуемых, как и форма денег, которая является их объектом. Возможность перемещать деньги тайно и быстро способами, недоступными для традиционного банковского дела, создают невиданные возможности для преступной деятельности как квалифицированных специалистов-одиночек, так и мощных криминальных организаций, политических сил, резко меняя судьбу целых государств и народов. Обратной стороной финансовой глобализации является углубление неравномерности экономического развития различных регионов, ведь те революционизирующие преимущества, которые дают экономическому развитию электронные деньги, замыкаются в рамках узкого круга стран, которые получают огромные возможности, все дальше отрываясь от остального мира.

Во-вторых (и я об этом неоднократно писала в научных публикациях), философы нередко рассматривают современные деньги безот-

носителем к их конкретной форме — будто и сегодня это бумажки, которые шуршат в карманах. Но, если говорить об изменениях в *современном* мире, которые осуществляют *современные* деньги, то речь идет не о бумажках! Если не выделить четко сущность современных денег, мы не поймем и их роли, и разговор о финансовой цивилизации останется на уровне абстрактного морализаторства: вот что делают деньги с людьми! А что конкретно они делают? Какие новые, доселе невиданные возможности они дают человеку XXI в?

Поэтому конкретизируем: современные деньги имеют полностью исторически определенную и достаточно специфическую сущность — это кредитные деньги, ссудный капитал. Кредит является субстанцией современных денег до такой степени, что, если бы мы все одновременно вернули все свои долги, деньги просто исчезли бы, от них ничего бы не осталось. А что представляет собой кредит? Суть в том, что кредитные деньги переносят одолженную стоимость из будущего в нынешнее время, они действуют вопреки векторной направленности времени из прошлого через настоящее в будущее. Они позволяют одалживать из будущего стоимость, которой еще не существует, по сути — обещание того, что эта стоимость будет создана! А если не будет?

Здесь и заключается основной риск, связанный с современными деньгами: они превратили мир во всеобщую финансовую пирамиду, позволили человеку не просто ринуться в гонку безудержного потребления различных благ, но дали ему возможность делать это самым опасным из всех возможных способов: за счет сверхэксплуатации будущего.

Началось это опять-таки в эпоху Возрождения, когда начала формироваться первая в мире банковская система. Именно тогда в самую суть денежного механизма была заложена возможность вкладывать в хозяйство «пустые» кредитные деньги, обеспеченные доверием, верой в то, что ссуды будут возвращены. Эра кредитных карточек и электронных денег лишь придала этому процессу невероятное ускорение и интенсивность, наполняя современную экономику, по сути, обещаниями, превращая ее в мыльный пузырь, который вот-вот лопнет.

Что может сдерживать эту безумную гонку? Какие механизмы финансово-кредитной политики? Какие императивы самосохранения социума?

Если наши деньги обеспечены доверием, то и кризис их — это кризис доверия как главного в наше время, по Ф. Фукуяме, общественного капитала. Не зря о дефиците доверия в современном обществе говорят и пишут не только гуманитарии, но и авторитетные в мире экономисты. И это не риторика.

Это констатация реального социального риска, суть которого в том, что *этот современный человек не соответствует экономическим потребностям современного хозяйствования* в целом и потребностям функционирования современных денег в частности. Другими словами — современная экономика не может избежать будущих кризисов, если на уровне ценностно-нормативной системы социума не произойдут кардинальные, сущностные изменения. Сошлюсь хотя бы на нобелевского лауреата по экономике Дж. Бьюкенена, утверждающего, что для современного экономического развития необходимо возрождение духа, которое позволит людям как частным лицам и как гражданам доверять друг другу.

И вот здесь перед нами во весь рост встает проблема, очерченная В.В. Ильиным: в мире финансовой цивилизации «не остается места для души и духа, для человека, который ориентируется на справедливость, гуманизм, добро и т. д.», в ней, мол, сформировалась «новая духовность» [1, 481], в которой «идеология, идеалы, национализм... и подобные нематериальные химеры — бред». Сущность этой новой духовности составляют постматериальные ценности, основное содержание которых В.В. Ильин определяет формулой: «прежде думай о себе, а потом о родине — и все остальное только после себя».

По-моему, здесь имеет место определенное упрощение.

Если попытаться определить сущность духовности — то прежде всего следует отметить, что под понятие «духовность» не стоит подводить каждый комплекс или даже целостную систему идей, мотиваций, переживаний и т. д. Понятие «духовность» предполагает осознание человеком и человечеством того факта, что в миропорядке существует *инстанция выше самого человека*, с которой человек не может не считаться, с которой он соотносит основные измерения своей жизни. И происходит так не вследствие чьего-то желания, а из-за объективной необходимости самосохранения человечества — это условие нашего выживания в мире, иначе мы сами его и разрушим.

Если в качестве такой высшей инстанции поставлены деньги, или «потребности стоимости, которая теперь сама определяет выбор, совершенный субъектом», то, во-первых, ничего нового здесь нет, это классическая модель, которая была представлена еще в Ветхом Завете в сюжете о поклонении золотому тельцу.

Во-вторых, — и это главное — такая модель порочна как раз тем, что она не обеспечивает экзистенциальных, предельно необходимых условий выживания сообществ, в которых она становится доминирующей.

Социальные модели, в которых человек соотносит свою жизнь с высшей — наиндивидуальной, сверхчеловеческой — инстанцией, в

современном мире существуют, хотя и не вызывают у западного человека (к типу которого мы и себя причисляем) положительных эмоций. Скорее наоборот — вызывают чувство страха и враждебности, потому что в действительности несут западному миру вполне реальную угрозу: это, в первую очередь, исламский фундаментализм. Его сила, а для «золотого миллиарда» и опасность, обусловлена как раз тем, что его адептами движут мотивации, превосходящие ценность личной жизни и индивидуальную пользу. «Прилетели откуда-то в Америку отважные и безумные бандиты, ударили самоотверженно и жертвенно по небоскрегам», — написал хорошо всем нам известный, хотя и под другим именем, Юр. Михайлов в романе «Реквием» [2, 363]. Хотя в этой конкретной ситуации самоотречение и жертвенность не вызывают умиления, но нельзя не признать, что они — реальный социальный ресурс, созданный именно духовностью и невозможный без нее. Это ресурс, который катастрофически теряет финансовая цивилизация.

Дело не в том, что мы себе не нравимся такими, какими нас делает «новая духовность» финансовой цивилизации, а в том, что мы живем в условиях *острой конкуренции собственно цивилизаций* с их коренными различиями в мировоззрениях. Не в том вопрос, как назвать то состояние общественного сознания, которое является предметом нашего рассмотрения, «новой духовностью» или как-то иначе, а в том, что феномен финансовой цивилизации, как он предстает в описанных параметрах, несет в себе духовный потенциал самоуничтожения. В таких параметрах перспективы он не имеет и оснований для оптимизма не оставляет.

Феномен финансовой цивилизации может быть уничтожен, вытеснен с исторической арены как раз теми социальными моделями, в которых духовность не выродилась в свою собственную противоположность, в бурный триумф материальности, в «вертикальное нашествие варваров» (Ортега-и-Гассет), которые не знают и не желают знать над собой (или точнее сказать — над своими деньгами) никакой высшей инстанции. Цивилизация, построенная на безудержном индивидуализме и потреблении, оказывается наиболее уязвимой именно в аспекте своих духовных основ — и это ставит под реальную угрозу само ее существование.

Но это не означает, что финансовая цивилизация — тупик социального прогресса. Думается, что для ее определения недостаточен сам набор из двух альтернатив — тупик или перспектива. Существует еще одна: финансовая цивилизация — это момент перехода, завершение огромной исторической эпохи, но и зарождение, вызревание качественно новой социальной реальности. И то, чем мы занимаемся — это

заглядывание за горизонт, попытка определить параметры этой новой реальности.

Поэтому, вопреки тезисам, что «нет смысла говорить о духовном кризисе» считаю, что говорить о нем надо, и не по причине ностальгии по ценностно-нормативными параметрами прошлой эпохи, а потому, что твердых ценностно-нормативных параметров требует сам денежный строй, в котором мы сегодня живем и который, как убедил последний финансовый кризис, своей основой имеет 1) социальное доверие и 2) социальную ответственность. А значит: 1) в самих денежно-кредитных механизмах должны быть заложены гарантии того, что доверие не приведет к обману, а ответственность будет неотвратимой; 2) общество должно создать эффективно действующие модели солидарности, subsidiarности, социальной справедливости, доверия как социального капитала, обязательного условия современного хозяйствования.

И главное, что показывают наши дискуссии. Эти задачи невозможно реализовать через совершенствование ныне существующих моделей, они требуют кардинально новых подходов и концептуальных решений со стороны теоретиков как экономического знания, так и философской мысли.

Литература

1. *Ільїн В.В.* Фінансова цивілізація. К., 2007.
2. *Юр. Михайлов.* Реквием. Роман о романе, или романом с романом. Метафизическая проза. М., 2010.

В.К. КОРОЛЕВ

Социально-экономический кризис и модернизационный «ренессанс» философии хозяйства

Аннотация. Статья обосновывает актуализацию проблематики философии хозяйства в поисках новой экономической идеологии, ибо кризис и задачи модернизации, очевидно, требуют более глубокого, философского подхода к решению актуальных экономических проблем России.

Ключевые слова: кризис, модернизация, экономика, философия, человек, философия хозяйства.

Abstract. Article is basing the present interest to the problems of philosophy of economy in search a new economical ideology, because the crisis and tasks of modernization obviously need more deep, philosophical approach to solve important Russian economical problems.

Keywords: crisis, modernization, economy, philosophy, human, philosophy of economy.

Успешно преодоленный (но почему-то не менее успешно продолжающийся) экономический кризис объективно актуализирует необходимость обсуждения не просто антикризисных, но фундаментальных, концептуальных, парадигмальных проблем экономического развития не только России, но и доминирующей во всем мире экономической рыночной системы, ибо (как будет показано далее) затрагивает ее сущность.

Отсутствие адекватной концептуальной активности среди экономистов в поиске путей выхода из кризиса, на мой взгляд, можно объяснить широко известной в ленинской трактовке мыслью — нельзя решить частные вопросы, не разобравшись в общем. А «в общем» вопрос у нас решен лет двадцать назад и к обсуждению не рекомендуется — «иного не дано!». Жизнь показала, что желанное рыночное «иное» оказалось совсем «иным» для народа в целом, страны, перспектив ее развития в глобализирующемся мире. Но...

После разрушения советской системы потеряла смысл и серьезно претендовавшая в свое время на другое «иное» идея конвергенции. Очевидно, Россия остро нуждается именно в *философском* (в смысле — метафизическом, стоящем над экономикой и наполняющем эту деятельность смыслом) обосновании пути своего социально-экономического развития, своего *качества* выхода из кризиса.

Можно выделить два основных подхода к нему. Согласно первому, кризис — это закономерное, временное и даже полезное явление («переболеем — здоровее будем»). Второй подход оценивает кризис как процесс системный, катастрофически регрессивный, в частности, для нашей страны, ибо болезни бывают и смертельные. (Природа и типология социально-экономических кризисов в историческом ракурсе хорошо показаны А. Фурсовым [1].)

Оставляя рассмотрение собственно экономических факторов кризиса экономистам, можем предложить им *философско-культурологический* контекст для профессиональных размышлений. В философском плане современный экономический кризис представляет собой выход за классическую (бреттон-вудская финансово-экономическая модель) меру баланса реальной, «производственной» и обслуживающей, денежной сфер экономики, когда финансовая жизнь

становится *симулякром*, обладающим не только большим значением, но и большей реальностью, нежели производство материальных благ, причем, что особенно важно, становится не только для рядовых обывателей, но и для теоретиков и практиков экономической деятельности (либерально-монетаристская модель). Можно говорить о тенденции утраты экономикой ее «материальности», виртуализации экономической деятельности, когда ее финансовые символы, знаки, значения начинают доминировать над собственно производством материальных благ. Это приводит к смене мотивации «хозяйствующих» субъектов — для них отношения труда и богатства теряют причинно-следственный характер, финансовая жизнь отрывается от материальной и приобретает самостоятельное значение, надстраивая одну виртуальную «реальность» над другой; при этом нижележащая виртуальность приобретает для вышестоящей статус реальности «реальной» (деривативы, например). Такая экономика уже не нуждается в реальной, она не просто отрывается от нее, а заменяет, в частности, ценными бумагами разной степени абстрактности, выражающими «образы образов» реальных экономических процессов, становится «экономикой Зазеркалья» (С. Кургиян), враждебной экономике реальной. Очевидно, эту войну и выражает нынешний мировой экономический кризис.

Идет воистину мистификация экономики, ее финансовая сторона достигает астрономических значений, многократно превосходящих стоимость реального производства, мирового валового продукта. Так виртуальность «пожирает» реальность, которая уже не может сдерживать свое выходящее из-под контроля детище. Экономика машин сменилась экономикой ценных бумаг — «финансомикой» (Ю. Осипов), и никакие высокие технологии сути дела не меняют, более того, в значительной мере способствуют процессам виртуализации (например, проектируемый отказ от «реальных» и переход на электронные деньги и т. п.)

Действительная реальность кризиса — в кризисе самой реальности (Г. Джемаль). Философской идеологией этого является мировоззрение Постмодерна с его ликвидацией объективности, разрушением всех базовых нарративов, в том числе и в экономической деятельности. Поэтому *чисто экономический дискурс проблем кризиса перспективы не имеет, ибо в его основе лежит классически философская проблема — соотношение материального и идеального, спроецированная на экономическую сферу*. Но философы, за исключением «неформальных», не слишком активны в ее обсуждении, хотя едва ли не первыми начали говорить о кризисе еще в конце XX в. Кроме того, по мнению Ф. Гиренка, например, значительная часть левых французских философов остаются в пространстве спекулятивного капитала, а значит, по

сути, на него и работают, разводя в своих изысках означающее и означаемое, лишая мир долгожданной «встречи» знака и вещи. А именно такая встреча может дать сигнал для «перезагрузки» экономической мысли в неклассической ситуации современности, когда на смену «водораздельному» (Я. Ромейн) структурному кризису (1873) 1929—1933 гг. пришел нынешний, системный, кризис.

Для понимания его природы важен еще один теоретический момент. В конце XX в. стало очевидным, что социум втягивается не только в новый кризис, но и в новую фазу развития, одной из главных характеристик которой становится всеобщая «инновизация». Один из первых отечественных исследователей социальной инноватики А. Пригожин считал, что инновация является формой управляемого развития. (Иначе говоря, кризис может быть и организован.) В ходе его реализации происходит целенаправленное изменение, оно вносит в изменяемую среду новые отношения, материальные или социальные. Каждое из них есть новшество, или предмет нововведения, последнее же представляет собой процесс, т. е. переход системы из одного состояния в иное [2]. Эта ситуация ставит перед специалистами задачу произвести такие социальные инновации, которые бы опережали собственно экономически кризисные и давали шанс на сохранение системы. Такой проект был предложен известным социологом Э. Гидденсом и стал основой политического курса Т. Блэра, Г. Шредера, Л. Жоспена как нового варианта модернизации Запада, нового антикризисного «проекта рационализации».

Даже такие краткие соображения по поводу природы инноваций приводят к выводу о преимуществах «широкой» их трактовки, позволяющей видеть в инновационных процессах и негативное содержание. Для рассматриваемой проблемы, как отмечалось, концептуально-философски оно состоит в нарастании виртуализации экономической жизни, несоответствия материального и идеального ее компонентов.

Переведем эти рассуждения в практическую плоскость: какую *новизну* принес миру и России нынешний экономический кризис? В принципе, его можно считать и благом, если рассматривать как своего рода «деноминацию» виртуальной финансовой экономики, «обнуление» виртуальных ценностей, девальвацию знаков и символов (ценных бумаг), обозначающих право на обладание материальными ценностями, что должно (может) привести к восстановлению (улучшению) нарушенного баланса реальной и виртуальной экономических сфер. Как уже отмечалось, кризис может быть инициирован мировым правящим классом для спасения своего не только экономического господства, но и строительства мира «Железной пяты», блестяще надуманного Дж. Лондоном в его одноименном романе.

Как же мы пытаемся справиться с такой ситуацией? Каковы антикризисные инновации? Складывается впечатление, что мы переживаем не только новые негативные экономические реалии, но и кризис идей, антикризисных инноваций. В самом деле, если на Западе стали говорить об *общем* — о необходимости обновления капитализма как системы, о его новых моделях (капитализм сотрудничества, моральный, регулируемый капитализм и др.), то Россия в этом стратегическом обсуждении не участвует, ограничиваясь частными предложениями по оптимизации глобальных регулятивов рыночной экономики силами ведущих международных организаций и институтов. Правительственная антикризисная политика напоминает старую мудрость — «генералы всегда готовятся к прошлой войне». О какой модернизации как средстве выхода из кризиса тут может идти речь?!

Все это побуждает к серьезным размышлениям, рождает немало острых, принципиальных и болезненных вопросов. И не случайно на авторитетной научно-практической конференции, посвященной 20-летию Центра общественных наук при МГУ, «Самоутверждение России: социум, экономика, политика», практика модернизации была подвергнута серьезной критике. В частности, отмечалось, что пореформенная тупиковая модель развития экономики заявленной модернизации не подлежит в принципе из-за отсутствия и субъекта, и объекта модернизации, что необходима программа «постреформенной модернизации» (Ю. Осипов). Говорилось о важности в такой модернизации не торговли, финансовых комбинаций, правовых построений, а реального производства (С. Кара-Мурза), о необходимости «новой индустриализации», или «реиндустриализации» (В. Рязанов).

Подчеркнем, что искомая перспективная стратегически модернизация — это не только (и даже не столько) техническое и технологическое преобразование производительных сил и производственных отношений, сколько новая генерация в их развитии, когда, говоря философско-культурологическим языком, Ум — выше Денег, мастера Реального Дела — выше «финансистов», интеллектуальная собственность — выше имущественной. Генерация, когда не Деньги и Власть доминируют над Реальным Делом, а оно доминирует над ними.

Позволю высказать некоторые концептуальные, «философско-хозяйственные» соображения на этот счет. Полагаю, что в сложившихся условиях модернизация как ускоренное движение вперед должна начинаться с остановки нынешней постсоветской модернизации как движения назад, со стабилизации как сохранения и развития идейной, финансовой, технологической, индустриальной основы для посткапиталистического модернизационного рывка. Для стабилизирующей постмодернизации необходимы конкретные интегральные проекты и

суперпроекты *новой индустриализации*, для чего нужны новые принципы внутренней и внешней политики, новая модель экономического развития страны на основе мобилизации политической воли, всех других ресурсов. Именно это является объективным фактором «ренессанса» философии хозяйства.

Особенно важен в нем, так сказать, «метафизический» аспект модернизации. Самая близкая и успешная модернизация — сталинская — была не просто ударной индустриализацией страны, но и инструментом прорыва в новое историческое время, в новое социальное и смысловое пространство космического характера. (Не об этом ли по своему мечтали Н. Федоров, В. Вернадский, Л. Гумилев?) Тогда в какое такое время и пространство мы хотим прорваться сейчас в ходе заявленной модернизации? Какое общество хотим строить? На эти вопросы обычно отвечают — хватит мудрить, искать особый путь России, надо строить жизнь по западным «лекалам». Иначе говоря, искомая модернизация есть, опять-таки модернизация, принципиально *догоняющая, «интегрально-капиталистическая»*. Но капитализм на Западе вошел в глубокий, системный кризис, там начались поиски его новой модели; не удивительно, что у нас, с нашей исторической наследственностью, за двадцать лет не получилось построить «цивилизованную» рыночную экономику, хотя «точечная» капиталистическая модернизация прошла весьма успешно: наша элита живет даже «круче» западной. Но ведь говорят о модернизации России как державы! Пока явно не получается, но «иного — не дано», вот и ищем... новое издание последней, неудачной модернизации?

Следует подчеркнуть: главная проблема модернизации — не техническая, а философско-гуманитарная — «обновление» Человека. Но такие попытки не удались ни в Европе со времен социалистов-утопистов и якобинцев, ни в СССР, где большевики не смогли вырастить новую, высокую породу людей из массового, но, как показала история, некачественного материала — «простого народа» — путем создания соответствующих социальных условий (очевидно, прав был М. Булгаков в своем «Собачем сердце»...). А сейчас «человеческий потенциал» «стерилизуется» даже лучше, чем нефтедоллары, более того, эта модернизационная задача даже не ставится, все сводится к пресловутым новым технологиям и инновациям технико-экономического характера (Сколково), существенно не затрагивающим ни политическую, ни социальную, ни гуманитарную сферы. Конечно, изменения в этих сферах идут, причем достаточно активно и управляемо, но с декларируемыми целями новой модернизации эти процессы не сопрягаются, если не имеют противоположные векторы. Возможно, это обусловлено не только негативным историческим опы-

том, но и отсутствием искомой модели Человека, вдохновляющих представлений об обществе после «конца истории», тем более в условиях глобализации и кризиса.

Очевидно, можно сказать, что наша нынешняя модернизация, по сути, выступает как попытка *модернизации кризиса*. Точнее говоря, она — дитя кризиса, без него она по-настоящему не нужна ни власти, ни народу. В этих условиях представляется целесообразным модернизировать сам этот кризис, начав *стабилизирующую социально-экономическую, а не только технологическую* модернизацию, которая призвана создать необходимую базу для следующего этапа — модернизации *прогрессивной*, обеспечивающей выживание России в XXI в. Вот такая «философия»...

Итак, модернизация в условиях глобализации и экономического кризиса — это не просто технологическое перевооружение экономики. При всей важности этой задачи модернизация должна рассматриваться как системный *философский* проект (типа европейского Модерна), нацеленный на обновление цивилизационного облика России, ее выход в новое социокультурное пространство и время. Осуществляя стабилизирующую, сохраняющую модернизацию, надо думать о новом цивилизационном проекте страны, обеспечивающем как ее неизбежную глобализационную интеграцию в модернизирующийся западный мир, так и достойное существование России в ее неизбежной конкуренции с этим миром в качестве не «квази-Запада» и не «анти-Запада», а по А. Зиновьеву, «не-Запада». Такой проект надо срочно готовить, и это — задача, в том числе и *философии хозяйства*.

Пока не только о ее решении, но и постановке ничего не слышно, (если она вообще воспринята властью). Конечно, в определенной мере кризис актуализирует проблематику теоретического осмысления господствующей либерально-монетаристской парадигмы постсоветской реальности социально-экономической жизни России. Но властью она обсуждается, главным образом, в рамках данной парадигмы, реставрируемой путем активного вброса деклараций о переходе к («по умолчанию») некоей бескризисной «экономике знаний» и «инновационной модели» развития экономики страны в XXI в.

Говоря о knowledge economy, важно понимать, что «экономика знаний» — не теоретический концепт, а пропагандистский термин (типа — «экономика должна быть экономной»); в лучшем случае это понятие контекстуально. В самом деле, какие экономики можно сопоставить с данной — «экономику невежества», «экономику веры», «экономику чувств», или...? На знаниях базируется любая экономика; с Нового времени экономика делает своей опорой не традиции, а научный прогресс («знания — сила», «наука становится непосредственной про-

изводительной силой»...), т. е. работает в инновационной социокультурной парадигме.

Поэтому разговоры об «экономике знаний» имеют смысл лишь в плане рассмотрения или характера влияния на производство нужных для экономики научных знаний, или «стыкуемости» новых знаний с существующей научной базой современного производства, или интеллектуального развития человека как субъекта экономической деятельности.

Последний аспект представляется самым важным, поэтому целесообразно, используя идеи Т. Шульца, Г. Беккера, Д. Минсера, заниматься проблемами *человеческого капитала* (Human capital) как главного ресурса развития современной экономики. Здесь представляется перспективным выявление *экономической культуры* как важнейшей характеристики этого капитала. Пока названная культура не является заметным объектом рассмотрения в экономической теории, хотя важность этого экономисты понимают (свидетельство тому — растущее число нобелевских лауреатов, которые получили премии за рассмотрение не институциональных аспектов экономики, а связанных с человеческими, интеллектуально-психологическими факторами).

Пока складывается впечатление, что инновационность для наших «реформаторов» имеет пропагандистско-постмодернистский характер, когда новизна является самоцелью и мировоззренческим принципом, а не методом решения экономических задач, стоящих перед страной в условиях глобализации и не просто экономического, а системного социального кризиса. Поэтому необходимо отказаться от инновационной маниловщины и прячущегося за ней либерально-монетаристского фундаментализма, и, как уже отмечалось, разрабатывать и реализовывать в мобилизационном режиме программу новой модернизации страны («Большой Проект») в единстве развития материального и человеческого (духовного) потенциала России.

Но даже такая программа—дело достаточно частное. Она возможна лишь при наличии адекватной реалиям глобализации и места страны в мире *социально-экономической идеологии*, сменяющей бесперспективную идеологию сырьевой «интеграции» путем «догоняющей модернизации». В свою очередь выработка новой идеологии требует *философско-мировоззренческого* понимания процессов типологического изменения мирового порядка в целом.

Сказанное выше о модернизации — рассуждения, разумеется, гипотетические, есть немало и других мнений. Но все они на теоретический уровень могут быть переведены в русле именно *философии хозяйства*, отцом-основателем которой был наш юбиляр — С.Н. Булгаков. Примечательно, что «Философия хозяйства», по сути,

завершает его творчество как экономиста и знаменует активизацию философских поисков. В них прежде всего следует подчеркнуть слова Булгакова не просто об актуальности философского понимания мира как объекта хозяйственного воздействия, но о «пилотном» характере данной проблемы: «...самой постановке ее я придаю несравненно большее значение, нежели данному опыту ее разрешения» [3, 49].

К сожалению, за век ситуация почти не изменилась. Главный генератор в этой сфере — Ю.М. Осипов — постоянно «вбрасывает» свои интересные идеи в философско-экономическое сообщество, но ни сам автор, ни его ученики и сторонники не доводят эти идеи до серьезно проработанных концепций, хотя бы ориентированных на уровень фундаментальных работ, например, А. Смита и К. Маркса. Возможно, это результат «родовой травмы, ибо философия хозяйства Булгакова, что подчеркивал сам автор, скорее *ставит* (как оказалось через сто лет — не теряющие актуальность) проблемы, нежели создает относительно законченную и самостоятельную научную концепцию. Возможно, это выражает отечественную специфику философского осмысления хозяйственной деятельности, ибо никакого практического экономического значения булгаковская философия хозяйства не имела, ибо она просто не «сопругалась» с экономической теорией по своей проблематике. Но эта философия вполне может быть основой мировоззренческой философской и социокультурной парадигмы, иметь методологическое значение для «политической экономики».

Так или иначе, в условиях нынешнего системного экономического кризиса замысел обоснования «философии хозяйства» представляется не просто актуальным (о чем давно говорит Ю.М. Осипов [4]), требующим своего философского, мировоззренческо-методологического обеспечения, конкретизации. Кстати, в этом плане «философия хозяйства» и для Булгакова есть запрос на философию как методологию экономической науки (о работе в этом направлении см., например, [5]).

Отсутствие ясности в понимании необходимости *конкретизации и реализации* такой методологии теоретически блокирует возможности антикризисного и модернизационного прорыва в экономической науке и практике. Тем не менее именно философия хозяйства, хотя бы по причине полного отсутствия конкурентов в этом деле, призвана в современных кризисно-модернизационных условиях быть в качестве «прорывного» направления научных социогуманитарных экономических исследований, что знаменует ее несомненный теоретический и практический *«ренессанс»*. Быть может, сейчас, под острым и безжалостным клювом «жареного петуха» мирового кризиса, все же удастся продвинуться в решении задачи, поставленной Булгаковым сто лет назад?! Может, хватит «набрасывать» интересные и перспективные

«философско-хозяйственные» идеи, ставить «умные» вопросы (чем так любит заниматься философия), а сосредоточиться на обсуждении уже достаточно большого наработанного — от С.Н. Булгакова до Ю.М. Осипова — материала и сформулировать хоть какие, итожащие имеющиеся изыски, философские выводы в качестве методологии, необходимой для разработки концепции-проекта развития экономики России как нового «хозяйства», посвятив этому специальную конференцию Академии философии хозяйства с выработкой практических рекомендаций?!

Литература

1. *Фурсов А.И.* Колокола истории. М., 1996.
2. *Пригожин А.И.* Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики). М., 1989.
3. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
4. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства. М., 2003.
5. *Канке В.А.* Философия экономической науки. М., 2010.

М.Р. ЭЛОЯН

Философия хозяйства С.Н. Булгакова: история и современность

Аннотация. В статье рассматриваются исторические и концептуально-методологические предпосылки философии хозяйства С.Н. Булгакова. Определяются ее предмет и метод исследования. Впервые показано влияние С.Н. Булгакова на его современников — В. Зомбарта и В.А. Кожевникова — в последовательном решении ими проблем «иудаизм и капитализм» и «буддизм и капитализм» с точки зрения философии хозяйства. Показано, что в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакову, в результате сравнительного анализа буддийской и христианской философии хозяйства, удалось высказать онтологическую правду о хозяйственной судьбе России, которая состоит в ее аграрном развитии.

Ключевые слова: этическая экономия, философия хозяйства протестантизма, католицизма, православия, иудаизма, буддизма, библейский акосмизм, «религиозный депрессор», сотериология, «ростовщический капитализм», «азиатский капитализм».

Abstract. In this article historical and conceptual-methodological premises of S.N. Bulgakov's philosophy of economy are observed. Are defined Its subject and method. For the first time it is shown S.N. Bulgakov's influence on his contemporaries — W. Sombart and V.A. Kozhevnikov — in the way of their resolving the problems «Judaism and capitalism» and «Buddhism and capitalism» from the point of view of philosophy of economy. It's shown that in «Philosophy of economy» S.N. Bulgakov in the result of comparative analysis of Buddhist and Christian philosophy succeeded in finding of ontological truth about economic fortune of Russian Federation that is defined by its agrarian development.

Keywords: ethical economy, philosophy of economy, philosophy of Protestantism, philosophy of Catholicism, philosophy of Orthodoxy, philosophy of Judaism, philosophy of Buddhism, biblical acosmism, soteriology, «religious depressor», «usurious capitalism», Asian capitalism.

Под философией хозяйства мы понимаем исследование религиозно-метафизических предпосылок хозяйственной жизни народов. К этой идее шли лучшие представители западной науки конца XIX — начала XX в. В их числе были М. Вебер и В. Зомбарт. И все-таки не М. Вебер и В. Зомбарт являются создателями философии хозяйства. И М. Вебер, и В. Зомбарт, во многом под влиянием философии И. Канта, отождествили религию с этикой и по праву являются основоположниками этической экономики, в рамках которой и рассматривалась ими проблема «христианство и капитализм». Поэтому М. Вебер, ставя проблему «протестантизм и капитализм», решал ее на уровне протестантской этики, отсюда и название монографии «Протестантская этика и дух капитализма», а В. Зомбарт — с менее характерным названием «Буржуа» — решал ее на уровне католической этики. Но, как показали исследования, как самого М. Вебера, так и самого В. Зомбарта, этика католицизма и этика протестантизма суть одно и то же — это рационализация и методизация жизни. Поэтому спор между М. Вебером и В. Зомбартом по вопросу о том, католицизм или протестантизм оказал принципиальное влияние на становление западноевропейского капитализма, на уровне этической экономики, в принципе, решен быть не может.

Таково состояние вопроса — во многом бесперспективное — на момент появления «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова. Поддержав полемику М. Вебера и В. Зомбарта в рамках постановки проблемы «христианство и капитализм», С.Н. Булгаков включил в нее вопрос «православие и капитализм», но решил его на уровне религиозной метафизики, подарив науке новое исследовательское направление, названное им философией хозяйства. Показав несовместимость право-

славия и капитализма (если под капитализмом понимать торгово-промышленный тип развития), С.Н. Булгаков доказал, что для России онтологически укоренен аграрный путь развития, не имеющий ничего общего с западным типом цивилизации, идеологами которой во многом были М. Вебер и В. Зомбарт, попытавшиеся связать генезис капитализма с протестантизмом и католицизмом. Философия хозяйства выступила методологическим приемом в разрешении спора между М. Вебером и В. Зомбартом, в результате которого подтвердилась гипотеза М. Вебера о принципиальном влиянии протестантизма на становление западноевропейского капитализма.

Нет никакого сомнения в том, что именно философия цельного знания В.С. Соловьева позволила новому исследовательскому направлению выйти за рамки этической экономики, увязав экономическую проблематику с проблемами онтологии, космологии, антропологии, сотериологии и философии истории. Философия цельного знания В.С. Соловьева предложила новый инструмент познания сложного мира, новый тип мышления, объединяющий в едином мыслительном пространстве три, ранее разъединенные, области мысли — религию, философию и науку. С.Н. Булгаков практически применил этот новый тип мышления — синтетический метод познания — к исследованиям хозяйственной области, к веку экономики, каким стал XX в. Именно благодаря философии цельного знания В.С. Соловьева философия хозяйства состоялась как научная дисциплина, имеющая свой предмет и синтетический метод исследования. А также перспективы своего развития, первой из которых стало исследование проблемы «иудаизм и капитализм» на уровне философии хозяйства, которое предложил В. Зомбарт в своей монографии «Евреи и экономика».

Проблема «иудаизм и капитализм» впервые была поставлена В. Зомбартом в его работе «Буржуа». Оставаясь в рамках этической экономики, В. Зомбарт пришел к выводу, что этика католицизма и этика иудаизма суть оно и тоже — это все та же рационализация жизни. Но уже в монографии «Евреи и экономика» В. Зомбарт, возвращаясь к проблеме «иудаизм и капитализм», решает ее на другом уровне — на уровне философии хозяйства С.Н. Булгакова, исследуя религиозно-метафизические предпосылки иудаизма и их влияние на становление западноевропейского капитализма.

Взаимоотношения В. Зомбарта и С.Н. Булгакова — это отдельная тема исследования, но уже сейчас можно сказать, насколько оно было плодотворным для развития мысли и, в конечном итоге, для становления и развития философии хозяйства как новой научной дисциплины. Известно, что именно В. Зомбарт ввел С.Н. Булгакова в современную им экономическую науку, где первым серьезным шагом была ревизия

марксизма, в которой С.Н. Булгаков следовал за В. Зомбартом. Затем именно В. Зомбарт был первым, кто высоко оценил и поддержал книгу С.Н. Булгакова «Капитализм и земледелие», в которой было дано решение аграрного вопроса, перед которым остановился сам К. Маркс, не говоря уже о других лидерах социально-демократической партии Германии. В дальнейшем В. Зомбарт и С.Н. Булгаков уже единомышленники в науке, работающие в едином мыслительном пространстве. Их научные интересы сосредоточены на исследовании духовного фактора и его влияния на различные сферы жизни. Так, в 1909 г. С.Н. Булгаков пишет статью «Героизм и подвижничество», противопоставляя немецкому героическому духу русское подвижничество, а В. Зомбарт в 1915 г. — «Торгаши и герои», противопоставляя немецкому героическому духу английское торгашество. После написания С.Н. Булгаковым «Философии хозяйства», его влияние на творчество В. Зомбарта становится преобладающим. И, прежде всего, это касается решения В. Зомбартом проблемы «иудаизм и капитализм» на уровне философии хозяйства в его монографии «Евреи и экономика», и первое в творческом наследии В. Зомбарта использование понятия «философия хозяйства» в булгаковском смысле.

Иудаизм в своих истоках есть религия надприродная и, по большому счету, антиприродная. Из всех религий Древнего мира еврейская религия единственная, которая не знала политеистического прошлого. Все древние религии имели представление о божестве как о силе природы, которая расчленялась на множество сил, воплощением которых и был многочисленный пантеон языческих богов, получивших свое выражение в мифологическом прошлом древних народов. Только еврейская религия не имеет своего мифологического прошлого и является единственной монотеистической религией Древнего мира, чуждой всякого натурализма, политеизма, пантеизма в своем представлении о божестве. Все народы, по Библии, пили из одной чаши Бэла и Ваала, т. е. Бога природы, только еврейский народ впервые поведал миру о существовании надмирового бога, отрешенного и бесконечного по отношению ко всему конечному и природному. Из этого монотеизма, не знающего натуралистического прошлого, следует представление о Боге как надприродной силе. Только одна еврейская религия среди всех религий Древнего мира была религией духа, а не религией природы. «Религия еврея имела цель возвысить его ум над внешней природой и ее слепыми силами, освободить его чувство от мертвого, бесчувственного бога природы» [1, 8].

Именно поэтому в Библии, в отличие от священных текстов других народов Древнего мира, так мало говорится о космическом составе Вселенной и о различных областях жизни и природы. За исключением

истории творения мира в продолжении шести дней в книги Бытия, в ней больше ничего не говорится об устройстве мира, где уже в самой идее творения мира содержится антиприродная направленность еврейской религии. В отличие от всех пантеистических или дуалистических концепций Древнего мира, рассматривающих происхождение мира из Бога или создании мира из вечной материи, еврейская религия впервые высказала идею о создании мира «из ничего», в результате свободного творческого акта Бога, согласно библейскому «Да будет!». Тем самым уже сама идея создания мира «из ничего» содержала в себе идею ничтожества мира: природа возникла в результате повеления, значит, она сама в себе ничтожна. В этом смысл своеобразного библейского акосмизма, принижающего и пренебрегающего сотворенным миром, который воспринимается им как несовершенный. Поэтому библейская космология сообщает не физические знания о мире, а о значении мира по отношению к духовной составляющей человека; поэтому она носит по преимуществу не метафизический, а нравственный характер. В комментариях к Торе четко прослеживается мысль, что изгнанный из рая человек, оставшись наедине с природой, так увлекся борьбой за свое существование и сохранение своей жизни, что забвёл Бога, уверовавшись в своих силах, подпитанных физическими инстинктами и, в этом смысле, падение его продолжалось. Отсюда возникла необходимость в нравственном возрождении человечества, о чем и повествует история Ноя, с которой начинается выстраивание нового мира, во многом антиприродного, ставившего выше природной жизни новый, нравственный порядок жизни.

Таким образом, иудаизм есть религия, поставившая нравственный закон, порядок выше природного мира, а вместе с тем нравственную историю человечества выше создания природного мира; закон выше творения. Поверх природного, естественного, сотворенного мира как бы выстраивается новый, во многом, искусственный, рациональный, технологический, статус которого повышается за счет понижения статуса природного мира. Если мир сам в себе ничтожен, то предназначение его — служить орудием и средством для реализации человеческих целей. Таким образом, сотворенное бытие понижается в своем статусе до материала для использования, а утилитаризм и практицизм, в конечном итоге, вытесняют креационизм. Л. Фейербах был одним из первых, кто из библейской идеи творения вывел утилитаризм и практицизм еврейской религии по отношению к природному, сотворенному миру.

Такого отношения к природе не знал Древний мир, который относился к природе с пиететом и повиновением, неважно, чем это было вызвано — страхом или умилением. А у древнего грека восхищение и

удивление перед этим миром были настолько продуктивными, что ему мы обязаны появлением древнегреческой философии. Христианство, несмотря на свой монотеистический характер, и родовую связь с еврейской религией, расставило иные акценты на свое отношение к сотворенному бытию, проповедуя благостное отношение к миру. Из этого отношения вышла западноевропейская наука, которая с первых шагов своего становления носила теологический характер рассматривая природу как высшую форму творения и относясь к ней как к храму Божьему. «Поэтому, чтобы вместе с тургеневским Базаровым заявить, что “природа — не храм, а мастерская, а человек в ней — работник”, надо было предварительно изменить статус природы, принизить ее до мертвой материи и относиться к ней как к средству для использования» [2, 29], что впоследствии и определило чисто инструментальный характер науки и капитализма, который, в своей сути, имеет ту же стратегию развития — антиприродную и прагматическую.

По убеждению Ю.М. Бородая, в теории и истории капитализма К. Маркса четко прослеживается тенденция «превращения всей Богом данной природы, включая национальные организмы, в материал для использования» [3, 142]. Основы этой стратегии, проникающей в западноевропейское общество, В. Зомбарт находит в иудаизме: «Нет никаких сомнений в том, что иудейская религия носит на себе яркие черты своего самобытного возникновения: во всем она предстает перед нами как нечто, созданное разумом, как некая цель и мысль, ввергнутые в органическую плоть мира, созданные искусственно-механически и направленные на то, чтобы разрушить весь мир природы, подчинить его себе и воцариться вместо него. Таков и капитализм, который, как и иудейская религия, является чужим в творческом царстве природы и представляет собой нечто надуманное, неестественное в царстве жизни, проникнутой инстинктом. Рационализм (именно это слово вбирает в себя все названные особенности) является характерной чертой как иудаизма, так и капитализма. Рационализм или интеллектуализм — вот два основных направления, которые одинаково противостоят как иррациональной тайне, так и чувственному художественно-творческому началу» [4, 386].

Антиприродная направленность иудаизма распространяется не только на языческий и христианский миры, противостоящие ему, но и на любые проявления природного в их собственной жизни и религии. Человеческая жизнь превращается в великую борьбу против злых сил природы, в «смягчение нрава человека», инстинктивных порывов, любой мотивации, идущей от природы. В нравственном законе иудаизма отрицание творческого начала мира вылилось в отрицание деятельной, творческой, созидательной природы человека. «Упраздняется всякая

деятельность ради нее самой, всякие спонтанные действия, всякий поступок, мотивированный естественным порывом» [4, 415]. Главная задача нравственного богословия иудаизма — воспитать послушного, а не деятельного, расчетливого, а не творческого, думающего, а не действующего человека, т. е. речь идет о рационализации жизни как главной этической программы иудаизма. Но что такое «рационализация жизни» в иудаизме? В «Буржуа», на уровне этической экономии, В. Зомбарт отождествил этику иудаизма и этику католицизма именно на этом основании, что им обоим присущ принцип рационализации жизни. Как теперь — на уровне философии хозяйства — Зомбарт будет решать этот вопрос? Или, другими словами, чем «рационализация жизни» иудея отличается от «рационализации жизни» католика? Если в католицизме под рационализацией жизни понимается контроль разума на чувственной природой человека, во имя развития его творческой, созидательной и производительной деятельности, то в иудаизме контроль разума на чувствами — это уничтожение всякой тяги к действию и живой жизни, и всегда подавление творческого, созидательного, производительного начала в человеке. И это отличие принципиальное, имеющее непосредственное отношение к хозяйственной стратегии католицизма и иудаизма.

В. Зомбарт, рассматривая влияния иудейской религии на экономическую мысль, подчеркивает, что ее, по большому счету, не интересуют качество, многообразие, уникальность мира. Если грека Аристотеля интересовала потребительская стоимость товара, его качественная составляющая, удовлетворяющая конкретную потребность, то иудейских мудрецов интересует лишь меновая стоимость товара, его количественная составляющая. Эта иудейская идея лучше всего была воплощена К. Марксом, который только меновую стоимость товара сделал предметом экономической науки, отдав потребительскую стоимость товара на откуп товароведению. Вот почему иудейской экономической мысли абсолютно чуждо понимание богатства как накопление природных материальных благ. И единственной формой богатства для них являются деньги и только деньги. Истину меркантилизма, что богатство есть деньги, а деньги есть богатство, задолго до них высказали иудейские мудрецы. «В нравственном богословии иудеев совершается весьма своеобразное прославление именно денежной наживы как преумножения некоторой ценности, которая не имеет никакого качества, никак не соотносится с целями, сокрытыми в том или другом товаре, определяется чисто количественно и поэтому может использоваться как “абсолютное средство”» [4, 31—32]. Последующее европейское противостояние между меркантилистами и физиократами есть противостояние между природной и антиприродной стратегиями экономи-

ческого развития на новом историческом материале, истоки которого в противоположности экономического мышления иудаизма и эллинизма.

Греки поклонялись природе, иудеи — деньгам. В иудейской сотериологии деньги есть спасение от всего, даже от смертной казни за преступления, связанные не только с воровством, но и с повреждением человека. В этом иудейские мудрецы, конечно же, в полемике с противниками, которые находят эти идеи еще в законах Хаммурапи, видят вершину развития законодательства Древнего мира, какого оно достигло именно в еврейской религии, первой отошедшей от языческого «око за око» и предложившей вместо него денежное возмещение для любого повреждения, нанесенного человеку. В противоположность буддийской и христианской милостыне, иудаизм предложил ссуду. Помимо того, что милостыня представляет собой различные формы подаяния и, прежде всего, продуктами, а ссуда — только одну — денежную — форму, милостыня — это всегда бескорыстное действие, не втягивающее человека в зависимость, а ссуда — это всегда корысть, предполагающая извлечение выгоды и выступающая источником наживы, а не благотворительности.

Подобно тому как в космологии закон был поставлен выше природы, а утилитаризм и прагматизм выше креационизма; подобно тому как в сотериологии деньги были поставлены выше веры и дела, а в этике послушание и расчет — выше активности и деятельности, так и в хозяйственной стратегии иудаизма ростовщичество было поставлено выше производства. Отсюда основная экономическая стратегия иудаизма связана с кредитно-ростовщической деятельностью (денежной ссудой) — деньги приносят деньги, где главное — не производить, а получать. Нужно сказать, что греческий и христианский мир относились к ростовщичеству крайне скверно. Христианство, по сути, продолжило неприязненное отношение к ростовщической деятельности, которое проявили Платон и Аристотель. Начиная с IV в. ряд соборов постановил запретить взимание процента на капитал и эта практика продолжалась до XVI в., до самой Реформации. В каноническом праве XVIII, XIV, XV вв. запрет на процент практически принял характер программы по формированию предпринимательского духа и предпринимательской стратегии католика: «тот, кто только отдает деньги в ссуду или в рост, не действуя сам в качестве предпринимателя, ленив, он и не должен получать награды в виде процента» [5, 191]. Осудив ростовщичество как социальное иждивенчество и паразитизм, католическая церковь потребовала деятельного участия в производстве первого лица. Если раньше сеньор мог находиться в паломнических походах или при королевском дворе, а за него его хозяйственные функции

выполняли другие, то теперь, церковь посчитала это недопустимым. Только непосредственное участие в производственном процессе, сопряженное с риском и напряжением, заслуживает денежного вознаграждения и покровительства со стороны церкви. Таким образом, заклеив систему ростовщичества, католическая церковь поставила развитие западноевропейского капитализма не на коммерческие, а на производственные рельсы.

Протестантизм и отменил запрет на процент, который христианская церковь держала на протяжении полутора тысяч лет, и впустил в Европу ростовщический капитализм, изменив отношение христианского мира к кредиту. М. Вебер, в рамках своей концепции «протестантизм и капитализм», дает уже позитивную оценку кредита для становления капиталистического духа, ибо он, по его мнению, воспитывал такие качества, как ответственность, пунктуальность, дисциплинированность и социальную пассивность, так необходимую для стабильности финансового рынка. Союз протестантизма и иудаизма, по мнению Зомбарта, явился решающим моментом в становлении кредитно-финансового капитализма Запада. Если католицизм заложил основы производственного капитализма, то иудаизм, в союзе с протестантизмом, — кредитно-финансового, который, в конечном итоге, подчинил себе производственный капитализм, и, по образному выражению В. Зомбарта, «тонкими нитями денежных займов связал великий феодализм», а мы бы добавили — и весь последующий мир, «как лилипуты связали Гулливера» [4, 594].

Таким образом, характерной особенностью философии хозяйства иудаизма, с ее утилитаризмом и прагматизмом к сотворенному, природному миру, является пренебрежение к сельскохозяйственному и промышленному производству, где главным источником богатства является не земля, и не труд, а деньги в их самовозрастающей стоимости, не имеющие национальных границ и пределов. «Они (евреи. — М.Э.) стали властелинами денег, через деньги, которые сумели подчинить себе, стали властителями мира» [4, 592]. Подобно тому, как в иудейской космологии природный мир предстал как материал для использования, точно также в философии хозяйства иудаизма весь мир предстал как неиссякаемый источник наживы.

Следующим направлением развития философии хозяйства в начале XX в. было исследование проблемы «буддизм и капитализм», принятая В.А. Кожевниковым в его двухтомнике «Буддизм в сравнении с христианством». Само понятие «буддийская философия хозяйства» принадлежит С.Н. Булгакову. В «Философии хозяйства» содержится сравнительный анализ христианского и буддистского понимания труда, хозяйства и земли с точки зрения сотериологии. Нужно ска-

зять, что этот пласт булгаковского наследия никто из известных нам комментаторов — как дореволюционных, так и современных — не изучал, а потому и не видел существующей связи между «Философией хозяйства» С.Н. Булгакова и «Буддизмом в сравнении с христианством» В.А. Кожевникова. В.А. Кожевников был единственным из известных нам русских ученых, кто продолжил дело С.Н. Булгакова на новом исследовательском материале. В своей монографии В.А. Кожевников, наряду с сотериологическими, исследует религиозно-метафизические предпосылки хозяйственной жизни Индии, которые можно определить как атеизм, антикосмизм, антиатманнизм, аскетизм, и, в конечном итоге, земледельческий абсентеизм.

Согласно пессимистическому мировоззрению буддизма, сама жизнь есть источник зла и страдания, а отсюда и весть Будды для всего живущего о том, что эта жизнь не вечна, что она может быть преращена, есть благая весть, в которой прозвучала надежда на спасение от этой жизни. Это весть о вечной смерти, о конечной победе ее над жизнью, небытия над бытием. А отсюда призыв Будды — «Не любите ничего земного», в отличие от призыва Христа — «Да любите друг друга». Отсюда цель буддизма — «небытие вечное», тогда как христианства — «жизнь вечная». В буддистской концепции спасения, с ее апологией «вечной смерти», материальное начало в человеке выступает препятствием к спасению, поэтому вместо удовлетворения материальных потребностей с целью сохранения и расширения жизни человек должен проповедовать аскетизм. «Буддистский аскетизм и был следствием и спутником пессимистического мировоззрения, выросшего на этом убеждении. С этой точки зрения отказ от соблазнов земной жизни должен был считаться правильным путем и средством к избавлению от ига бытия вообще, ведь основная проблема буддизма — не спасение, а именно избавление; конечная цель мудреца — не упрочение жизни, не бессмертие, которого нет, а упразднение жизни, “полное освобождение”. Буддийский аскетизм — дело и не богоугодное, и не человекоугодное, как и вообще не жизнеугодное» [6, 256].

В соответствии с сотериологией буддизм дал крайне низкую оценку труда вообще, в котором видели препятствие к спасению, и земледельческого в частности, который был самым греховным из всех видов труда. Это свидетельствовало об осуждении и самого труда и физических средств его выполнения. Если в христианстве жить за счет своего труда считалось достойным, то в буддизме — унижительным и презренным, не подобающим людям благородным. Эти мысли получили свое практическое воплощение в монашеской общине, где единственным достойным источником существования правоверного считался дармовой труд.

Влияние этих идей вышло далеко за пределы монашеской общины и распространилось на все общество. Верность выводов В.А. Кожевникова о влиянии философии хозяйства буддизма на общественную жизнь подтвердилось в середине XX в., быть может, в один из самых ответственных моментов в современной истории Индии. Именно буддизм, а не любая другая религия Индии, менее отрешенная от мирской жизни, сыграл принципиальную и решающую роль в деле сохранения кастовой системы индийского общества. Речь идет об аграрных реформах середины XX в., которые были направлены против традиционных собственников, в господстве которых националисты-конгрессисты увидели причину бедственного положения страны. Принцип, которым руководствовались националисты, поразительным образом совпадает с булгаковским пониманием частной собственности на землю, сформулированным им в «Капитализме и земледелии», — земля должна принадлежать тем, кто на ней живет и кто ее обрабатывает. Смысл аграрных преобразований как раз-таки и состоял в том, чтобы передать землю в собственность труженикам-кисанам и лишить традиционных собственников-маликов права на получение дохода с земли, если они не будут обрабатывать ее сами. Но, как показала история, все осталось без изменения — труженики так и остались тружениками, не став собственниками, а традиционные собственники так и остались собственниками, не став тружениками, но получили статус земледельца. И этот статус земледельца, спасающий традиционного собственника от экспроприации, они получили во многом благодаря буддистской формуле, разрешающей высшим кастам заниматься земледелием, но без применения физического труда. То есть, не изменяя своей концепции греховности труда, буддизм предложил умную формулу в защиту жизни за чужой счет, разрешив высшим кастам заниматься земледелием как организаторам сельскохозяйственного производства, что было в принципе недопустимо с точки зрения как брахманизма, так и индуизма. Но организаторская деятельность земледельца-малика мало напоминает организаторскую деятельность католика, который принимал личное участие в организации сельскохозяйственного производства. Организатор-малик мог даже не жить в деревне, потому что это могло навредить делу его спасения, ведь труженик не может быть праведником. Другими словами, организаторская деятельность маликов предстала как новейшая форма дармового труда, так почитаемого в праведной жизни буддиста, и он, как и раньше получал доход с земли, не приложив к этому никакого личного труда. Аграрные реформы в Индии потерпели неудачу, причину которых Д. Торнер, который в большей степени был историком экономической мысли, чем

чистым экономистом, связал с мощным «религиозным депрессором» [7, 57], который все и оставил на своих местах.

Именно таким образом религиозная метафизика буддизма, с ее пренебрежением к земледельческому труду и к земле, в которой она видела источник зла и страдания, породила земледельческий абсентизм, с его отрицанием понятия труда и земли в качестве источника богатства и понятием крестьянства как производительной силы сельскохозяйственного производства. По сути, напрочь закрыв эффективность земледелия в аграрном регионе мира, каким потенциально является Индия, все тот же буддизм открыл ей на пороге XXI в. путь в мир большой экономики. В условиях мировой виртуальной экономики Индия, как никакая другая страна, оказалась подготовленной именно буддийским рационализмом к новому технологическому взлету. Значительная часть населения Индии, не желая заниматься земледелием под действием «религиозного депрессора» (на сегодняшний день сельскохозяйственный сектор Индии дает только 20% от ВВП), села за компьютеры и стала мировым поставщиком компьютерных программ и технологий, превратившись в страну-обслужу. В этом смысл азиатского капитализма, если под ним понимать производство компьютерных и других технологических услуг.

Вследствие того, что из аграрного сектора мира выпадает Индия, Россия, равная ей по территории, но отличная от нее по хозяйственному мировоззрению, способна решать проблему пропитания. Согласно христианской концепции спасения, с ее апологией «вечной жизни», в этом мире «жизнь жительствоует» как смертная жизнь, под угрозой подстерегающего ее небытия. А отсюда, борьба за жизнь с силами смерти есть самое общее определение существования — и не только в смысле онтологическом, но и в биологическом. И в первую очередь борьба за жизнь есть борьба за пищу, за удовлетворение материальных потребностей, и это сближает человека со всем животным миром. Всякому живому существу, а также и человеку приходится отстаивать свое существование, не только защищая жизнь от смерти, но и расширяя территорию жизни различными формами — от примитивных инструментов до новых современных достижений науки и техники. И в этом смысле труд есть средство спасения жизни против сил смерти. А хозяйственная жизнь есть трудовая жизнь во имя жизнеутверждения. Ведь жизнь возникает как «дар божий», т. е. без сознательного приложения труда, дается даром, но поддержание ее уже оплачивается трудом, волевым усилием человека, вырывающем ее из железной хватки смерти. «И в этом смысле хозяйственная жизнь есть трудовая деятельность воспроизведения или завоевания жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению» [8, 39].

А это рождает иное отношение к труду и земле, которое мы видели в буддизме. Христианство, в большей степени православие, породило отношение к земле, как святыне, данной Богом в пользование человеку на благо — во имя сохранения жизни, и соответственно уважительное отношение к земледельческому труду. Вот это соучастие Бога, земли, земледельческого труда и стало основой такого явления, как крестьянство. Об этом говорит и этимологический анализ данного понятия, согласно которому древние русичи сами себя никогда не называли русскими, но всегда крестьянами — что одновременно означает и христиан, и крестьян. Неслучайно, что в древнерусском языке и, прежде всего, в русском Христ и Крест фактически совпадают. Крестьянин есть христианин, христианин есть крестьянин. Крестьянство есть наиболее эффективный способ земледелия, выработанный за всю историю существования человечества и не известный другим цивилизациям и народам. Вот это сочетание земельный, природный и крестьянский ресурс — собственно, и составляет основу сельскохозяйственного производства, которое отвечает, прежде всего, за качество, а не количество произведенных товаров. Отсутствие какого либо одного является открытием дверей в сферу индустрии, промышленного производства сельхозпродуктов. Неслучайно, что Индия, вслед за Германией, выступает пионером-производителем генномодифицированных продуктов, одна — риса, другая — картофеля. И хотя причины разные: в Германии — вследствие действия закона убывающего плодородия, в Индии — за счет отсутствия человеческого ресурса — крестьянства — результат один. Легче произвести, чем вырастить!

С.Н. Булгаков обосновал аграрную концепцию развития России в условиях промышленного, а мы бы добавили — и финансового капитализма. Пока человечество не изобретет искусственных продуктов питания, столь же органических для человеческой жизни, какие дает природа, до тех пор страны аграрного сектора мира должны определять мировую экономику, по той простой причине, что промышленность и до сих пор обрабатывает лишь то, что добывает сельское хозяйство, а ростовщичество до сих пор пользуется тем, что создается другими сферами человеческой жизнедеятельности. Таким образом, не промышленное производство продуктов питания и не деньги решают проблему сохранения жизни на земле, в которой главное пропитание, а возрождение аграрного сектора мира, и прежде всего возрождение сельского хозяйства России.

Литература

1. *Хрисанф, архимандрит.* Религии Древнего мира в их отношении к христианству: В 3 т. Т. 3. СПб., 1878.
2. *Панарин А.С.* Политология. М., 2000.
3. *Бородай Ю.М.* Третий путь (исследование религиозно-этических предпосылок) // Наш современник. 1991. № 9.
4. *Зомбарт В.* Евреи и экономика // Зомбарт В. Собр. соч. Т. 2. СПб., 2005.
5. *Зомбарт В.* Буржуа. М., 1994.
6. *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1, 2. Пг., 1916.
7. *Торнер Д.* Аграрный строй Индии (Итоги реформ и оценка перспектив). М., 1959.
8. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.

В.В. РЫШКУС

Хозяйственный потенциал развития России

Аннотация. В статье, посвященной 140-летию со дня рождения С.Н. Булгакова, раскрывается особое значение целесообразной хозяйственной деятельности народа, определяющей пространственный потенциал России, что имеет решающее воздействие на формирование внутреннего богатства человека.

Ключевые слова: целесообразность, философия хозяйства, хозяйственная деятельность, пространственный потенциал, экономическая однородность.

Abstract. In the article, devoted to the 140th anniversary of the birth of S.N. Bulgakov, a specific role and place of appropriate economic activity of a nation which forms space potential of Russia and has a decisive influence on the creation of internal wealth of a man, is shown.

Keywords: practicability, philosophy of economics, economic activity, space potential, economic homogeneity.

Идеи стратегического планирования будущего в судьбе России всегда играли неоднозначную роль. С одной стороны, на их основе разрабатывались программы и концепции долгосрочного развития, имеющие целью построение «светлого будущего», а с другой — на практике, как правило, реализация этих разработок оказывалась не только сложной, но и противоречащей заявляемым целям. Так было с про-

граммой построения коммунизма, когда в итоге социалистическое будущее обернулось реальностью перепутья начала 1990-х гг., с программой «500 дней», когда экономическое отставание от развитых стран только усилилось, так сохраняется и теперь, когда по истечении 5 лет с момента разработки «Концепции 2020» построение инновационной экономики кажется еще более утопичным в условиях нарастания экспортно-сырьевой зависимости. Вместе с тем жизнь продолжается и существует независимо от «разработки программ развития».

Качество жизни, если оно ставится в зависимость от успешности реализации самих программ и связывается с динамикой ВВП, нормой потребления, уровнем образования и т. д., ограничивается экономической стороной жизни, экономическими интересами, которые могут быть значительными или не очень, но которые являются не единственными в жизни человека. К сожалению, именно эту составляющую жизни, с характерными для нее приоритетами, берут за основу качества жизни человека: «Модернизация, другими словами, поступательное и качественное развитие, на наш взгляд, это прежде всего вложение в человека, его способности, таланты, создание условий для самореализации и инициативы. Это вложения в качество жизни наших граждан. И я абсолютно убежден, именно на этой основе можно обеспечить и высокие темпы роста, и настоящий технологический прорыв» [1].

Получается, что технологический прорыв и высокие темпы роста являются следствием высокого качества жизни, что приобретение востребованных экономикой навыков и знаний позволяет человеку повышать качество жизни и быть полезным экономике в ее возможном инновационном настоящем, что самореализация человека — это увеличение его материального достатка, что инвестиции в его капитал направлены на его саморазвитие. Видимо, этого подхода недостаточно, чтобы судить о действительном качестве жизни. Ни для кого не секрет, какими демографическими, экологическими, социальными проблемами оборачивается для человечества, «ради» которого и разрабатываются стратегии, реализуемый на практике приоритет экономического развития. В условиях господствующего рационализма сложно развивать научную мысль, отличную от логики экономической теории, при этом оставаясь в рамках ее предмета, что связано с целостностью этой мысли, для которой, если говорить языком биологии, развитие одной части организма опосредовано развитием другой его части, и вырывание одного органа из диапазона исследования, нарушает это внутреннее единство, что незамедлительно выражается во внешних проявлениях, порой негативных и необратимых. Однако такая мысль есть, и она определяется не только своей научной обоснованностью, доказательностью, но и тем свойством, которое в науке не берется в расчет и которое невозможно выразить рационально, связанное с интуитивным

ощущением, а соответственно и признанием тех или иных явлений, процессов, идей. Эта мысль, если хотите, переворачивает сложившиеся представления о развитии, а потому не воспринимается теми, кто воспитан на формальной логике, требующей в подтверждение своих размышлений конкретные цифры, алгоритмы, схемы, порой игнорируя первостепенную важность методологических оснований, на которых, быть может, и стоит остановиться подольше, чтобы посмотреть на все панорамно. Сложно дать название этой мысли, но философия хозяйства, которую, видимо, именно *интуитивно* назвал так С.Н. Булгаков, в какой-то степени отражает эту специфику. В мире институциональных теорий, неоклассических идей наше национальное слово может и должно быть веским, не ограничиваясь прагматикой постиндустриального общества, преодолевая затянувшуюся болезнь той части человечества, которая живет преумножением достатка, тем, «чтобы называть как можно больше вещей *своими*» [2, 26], да и скорее не живет, а существует.

С.Н. Булгаков поставил «проблему человека в природе и природы в человеке». Уже сама постановка проблемы расширяет границы представлений экономической науки о прогрессе, поскольку не только рассматривает образ жизни человека в природной среде, но и то, какое место занимает природа, земля в жизни человека, как эта внешняя среда взаимообусловлена природой самого человека, его базовыми потребностями, характером его жизнедеятельности. Между тем это не утопия, если говорить о сегодняшней реальности, и действительно сохранились еще формы жизни, когда человек развивается, имея базовыми потребностями те, которые не порождены рыночной экономикой. Но как объяснить рационалисту и прагматику то, что бег босиком по сырой земле в чистом поле — это жизнь, как ему доказать, что воспитание детей в природной среде — это счастье, смысл? Интуитивно он это может ощущать и даже признавать, но фактически предлагаемые им меры достижения счастья вступают в противоречие с этим, ограничиваясь экономической составляющей жизни, которая в настоящее время не может не присутствовать в жизни любого человека, но которая по-разному может восприниматься, в зависимости от характера человеческой деятельности. Такая ограниченность и противоречивость нашли отражение в современных экономических стратегиях развития, разрабатываемых разными институтами, организациями, отдельными авторами, коллективами авторов и т. д.

Иное представление о качестве жизни заключено в системе потребностей, в основании которой лежит потребность в целесообразной хозяйственной деятельности. Как понимать эту особую целесообразность, когда в экономической науке понятие «хозяйственный» отождествляется с понятием «экономический», и отсюда начинаются все

дальнейшие расхождения в представлениях о развитии, о потребностях, о судьбе?! Важным становится момент того, какова система потребностей у самих авторов, предлагающих стратегии развития. Сложно писать о чем-то, что не свойственно тебе самому. В результате чего у одних людей складывается одно основание системы потребностей, а у других — иное? Все разговоры об универсальности всех систем потребностей не имеют под собой должных оснований, что легко подтверждается особенностями жизни разных народов в разные времена. Бытует мнение, что мораль и нравственность, присущие людям, порождают нормы их поведения, а что порождает мораль, ответ не дается. Видимо, необходимо рассматривать деятельную сторону жизни человека, чтобы проследить трансформацию его поведения, формирование его потребностей.

Когда деятельность человека не ограничена только производственными, потребительскими и товарно-денежными отношениями, то она становится неэкономической, а когда эти отношения присущи жизни человека, но не главенствуют в ней, а приоритетными являются ведение дома, воспитание детей, обеспечение чистоты природы, занятие разнохарактерными видами деятельности, как физическими, так и умственными, когда все это вместе составляет смысл, цель человеческой жизни, тогда у человека складывается иное основание системы его потребностей, и потому такую деятельность можно назвать целесообразной хозяйственной. Она как бы сообразна, согласуется с целями человека, ведущего хозяйственный образ жизни, объединяющий и демографическое, и экологическое, и педагогическое развитие. Эта потребность представляет для человека *самоцель*, в то время как в развитой экономике эта потребность вовсе не потребность, а лишь *средство*. Самой экономикой она не производится, а, соответственно, не провоцируется ее потребление, однако она существует как средство воспроизводства рабочей силы, получения зарплат.

Что положительного в этой потребности как самоцели, спросит читатель, интересующийся целесообразностью постановки такой проблемы? А то, что она формирует потенциал человека, *пассионарность*¹⁶, *жизненные силы, энергию народа*¹⁷, чего не делает экономика,

¹⁶ Л.Н. Гумилев рассматривал пассионарность как особую биопсихическую энергию, рождаемую сочетанием этнических, географических и климатических условий жизни народа. В.И. Вернадский определил ее как «биохимическую энергию живого вещества», содержащуюся в общине, объединенной внутренними связями.

¹⁷ У Альфреда Маршалла встречается понятие «энергия народа», но он обуславливает наличие этой энергии у человека уровнем знаний, нравственными,

и закономерности ее функционирования и развития уже давно это выявили и доказали. В экономической мысли этот потенциал отождествляют с человеческим капиталом: «...сама экономика должна формировать спрос на квалифицированные рабочие руки, хорошо подготовленных рабочих и инженеров. <...> нам необходимо запустить новую волну индустриального технологического развития России, создать условия для притока долгосрочных, так называемых умных инвестиций и передовых технологий. У нас нет другого выбора, другой альтернативы, если мы хотим обеспечить конкурентоспособность и востребованность нашего человеческого потенциала» [1]. Это связано с тем, что его рассматривают не как нечто, формирующее внутреннее богатство человека, что в принципе экономической наукой не рассматривается, а через обеспечиваемые благодаря его реализации практические результаты. Так, в современных стратегиях развития рассматриваются факторы, способствующие получению требуемой для предпринимателя нормы прибыли с помощью этого качества человека. Нами признается разница между реализацией человеческого потенциала, его проявлением на практике, приложением к решению экономических задач и процессом его накопления. В экономических стратегиях развитие человеческого потенциала связано с его эффективным использованием в целях повышения производительности, безотносительно к тому, как потенциал формируется, о чем также свидетельствуют такие признанные показатели, как ИРЧП, международный индекс счастья, отражающие результаты экономической реализации человеческого потенциала. Известны примеры истории, когда за счет накопленного потенциала народа реализовывали экономические проекты, строили пирамиды, «прорубали окно в Европу», «догоняли Америку». Только где этот потенциал теперь?! Почему сегодня его не используют для построения инновационной экономики? Видимо, расходование потенциала происходило не для народа, а за счет его сил.

Качество жизни, не определяемое обладанием материально-вещественных ценностей, по-иному рассматривает человеческий потенциал. Оно зависит от того, приобретает ли человек в ходе своей жизнедеятельности здоровье, укрепляет ли целостность и духовность, формируется ли при этом его внутреннее богатство, духовный потенциал. Образ жизни человека, характер его деятельности в неотчужденной среде, в единстве с семьей, природой, народом, определяют накопление потенциала, что сберегает жизненные силы человека, формирует его нравственность. В определенной мере понятие «народ» связано с этим потенциалом: жизнь народа сопряжена с процессом накоп-

социальными, домашними нормами поведения, что создает цену предложения этого качества человека [3, 295—296].

ления потенциала, в результате чего рождаются самородки. Пушкин стал Пушкиным не от образования, но формально логическим подходом это не учитывается, потому многие современные предложения связывают будущее развитие поколений с достойным образованием. Только достойность эта, к сожалению, определяется востребованностью потенциала человека в экономике. Когда накопление потенциала формирует качество жизни, тогда и экономические условия, такие как инфраструктура, работа, образование, являются лишь средствами накопления чего-то более важного, экономически нецелесообразного, для самой жизни.

Изменение образа жизни человека в направлении удовлетворения потребностей в товарах и услугах, признания материального прогресса двигателем всякого развития, овеществлении богатства отчуждает человека от природы, семьи, народа, делает условием его существования преодоление порожденных развитием экономики негативных демографических тенденций, стабильное развитие рынка труда и устойчивое повышение заработной платы, возможность получения специальности. Рост производительности труда является важным направлением стратегии в целях обеспечения национальной безопасности, однако важно, чтобы сам рост не становился целью, при которой происходила бы невоспроизводимая растрата потенциала. «Утечка мозгов», воспринимаемая как проблема, фактически является подтверждением того, что в странах-донорах формируется потенциал, расходуемый далее на развитие экономики.

Человеческий потенциал накапливается на тех территориях, где удовлетворяется потребность в целесообразной хозяйственной деятельности, и этот потенциал становится поистине хозяйственным. Вообще сам потенциал как жизненная энергия народа не может не быть хозяйственным, поскольку тогда бы он утратил единящее, аккумулирующее, преобразующее, создающее свойство, присущее ему и формирующее универсальность мировоззрения человека, тогда бы он был капиталом индивидуального работника, специалиста в профильном направлении. Кто совершает научные открытия, инновационные прорывы? Те, кто не от образования, мир познает, тот как бы «сам рождается». А рождается на хозяйственных территориях, формирующих эту неординарность, универсальность. Пушкины рождаются на земле, где накапливается потенциал.

Последнее время обсуждается роль пространственного потенциала в стратегии социально-экономического развития России [4]. Неоднородность экономического пространства России, обусловленная высокой дифференциацией в уровне цен на одни и те же товары и услуги в различных регионах страны, независимо от размеров их территории, в обеспеченности населения страны легковыми автомобилями и жильем,

в конечном потреблении на душу населения, в уровне среднедушевых доходов¹⁸, на наш взгляд, как раз и формирует этот потенциал. Когда пространственный потенциал рассматривается как «ценность, которая должна быть рационально реализована» [7, 14], говорят о необходимости развития внутреннего рынка на территории страны, обеспечения экономического роста, и, таким образом, все сводится к экономической однородности страны, что низводит значение многоукладности как национальной специфики. Однако пространственный потенциал создается как раз за счет неоднородности, когда одни пространства страны богаты предметами потребления, приносящими прибавочный продукт, а на других территориях пространство обладает иным качеством, обусловленным влиянием переменчивых природно-климатических, географических, геополитических факторов, и сложность этого пространства обуславливает универсальность развития человека. Пространственный потенциал — это потенциал самого человека, и он в том смысле пространственный, что не ограничен экономическим развитием, с одной стороны, что не отделяет жизнь человека от «матери сырой земли» — с другой.

Пространства, которым присущ хозяйственный уклад жизни народа — это регионы средней полосы России. Они не представляют экономического интереса для предпринимателя, чьи потребности в инвестициях на них не удовлетворяются. В южных регионах, наоборот, развивается рынок земли, и связанные с ним отношения; регионы крайнего Севера в силу крайне сурового климата непригодны для хозяйствования. На них сохраняются традиционные общинные формы жизни людей, хозяйственному укладу жизни которых присущ деятельный характер, неотделимый от родовой жизни, от развития в природной среде, что предопределяет особое отношение к земле. Здесь формируется отношение к продукту труда, основанное на принципе «необходимой достаточности», на особом рода кооперации, и под воздействием эмерджентного эффекта, достигаемого в ней, определяется внутреннее богатство человека. Это формирует специфику национального менталитета, образ жизни человека. Экономическая деятельность на этих

¹⁸ Максимальная величина ВРП на душу населения в 2006 г. была в Тюменской области и составляла 782 429 р., минимальная в республике Ингушетия — 17 471 р. [5, 324—326]. Распределение регионов по этому показателю асимметрично: выше среднероссийского уровня находилось только 29 субъектов, в 11 регионах этот показатель был более чем вдвое ниже среднероссийского, хотя в 1994 г. таких регионов насчитывалось 7. «Наиболее высокой степенью межрегиональных различий характеризуются показатели конечного потребления на душу населения (44,7%) и уровень среднедушевых доходов (44,2%)» [6, 64].

территориях развивается не в качестве основной и определяющей, а как условие ведения целесообразной хозяйственной деятельности, что не предполагает изоляции от остального мира, как это может показаться на первый взгляд. Существование таких регионов делает возможным достижение преимущества в виде накопленного человеческого потенциала, в рождении самородков, в противовес развитым странам, где на протяжении десятилетий наблюдается острый дефицит национального креатива¹⁹. Ни инвестиции в образование, ни улучшение качества медицинских услуг, активно реализуемые в экономических зонах, не обеспечивают рост потенциала, не формируют систему потребностей, неотделенной от родовой жизни, что происходит в неотчужденной среде, на хозяйственных территориях. Отсутствие развитого внутреннего рынка внутри страны создает разнородность, что позволяет стране сохранять целостность за счет объединения разнокачественных территорий, и это образует базу для принятия хозяйственно-политических решений, направленных на накопление хозяйственного потенциала развития России.

Литература

1. Отчет В.В. Путина в Государственной Думе о деятельности Правительства России за 2010 год // www.premier.gov.ru.
2. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 12. М., 1964.
3. Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993.
4. Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России / Отв. ред. Л.В. Никифоров. М., 2011.
5. Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008.
6. Чернова Л.С. Тенденции региональной дифференциации уровней социального развития субъектов РФ // Проблемы прогнозирования. 2007. № 6.
7. Ефимов В.П. Пространственный потенциал — основа развития региона в качестве целостного социально-экономического комплекса. Автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 2006.
8. Гринспен А. Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М., 2010.

¹⁹ А. Гринспен, описывая нарастающие демографические проблемы США, задается вопросом, смогут ли «новые работники обеспечить товарами и услугами себя, свои семьи и вышедшее на пенсию беспрецедентное по численности поколение» [8, 390].

П.П. ЖУЛИКОВ

Современный капитализм и его гносеологические корни

Вообще онтологически не существует ни зла, ни ада, он есть своего рода галлюцинация, закономерно возникающая в больных душах. Но именно поэтому-то ему и несвойственна вечность, он относится к области небытия, отделившегося от бытия.

С.Н. Булгаков

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявления роли капитала в современных процессах развития мировой экономики, мирового хозяйства. Рассматриваются гносеологические корни формирования феномена современного капитала.

Ключевые слова: философия хозяйства, капитал, богатство, собственность.

Abstract. Article seeks to identify the role of capital in the current processes for the world economy, world economy. Author discusses the epistemological roots forming phenomenon of modern capital.

Keywords: philosophy of economy, equity, wealth, property.

Современный период развития человеческого хозяйства ставит перед экономической теорией ряд задач, решение которых выходит за рамки традиционных представлений о границах научного познания и его природе. Действующие теоретические концепции, неоднозначно трактуемые одни и те же уже свершившиеся экономические явления, затрудняют понимание истинного положения протекающих процессов и не позволяют адекватно оценивать новые вызовы, встающие перед развивающимися мировым и национальными хозяйствами. Поднимаемые вопросы не находят адекватных ответов ни у научной и культурной общественности, ни у власти и духовенства. Вместо анализа ситуации в обществе муссируется апокалипсическая тематика, что косвенно говорит о тупике в идеологии и теории развития хозяйства, в первую очередь, в экономической теории. В этом просматривается потенциальная серьезная угроза дальнейшему развитию человеческого хозяйства и существованию человечества вообще. И попытка рассмотреть варианты неапокалипсического развития через призму философии хозяйства С.Н. Булгакова, возрожденную и обновленную Ю.М. Осиповым, представляется вполне своевременной.

Формула человеческого бытия — это рождение, жизнь и смерть. Жизненный цикл состоит из трех этапов: человек рождается, чтобы прожить свою жизнь, и умирает, оставляя человечеству свой опыт и знания. Каждый человек ведет свое хозяйство, личное, домовое или коллективное общинное. Из коллективных, домовых и личных хозяйств формируются национальные хозяйства, из которых, в свою очередь, и состоит мировое, или человеческое, хозяйство. Каждое хозяйство имеет свои жизненные циклы, каждое хозяйство создается в соответствии с представлениями элементов этого хозяйства: отдельных личностей, родов, коллективов, групп и т. д., т. е. под воздействием широкого спектра факторов. Жизненные циклы любого хозяйства имеют различную протяженность во времени и различную величину фаз, они функционально связаны между собой и базируются на жизненном цикле человека. Человеческое, или мировое, хозяйство состоит из национальных хозяйств, у которых свои жизненные циклы, и финал жизнедеятельности национального хозяйства по аналогии тоже можно представлять как смерть, или более помпезно — апокалипсис. Человек смертен, его цикл жизни в среднем составляет 85 лет плюс-минус 20 лет, далее идут исключения и технологии, но человечество бессмертно. Национальное хозяйство тоже имеет возрастное ограничение до двух жизненных циклов человека, и, если не применяются специальные технологии по модернизации национального хозяйства, оно распадается. А мировое хозяйство в представляемых отрезках времени бессмертно. Меняются экономические формации, умирают люди... все это можно сравнивать с локальными апокалипсисами, но глобального апокалипсиса ожидать в ближайшие двести лет не следует, хотя будут и войны, и смуты, но не апокалипсис. Попробуем проследить некоторые аспекты развития этой темы.

Человеческое бытие — это всего три фазы, и уже на стадии первичной расшифровки этих фаз возникают совсем непростые вопросы.

Откуда человек пришел в этот мир? Кто наделяет человека «пакетом» генной информации всех предыдущих поколений? Как сохраняется генная информация в родových клетках родителей и каков уровень упаковки этой информации, если ребенок сохраняет черты, привычки своих предков? И почему каждой паре дается такой таинственный «пакетик» — ребенок, который «знает» все, что было до него, «помнит» все прошлое и которого надо наполнить знанием, умением, опытом текущего времени... И все это для того, чтобы он ушел в небытие без следа, прожив определенный период, накопив определенный жизненный опыт? И куда девается излучаемое им при жизни поле? И еще бесконечный ряд вопросов, на которые ответа нет.

Сегодня остается только фантазировать об эволюции человека от обезьяны или сотворении из ничего. Но от обезьяны человек не произошел, это доказали генетики. И из ничего человека слепить нельзя, слишком сложная структура — из ничего, или из абы чего, такую вселенную не сотворить. В вопросах о том, куда уходит человек и кто его создал, какой Творец: Бог или Природа, или это одно и то же, — пусть разбираются канонические философы, им это ближе. А вот в бытии человека, хозяйстве, хозяйствовании следует разбираться экономистам, философам хозяйства с учетом новых вызовов времени.

Очевидно, что мы не знаем, как и для чего человек пришел в этот мир, однако нам известно, что весь обозримый период своего присутствия человек хозяйствует, выживает, постигает законы природы, использует — потребляет — природный мир. Человек хозяйствует, чтобы выжить, но хозяйствует по-разному, с разной интенсивностью эксплуатации природы, человеческое хозяйство может быть натуральным и экономическим.

Натуральное хозяйство потребляет данный мир в соответствии с необходимым для бытия человека. В настоящее время натуральное хозяйство не исчезло и занимает около четверти мирового производства материального продукта жизнеобеспечения, но в совокупном объеме мирового ВВП его доля невелика и роль в организации современного хозяйства тоже незначительна.

Экономическое хозяйство потребляет и преобразует природный мир, создает свой мир человеческий, отличающийся от данного ему природой, мир в котором динамично расширяющееся потребление становится смыслом существования, смыслом бытия, которого человек не понимает. Желание понять смысл бытия у человека прослеживается с древнейших времен, однако ответов на многие вопросы так и не найдено. Многочисленные исследования человеческого хозяйства и хозяйствования не дают ответа на вопросы о миссии человека, о предназначении человеческого хозяйства, однако позволяют констатировать, что в результате хозяйствования человеческое хозяйство расширяется, а человечество размножается. Хозяйство становится сложнее, масштабнее, а человек умнее, умелее, практичнее, он более агрессивно использует природу для укрупнения хозяйства. Человеческое хозяйство непрерывно совершенствуется и укрупняется, человеческая масса увеличивается — это подталкивает исследователя к мысли о том, что, возможно, одной из целей человеческого присутствия в этом мире и есть увеличение массы и интеллектуальной мощи человечества за счет потребления природы. Возможно, что в основе человеческого бытия заложена идея роста человеческой массы, в которой зарождаются центры интеллекта, формирующие идеологию развития через познание

мира, применения этих знаний для возрастания человеческого потенциала: выжить — познать — применить знания для расширения жизненного пространства. По крайней мере в такую формулу укладывается текущая картина человеческого бытия последних нескольких тысячелетий.

В различных точках планеты сформировались очаги натурального — общинного — хозяйства, после достижения определенного уровня производства и потребления блага — продукта — из них выделяются группы с повышенной потребностью в потреблении блага. Формируются потребности более высокого уровня, в большем количестве и ином качестве. Внутри общинного мира зарождается новый мир, мотивируемый расширенным потреблением, действующий по принципу — прав тот, кто выжил; сильнейший вид — тот, кто более других узнал тайн природы, смог их применить, укрупнить свое хозяйство за счет производства средств производства и поглощения конкурентов. В процессе укрупнения формируются сначала видовые хозяйства, которые по мере развития трансформируются в национальные, а потом имперские хозяйства. Слабые и нежизнеспособные хозяйства распадаются на кирпичики, из которых формируются новые, более крупные и устойчивые структуры. Это непрерывное действие чем-то напоминает сборку необозначенной картины из пазлов разношерстной командой непрофессионалов, случайных игроков. При этом соблюдаются определенные закономерности в этом процессе укрупнения человеческого хозяйства и прослеживаются конкретные механизмы обеспечения этого непрерывного процесса расширяющегося хозяйствования.

Одним из основных механизмов, продвигающих такое хозяйствование, представляется антагонизм двух базовых начал — производства и потребления. Противоборствующие начала образуют дипольную систему, которая находится в нестабильном равновесии с непрерывным опережением потребления производством.

В настоящее время, в эпоху Постмодерна, производство непрерывно опережает потребление и раскручивает маховик, движущий человеческое хозяйство. Главная проблема в этом механизме заключается в том, что необходимо удерживать разницу между производством и потреблением в определенных рамках, чтобы производство не перекрыло реальные возможности потребления, в противном случае формируются катаклизмы, или кризисы. Из практических наблюдений вырисовывается следующая картина: система работает метаустойчиво, когда рост опережения производством возможностей потребления не превышает 3—5% от валового производства. Если опережение даже незначительно (на 6—7%) превышает эту величину, в хозяйстве наблюдаются сбои. А когда превышение составляет 10% и более, динамич-

ное равновесие разрушается, и в обществе формируются и разгоняются кризисы, которые по импульсивности можно сравнивать со взрывами. В настоящий период такие взрывы часто классифицируют как спонтанные, хотя если проанализировать все сопутствующие процессы пофазно, то вполне прослеживаются определенные закономерности, позволяющие определить точку зарождения кризисного импульса. Остановить процесс после этой критической точки пока не представляется возможным, а просчитать современными инструментальными средствами динамику развития кризиса и поймать критическую точку — задача вполне реальная, для этого необходимо адекватно воспринимать работу механизма, разгоняющего человеческое хозяйство.

Таким образом, дипольный механизм стремительно разгоняет маховик индустриального развития мирового и национальных хозяйств, формируя новые поступательно усложняющиеся вызовы, обусловленные сверхвысокими темпами развития производства и отставанием от него потребления. Каждое новое достижение НТП дает ускорение индустриальному сектору экономики, к которому должно адаптироваться потребление, однако в текущих отрезках времени потребление запаздывает, и разрыв между производством и потреблением увеличивается, что приводит соответствующее хозяйство к экономическим кризисам. Причем каждый новый кризис становится менее предсказуемым и более грозным. Научно-технический прогресс нарушил метастабильный, динамический баланс основных процессов хозяйствования, а именно производства и потребления.

Современное человеческое хозяйство, стремительно развивая индустрию, агрессивно взаимодействует с внешней средой и формирует антагонистические тенденции во внутренней среде, т. е., покоряя макрокосмос, угнетает микрокосмос.

Проблематика развития человеческого хозяйства периодически поднималась на поверхность дискуссионного пространства и регулярно снималась с повестки текущего времени и не потому, что были найдены решения проблемы, а чаще всего по причине того, что очередная попытка разрешения проблемы заходила в тупик экономических догматов.

В разные времена мыслители пытались найти аналогии человеческому хозяйству, например, Ф. Кене, проводя различные аналогии между Богом, человеком и обществом, пытался создать организменную модель человеческого хозяйства, сравнивая общество с человеческим организмом, а деньги с кровью. К. Маркс строил механистические модели развития общества, привлекая математические методы исследования. Интересно, что К. Маркс в своих построениях пришел к мысли, что управляет механизмом индустриального развития хозяйства капи-

тал, исследованию которого и посвятил всю свою жизнь, но разобраться в феномене капитала так и не успел и, как сейчас становится понятно, не мог. Корни современной проблематики лежат в основе человеческого хозяйствования, и для понимания сути вопроса нам придется обратиться к гносеологическим корням выбранной темы.

С древнейших времен, начиная от Сократа и Платона, Каутильи и Конфуция, мыслители пытались понять процессы, происходящие в хозяйстве, в обществе и государстве, и то, как эти процессы будут развиваться в будущем. Они искали первопричины развития общества и находили их в неразрывном антагонизме двух начал: жизни и смерти.

Понимание того, что в основе любого биологического развития лежит симбиоз двух начал — жизни и смерти — пришло к мыслителям давно. Жизнь и смерть воспринимались как данность, как необходимость движения, развития. Правда, вектор движения не определялся, и условно движение вперед трактовалось как движение к совершенствованию и к благосостоянию. Под благосостоянием понималась возможность жить, рожать детей и передавать им опыт жизни. Такая, или близкая, точка зрения была первичной и присутствовала (и присутствует в настоящее время) во всех общинах, т. е. в тех хозяйствах, где соблюдается принцип равенства в труде и пользовании благами, произведенными общественным трудом. Исследования подтверждают, что в общинах, где не было и нет частной собственности, отношение к смерти есть и, вероятно, было спокойным, и смерть воспринималась не как зло, а как естественная смена состояния — как смена дня и ночи, зимы и лета. Логика проста: все, что живет, все равно умрет, распадется на элементы и станет неживым, а потом из неживых элементов сформируется новое живое, и все снова вернется в этот мир таким же равным и свободным. При этом живое стремится выжить, преодолевая препятствия, решая проблемы и оставляя после себя более адаптированное и живучее потомство.

Развитие человека ускорялось, и в сознании людей произошел переворот, включился неизвестный ранее движитель, первичное имя которому — собственность, которая из общей стала личной, появились собственники благ. У собственников блага, и в первую очередь собственников на блага, производящие блага, т. е. на предметы, а позже на средства труда, изменилось отношение к смерти. Смерть стала рассматриваться не как естественное событие, а как кризис, прерывающий рост богатства. Появилась жажда бессмертия. Собственники большого блага становились властителями, и симбиоз двух начал — жизни и смерти — рассматривался ими как антагонизм жизни и смерти, а смерть — как катастрофа — апокалипсис. Жизнь стала рассматриваться как процесс накопительства собственности, а смерть как ка-

тастрофа, отбирающая собственность. Сформулировался принцип — успеть взять от жизни все, пока ты есть. Человек-собственник стал создавать инструменты не улучшения качества жизни, а инструменты накопления богатства. Для облегчения процесса накопления богатства были созданы деньги, которые стали инструментом управления процессами концентрации собственности и символом богатства. Собственность, становясь богатством, все более приобретает свойства самостоятельного общественного организма, объединяет сознание разрозненных собственников, формирует новые общественные институты — классы, и через своих адептов — владельцев богатства устраняет препятствия на пути своего развития.

Сегодня можно констатировать, что около двух тысяч лет тому назад препятствием для концентрации богатства стали не только общинные и полубщинные сообщества, но и рабовладельческие структуры. Главным препятствием для дальнейшей концентрации богатства стало многобожие, и на территории процветающей, казалось бы, Римской империи зарождается идеология единобожия, и все, кто поклоняется другим богам, объявляются еретиками.

Процветающая Римская империя внутри себя создает новую идеологию, которая разрушает незыблемую систему огромной, но уже неспособной расширяться, собственности, и приводит экономику Европы и средиземноморского «воротника» Римской империи к кризису.

Возникает очень конфликтный вопрос: а для чего все это проводилось и в чьих интересах внедрялся новый экономический порядок? Абстрагируясь от персоналий, можно вычлнить главного фигуранта этих разрушительных процессов, который готов разрушить все, чтобы построить новый мир, новый экономический порядок — богатство и его адепты. В результате сложных, жесточайших процессов в Европе сформировался новый экономический порядок, новый способ производства — феодальный и единобожный, давший новые производительные силы, способные укрупнить и концентрировать собственность, т. е. увеличивать богатство.

В Европе стал формироваться новый идеологический уклад — капитализм и единобожие, который оказался более мощным инструментом укрупнения богатства и в течение трех веков сделал прорыв в технологии производства средств производства. В Центральной Европе зародился новый социально-экономический институт накопления богатства — ремесленный капитализм, который был вооружен уже не просто единобожием, а протестантским единобожием. Капитал стал приобретать иные качества — это уже не просто богатство, и уже совсем не просто собственность, это уже было нечто большее, трудно объясняемое и плохо понимаемое, которое объединяет множество по-

нятий и категорий — это совокупность факторов и агрегатов, способных умножать богатство — умножать капитал.

Капитал — новое имя собственности и богатства, которое уже совсем не просто объяснить естественной физикой. Физики тут не хватает. Тут вклиниваются иные категории, настолько иные, что даже определение капитала, данное Марксом — человеком, тщательнее других изучившим капитал, воспринимается далеко неоднозначно: «Капитал — это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение». Такое определение уже как-то уводит рассуждение в сторону от физики и тяготеет к метафизике, что естественно раздражает современного исследователя. Капитал, в основе которого лежит частная собственность на блага и в первую очередь на средства производства, каким-то странным образом становится самостоятельным субъектом истории, хозяйственного развития человека и стремится к постоянно-му укрупнению через своих адептов — собственников капитала.

Капитал через адептов требует постоянного совершенствования технологий накопления богатства и по-иному организует человеческое хозяйство — еще один феномен, до конца не понятый и не раскрытый, несмотря на многочисленные исследования этого направления. Если опустить многочисленные детали, максимально укрупняя объект исследования, то получается, что человеческое хозяйство — это субстанциональный институт развития капитала. Основным инструментом в этом институте является человек — человечество, а основным субъектом становятся адепты капитала. Получается весьма непривлекательная картинка: все человеческое хозяйствование есть ни что иное как механизм накопления и укрупнения капитала, который проявляет свойства организма и для того, чтобы выжить, организует человеческое хозяйство через своих адептов.

И тут просматривается опасная перспектива развития мирового хозяйства: капитал через адептов организует разгоняющийся процесс роста капитала, в котором человек становится и инструментом еще большего увеличения и концентрации капитала, и основной угрозой для его сохранения. Адепты капитала защищаются от населения тем, что внедряют идеологию бесконечно расширяющегося потребления — идеологию, разрушающую человеческое сознание.

Опасность для человеческого развития такой идеологии прослеживается в работах гигантов политэкономии — Маркса, Булгакова, однако предостережения об опасности моноукрупнения капитала почему-то игнорируются, отрицаются современными исследователями через лозунги типа: а сегодня-то и капитализма никакого нет. Однако в 1950-х гг. произошло интересное, но слабо освещенное в российской эко-

номической науке событие: количество занятых в производстве материальных благ работников оказалось менее половины всех работающих.

Капитал стал формировать новый экономический порядок, и сегодняшнее расширение глобализма — это расширение возможностей капитала. Уже сформирована идеология «золотого миллиарда», в которой все остальные есть не что иное как балласт постиндустриального развития. Антагонизм производства и потребления разгоняет маховик современного глобалистического капитализма. Мотором, который этот механизм раскручивает с динамично растущим ускорением, нарушая равновесие в человеческом хозяйстве, стал *капитал*.

Когда С.Н. Булгаков сто лет назад почувствовал первопричину деформаций в развитии хозяйства: «Мы живем в эпоху обостренной экономической рефлексии, напряженного и утонченного экономического самосознания, когда вопросы экономического бытия властно заняли в мысли и чувстве одно из первых мест...», — сообщество недоценило откровения великого философа. Сегодня вопросы философии хозяйства снова поднимаются российскими учеными, Ю.М. Осипов предлагает рассматривать дальнейшее развитие хозяйства не только и не столько с позиций экономикса, а с позиций философии хозяйства как базы дальнейшего развития цивилизации (см.: [1—4]).

Философия хозяйства в настоящий период может взять на себя функции матрицы, на которой будут выстраиваться современные представления о хозяйстве, экономике, идеологии.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
2. Осипов Ю.М. Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI века — 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Под ред. Ю.М.Осипова, Е.С.Зотовой. М., 2000.
3. Жуликов П.П. Философия хозяйства. Взгляд со стороны // Философия хозяйства. 2010. № 1.
4. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. М., 2008.

II

**ИСТОРИЯ,
КУЛЬТУРА,
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Мир после истории

Аннотация. В статье анализируются два взгляда на историю. Первый взгляд предполагает, что история была всегда и продолжается до сих пор. Второй взгляд ограничивает историю принадлежностью к иудео-христианской традиции. Обращаясь к политической ситуации в мире, в том числе к последним арабским революциям, автор приходит к выводу о конце истории.

Ключевые слова: история, Каддафи, современная политическая ситуация, антропология, кризис современности.

Abstract. In article it is analyzed two sights at history. The first sight assumes that the history was always and proceeds till now. The second sight limits history to an accessory to iudeo-Christian tradition. Addressing to a political situation in the world, including to last Arabian revolutions, the author comes to a conclusion about the history end.

Keywords: history, Kaddafi, a modern political situation, anthropology, present crisis.

Возможно два взгляда на историю. Первый — это взгляд людей, которые думают, что история была всегда и всегда она куда-то шла. Они верят, что у нее есть логика и есть смысл. В случае заминки истории всегда находятся люди, которые подталкивают ее в нужном направлении. Другой взгляд — это взгляд людей, которые понимают, что история никуда больше не идет, у нее теперь нет ни логики, ни смысла, и нужно очень постараться, чтобы в нее сегодня попасть. Она когда-то началась и однажды тихо закончилась. Но закончилась она не страшным судом, не победой добра над злом, а вхождением мира в состояние после истории.

История

История — это иудео-христианская идея. Все мы помним о снах фараона и о толковании этих снов Иосифом, о том, как семь тощих коров поглотят семь тучных коров, а семь иссушенных колосков пожрут семь полных колосков. Так предъявила себя миру история, у которой есть начало, середина и конец. И в начале важно думать о том, что будет в конце. В истории время как бы линейно растягивается, и то, что случится в конце, будет зависеть от того, какие смыслы мы извлечем в середине.

Конец истории

История, как матрешка, включает в себя много историй. Но это множество конечно. Первый признак того, что всемирная история закончилась, состоит в невозможности извлечения смыслов. Смыслы невозможно стало извлекать потому, что события заместились сообщениями о событиях. Одно событие сменяется другим событием с такой скоростью, что между ними невозможно поместить сознание. События, не соединенные сознанием, перестали иметь последствия, и поэтому составлять историю они уже не могут.

Второй признак заключается в утрате людьми всяческих надежд и ожиданий. Очарование истории состояло в том, что она всегда что-то прятала в конце, давая надежду на то, что впереди будет то, чего не было в начале, что завтра будет лучше, чем сегодня. Но история, вывернув, как «викиликс», изнанку, утратила свою загадочность. Она ничего больше не прячет, в ней нет оснований для надежд, ибо что было, то и будет. История лишилась очарования.

Третий признак связан с прошлым. Поскольку есть история, постольку у каждого из нас должно быть прошлое. Чтобы появилось прошлое, нужно научиться что-то переживать. Пережить и забыть, ибо забвение — это условие того, чтобы мы вообще что-то помнили. Из того факта, что на смену апрелю непременно приходит май, никакой истории еще не следует. Сам по себе май не принесет нам новых смыслов. Почему? Потому что вещи, которые забываются, уходят в прошлое, а с нами остается память. Но сегодня все изменилось. Мы сталкиваемся с тем, что нами по каким-то причинам не может быть пережито. И поэтому непережитое, как, например, феномен Сталина, не уходит в прошлое. А поскольку оно мучает нас, не дает нам покоя, постольку мы его вытесняем под видом, например, десталинизации сознания. Но вытесненное уходит не в прошлое, а в будущее, из которого оно постоянно к нам возвращается. То есть возвращается к нам то, смысл чего от нас ускользнул, ибо не был нами извлечен, и поэтому мы принуждены всякий раз заново встречаться со своим непониманием, которое предстает перед нами как наше незабвенное. Вот эта незабвенность непережитого и вводит нас в пространство пата.

Пат

Пат узнается по подвешенному состоянию, в которое люди попадают не по своей воле. Никто не любит это состояние, потому что в нем ничто не определено, все неясно. Пат отключает причинный механизм действия. В нем не работает и смысловая детерминация. А это значит, что волевые усилия ни к чему в нем не приводят. Поскольку

человеческий мир — это, по существу, мир как воля и представление, постольку в патовых ситуациях этот мир деградирует, обезчеловечивается. Никто не знает, куда ему плыть, ни для кого нет попутного ветра. Действие с нулевым результатом, как бег на месте, останавливается на том, с чего когда-то начинали. Мир после истории оказывается миром без субъекта. Вот эти бессубъектные действия и явили себя миру в новых арабских революциях и, конечно же, в том, что происходит в Ливии и вокруг нее.

Почему Ливия — это не Куба?

Ливия — это не Куба, а Каддафи — не Батиста. Почему? Потому что Ливия живет после истории, а Куба — это сама история. Каддафи устраивает ничья в гражданской войне, Кастро устраивала только победа.

Революционная Куба возникла в момент, когда мировая история провиденчески рыла свои норы и делала замысловатые ходы, балансируя на грани мировой войны. Куба — это дисциплинированный энтузиазм восставших, подкрепляемый надеждой народа на социальную трансформацию. На Кубе мечтали о свободе, выбирая небуржуазный путь развития в опасной близости от акулы мирового империализма, от Левиафана буржуазной демократии.

Потом надежды человечества на достижение земного рая исчезли. Пассионарии лишились пассионарности, и история сдулась. Теперь только испорченные политики продолжают думать, что они живут в момент, когда в мире все еще только начинается, что самое хорошее еще впереди. Парадокс состоит в том, что самое хорошее уже позади, а все мы живем в мире, в котором все уже случилось.

Поэтому новые арабские революции — это не вестники какого-то нового проекта по устройству мира. Это, как и оранжевые революции, всего лишь эпизод в глобальной деградации мира, вошедшего в состояние полной неопределенности. Чтобы войти в это состояние, нужно было оказаться не на своем месте, нужно было сместиться, сдвинуться в сторону от самих себя. Вот этот сдвиг и происходит сегодня в арабском мире.

Даже телевизионный образ ливийских повстанцев ничего кроме недоумения не вызывает. У них нет никаких идей, потому что все идеи уже высказаны. У них нет воли к власти, потому что воля у них имеет предметом не себя, а нечто другое. Им нечего освободить и не за что бороться. Молодое арабское поколение сместилось из традиционной социальной ячейки и ищет новую идентификацию.

Действие без результата выродилось в Ливии в событийный мюльтипль, в бесконечное повторение одного и того же. Самая достойная

позиция в Ливии принадлежит, конечно же, Каддафи. Поскольку мятеж есть мятеж, постольку его и в Африке нужно было подавлять быстро и решительно, как на площади Тянь-Ань-Мынь в Китае. Каддафи, испорченный близостью Европы, тянул время, чего-то ждал, медлил, за это он сейчас и расплачивается. Но его действия, по крайней мере, легальны, ибо он действует по закону. Действия повстанцев нелегальны, они не находятся под защитой закона, их защищает Запад.

Каддафи не может победить повстанцев, повстанцы не могут победить Каддафи. Они субстанциально связаны друг с другом, как бедуин с бедуином. В Ливии возникла патовая ситуация, в которую, как в воронку, втянулся Запад.

Запад

Для Запада Каддафи — это зло, но зло не само по себе, а в связи с добром, т. е. нефтью, которая нужна Европе. Толерантный Запад решил сопротивляться злу силой. Чтобы защитить одних, ему приходится бомбить других, не вступая с ними в коммуникативный диалог. Европейский гуманизм слезы ребенка в расчет не принимает. Цепным псом Евросоюза стала Франция, которая вместе с Англией пытается на излете своих имперских амбиций ухватить то, что еще плохо лежит в Африке.

Но в Европе уже закручена своя спираль, свой пат. Европа в самой себе обнаружила свое иное, свою Африку, своих арабов, своих мусульман. И теперь она не может ни жить с ними, ни отказаться от них. А это значит, что Европа не может жить далее, придерживаясь идей демократии и либерализма, как не может жить и без этих идей. Европа вошла в состояние неопределенности. Лучше всего это осознают, видимо, в Германии, которая сейчас не понимает, кто она — ягненок, которого может съесть волк, или волк, который может съесть ягненок. Германия самоликвидируется. Но на этом пути ее опережает Россия.

Россия

Правящий класс России играет в языковые игры. Самоликвидацию своей страны он называет оптимизацией и модернизацией. Расходящиеся тропинки политических смыслов ведут у нас либо в Кремль, либо в Белый Дом. Если они ведут в Кремль, то получается инновация, если они ведут в Белый Дом, то получается стабилизация. Русский политический пат всякий раз заново воспроизводит фигуру Троцкого и его лозунг: ни мира, ни войны, а посла в Ливии в отставку.

Троцкизм политических аутистов Кремля в ливийских событиях очевиден. Руководители России делают вид, что от них все еще что-то зависит, но все понимают, что от них уже ничего не зависит. У России

есть свои интересы в Ливии, но у России нет ни средиземноморской эскадры, ни Крыма, непотопляемого авианосца России. Поэтому одной рукой мы, по сути дела, голосуем за резолюцию СБ ООН, а другой рукой — против. Русский пат связан с нефтью и долларами. У нынешней политической системы нет никакой возможности выжить без нефти и долларов. Равно как нет у нее и никакой возможности выжить с нефтью и долларами. И в этом мы непреднамеренно скоординированы с Америкой.

Америка

Кто мы? — спрашивает Америка и не может ответить на свой вопрос. Вы — должники, подсказывает Китай, покупая у нее ценные бумаги. Раньше все зависело от Америки. Америка была центром мира. Теперь Америка зависит от своих долгов. Она не может больше жить с долгами, равно как не может жить и без них. Америка децентрируется, медленно погружаясь в патовое состояние сознания. Сегодня она то бомбит Ливию, то отказывается от бомбежек, то руководит, то отказывается от руководства операцией по смещению Каддафи. Америка — это финансовая пирамида мира, существование которой зависит от Китая, который готовится занять место Америки.

Китай

Китай никогда не займет место Америки, ибо он метафизически связан не с идеей истории, а с принципом Дао, который в отличие от Логоса адекватен жизни в мире после истории. Китай не субъект по отношению к миру. Традиционно он был объектом истории. Пат — его стихия. Сама по себе история не имеет для него значения.

Китай как экономическая столица мира — это проект Запада, поэтому без инновационного мышления Запада он быстро оскудеет.

Принцип недеяния

Мир маленький, а людей в нем много. Всем не поместиться. В рамках истории возникла идея золотого миллиарда, в который входило население стран Запада. В мире после истории золотой миллиард исчезнет. Богатым придется поделиться с бедными. А это значит, что все будут бедными.

Не может быть так, чтобы Восток экономически развивался, а золотой миллиард по-прежнему оставался на Западе. Если Китай создаст свой средний класс, то средний класс на Западе практически исчезнет, а вместе с ним исчезнет либерализм и демократия. Место греческой философии займут Конфуций и Лао-Цзы. Принцип недеяния станет максимой поведения бедных в мире после истории. Главным в движении будет покой.

Р.М.-А. ГУСЕЙНОВ

История — это всемирный суд

Аннотация. Рассматривается важность прочности генетических связей при формировании социо-экономической системы на примере экономической истории США и России.

Ключевые слова: история как всемирный суд, генетические особенности экономического развития США и России.

Abstract. The importance of firmness of genetic ties when forming socio-economic systems is considered on the example of economic history of the USA and Russia.

Keywords: history as the world court; genetic peculiarities of economic development of the USA and Russia.

Неучи любят повторять циничную фразу: «История учит тому, что она ничему не учит». Прекрасный повод для того, чтобы ничему не учиться! Одни отважные лентяи приписывают эту сентенцию Гегелю, другие — Махатме Ганди.

Что сказал Гегель

Давайте не поленимся и посмотрим, что действительно сказал Георг Вильгельм Фридрих Гегель: «Хотя можно сказать, что примеры хорошего возвышают душу и что их следует приводить при нравственном воспитании детей, чтобы внушить им превосходные правила, однако судьбы народов и государств, их интересы, состояние и переживаемые ими осложнения являются иною областью. Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но *опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния.* В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего. В этом отношении нет ничего более нелепого, как столь часто повторяемые ссылки на греческие и римские примеры в эпоху французской революции. Нет ничего более различного, как природа этих народов и природа нашего времени».

История — не учитель. И не каталог человеческих ошибок и заблуждений. *История — это всемирный суд.* Суд, который выносит приговор по фактам результатов развития народов, стран и государств, а не по намерениям и обещаниям их лидеров.

Все народы мира живут так, как сами хотят жить. Экономические системы, особенно передовые и социально эффективные, не копируются. «Изучение опыта» других стран — дело неблагодарное. В начале 1990-х гг., когда мы всерьез взялись за рыночное реформирование, меня сместили публикации в научных журналах на тему о приемлемости для России аргентинской, китайской, шведской, германской и прочих «моделей» развития. Увы, чтобы развиваться по-шведски, надо быть шведами, а по-китайски — китайцами.

Естественно, изучать чужой опыт необходимо, можно даже перенимать некоторые технико-технологические достижения, использовать открытые в других странах функциональные зависимости. Но уже управленческие приемы и инструменты, системы менеджмента на микроуровне и тем более на макроуровне требуют глубокого изучения национальной специфики. Ведь то, что, скажем, японцу благо (система пожизненного найма, например), то американцу — смерть, а шведам, с их системой «солидарной заработной платы», и вовсе фантастическая экзотика.

О «системном переносе» опыта одной страны на территорию другой — не может быть и речи. В свое время вся военно-политическая мощь Советского Союза не позволила унифицировать социально-экономические системы стран «социалистического лагеря». Советская централизованно-плановая система сильно отличалась от «рыночного социализма» Югославии, «кооперативной специфики» Венгрии, северокорейской модели «опоры на собственные силы». А рыночные системы столь разнообразны, что от «опыта» могут глаза разбежаться и вполне возможно упустить собственную экономическую и управленческую историю и бездумно отказаться от нее.

При всем уважении к дарвинизму я предпочитаю во всех живых организмах, в том числе экономических, искать исторические корни, генетические связи между явлениями. Признавая, что в природе и в обществе существует диалектическое единство изменчивости и наследственности, я вижу, что генетические связи более прочны и долговременны, что изменения на генетическом уровне происходят или очень медленно, веками и тысячелетиями, или катастрофически. Социально-экономическая история многократно и многообразно свидетельствует о прочности генетических связей.

Проверим на фактах истории двух великих народов. В последние годы мы здесь, в России, остерегаемся бесшабашно сравнивать нашу

социально-экономическую систему с главным (по нашему мнению) мировым соперником — с США. И правильно делаем!

Страна, обреченная на успех

Соединенные Штаты — страна, рожденная на «пустом месте» (индейцы *de facto* не участвовали в генезисе современной экономики США), были обречены на победу либерализма и индивидуализма в экономике.

В XVI—XVIII вв. на территории нынешних Соединенных Штатов складывались такие исторические «случайности», которые неминуемо приводили к быстрому продвижению к индустриальной цивилизации в самой прогрессивной для того времени социальной форме.

1. Важнейшей «случайностью» стало то, что Америка оказалось страной, насыщенной природными ресурсами. Здесь действительно есть все. США — страна (одна из немногих), которая вполне может развиваться при автаркии.

2. Север Америки в XVI в. начали колонизовать англичане, выходцы из страны, в которой феодализм к этому времени исчезал. Англия превращалась в страну капиталистическую, и англичане несли на новые земли новые производственные отношения, буржуазные, с их культом свободы предпринимательства, риска, эгоизма и личного успеха. Немаловажно и то, что в Америку эмигрировали европейские протестанты, не отягощенные культом бедности и покорности.

3. Относительно высокая квалификация работников-иммигрантов и их длительно сохранявшийся дефицит приводили к относительно высокой стоимости наемной рабочей силы. А это, в свою очередь, способствовало научно-техническому прогрессу, к желанию молодого американского промышленного бизнеса экономить на трудовых издержках и заменять живой труд рабочих функционированием машин и механизмов.

4. Америка представляла собой территорию с благоприятным для сельского хозяйства климатом. Двухсотлетнее продвижение колонистов на Запад, освоение плодородных земель в форме семейного фермерского хозяйства создавало особый дух самостоятельного товарного хозяйствования и в аграрной сфере. Что касается рабовладельческого Юга, то это — один из потрясающих парадоксов экономической истории США. На территории одной страны причудливо сочетались самые передовые институциональные формы капиталистического производства и — самое оголтелое рабовладение. Плантационное хозяйство Юга основывалось на монокультурном хозяйстве, преимущественно экспортной ориентации. Табак, рис, индиго и, наконец, главная культура — хлопок не требовали высокой квалификации рабочей силы. Дорогие рабочие промышленных зон Северо-Востока не могли стать

источником трудовых ресурсов для Юга. К тому же наличие «свободных» земель на Западе, относительная легкость и дешевизна их освоения затрудняли привлечение какой-либо иной рабочей силы, кроме рабской. Рабство Юга сыграло значительную роль в росте богатств американской буржуазии, во-первых, и в снабжении американской промышленности дешевым сырьем, во-вторых.

5. Наконец, великий закон *Гомстед-акт*, вовремя принятый и подписанный 20 мая 1862 г. президентом Авраамом Линкольном. По этому закону любой желающий мог за символическую плату в 10 дол. *купить*, а на самом деле — получить у государства гомстед, т. е. участок земли в 160 акров, почти 70 га. Это было радикальное решение фермерской проблемы. За 20 лет после принятия акта в руки фермеров перешло практически бесплатно 65 млн акров земли. Более миллиона семей стали фермерами. После победы Севера в Гражданской войне и отмены рабства окончательно решился вопрос о том, как развиваться сельскому хозяйству Америки. Фермерский путь развития победил. *Фермер в Америке был не арендатором, а собственником земли*, ведь он купил землю у штата. Поэтому он никому не платил земельной ренты, самого паразитического дохода в рыночной экономике. Это обстоятельство в целом увеличивало рентабельность фермерских хозяйств и позволяло делать накопления для инвестиций и расширения производства. Гомстед-акт благоприятно сказался и на положении наемных работников в промышленных зонах восточных и северо-восточных штатов. Ведь при дефиците рабочей силы предприниматели вынуждены были создавать относительно благоприятные условия труда и быта рабочим, у которых появилась возможность стать фермером практически бесплатно. Или, по крайней мере, демонстрировать готовность стать фермером. Отсюда и появилась американская традиция относительно высокой оплаты труда.

Россия: иной путь

Нет смысла завидовать американцам. Исторически им повезло больше, чем нам, россиянам. Понимание того, что американский опыт уникален, что нам никогда не стать американцами, должно заставить нас больше думать о том, как нам совершенствовать *свою* не менее уникальную систему. В отличие от Соединенных Штатов, Россия всегда была отягощена прямым и косвенным влиянием нерыночных отношений и связей — общинностью, соборностью, монархическими устремлениями в политике и — самое главное — гипертрофированной ролью государства в экономической жизни. Сколько раз в нашей стране начинались рыночные реформы! И ни разу (ни разу!) мы не завершали преобразования системным формированием рыночной экономи-

ки. У нас даже предпринимательский страт в обществе возникал с разрешения, под влиянием и по настоянию власти.

Чтобы построить в системном виде рыночную экономику, россиянам все время приходится что-нибудь *преодолевать*: в XIX и в начале XX в. косность и рутинность феодальных и полуфеодальных отношений, технико-технологическую и организационную отсталость, элементарную неграмотность; в наши дни — наследие советской эпохи, генетически закрепленную надежду на мощь государства и мудрость государя.

«Государственная экономика» в России — явление непреодолимое. Государство в России — это не просто «политическая надстройка» и публичная власть. Государство в России всегда было и остается основным инвестором, самым активным инноватором и мощной перераспределительной машиной, функционирующей в мобилизационно-раздаточной системе¹. Когда государство занимает слишком много места на экономическом пространстве, свободному рынку приходится ужиматься. Бессмысленно спорить — хорошо это или плохо. Надо, наконец, понять — *мы живем по-другому!* Мы так жили 1200 лет. Мы хотим жить так! И чем скорее мы восстановим, естественно, на новом витке исторической спирали, византийские, державные, а точнее вождистские, взаимоотношения между народом, бизнесом и государством, тем скорее мы сможем встать в одну шеренгу великих (а не просто больших!) народов и стран. Остается одна нерешенная задача — найти вождя...

В.П. ОКЕАНСКИЙ

**Метафизический конфликт подвижных означающих
«столица» и «провинция» — в структуре проблематики
«Россия и Европа»**

Аннотация. В статье представлена принципиальная проблематичность традиционно сложившейся однозначной расстановки акцентов в моделировании провинциальности России по отношению к центральности Европы — история последних тысячелетий свидетельствует в пользу прямо противоположной идеи.

¹ Термин «мобилизационно-раздаточная система» в отношении экономики России предложен О.Э. Бессоновой.

Ключевые слова: Россия, Европа, столица, провинция, центр, город-корабль, иранство, кушитство, софийность.

Abstract. The article represents the fundamental problem of traditionally formed emphasis arrangement in province modeling of Russia against Europe centrality. The history of last millenniums gives evidences of diametrically opposed idea.

Keywords: Russia, Europe, capital, province, centre, the ship-city, «iranstvo», «kushitstvo», Sophia.

Центральное местоположение Европы в структуре макроисторического бытия давно уже колеблется и корректируется не только представлениями о ней как о «дорогом кладбище» (Достоевский) или агонизирующем «закатном» мире (Данилевский, Леонтьев, Шпенглер, Генон, Хайдеггер) — сумрачном топосе, где «ложится тьма густая» (Хомяков), но и осмыслением самого генезиса западного мира, если принять за основу не «технологический прорыв» (Ясперс, Тойнби), а иную совокупность факторов: прежде всего — узрение в процессе религиозно-мифологическом сокровенного существа процесса макроисторического. Здесь серьезным подспорьем могут служить труды Шеллинга, Лосева, Элиаде, как и многих других западноевропейских и отечественных авторов, начиная с ранних славянофилов и вплоть до наших современников.

Например, Хомяков рассматривает всю европейскую историю как *историю распада церковности* на Западе [1]. К такому же диагнозу пришел в XX столетии Юнг, выводы которого мы приведем ниже: «...тем самым высвободилось огромное количество энергии, которая устремилась по древним каналам любопытства и приобретательства, из-за чего Европа сделалась матерью драконов, пожравших большую часть земли. С тех пор протестантизм становится рассадником расколов и в то же самое время источником быстрого роста науки и техники, настолько привлекших к себе человеческое сознание, что оно забыло о неисчислимых силах бессознательного... Не слишком трудно заметить, что силы подземного мира — если не сказать ада — ранее скованные и служившие гигантской постройке ума, творят ныне или пытаются создавать государственное рабство и государство-тюрьму, лишённое всякой интеллектуальной или духовной привлекательности... Все это развитие подобно року... Несомненно одно — современный человек, будь он протестантом или нет, утратил защиту церковных стен, старательно возводившихся и укреплявшихся с римских времен... Протестант остался в одиночестве перед Богом...» [2, 14].

Дело, разумеется, не только в атомизирующем индивидуализме и противопоставляемом ему пародийном образе «коллективного спасе-

ния» (что бы ни вкладывалось в это сомнительное понятие адептами секуляризма) — проблема состоит в том, что западноевропейский «фаустовский» мир изначально несет на себе устойчивые черты люциферианства (ведь, как хорошо известно, доктор Фауст продает душу дьяволу), проявляющиеся в языке архитектурных форм и специфике мышления, религиозной догматике и общественно-политической жизни. Вот, например, как излагает Лосевское отнюдь не двусмысленное отношение к этой проблеме его личный секретарь и уникальный отечественный мыслитель конца XX в. В.В. Бибахин: «...западный мир гибнет в языческом, еретическом, гнусном и отвратительном, пакостном и мерзостном дуализме. Происхождение этого дуализма прослеживается Лосевым, но история болезни становится уже не столь существенной, если беда подступила так близко, так схватила за горло. Беда не в том, что живой Бог испарился для человека в заоблачные сферы — обескровленный мир стал мертвым телом, над которым человек производит безысходные мертвящие манипуляции. Собственное тело человека тоже стало мертвым для него и отдано холодным истерическим сатанинским страстям. И как еще спасти мир, материю, вещество, тело, если из них вынута живое божество. Тогда остается выбирать только один из коридоров ада наяву, все равно какой, потому что все ведут к предсмертным судорогам. В картезианском рационализме все в мире сводится к глухим столкновениям протяженных масс, в кантианском субъективизме — к такому же безысходному перетасовыванию сознанием его же собственных порождений, наконец в позитивизме, где трансценденция, уже у Декарта и Канта далеко затерянная, теперь просто выбрасывается за ненужностью и человек задыхается среди пыли распавшегося на атомы бездушного мира. Как воздух, больше воздуха требуется обратный приток божества в мир...» [3].

Таким образом, если мы и могли бы еще всерьез — метафизически! — воспринимать Европу как некий престольный топос культурно-исторического мира, то, разумеется, с пояснениями, что это — вне всякого сомнения, столица ада, выходящего на поверхность земли; говоря словами Т.М. Горичевой — «секулярного ада» [4].

Впрочем, сохраняется, на наш взгляд, и более интересная возможность восприятия Европы как диковинной провинции мира православного. В этой феллахской «мировой деревне» (тут вспоминается не только Шпенглер, но и Маклюэн с его диагностикой триумфа телевидения!) давно уже забыли о Св. Софии — разграбленном культурно-историческом центре и даже самые глубокие интеллектуалы предпочитают остроумную и в ряде моментов весьма убедительную рефлекссию об арабо-исламских корнях западноевропейского просвещения [5] византийско-православному его наследству. Характерно и показатель-

но, что образованный на свой лад европеец охотнее заговорит о колонизации культуры майя, нежели о разворванной православной Византии!

Хомяков, например, отнюдь не считал эту ситуацию всецело безнадежной: «Бог во время, Им определенное, приведет снова Европейские племена в лоно Церкви...» [6, 247]. Так же мыслила и А.Ф. Тютчева: «...западная религиозная мысль, измученная отрицанием и сомнением, сольется с великой идеей церкви — Церкви истинной, православной, основанной Христом, а не церкви, понимаемой как организация государственная или общественная...» [7, 477]. «Присутствие Бога отзывается в экзистенциальном искании, к которому по-своему звал Запад Алексей Хомяков, — отмечает исследователь его творчества С. Федоров, — Бога “нет” лишь в сфере человеческого распоряжения, но там, где мы не принадлежим себе, мы принадлежим Богу» [8].

Рубеж второго и третьего тысячелетий от Р. Х. ознаменован столь яркими явлениями православной мысли в западном мире, что вышеприведенные чаяния не могут быть интерпретированы только как некие «безысходные мечтания»: «Смысл Земли» О. Клемана и «Азбука Веры» Х. Яннараса, «Космос и Логос» А.В. Нестерука и труды митрополита пергамского Иоанна Зизиуласа, опираясь на русскую религиозно-философскую традицию XX в., софиологические интуиции о. Сергия Булгакова и богословскую стратегию неопатристического синтеза о. Георгия Флоровского, воскрешают вохристовленную античность в позднем новоевропейском мышлении, причем, на феноменальном уровне современной интеллектуальной культуры. Кроме того, преодоление «фаустовского тупика» началось с его собственного разложения и в его же недрах...

Если увеличить масштаб историософского осмысления и посмотреть на проблематику «Россия и Европа» в контексте средиземноморской метакультурной традиции, по большому счету имеющей отношение к Западу в более широком смысле этого слова — миру, уходящему в подводные допотопно-атлантические основания, то вполне очевидна принадлежность к нему как Византии, так и Св. Руси. Вспомним топоровскую трактовку вергилиевской «Энеиды» («Эней — человек судьбы»): воздвигаемый над бездною зыбких вод потомками троянского воина Энея, ставшего отважным мореплавателем, Рим выступает в последующей средиземноморской истории как плавающий город-корабль, что в свой черед закладывает существенные основания для историософии Рима: Первого, Второго, Третьего и Четвертого, которому «не быть». В этом глубоком макроисторическом контексте плавающего Рима провинциальность Европы совершенно несомненна —

равно как и вполне вразумительна глобальная первопрестольность Москвы.

Если мы еще более увеличим масштаб — а для этого имеются все научные основания, причем раскрытые прежде всего лингвистикой и сравнительным языкознанием — и посмотрим на интересующую нас проблему руссизма и европейства в контексте индоевропейской общности, то, пожалуй, первое, что бросается здесь в глаза, это — отсутствие слишком дальних оснований для глубинной механистической дуализации и какого-то метафизического размежевания общей истории народов Евразии и прилегающих к этому континенту островов. Безусловно, все, написанное А.Г. Дугиным о макроисторическом факторе атлантизма, должно быть воспринято всерьез, а потому — заслуживает внимательного изучения и герменевтического разбора, но отнюдь не поспешной апологетической рецепции. Так, последовательный англоман и гениальный дилетант Хомяков в середине XIX в. создает евразийски-ориентированный филологический труд «Сравнение русских слов с санскритскими» [9], предвосхищая выводы современных индологов (см. напр., [10]) — тогда как евразиец Н.С. Трубецкой в поздней работе 1937 г. [11] договаривается почти до того, что санскрит оказывается кабинетной фикцией ученых романтиков...

Интересно, что на фоне индоевропейской несомненной общности и в сопоставлении с ней отчетливо раскрывается афразийская разобщенность... В сущности, мы имеем здесь дело с тем, что в «Записках о всемирной истории» А.С. Хомякова представлено — соответственно — как иранство и кушитство [12]. В структуре этих символических фигур, где часть манифестирует неартикулируемую морфологическую целостность, иранство — иракизм — арийство — понятия синонимические, выражающие единую судьбу библейского племени *Иафетова*, иными словами — белой расы, о духовной деградации которой сегодня свидетельствует очень многое и, вероятно, прежде всего, духовное вырождение, а именно — мистическое предпочтение овладевающей людьми *материальной стихии*, растворение экзистентной свободы в космической необходимости, нигилизм и оккультизм, свидетельствующие о полном *распаде логоцентризма*. Не отсюда ли предпочтение *архитектурно-пространственных* моделей культурного опыта иприятие магико-гипнотической мощи *визуальности*? Очевидно морфологическое кушитство современной западной цивилизации, ментально и физически поработившей нового человека на ближних и дальних рубежах его «жизненного мира», на планетарном уровне.

«Но человек, — отмечал о. Павел Флоренский, — не может быть поработен окончательно. Настанет день, и он свергнет иго возрожденской цивилизации, даже со всеми выгодами, ею доставляемыми.

Близок час глубочайшего переворота в самых основах культурного строительства. Подземные удары землетрясения слышались уже не раз на протяжении последнего столетия: Гете, Рескин, Толстой, Ницше, сейчас Шпенглер, да и многие другие, уже предостерегали о катастрофических илах, и не изданием "полного собрания сочинений" и продажей открыток-портретов обезвредить грозный смысл их обличений и предвещаний. Здание культуры духовно опустело. Можно продолжать строить его, и оно еще будет строиться. История претерпевает величайшие сдвиги не под ударами многопудовых снарядов, а от иронической улыбки» [13].

Сохраняющийся в современном мире поиск духовно-метафизического центра и церковно-литургическая ориентация на символический Восток, предполагающая в самом процессе прохождения крещальной купели *плевков в западном направлении*, означающий необратимое отречение от власти сатаны, всех дел его и веру в полное низвержение inferнальной топологии ада, упираются в тот заслуживающий пристального внимания факт, что все «востоки» культурно-исторические, подобно масонским ложам и потомственным останкам их элит, давно уже закатились и пришли в смердящую негодность; разумеется, мы еще как-то можем подпитываться в мерцающем свете болотных огней так называемой «восточной мудростью» — единым же на потребу остается все-таки исключительно «Восток свыше» (Лк., 1, 78).

Ведь это только кажется, что солярное божество необратимо сброшено с неба — свершающаяся над болотами звездная мистерия все-таки хранит его софийный след в символическом образе апофатической «спящей Лазури»; об этом есть великолепные инициатические строки у Бальмонта:

Над болотом позабытым брошен мост,
За болотом позабытым брызги звезд.
Там, за топью, цепеня, спит Лазурь,
Затаив для дней грядущих сумрак бурь.

Неживые, пропадают брызги звезд,
И к болоту от болота брошен мост.
И одно лишь не обманет — жадность бурь,
Ею дышит — с ней в объятьях — спит Лазурь [14, 420—421].

Эта неистощимая *иконичность неба* с потрясающей силой запечатлена в софийно-поэтическом символизме у Хомякова: «Звезды светят словно Божьи очи» [15, 135].

Заслуживает отдельной фиксации и то любопытное обстоятельство, что планетарное торжество технотронной цивилизации является феноменом гетерогенным и островным — западное же открытие техники, также как и открытие Колумбом Америки, относится к числу сфабрикованных в Новое время легенд и — благодаря направленной активности ряда продвинутых интеллектуалов, определивших эпохальные ценности — принадлежит к числу устойчивых современных мифов, т. е. сугубо профанических представлений: как академических, так и чисто обывательских. В этой связи очень важными являются замечания Генона о западной цивилизации и глобальных фальсификациях большой истории, лежащих в самих ее культурных основаниях: «...исключительная озабоченность... практической стороной дел в ущерб всем другим придало этой цивилизации сугубо материальный характер, сделав ее воистину чудовищной. В то же время удивительно то, с какой скоростью Средневековая цивилизация была предана забвению. Уже в XVII в. люди не имели ни малейшего представления о том, что это была за эпоха, и сохранившиеся средневековые памятники в их глазах не представляли собой никакой интеллектуальной или даже эстетической ценности. Само по себе это достаточное доказательство того, насколько принципиально изменилось общественное сознание за этот короткий срок. Мы не будем заниматься здесь исследованием причин — а они действительно сложны — приведших к изменениях настолько радикальным, что просто невозможно допустить, что они могли произойти спонтанно, сами по себе, без вмешательства некоей направляющей воли, подлинная природа которой, скорее всего, должна остаться загадкой. В этой связи следует упомянуть о весьма странных обстоятельствах: например, о популяризации в определенный момент истории под видом новых открытий вещей, о существовании которых было известно всегда, хотя это знание широко не разглашалось, поскольку всегда сохранялась опасность того, что негативные последствия подобного разглашения перевесят его преимущества. Мы упомянем только два примера среди фактов такого рода, имевших самые серьезные последствия: это мнимое изобретение книгопечатания, в действительности известное китайцам задолго до Христианской эры, и ”официальное“ открытие Америки — континента, с которым уже в Средние века существовали гораздо более тесные, чем это принято считать сегодня, связи. Почти совершенно невозможно поверить и в то, что миф, представляющий Средние века эпохой мракобесия, невежества и варварства, сложился абсолютно спонтанно, и что очевидная фальсификация истории, навязанная нашим современникам, могла быть осуществлена без какого-то предварительного плана» [16, 23—24].

Развивая последнюю мысль Генона, как известно, ушедшего в Ислам и, тем самым, не вырвавшегося, с нашей точки зрения, из корневой системы столь тяготившей его евроцивилизации (в этой связи см. труды [17]), нельзя не подчеркнуть, что глубокая порочность человеческого материала — безусловный продукт сознательной активности (причем, как людей, так и других агентов духовной реальности), направленной на повреждение человечества. Так, например, ныне получившие широкое распространение содомия и плагиат — два основных греха современного мира, свидетельствующих о его абсолютной неплодотворности. Безусловно, это не только западноевропейские грехи, однако несомненным остается тот факт, что как раз упадок духа и общая деградация жизни порождают эти феномены во всех умирающих культурных сообществах — как Запада, так и Востока (о чем есть любопытные наблюдения у Шопенгауэра в «Основных идеях этики», а также в «Парергах и паралипоменах»). Ситуация вполне апокалиптическая: где пахнет трупом — там соберутся орлы...

Какой путь с учетом сказанного выше нам представляется наиболее плодотворным сегодня? Это прежде всего — интегрально-синтетическая («идеациональная», согласно приводимой в «Социокультурной динамике» классификации П.А. Сорокина) рецепция наследия отечественной интеллектуальной и словесной культуры последних двух столетий, уходящей корнями в живое восточно-христианское предание и его образно-символический язык, в протометафизику «русской идеи» [17]. Попытка воспринять эту культурную реальность как феномен мистериально-эпического порядка может быть отвергнута на путях сугубо аналитических — правда, тогда нам в итоге придется согласиться с Розановым, Солоневичем и сторонниками их диагностики в том умозаключении, что «Россию убила литература», а «бердяи булгаковичи» ее доканали, что «среди разложителей русской жизни нет ни одного нелитературного происхождения», а «философия в России невозможна».

Напротив, мы полагаем, что именно и, пожалуй, исключительно Россия, ее специфическое месторазвитие, мышление и слово, способны сегодня — в самом свежем раскладе исторических дел — не только сохранять метафизическое видение указанного в названии конфликта, но предложить и реализовать его достойное нашей судьбы решение.

Литература

1. *Khomiakoff A.S. L'Eglise Latin et le protestantisme au point de vue l'Eglise d'Orient. Reccueil d'articles sur des questions religieuses écrits à différentes époques et à diverses occasions. Lausanne, 1872.*

2. *Юнг К.Г.* Психология и религия // София: Издание Новгородской епархии / Ред. В.В. Мусатов. 1992. № 3.
3. *Бибихин В.В.* Материалы к исихастским спорам (отрывок) // Синергия: Проблемы аскетики и мистики Православия: Науч. сб. / Под ред. С.С. Хоружего. М., 1995.
4. *Горичева Т.М.* Православие и постмодернизм. Л., 1991.
5. *Генон Р.* Влияние исламской цивилизации на Европу // Вопросы философии. 1991. № 4.
6. *Хомяков А.С.* По поводу разных сочинений латинских и протестантских // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 2. М., 1900.
7. *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990.
8. *Федоров С.* Проповедь А.С. Хомякова в «сумерках Священного» // Хомяков А.С. Соч. богословские. СПб., 1995.
9. *Хомяков А.С.* Сравнение русских слов с санскритскими // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1900.
10. *Гусева Н.Р.* Индуизм и мифы древней Индии. М., 2005.
11. *Трубецкой Н.С.* Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой Н.С. Избр. труды по филологии. М., 1987.
12. *Хомяков А.С.* Записки о всемирной истории // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5 — 7. М., 1900.
13. *Флоренский П.А.* Итоги // Флоренский П.А. Соч. Т. 2: У водоразделов мысли. М., 1990.
14. *Бальмонт К.Д.* Будем как Солнце: Книга Символов // Бальмонт К.Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1: Полн. собр. стихов 1909 — 1914: Кн. 1 — 3. М., 2010.
15. *Хомяков А.С.* Ночь // Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л., 1969.
16. *Генон Р.* Кризис современного мира. М., 1991.
17. *Хомяков А.С.* Черты из жизни халифов // Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. Т. 1: Работы по историософии. М., 1994.
18. *Фатющенко В.И.* Русский мир в контексте мировых цивилизаций: Курс лекций. М., 2009.

В.Я. КУРБАТОВ

Предел*

Аннотация. Предлагаемая статья — писательский отклик на широкий спектр процессов, происходящих в современной России: реформирование и традиция, культура и модернизация, хозяйствование и экономика, глобальное и национальное.

Ключевые слова: Россия, традиция, культура, национальное, глобальное, хозяйство, экономика.

Abstract. This article is a writer response to the wide spectrum of processes, occurring in modern Russia: reforms and tradition, culture and modernization, household and economy, global and national.

Keywords: Russia, tradition, culture, national, global, household, economy.

Вот и подошла последняя усталость. Еще недавно думал: вот соберусь и скажу в Совете Федерации как член Совета по государственной культурной политике или в Общественной палате в своей Комиссии по охране культурного наследия, что у нас уже только и осталось наследия-то, что сама Россия, которая сыпется на наших глазах, несмотря на все усилия демократических реставраторов, и что вот-вот терапия окажется бессильной и надобно будет хирургическое вмешательство.

Что воздух опасно электризован и надписи на ограждении железных дорог, пока едешь на заседание, прямо тебе и адресованы, чтобы ты сказал там. Чтобы предупредил, что когда пишут «комсомол, на баррикады!» или «сломай систему!», то это слова только до времени — однажды они делаются простой инструкцией, что мы видели по Манежной репетиции.

А вот теперь чувствую, что уже и не надо говорить. Открыл ты это, что ли? Об этом разве только немые и не говорят на каждом углу. Как кто-то шутил в первые перестроечные годы: у нас с гласностью все хорошо, у нас со слышимостью плохо. Ведь вот уже и конкурсы национальной идеи объявляли, и «открытых писем» написали — никому ляпкину-тяпкину не перечитать, и журналы переполнены умными предупреждающими статьями (возьмите хоть один только альманах МГУ «Философия хозяйства», где ведущие умы, вооруженные крепкой выверенной русской теорией, давно говорят о катастрофе), а все будто в вату.

* Опубликовано в: Столетие. Интернет-газета. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы // http://www.stoletie.ru/obschestvo/predel_2011-03-23.htm.

Подлинно «они» и «мы». Мы все: государство, идея, путь, духовное единство, а они — ВТО, «гражданское общество», Сколково, инновации. Параллельные миры. Я слушаю, как смело чертит в Общественной палате Тина Канделаки эффектные приемы грядущего образования («Я считаю, что все успешные бизнесмены и политики должны приходить в школы и учить детей») и только вздыхаю, когда президент подхватывает, что «дети должны видеть в школе успешных людей». А бедные старые учителя все пытаются напомнить, что прежде слов «успех» и «карьера» хорошо бы услышать слова «традиция», «преемственность», «органическое развитие».

И дело даже не в возрасте, не в расхождении поколений. Я думаю, что галерист Марат Гельман и писатель Алексей Иванов, сталкивающиеся по поводу «Культурной революции» в Перми, — сверстники, но они тоже представляют два мира: интеллектуально-лабораторный — Гельман и преемственно живой — Иванов. И мне, конечно, тяжело видеть, что в не чужой мне Перми, по слову Иванова, местная «культурная революция» уже воспитала «генерацию лакеев, которые знают, что получают поддержку не по качеству проектов, а по лояльности». Кажется, это противостояние разных путей теперь повсеместно — путь слома «косной» традиции во имя прорыва в новое пространство и путь естественного наследования и нормального исторически органического роста. И им не сойтись, как не сойтись революции и эволюции. И те, и другие хотят добра — Тина и Марат, и Алексей Иванов, и старые учителя.

Оттого и усталость. Эти «новые» свое возьмут (вернее, возьмут наше), потому что за ними жадный до «нашего» мир, за ними нетерпеливые искатели нашего промышленного и интеллектуального рынка. Что им до нашей памяти и нашей традиции, что до русской христианской мысли, которая еще так недавно была сколько-то удерживающей силой.

Нарочно посмотрите за последние лет пять, а то и десять, речи наших руководителей всех уровней от Кремля до местного губернатора, когда они последний раз цитировали пусть не Хомякова и Ильина или Данилевского и Трубецкого, так хоть Толстого и Достоевского.

Не трудитесь, не найдете. Потому что такое цитирование требует ответственности и духовной укорененности в родном. Открой вон К. Леонтьева, и он с порога скажет о необходимости для государства формы и тут же скажет и что разумеет под этой формой: «Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбегаться». Вон какое слово — «деспотизм» А что на это скажут коллеги по «саммитам» и «гражданскому обществу»?

Да и начнешь на своей-то на земле, а не в лаборатории рожденную мысль оборачивать, то как раз и увидишь, что материя давно «разбе-

жалась» и на дворе давно уж законодательствует всеобщий системный кризис, который преодолевается только «деспотизмом идеи», единой волей и единым народным сознанием. А оно как раз и требует единой национальной идеи, о которой уже говорит и Церковь устами протоиерея Евгения Соколова на IV съезде православных миссионеров: «Государство, не выполняющее волю Божию, уклоняющееся от данной ему Богом национальной идеи, обречено на разрушение». Господне царство «не от мира сего», да дети-то его живут в мире сем, и Церкви не все равно, каков он, этот «мир сей»: «Что хочет сегодня построить наше государство? Какое будущее? На данный вопрос ни у одной из ветвей нашей власти нет ответа. И на это должно быть направлено наше obligation людей, обязанных по долгу службы указать нам пути решения проблем. А не унижать нас такими непонятными лозунгами как «Россия, вперед!». Неплохо бы предварительно показать, где этот «перед» и какие духовные цели и задачи стоят в этом «вперед» перед нашей страной. Иначе мы обречены на тяжелую бесперспективную борьбу с системой соблазнов, за которой стоит государство».

Каменные слова — «система соблазнов, за которой стоит государство». Но оно предпочитает не услышать этого укора, занятое «делом», непрерывными «слушаниями», слайдированными докладами, игрой в европейские диаграммы и высокую социальную науку.

А в хозяйствовании и государственной деятельности точечными вливаниями в одну или другую область или торжественную дату, не замечая, что занято чем-то вроде «ямочного ремонта» дорог по весне. Тут дырку заделал, там, вроде проехать можно, а уж на завтра опять все разбито. И так оно и будет. Про национальную идею давно ни гугу. Боязно, как приговор себе подписать.

Вон Никита Михалков изложил свое представление об идее и государстве, а ему в ответ «гражданское общество» в Интернете «Много букафф. Не асилит». Или разоблачения, что не сам написал, а кремлевские эксперты, поощряемые Сурковым. Да коли бы и так, коли и правда президентская администрация решила провести разведку возможного переустройства, отчего ей от своего-то имени этого не сделать? Мы бы, глядишь, поняли. Разве что побаиваются «дядюшки Сэма» (остроумный Пелевин предпочел звать его «Батрак Абрама») из ВТО — что он на это скажет? Вот и хотят «народной волей» заслониться. Не сами, мол, а Никита попутал, народ потребовал, а мы ни при чем. Только лукавство в России плохой советчик. У нас такие тонкости выходят «толстыми» следствиями.

Вот и приходит пора последней усталости. И пишешь уже не за тем, чтобы услышали, а чтобы окликнуть в ночи другого усталого человека, чтобы мы были вместе.

Н.М. ЧУРИНОВ

Русский экономический проект

Выход из этой мертвой петли плюрализма — один, и к нему ведет путь не пассивного, отвлеченного умозрения, а реального дела: если мир есть беспорядок, в нем невозможно и достаточное знание, пока длится беспорядок; надо, следовательно, приводить мир в порядок, расширяя соответственно этому и знание, а с знанием — и упорядочивающую силу; приведение же в порядок есть уже не одно мышление, не есть одно знание, а уже и дело, неразлучное со знанием. Вносить в мир порядок и значит вносить в него целесообразность.

Н.Ф. Федоров

Аннотация. Автор доказывает, что русский экономический проект эмпирически и идеологически отработывался начиная с IX в. с учетом наличных географических, климатических и иных условий жизни общества. Концептуально же и теоретически он развертывался на основе теории познания как теории отражения. В отличие от русского, западные (рыночный и плановый) проекты разрабатывались на основе схоластических (номиналистской или реалистской) методологических традиций и, соответственно, на базе теории познания как теории репрезентации.

Ключевые слова: номинализм, реализм, энтропия, антиэнтропийный процесс, отражение, репрезентант, репрезентация.

Abstract. The author proves that the Russian economic project has been empirically and ideologically worked up from the IX century taking into consideration the existing geographical, climatic and other living conditions of the society. Conceptually and theoretically it was developing on basis of epistemology as the theory of reflection. Unlike the Russian project, the Western ones (market and planned) were worked up on basis of scholastic (nominalistic and realistic) methodological traditions and consequently on basis of epistemology as the theory of representation.

Keywords: nominalism, realism, entropy, antientropic process, reflection, representor, representation.

Теоретическая сторона жизни науки предполагает свои твердыни, на которых базируются ее жизненность и даже ее (науки) эмпирическая основа, проявляет те качества, которые обнаруживают необходимость дифференциации основных типов эмпирического и соответственно типов единства теоретического и эмпирического. С данной точки зрения актуализируется прочтение получивших широкое хождение понятий и положений, относящихся к функционированию экономической сферы общественной жизни. И когда ставится вопрос о русском экономическом проекте, то анализ указанных понятий и положений приобретает особое значение, поскольку позволяет различить кроме приснопамятной консервативной плановой экономики, а также либерально-рыночной, еще, по крайней мере, один проект, который живет в обществе своей жизнью и заставляет вырождаться навязываемым социальными экспериментаторами чуждым, противоестественным обществу проектам и постепенно отторгать их.

Так, например, имеющее ныне широкое хождение понятие «экономическая свобода», предназначенное для обозначения определенной степени свободы субъекта, теоретически мы не можем отделить от таких степеней свободы, как свобода слова, свобода совести, свобода передвижений, и других степеней свободы, имеющих прямое отношение к модели мира, полнота которой измеряется, задается степенями свободы и мерами их (степеней свободы) ограничений. Со времен древнеримских интеллектуалов данная модель мира получила название Универсум, в отличие от древнегреческой модели мира — Космоса, полнота которой раскрывается иными параметрами. Кроме того, понятие «экономическая свобода субъекта экономики» требует уточнения; о субъекте какого типа идет речь — об экономической свободе свободного субъекта или об экономической свободе трансцендентального субъекта (в той или иной модификации трансцендентального субъекта). Отметим, что понятие «экономически свободный субъект» раскрывается в терминах либеральной теории, предполагающей наличие антимонопольной службы, создание конкурентной среды путем измельчения производств, поскольку укрупнение производств в той же мере влечет за собой минимизацию конкурентной среды и т. д. В то же время трансцендентальный субъект экономики — это субъект монополий, концернов, транснациональных корпораций и иных им подобных экономических структур. Данные (трансцендентальные субъекты экономики) субъекты раскрываются в терминах консервативной экономической теории, согласно которой они (монополии, концерны и транснациональные корпорации) могут чувствовать себя спокойно, несмотря на, так сказать, все прииски свободных субъектов. И когда наши

отечественные рыночники, как правило, называющие себя экономистами-либералами, говорят и пишут о «невидимой руке» рынка, о том, что капитал не патриотичен, или не обязан быть патриотичным, о том, что капитал ищет место, где ему лучше, свободнее, выгоднее и идет туда, где ему вольготнее и т. п., то в действительности они ведут речь именно о трансцендентальных субъектах, и, по-видимому, не ведая того, рассуждают не как либералы, а как консерваторы. И, как выясняется, консервативная «невидимая рука» рынка — этот трансцендентальный экономический субъект — также не возражает против рыночной экономики. Только либерал хочет от рыночной экономики исключительно выгоды, а консерватор — исключительно диктата, навязывания своей воли, а именно — воли распределения.

В 1756 г. в одной из своих работ Михаил Васильевич Ломоносов пишет: «Знание первоначальных частиц толь нужно в физике, коль сами первоначальные частицы нужны к составлению тел чувствительных. Для чего толь многие учинены опыты в физике и химии? Для чего толь великих мужей были труды и жизни опасные испытания? Для того ли только, чтобы, собрав великое множество разных вещей и материй в беспорядочную кучу, глядеть и удивляться их множеству, не размышляя об их расположении и приведении в порядок?» [1, 304]. Очевидно, что данное положение русского гения является ключевым для русской науки. В данном положении главная мысль о том, что русская наука должна служить осуществлению антиэнтропийных процессов в природе и обществе, а не получению, как он пишет, презренного прибýtка: «Почитают ли тех предерзкими и нечестными, которые ради презренного прибýtка неизмеримые и бурями свирепствующие моря переезжают, зная, что им тоже удобно приключиться может, что прежде их многие или еще родители их претерпели?» [2, 239].

Мысль о прибýtке как сущности экономики порицалась в России, по крайней мере, еще в XV в. И Ломоносов осуждает ее в соответствии с обоснованной многовековой русской традицией самоутверждения. Далее мы покажем, что вслед за положениями М.В. Ломоносова начинается разрабатываться фундаментальная теоретическая концепция русского экономического проекта, освещающего многовековой эмпирический экономический базис. И потому тезис Н.Ф. Федорова ассоциируется со столь многим в русской истории экономики. Это и идеология гостомыслов — строителей русской государственности и экономики — идеологии, простирающейся, по крайней мере, ко временам начала IX в.; это и дискуссия между иосифлянами и нестяжателями (XV — XVI вв.) об экономических проектах и формах собственности (вотчинная, помещичья, общинно-церковная); это и экономическая концеп-

туализация гостей и гостиных сотен — строителей русской экономики вплоть до 1720—1722 гг. и т. д. (подробнее см.: [3]).

М.В. Ломоносов выступил, в частности, как основоположник русского проекта термодинамики, полученного на основе теории познания как теории отражения, инициатором дискуссии о единстве мира и всеобщей связи явлений, он выводит на уровень научных дискуссий многовековой комплекс результатов познавательной деятельности Отечества, определенность которого в его трудах задала особый (диалектический) проект науки. Если западный проект науки строился, в частности, на основе теории познания как теории репрезентации и соответственно принципов дуализма и антропоцентризма, то отечественный проект науки складывался как проект, чуждый умозрительности и потребительской сущности. Ломоносов не принял западный проект науки и лежащей в его основе метафизической, схоластической методологии. Он, будучи последовательным сторонником теории познания как теории отражения, резко выступил против умозрительности методологии научного познания.

Ломоносов специально (в 1748 г.) напоминает о старых западных схоластических методологических традициях (реалистской и номиналистской) и отдельных современных ему носителях данных традиций. По сути, Ломоносов показывает, что западных теоретиков можно вполне понять, если считать их носителями данных традиций, в том числе в вопросах экономической теории.

Отметим, что западные теоретики до настоящего времени выступают, главным образом, как носители двух основных, заданных схоластами, методологических традиций. И они (западные теоретики) не считают предосудительными данные традиции. Например, Бертран Рассел (1872—1970) пишет: «Философия, которую я защищаю, в общем рассматривается как разновидность реализма и обвиняется в непоследовательности из-за собственных оснований, которые, по видимому, противоречат данной доктрине. С моей стороны, я не рассматриваю коллизию между реалистами и их оппонентами как фундаментальную; я могу изменить свою точку зрения на эту коллизию, не изменяя своего мнения относительно любой из доктрин, на которую желал бы обратить особое внимание. Я придерживаюсь того, что логика фундаментальна для философии и что школы характеризуются скорее своей логикой, а не своей метафизикой» [4, 146]. Бертран Рассел подчеркивает, что он свободен в выборе методологии: быть сторонником методологии реалистов или быть сторонником методологии их (реалистов) оппонентов — очевидно номиналистов. Кроме того, великий философ полагает, что в рамках реализма допустимо сколь угодно большое число дедуктивных логик, которые, впрочем, не идут вразрез

с методологией реализма как одной из возможных методологий метафизики. В свою очередь, подразумевается, что в рамках номинализма возможно аналогичное число формальных логик иного типа (индуктивных логик), не идущих вразрез со стандартами метафизики. Тем более что в XIX в. путь к индуктивным логикам (трехзначные, многозначные, бесконечно-значные логики) был уже открыт.

Аналогичным образом строит свои доказательства великий американский философ Чарльз Пирс (1839—1914) — основатель современной семиотики. Он пишет: «Дилемма между номинализмом и реализмом по своей природе допускает только два ответа: да или нет, данная точка зрения пуста и никак не решает дела, и это со всей отчетливостью понимали все великие реалисты... Наиболее яркой характеристикой британских мыслителей является их приверженность номинализму, каковая всегда давала о себе знать, а в настоящее время даже с особой очевидностью, так что в Англии и только в Англии значительное число философов более известны теперь как номиналисты» [5, 50—52]. Чарльз Пирс и сам был последовательным сторонником номиналистской методологии. И тому подтверждением является разрабатываемая им теория семиотики, расщепляющая многоречивость на синтактику, семантику и прагматику. Для Чарльза Пирса человеческая многоречивость — это способность к трактовке, комментарию, описанию репрезентантов, сущность которых постичь невозможно, и человек способен лишь создавать репрезентации и заниматься анализом указанных репрезентаций, вычлняя в их содержании синтаксическую, семантическую и прагматическую стороны. Как номиналист, Пирс был одним из ведущих аналитиков языка.

Но главное для Чарльза Пирса, как, впрочем, и для Бертрانا Рассела, — номиналистская и реалистская методологии — это не вчерашний день, это современная им действительность, заданная, как они выражаются, великими реалистами и великими номиналистами Средневековья, т. е. схоластами. И указанные методологии были отработаны ими (схоластами) в буйных дискуссиях (о чем пишет М.В. Ломоносов) в ходе интеллектуальных турниров, за участие в которых великим схоластам неплохо платили. Очевидно, что подобный вид заработка стал одной из важнейших причин открытия западных университетов, специализировавшихся в том числе на подготовке своеобразных гладиаторов для интеллектуальных турниров.

В настоящее время схоластика включает мощную теорию познания как теорию репрезентации, в нашей стране неявно потеснившую теорию познания как теорию отражения. Потесненными оказались диалектика и диалектический стиль научного познания с его стандартами. Исконные принципы метафизики (принцип дуализма и принцип ан-

тропоцентризма) затмили принципы диалектики (принцип единства мира и принцип всеобщей связи явлений). Тезис Аристотеля о том, что основное предназначение философии состоит в познании сущностей, великолепно вписался в метафизику, согласно которой в качестве сущностей выступают ценности (духовные, идеальные ценности или материальные ценности).

И мы полагаем, для того чтобы раскрыть проектность западного экономико-теоретического творчества, необходимо обратиться к методологиям и методологическим традициям, на основе которых данное творчество осуществляется. И, следовательно, мы сталкиваемся с фактами реализации в теории экономики в системе номиналистской и реалистской методологических традиций, теории познания как теории репрезентации и т. д., когда по реалистской традиции мы должны рассуждать в терминах трансцендентальных субъектов о «невидимой руке» рынка, о том, что рынок все поставит на свои места, что капитал не обязан быть патриотичным, что капитал идет туда, где вольготнее, где ему лучше и т. п. В терминах же номиналистских свободных субъектов необходимо вести речь о том, как их тяготит государство, о том, что необходимо в максимально возможной мере вывести государство из экономики. Отметим, что в терминах реалистской методологии рассуждают экономисты-консерваторы, а в терминах номиналистской методологии рассуждают экономисты-либералы. При этом очевидно, что в эти рассуждения вклиниваются также эклектики, которые в силу разных причин, по-видимому, главным образом по неведению, строят свои рассуждения, беспринципно смешивая друг с другом номиналистскую и реалистскую методологии.

Характерно, что нередко Адама Смита за его рассуждения о «невидимой» руке рынка относят к числу номиналистов-либералов. В действительности же рыночник Адам Смит был типичным рыночником-реалистом-консерватором. Он застал эпоху теоретического творчества меркантилистов-номиналистов-либералов, и критиковал их как потерпевших неудачу в деле построения теории стоимости. Адам Смит, решая задачу построения теории стоимости, объективно заложил основы дедуктивной трудовой теории стоимости, перейдя на позиции реалистов-консерваторов (абстрактный труд — конкретный труд, стоимость — потребительная стоимость, эквивалентный обмен — неэквивалентный обмен и т. п.).

Излюбленная фраза Смита о «невидимой руке» — это, собственно, реалистская фраза, подобная идеям Гоббса и Руссо об общественном договоре, а также рассуждениям о непатриотичности капитала и о том, что капитал ищет место, где ему выгоднее и т. п., получила обобщение в работах современника Адама Смита — великого немецкого философа

фа Иммануила Канта в его сугубо реалистской концепции о трансцендентальном субъекте. Смит оказался способным развернуть рассуждения об экономике распределения: для него как рыночника-консерватора рынок — это декларированная форма распределения.

Дела схоластов за всю их (номиналистов и реалистов) историю ознаменовались многими победами, например, ими были разработаны и реализованы в экономических теориях стандарты дедуктивных и индуктивных теорий. И на пути научного познания то реалисты, то номиналисты в своих отношениях достигали продуктивных результатов: реалисты, будучи творцами дедуктивных теорий, в основу теоретизирования положили технологии достижения тех или иных общественных идеалов; а номиналисты, будучи творцами индуктивных теорий, положили в основу теоретизирования попытки логичных теоретических описаний тех или иных объектов. Так в свое время меркантилисты — сторонники номиналистской методологии в области экономической теории — временно потерпели неудачу в попытках разработки теории стоимости, но сторонник реалистской методологии Адам Смит, напротив, добился многих успехов в деле построения дедуктивной трудовой теории стоимости. Завершили работу над данной теорией Гегель и Маркс. Однако в XIX в. номиналистскими методологами экономической теории на месте меркантилистской науки о торговом балансе (меньше покупать, больше продавать) появилась маржиналистская теория рыночного равновесия, и, по словам Ф. фон Хайека, произошла маржиналистская революция, т. е. была создана система рыночного описания экономики, был создан рыночный язык описания экономики, и началась эпоха рыночного схемотворчества (как и положено схоластам). Кроме того, в конце XIX — начале XX в. теория вероятностей обогатилась фундаментальными результатами и поэтому специалисты в области экономической теории, термодинамики, формальной логики и т. д. получили подходящий материал теории вероятностей для построения индуктивных теорий, необходимых для описания соответствующих, принимаемых как непознаваемые, объектов. Тем самым была кардинально укреплена база математического описания, в частности, экономических процессов средствами индуктивных теорий, воспроизводящих возможности использования предельных величин для изобретения законов экономики, экономических моделей экономико-математических ожиданий, чистой конкуренции и т. д. Так, располагая средствами дедуктивных и индуктивных теорий, современная схоластика доказала, что она имеет достаточный потенциал для решения задач научного, в том числе экономического познания и получения умозрительного, безобразного знания.

Однако очевидно, что экономические теории не могут строиться только в качестве схоластических умозрительных дедуктивных и индуктивных теорий. И описание экономики как рынка по номиналистской методологии может быть только одним из сколь угодно многих описаний (если не приносить в жертву такой стандарт рациональности метафизики, как плюрализм, о чем пишет Н.Ф. Федоров).

Итак, в то время как западные теоретики формировались как схоласты (реалисты, номиналисты), участники умозрительных дискуссий, отечественные мыслители формировались как гостомыслы — строители государства. М.В. Ломоносов, направляя перо своей критики против одного из западных специалистов, пишет: «Он весьма смешным образом из Гостомысла сделал Гостомила, что он от неразумения русского языка сам против себя выдумал, ибо Гостомил значит того, кто гостям мил, и Гостомысл того, кто о гостях мыслит» [б 460]. Мыслить же о гостях, значит быть приверженцем идеологии гостомыслов.

В истории России с легендарных, рукописных и былинных времен одной из наиболее фундаментальных идеологий вплоть до XVIII в. была широко распространена идеология созидания (созидания безгосударственного общества, созидания государственности, созидания экономики страны, созидания гармонии духовной и светской властей и т. д.).

Носителями этой идеологии были гости и гостомыслы, и потому данную идеологию (идеологию созидания) мы называем идеологией гостомыслов. Согласно данной идеологии, создавались населенные пункты, города (погосты), гостинные ряды, гостинные двory, гостиницы для участников полудня — гостей, гостбища — места совместных со светской властью и духовной властью религиозных мероприятий, совместных отправлений общего культа для гостей и местных властей и т. п., но, что особенно важно в экономическом и политическом планах, создавалась система некоммерческого обмена — обмена гостинцами. Если на Западе с древних времен создавалась система коммерческого обмена и, следовательно, ставился вопрос об эквивалентном или неэквивалентном обмене, то некоммерческий обмен, ради дела, ради дел созидания снимал проблемы труднодостижимого по закону больших чисел даже чисто статистически эквивалентного обмена и устранения неэквивалентного обмена. С точки зрения идеологии гостомыслов, т. е. идеологии созидания, цели коммерческого обмена представляли как ничтожные и предосудительные, вносящие в общество нестроения и смуты. В то же время нашими предками разрабатывалась система регламентации (кому давать, а кому не давать гостинцев), и типы гостинцев (приглашающих, промежуточных, возвышающих человека гостинцев, одухотворяющих его и иных гостинцев). В любом случае гос-

тинцы были лишены каких-либо потребительски существенных значений, хотя гостинцы могли быть в чем-то полезными и практически значимыми. Они в конечном счете не были продиктованы целями выгоды и эгоизма: гостинцы давались ради дела, ради совместного созидания, ради общего дела (Н.Ф. Федоров).

Русским основоположником термодинамики был М.В. Ломоносов. Он полагал, что содержание всякой науки строится главным образом вокруг основных законов соответствующей науки и что наука разворачивается на основе соответствующих теорий познания (теория познания как теория отражения; теория познания как теория репрезентации) и, следовательно, на основе адекватных данным теориям познания укорененных методологических традиций. И в данном отношении Ломоносов хорошо знал Запад. Его (Ломоносова) западные современники и сверстники, как, например, по схоластической специализации номиналист-либерал Давид Юм (1711—1776) и реалист-консерватор Иммануил Кант (1724—1805), руководствовались теорией познания как теорией репрезентации, реалисты теоретизируют, произвольно принимая в качестве репрезентанта идеальное, а в качестве репрезентации — материальное; номиналисты же теоретизируют, произвольно принимая в качестве репрезентанта материальное, а в качестве репрезентации — идеальное. Очевидно по той причине, что проблема предпочтения — какой теории познания придерживаться — активно обсуждалась в России, Василий Никитич Татищев (1686—1750) даже нашел в русском языке слово «поятие» — по значению схожее со словом «репрезентация». До сих пор используется слово «понятой» — производное от слова «поятие».

Ломоносов за сорок лет до Лавуазье открыл первый закон термодинамики, а именно, закон сохранения материи и движения. Он открыл также на основе теории познания как теории отражения второй закон термодинамики: «Холодное тело B , погруженное в тело A , не может воспринять бóльшую степень теплоты, чем какую имеет A » [7, 147].

Практически сразу после М.В. Ломоносова в России начинают формироваться специальные концепции созидания, раскрывающие актуальное содержание русской методологии. В 1789 г. Александр Николаевич Радищев, в развитие концепции Ломоносова о необходимости науки для целей приведения вещей и материй из беспорядка в порядок, пишет: «Любовь, а не насилие содержит толь прекрасный в мире порядок и подчиненность. Вся природа подлежит оному, и где оный, там нет ужасающих позорищ, извлекающих из чувствительных сердец слезы сострадания и при которых истинный друг человечества содрогается. Что бы такое представляла тогда природа, кроме смеси

нестройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины? Поистине она лишилась бы величайшего способа как к сохранению, так и совершенствованию себя» [8, 266]. Радищев, по существу, доказывает, что антиэнтропийные процессы осуществляются в природе и в обществе, и борьба с нестройностями, с хаосом, должна ложиться в основу различных проектов, в том числе и экономических. Радищев, как и Ломоносов, руководствуется теорией познания как теорией отражения, согласно которой борьба с нестройностями, с хаосом, позволяет природе и обществу сохранять и совершенствовать себя.

В том же духе применительно к разрешению проблемы совершенства слова в 1795 г. пишет Михаил Михайлович Сперанский: «Но если дух порядка, подобно Духу Творческому, носясь над хаосом мыслей и рассуждений, не приведет его в движение и не расположит предметы сходственно природе их: все предстанет тогда одно только безобразное смешение понятий, покрытое глубоким мраком» [9, 149]. Кажется бы, Сперанский пишет об упорядоченности, упорядочивающих деяниях «духа порядка», т. е. о законе созидания, никак не касается теории экономики, но то, что Сперанский реализует концепцию Ломоносова применительно к неэкономическим проблемам, показывает фундаментальность данной концепции, что она (концепция) имеет в своей мере общенаучное значение, которое распространяется, в том числе, и на теорию экономики. Практически все русские философы XIX в. вплоть до эпохи Николая Федоровича Федорова и его учеников применительно к различным сторонам науки и практики актуализировали концепцию М.В. Ломоносова. Например, Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский доказывает необходимость гармонизации общественных отношений. Сергей Николаевич Булгаков, хотя и преувеличивал значение теоретических достижений реалистов, в частности, в вопросе о трансцендентальных субъектах в экономике, тем не менее, основательно, в духе Ломоносова, разрабатывает теорию софийности хозяйства о совершенных и гармоничных экономических отношениях, о благом, лишенном хаоса, устройении экономики и т. д. Отметим, что, в терминах Ломоносова, гонка за «презренным прибытком» не может быть условием гармонизации и совершенствования общественных отношений. Вместе с тем схоластические теории экономики — это, главным образом, теории обеспечения «презренного прибýtка», в то время как закон созидания (дух порядка, подобный Духу Творческому) распространяется на все сферы общественной жизни, включая экономическую сферу.

История русского экономического проекта — это история некоммерческого обмена, суть которого заключается не в получении выгоды или взаимной выгоды и т. п., а в реализации антиэнтропийных эконо-

мических процессов, процессов созидания. Отметим, что понятие «созидание» происходит от старославянского слова «зъдати». От этого же древнего слова происходят слова «здание», «создание», «создать» и т. д. И потому представление о созидании уходит в далекое прошлое нашей страны. И с течением времени идеи о созидании — строительстве, в том числе и о государственном строительстве, в идеологии гостомыслов, получают всестороннее развитие. И тогда возникает понятие «энтропия», и данное понятие получает термодинамическую законченность (физическая энтропия, статистическая энтропия, химическая энтропия, термодинамическая энтропия, биологическая энтропия, социальная энтропия и т. д.). И соответственно уже в середине XX в. некоторым эквивалентом понятия «созидание» в русской лексике становится понятие «антиэнтропийный процесс». В этом понятии получает развитие проект термодинамики, заданный трудами М.В. Ломоносова. Понятие «антиэнтропийный процесс» возникло как необходимость отображения процессов, препятствующих росту энтропии; процессов, обеспечивающих сохранение, по терминологии Ломоносова, адекватного и актуального «телу» вида движения и степени его (тела) совершенства.

Некоммерческий обмен, как один из детерминантов осуществления антиэнтропийных процессов, гармонизации и совершенствования общественных отношений, не предполагает беспорядочного дарения, о чем повествуют многочисленные русские первоисточники. Напротив, в течение веков система некоммерческих обменов тщательно отработывалась: именно в плане некоммерческого обмена существенно положение М.В. Ломоносова о презренном прибытке, идущем вразрез с необходимостью гармонизации и совершенствовании общественных отношений адекватно исторической эпохе. И, по-видимому, не случайно русский гений Виссарион Григорьевич Белинский в 1841 г. предупреждал Россию об опасности «схоластической грязи», поскольку, как мы полагаем, в основе экономических кризисов лежит не то, о чем писал К. Маркс, а именно: умозрительная «схоластическая грязь». Сама экономика, так сказать, восстает против схемотворчества и умозрительности схоластов.

Итак, русский экономический проект формировался в течение многих веков. Он всесторонне оттачивался и входил в жизнь общества, как входит дыхание в плоть и кровь общественной жизни народа.

Во-первых, русский экономический проект неотделим от русской модели мира — Лада, полнота которой измеряется уровнем совершенства общественных отношений. Данная модель мира востребует принцип единства мира и принцип всеобщей связи явлений. Отметим, что западная модель мира — Универсум — предполагает собственные

экономические проекты. Полнота универалистской модели мира измеряется многообразием степеней свободы и уровней их ограничений. Во-вторых, русский экономический проект предполагает соответствующий русской модели мира язык, к числу основных понятий которого относятся: «стройность», «нестройность», «нестроение», «смута», «созидание», «воссозидание» и т. д. С точки зрения традиционной отечественной теории познания как теории отражения данные понятия выступают как образы действительности, и, следовательно, созидание и воссозидание выступают как процессы, направленные на устранение нестройностей, нестроений и установление стройностей в содержании экономической системы: по ломоносовскому проекту термодинамики процессы созидания и воссозидания квалифицируются как антиэнтропийные процессы.

В-третьих, в системе русской модели мира такие понятия теории экономики, как «собственность», «деньги», «потребление», «рынок», «обмен» и т. д., характеризуют общественные отношения, находящиеся и совершенствующиеся среди других общественных отношений и по закону созидания («духу порядка, подобному Духу Творческому») или, по Радищеву, согласно пружине, позволяющей сохранять природу и совершенствовать себя. При этом общественные отношения упорядочиваются и совершенствуются в зависимости от содержания исторической эпохи.

В-четвертых, в созидательном значении экономические процессы выступают как антиэнтропийные процессы, например, труд по западной модели мира выступает не иначе как процесс изобретения, роста, возвышения и удовлетворения потребностей, дифференциации потребностей, специализации потребностей, осуществления подставного потребления и т. д. По русской модели мира труд выступает как процесс созидания, гармонизации общественных отношений, а, по Н.Ф. Федорову, — как процесс внесения порядка в природу и общество. Отметим, что в 1964 г. на Западе вышла книга Леона Бриллюэна, написанная, как кажется, по мотивам работ Н.Ф. Федорова, где Бриллюэн пишет: «Информация представляет собой отрицательный вклад в энтропию. Это утверждение было представлено автором как *«негэнтропийный принцип информации»* [10, 34]. Отметим, что по сравнению с положениями Н.Ф. Федорова и его предшественников, начиная, по крайней мере, с положениями М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева, М.М. Сперанского, М.В. Буташевича-Петрашевского, С.Н. Булгакова и т. д., негэнтропийный принцип информации Бриллюэна читается как определенное упрощение дела, имеющее отношение только к предметам физики. Впрочем, понятие «негэнтропия» («отрицательная энтропия») Бриллюэн по-

черпнул в работах австрийского физика Эрвина Шредингера. При всем этом очевидно, что с учетом негэнтропийного принципа информации русский экономический проект, эмпирически отработывавшийся веками со времен идеологии гостомыслов, а со времен М.В. Ломоносова получивший концептуальное и теоретическое отображение, в настоящее время раскрывается как информационный проект экономики, над которым царит «дух порядка, подобный Духу Творческому».

В-пятых, по русской модели мира, востребующей принцип единства мира и принцип всеобщей связи явлений, экономическая система должна быть единым народно-хозяйственным комплексом, эффективно работающим в режиме закрытости экономической системы, согласно которому (режиму) должны успешно срабатывать соответствующие феномены ожидания, а также эффективно работающим в режиме открытости, согласно которому скорости обращений (обращения денег, обращения товаров и т. д.) должны соответствовать стационарному состоянию экономической системы, позволяющему своевременно реализовывать выпускаемую продукцию и производить продукцию в необходимом качестве.

В-шестых, в соответствии с русским экономическим проектом, части экономической системы должны функционировать подобно организму по принципу тождества различий и принципу различий тождеств. При этом торговля, рынки, обмены, ярмарки, выставки-продажи, реклама и т. п. должны функционировать не как источники «презренного прибýtка», а как антиэнтропийные процессы и т. д., т. е. как процессы информационной экономики.

В-седьмых, сбросить с экономического мышления схоластику — это значит сбросить схемотворчество, в том числе, в виде умозрительных дедуктивных и индуктивных экономических теорий. Кроме того, о продуктивности экономических теорий нужно судить не по их внутренней логике (эти теории могут быть строгими), а по русской поговорке: «Сколько эти умозрительные кувшины по воду ни ходят, все равно головы сломят». И, когда либералы-маргиналисты, как и положено номиналистам, изобретали язык рыночной экономики для составления умозрительных схем и индуктивные теории экономики как систему безобразного знания, тогда русский космист Н.Ф. Федоров на основе многовековой русской эмпирической созидательной традиции и теоретической традиции, заданной трудами М.В. Ломоносова на основе теории познания как теории отражения, разрабатывал монументальную антиэнтропийную «Философию общего дела» — философию русского домостроения по концепции о необходимости внесения в мир порядка [11, 195—196].

Литература

1. *Ломоносов М.В.* Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее // Избранные философские произведения. М., 1950.
2. *Ломоносов М.В.* Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих // Избранные философские произведения. М., 1950.
3. *Чуринов Н.М., Летунова О.В.* Экономические проекты. Красноярск, 2010.
4. *Рассел Б.* Философия логического атомизма. Томск, 1999.
5. *Пирс Ч.С.* Принципы философии: В 2 т. Т. 1. СПб., 2001.
6. *Ломоносов М.В.* Замечания и возражения на речь академика Миллера «Происхождение народа и имени российского» // Избранные философские произведения. М., 1950.
7. *Ломоносов М.В.* Размышления о причине теплоты и холода // Избранные философские произведения. М., 1950.
8. *Радищев А.Н.* Беседа о том, что есть сын Отечества // Избранные философские сочинения. М., 1949.
9. *Сперанский М.М.* Правила высшего красноречия. СПб., 1844.
10. *Бриллюэн Л.* Научная неопределенность и информация. М., 1966.
11. *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела: В 2 т. Т. 2. М., 2003.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Апокалипсис не отменяется, но конца не будет!

Аннотация. В статье исследуются метафизические, теоретические и динамические аспекты феномена идеологии. Метафизически идеология выражает соотношение интересов людей и социоприродного мира. Теоретически идеология предстает как форма структурной периодизации истории. Динамически идеология выступает как последовательность софийных формаций: мифология, жречество, язычество, Священные Писания, Просвещение, социализм, глобализм.

Ключевые слова: философия хозяйства, идеология, Россия.

Abstract. This article studies metaphysical, theoretical and dynamic aspects of a phenomenon of ideology. Metaphysically the ideology expresses parity of people interests and social world. Theoretically the ideology appears as a form of a structural periodization of history. Dynamically the ideology acts as sequence of sophial formations: mythology, priests, paganism, the Scriptures, Education, socialism, globalism.

Keywords: economy philosophy, ideology, Russia.

С момента своего осознания человека истязают апокалипсисом, Страшным Судом. Но ап. Иоанн считает, что малый страшный суд постоянно вершит над собой каждый индивид, не знающий, не принимающий, не понимающий и отвергающий Спасителя. Апокалипсис сначала возникает в уме без Бога, а затем становится и внешней карой — миром без людей. Неискупаемая вина перед Духом² поражает их ум и сознание безумием и психоанализом. Спасаются они только в идеологиях — в особых софийных организмах, хранящие в себе смыслы, дух самой жизни.

Вся деятельность человека опосредуется индивидуальным и коллективным сознанием. У людей нет инстинкта самосохранения (о чем свидетельствуют акты самопожертвования и прогрессирующего суицида); нет даже инстинкта продолжения своего рода (о чем вопиют к Страшному Суду неродившиеся младенцы, убиенные и ежесекундно убиваемые в чревах матерей). Поэтому дана любовь, посредством которой Дух Божий убеждает, увещевает, благословляет, умоляет людей продолжать жизнь. Любовь — это вмешательство горних сил в решение человека оставаться человеком, который может сознательно и рационально принять (или — уже принял!) решение в пользу своего небытия. Ум и сознание могут быть иллюзорными, но они должны быть в любом виде, дабы человек оставался человеком.

А ум и сознание не только отражают, выражают, изображают, творят мир, но и свидетельствуют о мире ином световом, *судят* все существующее его высшей правдой. «Суждения» — это малые суды Большого Суда; и они выверяют природу мерой ее соответствия благу человека, а человека — мерой соответствия его интересов природе и своей же сущности. Эта взаимооценка человека и мира впервые была осознана Платоном и закреплена им в *идеях* — объективно-идеальных сущностях, образующих «третий мир», опосредующий взаимодействия человека и Космоса. Человеку от вещей нужна польза, поэтому идеи суть обобщения, которые позволяют маленькой голове маленького человека охватывать бесконечность; вещи же требуют от людей ласкового, бережного, галантерейного обращения, поэтому идеи — сущности ангельские, которые воздействуют на вещи и людей лишь идеально, не затрагивая их плоти.

Идея — феномен смыслоисчерпаемый. Идея (эйдос) — это и внешний — прекрасный — вид (лик, лицо, форма); и порождающий оригинал вещей; и смысловой план творения («по идее должно быть

² «И всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на Святого Духа, тому не простится» (Лк. 12, 10).

так-то и так-то»!); и хаоса организующая сила; и смысл, созидающий целостные ансамбли бытия; и целевая причина; и благая весть вечности; и перводвигатель личности (за идеи гибнут)³, и ваятель соразмерной плоти человеческой); и конструктор языка; и молитва в действии («умное делание»); и властвующая сила; и софийный акт мудрости; и род блаженства; и Эрос; и плоть Дике; и меч Немезиды. Идея — это истина самой истины, видящей и познающей себя через идеи. Идея — это любовь к мудрости, любовь в мудрости и мудрость любви. Идея — это вечная свобода Креста для алчущих правды; но крест этот они сами для себя делают, несут его на свое лобное место, где и свершается все «по идее». И не человек ищет идеи, находит их, владеет ими, а сами идеи ищут нужных им людей, находят их, превращают их в свои живые органы. Как и не тело создает нужную ему душу, а сама душа творит тело по своему софийному проекту.

Именно поэтому идеи служат конститутивными и творческими элементами ума, сознания, души и языка человека, их смысловым компасом, а, строго говоря, творящими оригиналами всех реалий мира, возникших посредством идей и существующих на основе идей как своих перводвигателей. Девиз французских просветителей — «Идеи правят миром!» — оказался более глубоким, чем допускали его авторы. Идеи только потому правят миром, что этот мир создан по их проектам и существует благодаря их духовным энергиям. Идеи являются неразвернутыми (как семья) теориями, которые служат своеобразными монастырями для потомства идей. Идеи не так уж много — всего семь. Это *Благо, Красота, Бог, Истина, Хозяйство, Справедливость, Эрос*. Все остальные мысли являются категориями, понятиями, ценностями. Локк, Беркли, Юм называли идеями даже восприятия. А сегодня идеями называют всякий рекламный мусор.

Идеи образуют особые миры, названные Наполеоном *идеологиями*, которые движут человеком, озаряя софийным светом бездны Тартара. Идеология омысливает интересы людей, а мыслям дает страсть интересов. Идеология всегда была, есть и будет, ибо без нее человек невозможен. Да сами сознание и ум — это ведь хозяйствующая идеология, ну, а хозяйство есть идеологии ума и сознания. Идеология — это стоимость сознания, а стоимость — это сознание в виде особой инсти-

³ Своеобразно воспринял антропную суть идей К. Маркс: «Идеи, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им» [1, 118]. Идеи — это не демоны, ибо от них можно освободиться; идеи — это ангелы, охраняющие мысли человека.

туции. Наиболее полно суть идеологий выражается в периодизациях истории, определяющих телеологию жизни. Обозначим основные типы *периодизаций* истории.

Мифология представляет человеческую историю как регресс, который начинается с *золотого* века, проходит *серебряный*, *бронзовый* века, век *героев* и завершается веком *железным*. Миф гласит: чем прочнее используемые человеком материалы, тем слабее ум, сознание, душа, тем скуднее язык, тем ненадежнее становится сила, мощь оружия и материи.

В христианской историософии важны две периодизации человеческой истории. Бл. Августин (354—430) выделял *Эпоху от сотворения мира до всемирного потопы*, *Эпоху от потопы до Авраама*, *Эпоху от Христа до Страшного Суда и конца истории*. У И. Флорского (1132—1202) вначале идет эпоха Ветхого Завета, абсолютной власти Бога-Закона, труда и страха. Затем — эпоха Нового Завета, Бога-Любви, науки и власти. В третьей эпохе царить будут Святой Дух и благодать. Эта периодизация, разделившая целостность Св. Троицы во времени, стала основой всех последующих модернистских истолкований христианства.

В Новое время целостную периодизацию истории создал итальянский философ Дж. Вико (1668—1744): история проходит через *Век Богов*, *Век Героев* и завершается *Веком Людей*. Самобытная периодизация человеческой истории развита Ф. Шеллингом (1775—1854), который выделял в ней *Эпоху Судьбы*, *Эпоху Космоса*, *Эпоху Провидения*, *Эпоху Свободы*. В эпоху свободы люди решают вопрос «Быть или не быть?». Продолжать ли человечеству свое бытие или же прекратить его? Г. Гегель (1770—1831) выделял в истории *Восточный Мир*, *Греческий Мир*, *Римский Мир*, *Германский Мир*, в котором дух осознает свою сущность — свободу.

Марксистская периодизация истории состоит из пяти общественно-экономических формаций: *первобытнообщинная*, *феодалная*, *буржуазная*, *социалистическая* и *коммунистическая*. Часть мира отвергла коммунизм, но сам коммунизм не отказывается от людей, ласково так, по-китайски, маня их к себе. Ведь люди в сути все же коммунисты, а не афроамериканисты.

О. Шпенглер (1880—1936) создал классификацию истории, выделяя культуры, своеобразные организмы, имеющие «души», рождения, расцвет и умирания. Есть китайская, вавилонская, египетская, индийская, античная, византийско-арабская, западная культуры, культура майя. Рождается и русско-сибирская культура — настолько странная, что все культуры никнут, узнав о ней. Культуру гробит цивилизация, живущая атеизмом, империализмом, революционизмом, сциентизмом,

финансизмом, техницизмом, урбанизацией. Для Н.Я. Данилевского (1822—1855) мировая история есть совокупность *культурно-исторических типов*; у каждого из них свое лицо и своя судьба. Есть тринадцать культурно-исторических типов: египетский, китайский, древнесемитский, индийский, иранский, новосемитский, греческий, римский, арабский, европейский, перуанский, мексиканский, славянский. Взаимоотношения между культурными типами бывают мирными, конкурентными и враждебными в зависимости от их душ. Европейский тип не приемлет славян уже на уровне неживой материи; даже европейские гробы не могут мирно гнить, а мечтают о завоевании славян.

Европоцентристская периодизация истории «*Древний мир — Средние века — Новое время*» — для неевропейских обществ имеет чисто агрессивное значение, ибо она допускает доисторические и внеисторические народы, с которыми европейцы могут поступать по своему усмотрению.

Сегодня стала модной культурологическая периодизация истории, разделяющая ее на *эпоху Премодерна* — создание духовно-религиозной Традиции; *эпоху Модерна* — время реформизма, гуманизма, социализма, капитализма, отрицания Бога, природы и созидания искусственного мира; *эпоху Постмодерна* — время самодеконструкции человека, который ведет виртуальные войны со своим уже давно разрушенным воображением.

Однако темнота словечка «пост» говорит о том, что эта *периодизация* является частью конспиративной идеологии, лукаво внушаемой посредством гедонизма, гламура, допингов, пороков, гипнотизма массмедиа. В этой идеологии нет идей, поэтому она и провозглашает: «Все позволено, но в качестве симуляция жизни!». По сути, она является не идеологией, а инфернологией, принуждающей человека превращать себя в нечеловека, чтобы получить вид на пребывание в Преисподней.

Ведь любая идеология усмиряет буйство желаний и мечтаний человека, подчиняя их Идее, преобразуя их в осознанные силы личности; идеология делает человека субъектом мысли; даже если эта идеология является религиозной, она вовсе не мешает созданию глубочайших творений во всех областях, кроме оружия массового поражения. Людям навязывается инфернология, превращающая сознание и ум людей в агрессивные желания, которым не нужна никакая история, которую в США просто отменили, лишив людей ориентира в лабиринтах времен, превратив их в стадо блуждающих псов. Идеология связывает производителей и потребителей общими смыслами, а инфернология загоняет их в общее безумие.

Но без идеологии не смогут существовать даже люди, насквозь пропитанные инферальной радиацией, даже сами бесы. И для определения этой скрытой идеологии нужно вначале установить *фактологическую периодизацию* истории от ее гипотетического начала до ее научно евроамериканского конца. Здесь четко выделяется семь *софийных формаций*, каждая из которых содержит в себе все проявления ума, сознания, души и языка данной эпохи, всю совокупность религиозных учений, наук, искусств, мировоззрений, социокультурных и трудовых практик, празднеств. Каждая из этих формаций представляет собой особый макромир всего мегамира человеческого. А число «7» издревле выражает завершенность Космоса.

1. Мифология является первой софийной формацией истории, через которую прошли все народы. Все мифологии содержат в себе четыре основные части: 1) теогонию — учение о происхождении богов; 2) космогонию — учение о возникновении мира; 3) антропологию — учение о человеке; 4) эсхатологию — учение о судьбах мира. Частью мифологий являются духи, демоны, гении, чудовища, которые то содействуют устройению Космоса и человека, то вредят им. Мифы целенаправленно и сознательно не создавались, а возникали из глубин коллективных интуиций как откровения мира и вещей для людей. Поэтому мифы суть подлинная археология ума, сознания, души и языка. Субъектами мифов были коллективные организмы — племена, народности, этносы. Институциональным носителем мифологии были посвящения и мистерии, которые сохранили свои тайны от опасного любопытства каинитов. Не подвластной мифам осталась Судьба, ставшая кодом сказаний. Поэтому даже боги в мифах сознают свою обреченность пред тайной волей судьбы.

2. Жречество — вторая софийная формация истории, пришедшая на смену мифологии. Жреческая идеология включала в себя: 1) веды, изучающие воздействия идеального на материальное (веды присутствуют в любой культуре мира, но только Индия сохранила их энергию в качестве современной духовной силы); 2) медицину — «науку всех наук», подчиняющую себе все исследования; 3) магию — управленчески-инженерную дисциплину, изучающую способы воздействия идей на материю; 4) кастовую систему, устанавливающую сакральный статус индивидов. Заслугой жречества является охрана знания от гиблого практицизма, от мертвящего академизма, от воли оружия, сохранение знания как животворного эталона. И в странах, сохранивших жречество, нет бесплодных, опасных наук, как и ненужных людей. Субъектами жреческой идеологии были касты интеллектуалов, прошедших суровейшие профессиональные, моральные и социально-властные испытания. Институтами жречества были храмы, служившие в то же время

и банками, и научными школами. Жречество оттеснили военные касты, изобретшие революции, которые и запустили деградацию общества.

3. Язычество — третья идеология, софийная формация истории, возникшая на руинах жречества. Термин «язычество» несет в себе антихристианский заряд, но в нем есть и самодостаточный смысл. Язычество покоится на четырех «китах»: 1) метафизике; 2) физике; 3) логике; 4) этике. Субъектами язычества служат философы, мудрецы. Институтами язычества стали академии, лицеи, школы-общины. Язычество погубили аморализм и свобода; без свободы нет язычества, а свобода разрушает его, позволяя любому человеку стать киником и разводить несусветный бред о богах.

4. Священные Писания стали основной идеологией, центральной софийной формацией истории. Они сохранили в себе духовные ценности предшествующей истории, создав в то же время глобальные формы организации человечества. В христианстве тоже есть четыре базовых Евангелия, выражающих его проект спасения человечества. (В других религиях я не сведущ, а потому воздержусь от суждения.) Священные Писания — богооткровенные Книги, поэтому они не имеют авторов, сами порождая из своего сакрального мира пророков, апостолов, ставших священными субъектами этих Книг. Институтами, мистическими организмами Священных Писаний служат Церкви, монастыри. Основным врагом Священных писаний является интеллигенция, которая пытается своими измышлениями, книжонками то дополнить, то опровергнуть Книги.

5. Просвещение — шестая идеология, софийная формация истории. Просвещение движимо одной лишь патологической ненавистью к религии, отрицанием которой оно обязано своим существованием. (Сам термин «Просвещение» взят из христианского праздника Крещения, или — Богоявления. А еще его именуют днем просвещения и праздником Светов, ибо «Бог есть Свет и явился просветить сидящих во тьме».) Просветители этот украденный термин объявили своим открытием и представили через него свою доктрину в виде четырех частей: 1) идеология мировой власти (свобода, равенство, братство); 2) атеизм — как «последнего короля повесить на кишках последнего попа» (Вольтер); 3) технология, повышающая производительность труда, казней и войн; 4) материализм, заменяющий духовные ценности натурой. Субъектами Просвещения стали гуманисты, а основным институтом его стали школы и взятые у христиан университеты, да еще клубы масонства многоликого. А врагом Просвещения стала Церковь, о которой Вольтер мог выговаривать только два слова: «Раздавить гадину!». «Гадину» они не раздавили, а вот своих друзей по закону равен-

ства, братства и свободы они превратили в гаденышей и потопили в луже их же крови.

6. Социализм — шестая идеология и софийная формация истории, предстал в виде четырех учений: 1) философии; 2) политической экономики; 3) научного коммунизма; 4) истории партии. Субъектами идеологии социализма является классы, а институтом — партия коммунистов. Основной враг идеологии социализма — частная собственность, грозящая гибелью жизни, которая есть общая собственность живых. Врагом социализма стала и сама идеология, ибо она частные интересы выдавала за общие интересы. Поэтому социализм гордился тем, что он идеологию как утопию и ложное сознание сделал наукой, не заметив, как наука превратила его в самоубийцу.

Все вышеуказанные идеологии использовали плоды своих предшественников, предавая определенной гласности свои идеи и цели.

7. «Глобализм» в качестве последней идеологии радикально порывает со всей традицией, тщательно избегая гласности. Но четыре составных части сохраняет: 1) психоанализ; 2) постмодернизм; 3) финансовономику; 4) виртуализм. Субъектом этой тайной идеологии являются мастера Воланда, а ее институты сокрыты в ООН, в МВФ, в НАТО, в клубах и комиссиях по «интересным интересам». Задача у всех этих институтов одна — людей слишком много, а ресурсов на всех не хватит. Нужно этак миллиардов пять с половиной закатать в асфальт или потопить как щенят. Понятно, такие цели нельзя публично озвучивать. Да и неизвестно, как Земля отреагирует, приняв в свое чрево своих же чад! Нет, «истребление лишних людей — дело самих истребляемых!». Часть людей сама с блаженством безумцев станет призраками Интернета. Но неизвестна реакция князя тьмы на такие дела, ибо он не знает, как быть ему со своими-то призраками. Поэтому врагом глобализма стала уже сама идеология как таковая, сохраняющая ум, сознание, душу, язык людей, давая при этом и некоторое понимание мира. Отсюда главная задача Интернета — кастрировать идеальные силы людей, превратить их из органов понимания в средства непонимания, сокрытого под битами информации. Глобализм — даже не постидеология, а инфернология «поста» от мысли, сознания, души и языка, апокалипсиса человека. Поэтому он отвергает все идеологии, ибо даже самые ложные из них не покушались на ум, сознание, душу и язык человека. Глобализм — это проект демонтажа христианства, его замены управляемым антихристианским безумием.

Но на пути глобализма стоит Россия — софийная идеология во плоти. Поэтому война с идеологией неизбежно становится войной с Россией. Ибо в России апокалипсис имеет и светлый исход для избранных Спасения, которым нужно хозяйство, а с ним и идеология,

признающая апокалипсис нарушением сакральных прав своих избранных. Поэтому и возникла в России уникальнейшая постапокалипсическая идеология — философия хозяйства. Апокалипсис — это суд, а любой суд невозможен без минимума хозяйства, которое работает и без апокалипсиса, и в нем, и против него, и на него, и вместо него. Апокалипсис — часть хозяйства, возвращающего экономику в отчий домострой. Поэтому апокалипсис штатный сотрудник хозяйства, которое спасает экономику от ее губительных амбиций.

Философия хозяйства и есть неопознанный, неузнанный даже «своими» апокалипсис, ставший звеном ее идеологии. Само наличие философии хозяйства, ее плодородные, логосные, софийные и властные императивы говорят о том, что она есть постапокалипсическое учение, появившееся до апокалипсиса как знамение для подлинных людей. Большинство людей уже не годится для апокалипсиса, ибо они сами себя осуждают, устраивая себе персональные апокалипсисы. Философия же хозяйства имеет дело с постреалиями, а потому ее могут воспринимать лишь те, кто преодолел барьер «постнегации» и «постбытия». Пока их не очень много, и они не понимают самих себя, своей постчеловечности, совпадающей с их архечеловечностью. В то же время апокалипсис для их ума уже позади, а впереди предстоит познание грядущих бурь, проблем, а не гибель ума в тупиках, созданных людским непониманием. Вообще, апокалипсис грозит только паразитам, ростовщикам и симулянтам. Да еще мегаполисному планктону, занятому обслуживанием паразитов. Если люди живут на земле, обрабатывают ее машинами, пользуются техникой в быту, то апокалипсис может только ухудшить, упростить жизнь. Придется работать лопатой, снова дружить с лошастью, жить по закону солнца. Да, вначале будет тяжело, но те, кто выдержат эти испытания, будут уже по ту сторону апокалипсиса. Да и вообще есть вещи поважнее апокалипсиса! Нужно хозяйственно обеспечивать сущего и сущих хлебом насущным. Ну, а поскольку у паразитов все средства информации, то они всячески внушают труженикам, что без вшей они никак не проживут, а погибнут. Они-то и дрожат постоянно, как бы доноры не распознали неопаразитов — и не очистились бы от них. Для труда апокалипсис — это нашествие паразитов. Велика Россия, но и она всех паразитов не прокормит, а потому и нужны спецмероприятия — апокалипсисы. Нехозяйствующий — да не ест! Апокалипсис — это вшивология паразитизма, ставшего мировой силой и страшящегося мировой чистки. А чистая философия стала болезнью, от которого исцеляет только метафизика хозяйства.

От апокалипсиса не спасет мудрость вроде: «Живи проще, поменьше думай и загружай голову проблемами, помни о здоровье!».

Только все, отвергаемое головой, затем со страшной силой обрушит на нее физика. Апокалипсис — это обильнейший фуршет, устроенный дьяволом для прогрессистов. Но, но, к столу имеет доступ только каждый десятый прогрессист. А, а из всех блюд только одно из десяти без яда. Кто будет допущен к столу, и кому достанется блюдо без яда? Возлюбленные! Не всякому фуршету верьте, а испытывайте их, откуда и для чего они?

Философия хозяйства — единственное учение, в котором апокалипсис не имеет ни своих адептов, ни своих средств, ни своих целей. Ибо ее основанием служит прообраз вечности: «Начало — середина — конец — продолжение». Хозяйство, как и мудрость, не знает конца, ибо в «конце самих концов» все равно нужно мудрствовать и хозяйствовать, чтобы «концы» свершались; а мудрствование и хозяйствование автоматически преобразуют «концы» в другие «начала» — в софийный *grahis*. И философия хозяйства дает подлинную периодизацию истории, охватывая всю ее целостность, включая апокалипсис в жизнь, а не жизнь в апокалипсис: 1) предапокалипсизм (он же рай, золотой век); 2) апокалипсизм (бунт против Истины и кара небес); 3) постапокалипсизм преобразуемой жизни.

Философию хозяйства современники воспринимают как пришельца из иного мира, что не так уж далеко от истины. Ее не отвергают, не критикуют, но и не признают, ибо не уверены в своих суждениях. Признание ее может стать бесполезным, отрицание — губительным; но скептики скучны и неинтересны для священного МЧС, который спасает даже бродячих собак.

Однако именно философия хозяйства есть метаидеология, спасающая сознание, ум, душу и язык в апокалипсические времена от гибели.

Философия хозяйства является *особым жизнетворящим знанием*. Не будем касаться крупных проблем, а взглянем на «мелочи». Когда мать зачинает, вынашивает, рождает дитя, ухаживает за ним, учит его ходить — все эти действия сочетают в себе хозяйствование, мудрость и любовь, являясь жизнетворящим знанием. Эту жизневторность философии хозяйства воплощает в себе МЧС России, оказывающее хозяйственную помощь бедствующим. Без триединства хозяйства, мудрости и любви даже атомы забыли бы о человеке. Философия хозяйства есть эсхатология самого знания как софийной сути жизни, необходимое звено продолжения жизни.

Философия хозяйства является особым родом *метафизического знания*; в ее космосе столкновение различных мнений и смыслов, различных жизненных энергий рождает *просветление, свет понимания*. Если частица и античастица, взаимоуничтожаясь, испускают квант света, исчезающего неизвестно где, то в философии хозяйства смысло-

вой свет не исчезает, а превращается в понимание до сих пор непонятых проблем. Философия хозяйства является неиссякаемым источником смысловой энергии, возникающей из встречи софийных и человеческих начал в таком необычном контексте. Философия хозяйства есть метафизика эсхатологии, ее плодородные софийные зерна. Ее знание зажигает свет понимания там, где уже не может гореть никакой иной свет.

Философия хозяйства есть особый Логос, род *логосного знания*, выступающего в качестве свободной методологии, преобразующей диалектику в триалектику и полилектику. Эта методология сочетает в себе строжайшую, внутреннюю дисциплину мысли, с абсолютной свободой во внешних приложениях, в выборе тем, путей движения ума. Философия хозяйства есть софийный метод эсхатологической археологии. Ее методу присуща свобода, порождающая дерзномыслие, озарения и... жалость.

Философия хозяйства есть уникальный вид *софийного знания*, преобразующего человека, рождая в нем новую личность. Это — откровенческое, размышляющее знание, которое человек добывает не по своему велению и хотению, а которое само открывается в его уме и сознании как благодать, заслуженная нравственной чистотой и умениями в работе с идеями — ангелами Софии. Софийное знание по мере его накопления может становиться личностью, существом, оказывающим на мир большее воздействие, чем мир на него. Философия хозяйства есть софийная идеология самосохранения человека во времена эсхатологические.

Философия хозяйства есть вид *сакрального знания*, жаждущего творить новые реалии из ничего или — что то же самое — из самого себя, из своих Неизвестных и Несказанных смыслов. А поскольку все идеи таят в себе неведомые власти, то и *хозяйство*, как основная идея философии хозяйства тоже содержит в себе неведомую власть, ищущую своего неведомого царя, который ищет свою софиократию. Хотя почему неведомая власть? Речь идет о целостной власти, возникающей из безысходных кошмаров техногенной глобализации, из удушающего ростовщичества, из нашествия виртуальных призраков. И эта власть может быть только органическим единением Церкви, Университета и Государства. Идеологией, связующей эту власть с обществом, с народами и этносами, может быть только философия хозяйства, ибо без хозяйства даже мертвые, даже бесы и князь их не могут обойтись. Да, да, и в Преисподней хозяйство останется, и там будут модернизации, инновации, а вот экономики, денег, стоимости, спроса и предложения, цен, инфляции, рынка там уж точно не будет. И в Раю необходимо хозяйство благое, дабы люди не стали иждивенцами Господа; и даже в

ангельском мире без хозяйства не обойтись, ибо где-то ангелам нужно почивать, одежды и обувь менять, учиться музыке, вещим и военным наукам. Посредством философия хозяйства сакральная власть творит новую реальность, из которой произрастают новые смыслы.

Постмодернизм отверг идеологии, а с ними и теории, в пользу информационных технологий. В Интернете невозможна никакая идеология, ибо нет в нем алчущих правды, а есть только жертвы алчущей виртуальности. Биочеловек нужен лишь в качестве органа Интернета, но вскоре Интернет создаст своего человека. Уже сегодня человек не понимает знакомого; а если и понимает, то скоро забывает; а если забывает, то и не знает. Все нужное содержит в себе Интернет, формирующий человека, которому не нужен не только другой человек, но он и сам себе не нужен, погружаясь в абсолютную свободу виртуальных миров. Интернет создал виртосферу, в которой социокультурные смыслы не работают. Эта виртосфера несет не смыслы, а концепты, целенаправленно оглупляющие человека, приучающие его к бездумью, к мелочной точности, внутреннему послушанию и в итоге — к безумию. Но без идеологии нет человека. Даже власть не может сохранить себя и страну без идеологии. Страшно жить без идеологии, ибо тогда ее место занимает некрология.

Особенно трагично проблема идеологии стоит в России, Без идеологии и православие не поможет России, ибо быть православным можно ведь и вне России и без России. А жить надо ради сохранения России. Сегодня идеологией России стало само слово «Россия», в котором выражается русский инстинкт жизни, дух самой русской жизни. Именно этот дух создал ковчег философии хозяйства, дабы уберечь Россию от апокалипсического дурмана. Слово «*Апокалипсис*» означает *Откровение* о конце истории в Божественном знании, а не в людских измышлениях. Оно не только грозно предостерегает отпавшее от Бога человечество, но и несет весть о *снятии всех проклятий, о новом небе и новой земле, где не будет ни смерти, ни плача, ни болезни, а люди увидят Бога лицом к Лицу.*

И философия хозяйства заявляет: «Апокалипсис — уже состоявшаяся часть России, а не Россия — часть *еще* несостоявшегося апокалипсиса. Апокалипсис в России сегодня становится апокалипсисом самого апокалипсиса; а у нее есть дела поважнее — созидание Дома софийного своего!». И русские, пройдя испытание апокалипсисом, вернутся в Отчий Дом вслед за философией хозяйства. Зачем двери, окна и запоры, если нет Дома? Зачем Апокалипсис, если в Доме нет осужденных?

Итак, в качестве единственного и законного наследника всех идеологий мира является только философия хозяйства. Почему? Ибо только философия хозяйства имеет свою идею-теорию — хозяйство, по-

знающее мир как живую и смысловую целостность. У нее есть своя методология — *триалектика* и *полилектика*, изучающие мир как вечное единоречие. Она имеет свою метафизику — *софиологию*, видящей в хозяйстве *откровения и действия* всеясветной мудрости. У нее есть проект устройства русского царства на основе единения *государства, церкви и университета*. У нее есть проект устройства всего человечества на свободных началах *планетаризма и солидаризма* вместо конспирологического насилия глобализма. Петух истории уже прокукарекал.

Познавать, хозяйствуя, чтобы жизнь продолжалась, чтобы пылали смыслы ее, становясь кровью душевной, чтобы сохранить человечность. Познавать, хозяйствуя, чтобы творить из ничего новое сакральное нечто.

Какое учение может соперничать сегодня с философией хозяйства?!

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.

П.С. ТОЛКАЧЕВ

Духовно-нравственные ориентиры мировой экономики*

Аннотация. В статье исследуются духовно-нравственные (аксиологические) ориентиры мировой экономики как в общемировом аспекте, так и цивилизационном. Поставлен вопрос о главных цивилизационных противоречиях современной эпохи.

Ключевые слова: мировая экономика, структурные уровни мировой экономики, цивилизация, национальная экономика.

Abstract. The article describes the spiritual and moral (axiological) world economy landmarks as in a global aspect and civilization. The attention to the question on the main things contradictions of the modern era of civilization is brought.

Keywords: world economy, structural levels of world economy, civilization, national economy.

* Данная работа является составной частью цикла статей о духовном векторе экономического развития (начало см.: Философия хозяйства. 2011. № 2).

Структурные уровни мировой экономики

Внутренняя структура мировой экономики раскрывается в трех иерархически связанных уровнях.

Высшим (макроуровень) выступает *всемирное хозяйство* как единое целое, элементы которого — национальные экономики — непосредственно связаны с *мировым экономическим центром*, в качестве которого сегодня выступает наднациональный орган — Организация Объединенных Наций (в лице своих экономических институтов). Отношения между отдельными национальными экономиками складываются в рамках ООН и опосредованы ею. В границах своих полномочий мировой центр обладает большими качествами, чем каждая национальная экономика в отдельности, благодаря чему обеспечивается устойчивость макроструктуры «мировой центр — национальные экономики».

На *среднем* уровне (мезоуровень) мы видим, что все национальные экономики, входящие в макроструктуру, дополнительно объединяются в особые группы — *мировые цивилизации*. Последние характеризуются спецификой духовного и материального развития по отношению к общим правилам всемирного хозяйства, и связи между цивилизациями и мировым центром более свободны, чем в общей структуре.

На *нижнем* уровне (микроуровень) мировое хозяйство выступает как мировой рынок, где все *национальные экономики* действуют свободно, независимо и суверенно (в рамках принципов ООН), будучи участниками мирового общественного разделения труда. Мировой наднациональный центр здесь играет роль некоего арбитра, всемирного регулятора свободных рыночных отношений между странами.

Всемирное хозяйство

Существующая система мирового хозяйства (рис. 1) возникла по окончании Второй мировой войны. Одним из важнейших результатов последней было создание Организации Объединенных Наций как наднационального единого политического и экономического центра. С момента своего образования ООН стала первой в мировой истории общепризнанной институциональной формой объединения всемирного человечества. Название «Объединенные Нации» было предложено президентом США Франклином Д. Рузвельтом и впервые использовано в Декларации Объединенных Наций, подписанной 1 января 1942 г, в соответствии с которой представители 26 государств обязались от имени своих правительств продолжать совместную борьбу против стран Оси (Берлин — Рим — Токио). Окончательный текст Устава ООН был принят на конференции в Сан-Франциско, проходившей с

апреля по июнь 1945 г. Подписанный 26 июня 1945 г. представителями 50 государств, он вступил в силу 24 октября 1945 г. Эта дата отмечается как День Организации Объединённых Наций [1].

В Преамбуле Устава ООН говорится:

«Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций, и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и **содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни** при большей свободе, и в этих целях проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи, и объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности, и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах, и использовать международный аппарат для **содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов**, решили **объединить наши усилия для достижения этих целей.**

Согласно этому, наши соответственные правительства через представителей, собравшихся в городе Сан-Франциско, предъявивших свои полномочия, найденные в надлежащей форме, согласились принять настоящий Устав Организации Объединенных Наций и настоящим учреждают международную организацию под названием *Объединенные Нации*» (выделено мною. — П.Т.) [1].

Статья 1 главы 1 Устава определяет *четыре главных цели* ООН: 1) поддерживать международный мир и безопасность; 2) развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира; 3) осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера; 4) быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей.

Для достижения целей, указанных в статье 1, Устав ООН выдвигает *семь основополагающих принципов* (ст. 2 гл. 1): 1) ООН основывается на принципе суверенного равенства всех ее членов; 2) все члены ООН добросовестно выполняют принятые на себя обязательства, 3) все члены ООН разрешают свои международные споры мирными средствами; 4) все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях

от угрозы силой или ее применения против других государств; 5) все члены ООН оказывают ей всемерную помощь во всех действиях, предпринимаемых ею в соответствии с настоящим Уставом; 6) ООН обеспечивает, чтобы государства, которые не являются ее членами, действовали в соответствии с этими принципами; 7) Устав ни не дает ООН права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства [1].

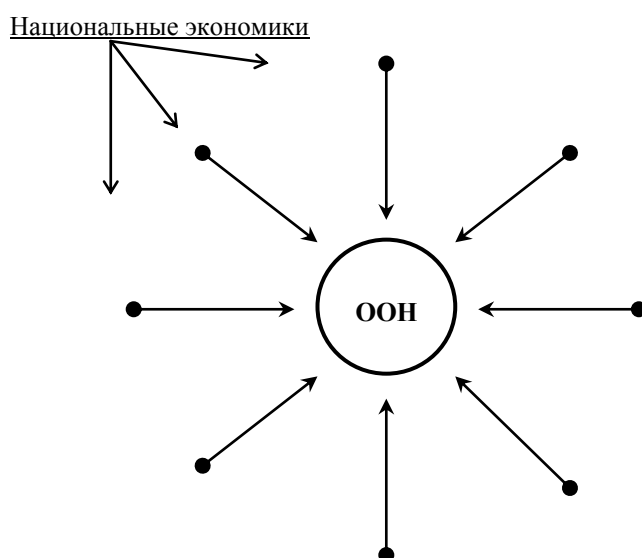

Рис. 1. Макроэкономическая структура мирового хозяйства

Взаимодействие ООН как наднационального центра со всеми национальными экономиками образует основное экономическое отношение всемирного хозяйства. В нем же заключено и основное противоречие, которое может быть как положительным (истинным), ведущим к гармонии и процветанию мирового сообщества, так и отрицательным, ведущим к межгосударственным конфликтам и разрушению мировой экономической системы. В настоящее время ООН выступает единственной реальной наднациональной силой, признанной всем мировым сообществом. Потеря эффективности ООН, а тем более ее распад грозят всему мировому сообществу хаосом и катастрофой.

Макроуровень — это наиболее общая и самая простая структурная форма мирового хозяйства. Последняя не предусматривает никаких качественных различий между входящими в нее национальными эко-

номиками. Это прямо вытекает из первого основополагающего принципа Устава ООН: *суверенное равенство всех ее членов*. Однако, как мы уже отмечали выше, общая направленность мировой экономики не отвергает, а, напротив, предполагает многообразие внутри единства. Общемировой экономической и социальной процесс имеет сложную внутреннюю структуру. Он реализуется в виде группы связанных друг с другом *больших и малых* функций. Первые осуществляются цивилизациями.

Цивилизации — это группы стран, сродненные друг с другом весьма схожим характером духовно-экономического развития (за исключением некоторых отдельных государств, таких как России и Израиль, которые в своем национальном качестве выступают отдельными цивилизациями). Населяющие их народы различными способами объединяются в более или менее развитые наднациональные социумы, которые функционируют в мировой экономике наподобие специфических органов единого мирового хозяйственного тела.

Юридическое признание таких наднациональных групп — цивилизаций — мы наблюдаем в самой структуре ООН. Один из главных ее органов, который координирует сотрудничество в экономической и социальной областях — Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС). Он состоит из пяти региональных комиссий:

- Европейская экономическая комиссия (ЕЭК);
- Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО);
- Экономическая и социальная комиссия для Западной Азии (ЭСКЗА);
- Экономическая комиссия для Африки (ЭКА);
- Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК).

Мировые цивилизации, формирующиеся внутри макроструктуры мирового хозяйства, занимают средний (мезо) его уровень и образуют *мезоструктуру* мировой экономики, обогащая последнюю своим специфическим содержанием.

В отношении цивилизаций экономическая аксиология исследует те различия их социально-экономического развития, которые возникают в силу особенной духовно-нравственной ориентации данных человеческих социумов.

Цивилизационные различия экономики

В современной литературе под «цивилизацией» (от лат. *civilis* — гражданский, городской, культурный) понимают сродный характер

духовной, социальной и культурной жизни той или иной группы стран и народов. В экономическом плане цивилизационный подход — это исследование развития общественного производства с точки зрения духовных целей социума — его религии, культуры, обычаев и нравов.

Понятие «цивилизация» было введено в обиход в XVII в. французскими философами, которые идеологически обосновывали правомерность противостояния Западной Европы всему остальному человечеству — так называемому варварству (к которому они относили и Россию). Эта была апология осуществлявшегося уже два столетия передела мира западноевропейским социумом (начиная с эпохи Великих географических открытий).

Родоначальником научного исследования проблемы цивилизаций по праву считается русский естествоиспытатель, философ и социолог *Николай Яковлевич Данилевский* (1822—1885). В своем основном труде «Россия и Европа» (1869) Данилевский разработал теорию культурно-исторических типов, согласно которой *культурно-исторический тип* — это целостная система, определяемая культурными, психологическими и иными факторами, присущими народу или совокупности близких по духу и языку народов [2]. Данилевский выделяет ряд культурно-исторических типов, таких как египетский, китайский, ассирийско-вавилонский, еврейский, греческий, римский и др. При этом особое внимание он уделяет западноевропейскому и славянскому типам. Согласно Данилевскому, единой истории человечества не существует, а есть история возникновения, развития и упадка отдельных культурно-исторических типов. Представление же о единых для всего мира стадиях развития, по Данилевскому, есть неправомерный перенос особенностей истории Западной Европы на весь мир [2].

Историческую миссию России Данилевский видит в заботе о сохранении и развитии славянского культурно-исторического типа. В своей книге он утверждает, что Западная Европа враждебна России и славянству, поэтому необходимо крепить солидарность славянских народов в борьбе со стремлением Запада уничтожить, подчинить или ассимилировать славян [2].

Концепция культурно-исторических типов явилась предшественницей концепции локальных цивилизаций, разработанной в XX в. О. Шпенглером и А. Тойнби.

Немецкий философ и теоретик культуры Освальд Шпенглер (1880—1936) в своем произведении «Закат Европы» (1918) выступил с резкой критикой основных постулатов западной исторической науки XIX в., прокламирующей европоцентризм и так называемую линейную направленность исторического развития: *Древний мир — Средние века — Новое время*. Этой схеме развития Шпенглер противопоставил

свое учение о множественности культурно-исторических типов (цивилизаций), равноценных по уровню достигнутой ими зрелости. По Шпенглеру, *культура* — это главное содержание истории, а *цивилизация есть определённая заключительная стадия развития любой культуры*. Основные признаки цивилизации: развитие индустрии и техники, деградация искусства и литературы, возникновение огромного скопления людей в больших городах, превращение народов в безликие массы [3].

Английский историк и философ Арнольд Джозеф Тойнби (1889—1975) явился создателем одного из наиболее известных вариантов концепции так называемых локальных цивилизаций — национальных или наднациональных общностей, отличающихся специфическими социально-экономическими, политическими и культурными особенностями. Тойнби посвятил свой двенадцатитомный труд «Постижение истории» (1934—1961) фундаментальному анализу возникновения, развития и отмирания цивилизаций. Вначале он выделял 21 цивилизацию, для которых характерны уникальные религии, государственные устройства и собственные философские системы. Позже он называл уже 36 цивилизаций. Как и Шпенглер, Тойнби исследовал цикличное развитие культур. Однако в отличие от него считал, что культуры не могут быть уподоблены живым организмам, имеющим ограниченную продолжительность жизни, а полагал, что они вырождаются из-за нравственных причин. Тойнби описал следующие этапы развития цивилизаций: рождение, рост, расцвет, надлом и разложение. Среди причин гибели цивилизации он выделил эгоизм правящей элиты, а также консерватизм и леность населения. Тойнби считал, что западная цивилизация погибнет, но явится предпосылкой новой синкретической религии [3].

Из последних исследований данной проблемы выделяется книга известного американского социолога и политолога Самюэля Хантингтона (1918—2008) «Столкновение цивилизаций» (1996), русский перевод которой вышел в 2003 г. [4]. Хантингтон полагает, что фундаментальный конфликт в современном мире будут иметь не политическую, идеологическую или экономическую, а исключительно культурную основу. Они будут происходить между культурно различными цивилизациями, и их столкновение будет носить глобальный характер.

Хантингтон выделяет следующие основные современные мировые цивилизации [5]: 1) *западная* (Западная Европа, Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия); 2) *православная* (Россия, Белоруссия, Армения, Кипр, Греция, Молдавия, Македония, Румыния, Сербия, Грузия и Украина); 3) *латиноамериканская* (Латинская Америка); 4) *исламская* (Исламский мир Ближнего Востока, Центральной Азии,

Юго-Западной Азии, Афганистан, Албания, Азербайджан, Бангладеш, Индонезия, Малайзия, Мальдивы, Пакистан и отдельные части Индии); 5) *индуистская* (Индия, Непал, а также обширные диаспоры индусов в разных частях мира); 6) *дальневосточная* (Китай, Корея, Сингапур, Тайвань и Вьетнам); 7) *японская*; 8) *африканская* (южнее Сахары); 9) *древняя буддистская* (Бутан, Комбоджа, Лаос, Мьянма, Шри-Ланка, Таиланд, Калмыкия, регионы Непала, регионы Сибири и Тибетское правительство в изгнании).

Хантингтон также считает, что, в известном плане, китайская, японская и буддистская цивилизации могут быть выделены в некую единую, которую он называет *восточный мир*. Он еще выделяет особый случай: *микроцивилизации*, которые не принадлежат ни к одной большой цивилизационной группе и которых он называет «странами-одиночками». Это *Эфиопия, Турция, Израиль* и некоторые другие [5]. К этому списку стран, которые лучше именовать странами-цивилизациями, следует, по нашему мнению, прибавить и Россию.

В современной российской литературе можно встретить несколько иную типологию мировых цивилизаций. Например, известный российский историк и политолог А.И. Уткин выделял восемь крупных цивилизаций: западную, восточноевропейскую (включая Россию), латиноамериканскую, мусульманскую, индуистскую, конфуцианскую (китайскую), буддистскую и японскую [6]. Однако, несмотря на подобные разночтения, все современные исследователи — и зарубежные и российские — единодушно выделяют главную цивилизационную проблему современности. Речь идет о новом противостоянии на мировой арене — цивилизационном. «Вглядываясь в новый для себя посткоммунистический мир, — писал А.И. Уткин, — Запад видит, что такие цивилизации, как *восточноевропейская, латиноамериканская, индуистская*, хотя и проходят определенную фазу самоутверждения, не проявляют очевидной враждебности по отношению к западной цивилизации и не пытаются демонстрировать своего превосходства над западной культурой. Но азиатские цивилизации — *китайская, японская, буддийская* и движущийся в этом смысле параллельно с Азией *мир ислама* — занимают все более жесткую позицию в отношении Запада. Как азиаты, так и мусульмане ныне, ...открыто утверждают свое превосходство над западной цивилизацией» [7].

Цивилизационный треугольник современности

На рубеже третьего тысячелетия Россия оказалась как бы в центре *Великого цивилизационного треугольника*, каждая вершина которого ведет жесткую конкурентную борьбу с другими (рис. 2).

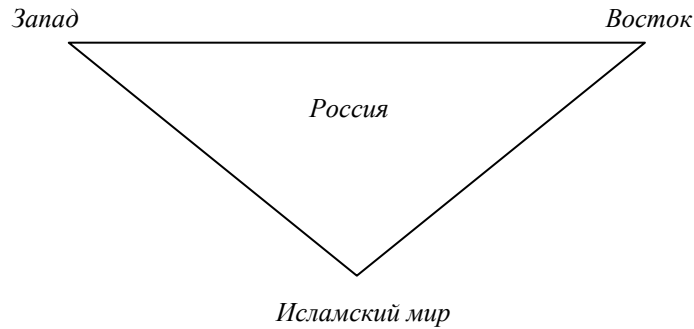

Рис. 2. Цивилизационный треугольник

Условно располагая цивилизации относительно земных координат, мы видим, что левую вершину треугольника занимает *западный мир* (Западная Европа, США, Канада и некоторые другие страны). Правую — *восточный мир* (Китай, Япония, Индия, Корея и другие подобные им государства). На нижней вершине находится *исламское сообщество*, гигантской южной дугой охватывающее Запад и Восток. К последнему относятся все страны с преимущественно мусульманской культурой. Это арабские и многие азиатские государства, в том числе такие крупные, как Пакистан и Индонезия, а также Турция и Албания, формально входящие сегодня в политический ареал Европейского Союза.

Центральное положение России объясняется тем, что она ни духовно ни политически не конфликтует ни с одной из вышеназванных трех и даже пытается сыграть роль арбитра в их борьбе. Для нашей страны цивилизационный анализ имеет огромное значение. В исторически-духовном плане Россия выступает особой цивилизацией, проведением поставленной в центр мирового противостояния ее ближайших соседей: западной, восточной и исламской цивилизациями. Судьбы России и судьбы мира оказались неразрывно связанными. И не только в экономическом плане, но и духовном. Поэтому невозможно понять цели и задачи развития российского общества, не исследуя этого современного цивилизационного трехстороннего противостояния и места в нем России.

Литература

1. http://ru.wikipedia.org/wiki/United_Nations#.
2. Политические труды Н.Я. Данилевского // <http://gumilevica.kulichki.net/DNY/>.

3. Культурология. XX век: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб., 1998 // <http://psylib.org.ua/books/levit01/index.htm>.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
5. <http://www.argenberg.com/2008/01/stolknovenie-tsivilizatsiy.html>.
6. Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилизаций. М., 2000.
7. <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/50288>.

Л.И. РОСТОВЦЕВА

Самоутверждение России — в традиционности

Аннотация. Раскрывается понятие «самоутверждение». Показаны проблемы, порожденные переходом России к рыночной экономике. Обосновывается необходимость для самоутверждения России традиционности, сохранения традиционных национальных ценностей не ради возврата в прошлое, а ради развития в будущем на основе приоритета духа.

Ключевые слова: самоутверждение, целостная личность, духовность, нравственность, аскетизм, самоограничение, информационная культура, потребительская культура.

Abstract. This paper elucidates on the notion of Russia's «self-identification/self-assertion». Problems related to the process of Russia's transition to a free market economy are described. The need for traditional moral values adherence and revitalization as adapted to the modern world environment («traditionality»⁴ approach) is substantiated as a prerequisite for Russia's self-identification and self-assertion, whereby the need for upholding the national traditional moral standards is viewed as a spirituality-based present-day and times-to-come perfectionism tool rather than a retreat into the past.

Keywords: self-identification and self-assertion, personality determination, integrity, spirituality, morality and moral standards, asceticism, self-restriction, informational culture, consumer culture.

Самоутверждение как отдельного человека, так и всего народа, государства означает осознание своего духовного достоинства, уважение к самому себе, ощущение в себе твердости, крепости, благой силы. Духовное достоинство, по словам замечательного русского философа

⁴ Traditional morality («traditionality») is the author's newly-coined word with totally positive implications as opposed to the term «traditionalism» which, apart from positive connotations, may imply negative meanings.

И.А. Ильина, есть «корень *всякой истинной жизни*», а уважение к себе — «источник *государственной силы и политического здоровья*» (курсив И.А. Ильина. — *Л.Р.*) [1, 324]. Чувствование себя благой силой требует адекватного, верного восприятия самого себя — без иллюзий, мифов, самоуничужения, но и без сомнения на основе отживших или мнимых преимуществ, пустой гордости.

Если человек уважает себя лишь только потому, что пользуется уважением других людей, значит, по сути, он *не* уважает себя, так как богатство, красота, сила, считаемые в обществе признаками успеха, — лишь *внешние*, вторичные, преходящие свойства личности. Они, хотя и принадлежат человеку, однако не составляют его *внутреннего*, духовного существа. Уважая их, человек уважает не то, что *он есть сам*, а то, что делает его популярным, успешным в глазах других. Если успех вдруг изменяет такому человеку, то он перестает чувствовать и свое духовное достоинство. Поэтому важно укрепление внутреннего достоинства своего духа.

Еще хуже ситуация, когда человек *не умеет* уважать себя и не испытывает духовного достоинства. Это подрывает веру в себя, в свои силы. Поскольку скрыть такое самочувствие невозможно, постольку и другие привыкают не уважать, еще более способствуя неуважению к самому себе. Отсюда унижение, несамостоятельность, подчинение чужой воле или страстям, рабский душевный уклад, порождающий неспособность к стойкому сопротивлению силе вещей или людей. Такой человек не способен к духовному самоутверждению, ибо не понимает истинного уважения к духу и к себе, не утверждает личное достоинство.

Не понимая своего духовного достоинства, он не видит его и в других людях, в государстве, в государственной власти. Чужое достоинство для него — либо опасность, либо орудие; отсюда проистекает амбивалентность поведения: по отношению к вышестоящим — лесть, заискивание, угождение; по отношению к нижестоящим — презрение, унижение, высокомерие.

Когда у человека нет уважения к духу, душа становится духовно слепой, живущей мерками личного быта, тело становится господином. Жизнь начинает измеряться в плоскости потребностей и страстей личным эгоистическим интересом, собственной выгодой, силой, которую дают деньги, власть. На каждом шагу подстерегают пороки: корыстные взаимоотношения, взятки, предательство. Частный интерес возобладает над общественным.

Народ, не уважающий свое достоинство, создает и нездоровую власть, озабоченную своим самосохранением, частной корыстью, но не утверждением достоинства. Такая власть не уважает своего народа,

не верит в его благие силы и будущее своей страны — не гнушается коррупцией, недвижимостью стремится приобрести за границей, организовать свое лечение, отдых, дать образование детям — там же.

Если говорить о самоутверждении государства, то забота о размере ВВП, темпах экономического роста, научном и производственном потенциале, модернизации, инновациях и т. д. — важные причины, необходимые для самоутверждения России, повышения ее роли в мировом хозяйстве и на международной политической арене. Но нельзя забывать о характере народа, его духовном достоинстве, воспитанием которого должна быть озабочена власть.

За годы реформ мы слишком увлеклись конкуренцией и соперничеством. Создавая рыночную экономику, за стремлением к выгоде и реализации личного интереса забыли о взаимопомощи и солидарности. В погоне за успехом, измеряемом деньгами, вещами и властью, дающей доступ к обладанию и статусу, произошла девальвация таких понятий, как красота души, нравственность, справедливость, духовность. Из-за пренебрежения национальными ценностями и интересами, под напором глобализации и глобализма обозначились контуры атомизированного общества вместо сплоченного; из-за невнимания государства к проблеме воспитания и коммерциализации образования обнаружилась поступь гражданина мира вместо истинного патриота своей страны (не на словах, а на деле); из-за обеднения внутреннего мира человека, вестернизации и интернетизации деградирует русский язык. Экономический подход к семье, образованию, политике, стал популярным вместо духовно-нравственного. Номо economicus превратился из научной абстракции в идеал реального человека вообще, а его черты (рационализм, эгоизм, независимость, информированность) стали считаться достоинствами⁵. Родился и его ребенок — homo glamouricus — симпатичный, точнее смазливый, роскошный, хорошо «упакованный», модный, безукоризненно одетый и причесанный, но холодный («Кей — ледяное сердце»), пустой, агрессивный, бесстыжий, беззаботный, ведь идеал — вечная молодость, девиз — жить сегодняшним днем, а цель — потреблять, потреблять и потреблять.

Продолжают разрушаться ценности, потеряны жизненные ориентиры, налицо признаки информационной войны. В чести сегодня два главных воспитателя — телевизор и компьютер. Детям трудно разо-

⁵ Мир «перевернулся!» Вспоминаю, что у моей мамы слово «эгоист» было самым ругательным, как советская школа воспитывала бескорыстность, в характеристиках партийных и комсомольских организаций ценились отзывчивость, приоритет общественных интересов над личными, а информированных всезнаек называли сплетниками.

браться, «что такое хорошо, а что такое плохо». Нет уважения к старшему. Родители — не авторитет («ничего не понимают», «отстали от жизни»), учителя — лузеры («кто пойдет работать в школу за гроши?», «если он такой умный, то почему тогда бедный?»), отличники — ботаники («круто» — это «потусоваться», выпить, покурить травку, нюхнуть, а «от работы кони дохнут»).

Молодежь не спешит жениться («семья — анахронизм», «дети — обуза»); понятие «Отечество» девальвировано, в моде — «гражданское общество», «гражданин мира» «критическое мышление» («в этой стране нечего делать»). Сексуальная распушенность, гомосексуализм, лесбиянство. Наркомания, алкоголизм, игромания...

В обществе нет доверия: к элитам, к бизнесу, к власти, к государству. Происходит подмена понятий: через СМИ пропагандируется демократия как вседозволенность, светская духовность — как интеллектуализм и толерантность, свобода выбора как ответственность одной стороны — принимающей решение. Через научные работы, учебники «вбрасываются» идеи, разрушающие национальное самосознание, моральные нормы; предлагаются законы, не отвечающие общегосударственным интересам (обсуждение Закона «Об образовании» — яркое тому свидетельство).

Что делать?

Отрадно, что наконец-то, в обществе распространяется и укрепляется понимание бесперспективности отрыва от собственных корней, необходимости пристального внимания к духовности и нравственности. Руководство России предпринимает определенные шаги по возрождению православной культуры, сохранению русского языка.

Традиционность — путь России⁶. Сохранение ценностей традиционной культуры и передача их новым поколениям необходимы для инновационного развития России, сохранения человеческого общества и его здоровья — физического и психического. Чтобы человечество не сошло с ума от информационных перегрузок, а общество людей не превратилось в управляемую толпу киборгов, биомассы, необходимы новая информационная культура и потребительская культура, основанная на аскетизме как *само*-ограничении, *само*-воздержании.

Особое значение сегодня приобретает культура потребления информации — одна из граней культуры, связанная с информационным аспектом жизни человека. Она включает в себя знания об информационной среде, законах ее функционирования, а также умения ориентироваться в информационных потоках. Сегодня информационная куль-

⁶ Понятие «традиционность» введено Ю.М. Осиповым впервые в статье [2, 22]. О традиционности также см.: [3, 118—122].

тура — показатель пока еще профессиональной культуры, но в недалеком будущем за ней роль общей культуры. Это важный фактор развития каждой личности. Вектором развития информационной культуры должен стать аскетизм, предполагающий самоограничение в потреблении информации и критическое к ней отношение⁷. Необходимо уметь различать информацию (деловую, общекультурную, духовную, развлекательную, бесполезную и вредную), беречь память и воображение от вредных впечатлений. Мыслительная, или рассудочная, деятельность также нуждается в *само*-ограничении: от программ телевидения, которые отучают думать, насаждают злобу, эгоизм, сексуальную распушенность, жестокость; компьютерных игр, погружающих в виртуальный мир пустых грез и мечтаний; Интернета, «жирающего» ценнейший ресурс — время — и способного завести на вреднейшие, злейшие сайты. Нужно уметь выбирать, вовремя сказать себе: «стоп», но этому надо учить с детства.

Как известно, современное поколение не любит серьезного, вдумчивого чтения. Рынок же предлагает безбрежное море низкопробной литературы, пустых и грязных газет и журналов, вызывающих вредные впечатления и чувства. Широкое распространение и популярность получили комиксы, что сигнализирует о возврате назад, к «пещерному» человеку, который не умел читать и передавал информацию на скальными рисунками. Следовательно, опять-таки надо уметь выбирать — чем загрузить свой мозг, а от чего воздержаться; нужно понимание того, что ведет к развитию творческих способностей, а что — к деградации.

Особо следует сказать о современной рок-музыке, поглощающей все свободное время молодежи (и не только свободное — иногда мож-

⁷ К примеру, информация в Интернете: при распределении благ люди ведут себя по-разному. Одни стремятся взять себе как можно больше, а то, что другие при этом окажутся обделенными, их не волнует. Другие чувствуют себя комфортно при равном распределении, т. е. обладают чувством социальной справедливости. Эту черту изучил на уровне работы мозга Масахико Харуно (Masahiko Haruno), нейрофизиолог из университета Тамагава в Токио. Способность людей к честным, бескорыстным и благородным поступкам определяется «автоматической» работой одного из отделов мозга, связанной с интуицией и эмоциями, а не способностью подавлять собственные эгоистические порывы. В этом уверены авторы исследования, опубликованного в журнале «Nature Neurosciences» (21.12.2009). Благородные люди имеют врожденное чувство отвращения к несправедливости (см.: <http://news.rambler.ru/Russia/4779567/>).

Но так ли это? Воспитание чувств не имеет значения? Следовательно, влиянием на мозг можно добиться альтруизма и нравственности? Отсюда вывод — раз природа виновата, подключись к компьютеру, он исправит? Но это путь к превращению в киборга.

но увидеть у кого-то плеер в ушах даже на лекции). Не преследуя цель опорочить всякую музыку, нельзя не заметить, что часто она вызывает раздражение, агрессию, усиливает наглость, дерзость, разжигает блудную похоть. Кроме того, она пленит, завладевая сознанием, отвлекая и не оставляя времени на другие занятия, сужая простор для духовного.

Воспитание чувств (эмоциональной части души) предполагает развитие эстетических запросов — слушать, созерцать что-то красивое в природе или человеческом творчестве, а также желания творить самому — петь, рисовать, сочинять, создавать. Но даже положительные, духовные эстетические впечатления нуждаются в *само*-ограничении: во всем должна быть мера и разборчивость. При этом необходимо учиться сопереживанию горя и радости других. Чтобы быть направленными на добро, а не на зло, в воспитании нуждаются и желания (волевая подсистема). Без *само*-ограничения, борьбы со страстями не обойтись и здесь.

Воспитание культуры потребления продуктов питания, алкоголя, развлекательных услуг также должно основываться на *само*-ограничении. Как известно, алкоголизм, наркомания, обжорство, проституция — болезни «расщепленного» человека, для которого главным является тело, а не дух. Понять это должен сам человек. Извне, без его решения от страсти, или девиантного поведения, не избавиться. Хотя толчок извне часто бывает необходим.

Итак, воздержание от пресыщения и всяких излишеств, самоограничение — суть аскетизма, необходимого сегодня для сохранения и нашего человека, и общества, и государства. Переход к рыночной экономике, демократизация общественной жизни дали свободу выбора. Но как ею распорядиться — нелегкая задача.

Как тут не вспомнить произведения двух русских гениев, 300-летний и 190-летний юбилеи которых предстоят в этом году: работу «О сохранении и размножении русского народа» М.В. Ломоносова, где главным богатством объявляются люди, а также легенду о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского, где он пишет, что человечество на протяжении многих веков мечтало о свободе, но получив ее, знает ли — *что* с ней делать? Свобода выбора — тяжкое бремя. «Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы. ...Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее» [4, 258—259].

Ломоносов, перечисляя актуальные для России проблемы второй половины XVIII в., пишет: «Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит

величество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей». Среди множества мер по увеличению населения страны особое внимание он уделяет умеренности и истреблению праздности.

Во время поста люди изнуряют себя плохой пищей, а в праздники отягощают объедением, пьянством и блудом. «Неравное течение жизни и крутопеременное питание тела не только вредно человеку, но и смертоносно». Другое дело, если человек готовился к посту житием умеренным, в пост не изнурял себя излишне и говел больше духом, нежели брюхом. Тогда в святую неделю он радуется о препровождении великого поста «в истинных добродетелях, в трудах обществу полезных и Богу любезных». Особенно, когда трудами он приводит в движение кровь и питается без резких скачков.

Праздность — «мать невоздержания» — дает повод к необузданной роскоши. Она портит здоровье и укорачивает жизнь. Меньше надо невоздержанности, пирушек и гуляний, пьянства. Ученьем надо укоренить в мыслях, что Богу приятнее, когда мы имеем в сердце чистую совесть, чем в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены для воздержания от излишества. Чистое покаяние есть доброе житие, склоняющее к милосердию, щедрости и любви. На заповеди Христа держится все: «Люби господа Бога твоего всем сердцем и ближнего, как самого себя» [5, 301—309].

Обратившись к истории России, истории мысли, культуры, можно найти ответы на многие сегодняшние вопросы. Нужна преемственность. Благодаря ей мы можем воспитать творческую личность, способную к созиданию, к инновациям, которые приведут к процветанию Отечества.

Современная молодежь разная: есть вдумчивая, серьезная, творческая; есть пустая, легкомысленная, гламурная; есть пьющая, развратная, обреченная, нуждающаяся в помощи. От нас взрослых, от семьи, государства и его правительства зависит, какой мы воспитаем нашу молодежь, такое будет будущее нашей страны. Наше социологическое исследование предпочтений студенческой молодежи г. Тулы и г. Коряжмы Архангельской обл, проведенное в 2010 г., показало, что для большинства символами престижа являются вещи и развлечения, которыми и определяется, по их мнению, статус человека: для 47,8% респондентов — это автомобиль, для 43,5% — модная одежда, для 21,7% — посещение клубов, для 15,2% — мобильный телефон, лишь для 6,5% — достижение цели, для 4,3% — путешествия и 19,6% назвали другое. Только 10,9% опрошенных считают, что важны не внешние атрибуты, а внутренние качества человека, такие как целеустремлен-

ность (6,5%), самостоятельность (независимость), индивидуальность (по 2,2%)⁸.

Но стихотворение Киры Белоусовой, студентки 3 курса Тульского филиала РГТЭУ (специальность «Мировая экономика»), навеянное изучением в рамках курса потребительской культуры темы «Три образа человека потребляющего», обнаруживает предпочтение не гедонистического, а аскетического образа:

Не возводи на пьедестал
Людей порочные творенья
И откажись от наслажденья,
Коль мудрость жизни ты познал.

Нам Аристотель песнь поет,
Что добродетель — наше счастье,
Не потони в глубокой пасти
Тех благ, что общество дает.

Мы все грешны, в нас нет святого,
Ведь, разливаясь в мотовстве,
Мы забываем о родстве
Чего-то светлого, большого.

Не забывай, ты — человек,
Не царь, не Бог, не повелитель.
Будь смысла жизни ты ценитель,
Ведь на земле не долговек.

Не следуй за толпой, знай прок,
Хорошим будь для всех примером.
Живи, борись, надейся, веруй
И всем давай такой урок.

⁸ Исследование «Заглянем в будущее» проведено в июне 2010 г. с участием Ю.А. Цимерман и Е.Ю. Мирошиной. Опрошено 130 чел. В возрасте от 17 до 26 лет. Исследование «Заглянем в будущее» проведено в июне 2010 г. с участием Ю.А. Цимерман и Е.Ю. Мирошиной. Опрошено 130 чел. В возрасте от 17 до 26 лет. Исследование «Заглянем в будущее» проведено в июне 2010 г. с участием Ю.А. Цимерман и Е.Ю. Мирошиной. Опрошено 130 чел. В возрасте от 17 до 26 лет.

Если студентка выполняет письменные домашние задания в стихотворной форме, наверно, первоисточники затронули самые тонкие струны души.

Вот она — преемственность!

Литература

1. *Ильин И.А.* Сборник сочинений. Т. 4. М., 1994.
2. *Осипов Ю.М.* Кризис — время разочарований, прозрений и надежд // *Философия хозяйства*. 2009. № 3.
3. *Ростовцева Л.Ю.* Традиционность — путь России // *Российское перестроение: социум, политика, экономика: По итогам международной научной конференции —V Малого университетского форума*. М., 2010.
4. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. М., 2004.
5. *Ломоносов М.* Избранная проза. М., 1986.

М.А. ВАХТИНА

Особенности российской экономической ментальности

Аннотация. В статье рассматриваются важнейшие черты российской экономической ментальности, связанные с отношением к труду, собственности и предпринимательской деятельности. Показана роль различных факторов, оказывающих влияние на формирование природы российской экономической ментальности: природно-климатических, экономических, социально-политических и в особенности факторов религиозного происхождения (православия).

Ключевые слова: российская экономическая ментальность, российский хозяйственный деятель, православная этика, протестантская этика, институциональное устройство.

Abstract. The article deals with the major features of Russian economic mentality associated with the attitude to work, property and business. The role of various factors in shaping the nature of the Russian Economic Mentality: climatic, economic, social, political and especially religious background factors (Orthodoxy).

Keywords: Russian economic mentality, the Russian economic activity, the orthodox ethic, Protestant ethic, institutional setting.

Среди факторов, определивших особенности российской экономической ментальности, есть природно-климатические, экономические и социально-политические. Вся эта данность, «проработанная духом», стала базой формирования вполне определенного «национально-духовного уклада» [1, 227]. В свое время Макс Вебер блестяще показал, как протестантский дух породил новую разновидность капиталистического хозяйства, при том что строительный материал для новой формы капитализма, возникшего в Европе в XVI—XVII вв., существовал еще до Реформации.

То же и в России. Громадность территории предопределяла экстенсивность хозяйствования и не способствовала возникновению дефицита или высокого спроса на ресурсы. В отличие от западноевропейского человека, вынужденного концентрировать свою энергию на ограниченном небольшом пространстве, рассчитывать, экономить и полагаться на собственную организованность и напряженную активность, от русского хозяйственного деятеля требовались больше не активность, а терпение, способность приспосабливаться к неблагоприятным условиям. Особенности российского климата, в свою очередь, были таковы, что формировали привычку работать лихорадочно и периодически, не распределяя рационально затраты времени на длительный период [2, 315].

Экономические и социально-политические особенности России, наложившие свой отпечаток на черты российского хозяйственного деятеля, проистекали из хронической политической нестабильности, внешней агрессии, неурегулированности прав частной собственности, незащищенности человека перед лицом государства в условиях слабости сословных и корпоративно-профессиональных связей. В этих условиях земные блага, собственность, богатство не были гарантией имущественного достатка крестьян или сохранения богатства и социального статуса дворян, а потому не имели такой ценности, как в странах Западной Европы. Крепостное хозяйство выжимало из крестьянина последнее, не позволяло вести накопление капитала, подрывало стимулы к эффективному труду, не развивало привычки к самостоятельности и дисциплине, порождало желание быстрее истратить заработанное. Тягловый архетип собственности диктовал крестьянину свои стандарты имущественного поведения, ставил пределы хозяйственной рационализации («сделать ровно столько, сколько надо»), агротехническим и бытовым инновациям. Помимо возможности потери имущества и социального положения, вызванного нестабильностью и произволом властей, реальной угрозой становилась утрата работником веры в честный труд и законное хозяйствование, что имело серьезные негативные последствия, так как терялся стимул к рачительному хозяйствова-

нию и расчету. Работник в этой ситуации мог смотреть на свое хозяйство как на то, чем не нужно дорожить. В этой ситуации основным ценностным критерием, не подвергаемым коррозии, оказывалась душеполезность.

Не в меньшей степени, чем протестантизм в Западной Европе, на хозяйственный дух в России повлияло православие, которое в течение многих веков истории российского общества играло роль гораздо более значительную, чем любая иная конфессия. Именно последнее обстоятельство дало основание А. Тойнби квалифицировать российскую цивилизацию как *православно-христианскую* [3, 140—142]. При том что существуют общие черты христианской хозяйственной этики, они не отменяют особенностей православной традиции в отношении к труду, материальным благам и собственности. Прежде всего, православное религиозное сознание отличало большее сосредоточение на *абсолютном и вечном*, чем на мирском и относительном. Особенно характерными в этой связи являются труды С. Булгакова, который, опираясь на традиции русской социально-философской мысли, со свойственным ей преобладанием нравственного элемента, подходил к хозяйству с религиозно-философских позиций и рассматривал хозяйственную деятельность как явление не только материальной, но и духовной жизни. Именно Булгаков впервые поставил вопрос о философии хозяйства как о некоей системе оценок, норм и идеалов применительно к сфере хозяйствования. Он выступил с критикой ортодоксальной экономической теории за узость ее философско-нравственного базиса, за экономизм как мировоззрение, сводящее все многообразие хозяйственной жизни к материальным отношениям и пытающееся обеспечить это многообразие, опираясь на механическое представление о хозяйстве и роли человека в нем [4].

Католическое религиозное сознание (а протестантское в особенности) земному устроению, основанному на относительных нормах и ценностях, уделяло значительно большее внимание. Христианский посыл о приоритете духовного начала над материальным приобрел особые «земные» черты у протестантов благодаря учению о практических путях достижения спасения. Если для православия спасение, проистекающее из двух источников — Божественного и человеческого, — было постоянно утверждаемым состоянием в процессе душеполезного труда («умного делания»), то в католическом учении приобрела значение идея компенсации земных грехов добрыми делами, так, что человек мог заслужить спасение (см.: [5, 14]).

Обратной стороной этого процесса со временем стала продажа индульгенций, в соответствии с которой благодать и спасение можно было «заработать» или особым служением Богу, или просто имуществом

венным или денежным пожертвованием на нужды церкви. Со временем продажа индульгенций стала одним из самых доходных промыслов католической церкви и фактически лишала смысловой перспективы тех, кто честно трудился.

Протестантская традиция пошла дальше. Учение Мартина Лютера превратило любой вид мирского труда в священное «призвание», предопределенное человеку, поэтому успехи в труде, в своей профессии являлись подтверждением того, что человек угоден Богу, а значит, и спасен. В этом смысле лучшим способом обретения уверенности в своей спасенности являлись неутомимая деятельность в рамках своей профессии и преуспевание в труде. Пуританизм, унаследовавший многие идеи Ж. Кальвина, развил эту идею до логического завершения [5, 190].

Таким образом, протестантизм с его идеей спасения максимально способствовал развитию тех качеств экономического человека, которые могли приводить к осязаемому материальному результату. И второе — протестантская традиция значительно больше внимания уделяла земному устройению, обеспечению справедливости и эффективности «земных» институтов, в то время как православную духовную традицию отличало и искание *абсолютного* добра, *абсолютной* правды, *всеобщего* спасения, стремление к *абсолютному* совершенству в ущерб *относительному*. Именно с духовным радикализмом российского хозяйственного деятеля, с его особой чуткостью к недостаткам действительности можно связать пренебрежительное отношение к поиску конкретных форм институционального устройства в угоду идее построения идеального общества. Обратной стороной высоких качеств, связанных со стремлением к абсолютному совершенству, стали такие особенности в отношении к труду, как «обломовщина», потеря инициативы к начатому делу, мечтательность и неточность.

Так как в православном религиозном сознании велика была ценность «умного делания», то на практике особо ценились творческое мастерство работника, его универсальные способности, в то время как к совершенствованию орудий труда, развитию специализации было более сдержанное отношение. При наличии ярко выраженного творческого начала в труде степень рационализма работника оставалась невысокой. Стремление к универсальности могло приводить (и часто приводило) к дилетантству, не способствовало росту производительности труда и техническим нововведениям. Такой подход отличался от католических и особенно протестантских представлений, ориентирующихся на узкую специализацию. Согласно протестантским учениям, трата времени на какую-либо работу, помимо избранной профессии, являлась грехом. При таком подходе время приобретало буквальную ценность как фактор обогащения: *время — деньги*. Православное религи-

озное сознание, которое не акцентировало внимания на скоротечности земной жизни, по-особенному относилось к проблеме времени, в том числе времени труда. Такой подход предопределял позицию, согласно которой в ритме работы важно не подчиняться суете, но вместе с тем и не лениться.

Определенное растождествление личности православного человека и выполняемых им функций, связанных с социальным и профессиональным положением в обществе, сказывалось на оценке труда различных профессиональных групп, соотнесении профессиональных занятий и соответствующего социального статуса, формировании корпоративной этики. Если, исходя из православной традиции, трудно было сказать, какой вид труда совершеннее, нравственнее, до тех пор, пока оставалось неясным, какая мотивация лежит в его основе и для чего он совершается, то уже в католической это выглядело иначе.

Католическая теология за многие годы разработала сложные сословные системы, объединенные по профессиональному, половому, возрастному и т. д. принципам, а католическая этика предъявляла каждой группе определенные требования, связанные с выполнением сословных и профессиональных обязанностей, включая требования качественной работы, соблюдения кодекса корпоративной этики. Если человек положенные ему свыше требования не выполнял, то он выпадал из своего ордена или сословия, исключался из корпорации или из цеха со всеми вытекающими отсюда последствиями [6, 51].

В православии не получила развития идея о верности своему сословию, корпорации или профессии как высшей добродетели и связанное с этим учение о профессиональном долге как призвании. Для православной традиции ключевой оставалась идея о том, что все люди равны перед Богом вне зависимости от своего социального, имущественного или профессионального положения. Из принципа определения внешнего внутренним следовал и значительно меньший интерес к форме, чем к содержанию, что проявлялось в самых различных аспектах. Это касалось как внутренних, духовных качеств человека, которыми определялась степень его совершенства, в отличие от каких-то внешних параметров, будь то социальное положение, размеры имущества, внешний вид или профессия, так и качества вещей, в которых ценилась функциональность, а не внешние характеристики. Напротив, принцип «через внешнее к внутреннему» в католическом и протестантском религиозном сознании повлиял на то, что стремление преобразовать человека осуществлялось, прежде всего, через внешнее воздействие — образование, культуру, дисциплину и т. д., а внешняя эстетика быта была возведена в своего рода культ.

Сущность православного сознания предопределяла не только особенное отношение к мирскому труду, но и к его результату, выражающемуся в получении оплаты за произведенный труд. Так как православной традиции оставался характерен идеал социального опрощения и нестяжательства, то в экономической стороне жизни российского хозяйственного деятеля в той или иной форме проявлялись представления о том, что искать адекватного вознаграждения за свой труд — сродни жадности, надежнее занизить плату, отдать часть своего труда даром. Это было совершенно чуждо западному подходу, воспитанному на поисках строгой адекватности между затраченным трудом и его вознаграждением. Св. Фома Аквинский, Антонин Флорентийский и многие другие католические богословы посвящали свои труды именно проблеме справедливого вознаграждения за совершенную работу, вопросам «справедливой» и «законной» цены. Эти труды стали основой развития классической политэкономии Нового времени, а также представлений общества о нормах экономического поведения.

Наиболее ярко особенности российской экономической ментальности проявились в отношении к собственности и прибыли. Этика собственности для православного сознания основывалась на положении о том, что всякая собственность дана человеку даром Божиим, поэтому важно то, как она приобретается и как он ею распорядится. Когда собственность лишается духовной опоры, то забывается предназначение человека, теряются его образ и понимание ради чего существует хозяйство. С точки зрения католических воззрений человеку в реальной жизни для духовного совершенствования нужна была надежная опора, обеспечить которую могла только собственность. Обладание имуществом давало возможность человеку заниматься благотворительностью и выполнять свой христианский долг. При строгом регулировании права собственности последняя становилась не чем иным, как дисциплинирующим институтом, позволяющим сдерживать порочные наклонности человека и противодействовать им. Основатели протестантизма пошли дальше проявленной православной и католической церковью терпимости в отношении собственности. И Лютер, и Кальвин собственность горячо поддерживали, увязав ее с трудом, который они считали христианским долгом. Кальвин одобрительно отзывался о промышленности, торговле и больших прибылях, которые они приносят отдельным людям; он отвергал средневековые запреты на ростовщичество и признавал благотворность денег и кредита.

Отмечая духовный, а не меркантильный смысл собственности, ее подчиненное положение в общей системе ценностей, русские мыслители в то же время со всей серьезностью говорили о пагубности отсутствия частной собственности. И. Ильин по этому поводу писал:

«Кто отвергает частную собственность, тот отвергает и начало личного духа, а этим он подорвет и общество, и государство, и хозяйственную жизнь своей страны» [7, 298]. Особый упор в православной хозяйственной культуре делался на то, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав рассматривался труд, поэтому справедливая собственность мыслилась исключительно как функция труда. Такое отношение к происхождению и приумножению собственности не оставалось только теоретической проблемой, а становилось важнейшим условием достижения высокой производительности труда. Именно трудовой фактор вобрании собственности, с точки зрения православного сознания, и позволял обеспечить духовное и материальное благополучие человека, полное богатство жизни. Таким образом, собственность становилась тем необходимым связующим звеном, который соединял труд человека и его достаток. В этом смысле богатство становилось результатом единства труда и собственности, рассматривалось как особое духовное состояние. Получалось, что если труд, собственность и богатство, выступающие системообразующими факторами хозяйственной жизни, на Западе имели самостоятельное экономическое значение, то в России их необходимо было рассматривать в органическом единстве.

Исходя из вышеназванных особенностей, в православной хозяйственной культуре сложилось отличное от католицизма и протестантизма отношение к предпринимательству: успех предпринятого дела, величина полученной прибыли еще не являлись (как это было в протестантизме, и в особенности в кальвинизме) доказательством его нравственной оправданности и богоугодности [6, 56]. На первое место в предпринимательстве православные мыслители (С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Соловьев, П. Флоренский, С. Франк) ставили служение высшим духовным и нравственным ценностям. Был выработан свой собственный эталон хозяйственного рационализма, который изначально исходил из нравственных критериев: нестрогой прибыльности рыночного обмена, служения, милосердия, благотворительности. Все это, однако, не мешало купечеству или другим слоям, занимающимся предпринимательством, четко следовать нормам деловой этики: «неустойка, опоздание, невыполнение слова, как считали многие деловые люди, “прекращают доверие и расстраивают обороты дела”» [8, 14]. В 1912 г. был сформулирован некий кодекс деловой этики — «Принципы ведения дела» — который неуклонно соблюдался большинством российских предпринимателей. Документ представлял собой публичное выражение годами сформировавшихся норм и прав. Среди них были такие: «Будь честен и правдив... Люби и уважай человека... Будь верен слову... Успех дела во многом зависит от того, в какой степени окружающие доверяют тебе»

и другие положения, определяющие взаимоотношения деловых людей (цит. по.: [9, 220]).

Важнейшими доказательствами реальной значимости и оправданности предпринимательской деятельности являлись христианская любовь, нестяжательство, социальное служение и социальная ответственность, которые становились главными моральными обязательствами российских предпринимателей. Причем наиболее значимым среди них была приверженность российских предпринимателей идеалу общественного служения. В протестантской этике труд и предпринимательство рассматривались как долг, но он понимался, прежде всего, как *индивидуальный поступок*. В православии это был, прежде всего, *долг перед другими людьми*, и даже не столько перед семьей или общиной, сколько перед обществом в целом. Идеология служения сохранилась и после социалистической революции, правда, в измененном виде — как идеология служения социалистическому Отечеству, борьбы за достижение целей социалистического строительства. Важно то, что идея служения выполняла не только мотивационную и интеграционную функции, ибо объединяла общество вокруг определенных задач, прежде всего политических и оборонных, но и оправдывала в глазах большинства успехи активного меньшинства (это был несколько иной мотив оправдания богатства, чем в протестантской хозяйственной этике). Самыми ранними и простыми формами социального служения в России являлись благотворительность и меценатство, которые демонстрировали приверженность предпринимателей христианским ценностям любви к ближнему. При всем при том, следует отметить, что, несмотря на значительные пожертвования купечества и нарождающегося предпринимательства России на оборону, университеты, картинные галереи, музеи, театры, больницы, вплоть до Революции должной степени легитимации предпринимательской деятельности в российском обществе создано не было.

Как видно, российская экономическая ментальность имеет свои особенности, predeterminedные целым рядом серьезных факторов. Вышеназванные черты российского хозяйственного деятеля можно и нужно использовать в процессе хозяйственного и институционального строительства в нашей стране. Это сделает институциональное устройство, с одной стороны, более справедливым, а с другой — более эффективным.

Литература

1. Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 2007.
2. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 1. М., 1987.
3. Тойнби А.Дж. Постигание истории. Стимул давлений. М., 1991.
4. Булгаков С. Философия хозяйства. М., 1990.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
6. Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2.
7. Ильин И. Путь к очевидности: Сочинения. М., 1998.
8. Шикирев П.Н. Этические принципы ведения дел в России. М., 1999.
9. Связи с общественностью в сфере бизнеса. М., 1999.

И.М. ПОКИДЧЕНКО

Модерн и социализм

*(социально-экономические взгляды Т. Карлейля,
Д. Рескина и У. Морриса)*

Аннотация. В статье анализируется развитие романтической критики капиталистического общества в Англии на протяжении XIX в. в работах известных публицистов Т. Карлейля, Дж. Рескина и У. Морриса. Последние два являются также деятелями искусства, и их критика капитализма и создание моделей альтернативного общества выводилась из искусствоведческих предпосылок.

Ключевые слова: критика капитализма, модели социализма, искусствоведение.

Abstract. This article contains the analysis of the development of the romantic critique of capitalist society in England during the 19 century in the works of T. Carlyle, Jh. Ruskin and W. Morris. Ruskin and Morris were also an art critics. Their critique of capitalism and creation of alternative models of society are based on prerequisites of art criticism.

Keywords: criticism of capitalism, socialism models, art criticism.

Когда мы вспоминаем стиль модерн, представляется что-то элитарное, изысканное, утонченное — особняк Рябушинского с его оконными рамами в виде ветвей деревьев и извивающейся лестницей, портрет Иды Рубинштейн В. Серова, изящные безделушки ювелирного и прикладного искусства. В то же время социализм ассоциируется у нас с

массовым искусством, «социалистическим реализмом», с темой труда, производства, памятником «Рабочий и колхозница» В. Мухиной... Казалось бы, модерн и социализм — «вещи несовместные». Тем не менее на рубеже XIX и XX в. зарождающийся стиль модерн пытались соединить с идеями социализма некоторые его родоначальники.

Какие же особенности стиля модерн позволяют перекинуть мостики от него к социализму? Например, идея нового быта. Теоретики модерна отрицали противопоставление высокого и низкого в искусстве. Они предполагали охватить новым художественным стилем все стороны жизни человека. Стиль модерн был одним из художественных стилей, включавшим в себя не только живопись и архитектуру, но и прикладное искусство (ювелирные изделия, мебель, предметы интерьера, одежду, посуду и т. д.). Все это, по мнению творцов модерна, должно было быть не только в едином стиле, но и на высоком художественном уровне. Они постоянно подчеркивали принцип единства красоты и пользы. В то же время предметы домашнего обихода, сделанные большими художниками, должны были служить образцом для массового производства.

Другой новой идеей, совпадавшей по времени со стилем модерн, была идея коллективного творчества. В это время происходило создание художниками разного типа колоний, кружков, обществ и т. п. В наибольшей степени идею коллективизма в художественном творчестве воплощала форма колонии. Достаточно успешной, во всяком случае в первое время, была Дармштадтская колония, созданная на средства герцога Гессенского. Здесь был построен целый городок, состоявший из домов художников, их мастерских и выставочных залов. Заселившие эту колонию художники занимались созданием произведений в различных видах искусства, их популяризацией и реализацией. Противоположностью Дармштадтской колонии была попытка Ван Гога организовать в Арле художественную коммуны. Правда, эта попытка вскоре потерпела крах, в том числе и из-за отсутствия меценатов. Подобные художественные сообщества создавались и в других местах: Ворпсведе, Дахау, Мурнау в Германии, Понт-Авен, Лепульдю во Франции, Надьбанья в Венгрии и, наконец, Абрамцево и Талашкине в России — примеры таких художественных объединений, организованных либо с помощью меценатов, либо на собственные деньги. Некоторые из этих художественных колоний имели своей целью создание не только условий для художественного творчества, но и новой системы человеческих отношений — отношений дружбы и сотрудничества. По мысли их создателей, эти художественные колонии должны были влиять и на другие слои общества.

Одним из предшественников и родоначальников стиля модерн в Англии был Уильям Моррис, создатель «Движения искусств и ремесел». В 1861 г. он организовал художественный кооператив, который в 1865 г. получил название «Моррис и компания». Кооператив Морриса принципиально культивировал ручной труд, ремесленное начало, не используя достижения технического прогресса. Фирма «Моррис и компания» принимала заказы на разнообразные художественные изделия (мебель, вышивки, обои, витражи, резьбу по дереву и многое другое). Еще до создания художественного кооператива было принято совместное решение художников о постройке для Морриса и его семьи нового жилища. Так появился в 1858—1860 гг. знаменитый «Красный дом», считающийся одной из отправных точек стиля модерн. Архитектурная сторона «Красного дома» принадлежит Уэббу, внутренним же убранством дома занимался сам Моррис вместе со своим другом, художником Берн-Джонсом. «Красный дом» был воплощением идеи единства стиля и неразрывности высокого и прикладного искусства. Со временем Моррис становится все большим сторонником социализма и в 1883 г. вступает в Демократическую, позднее — Социал-демократическую федерацию (СДФ), однако в 1884 г. Моррис вместе с группой единомышленников (среди которых были дочь Маркса Элеонора и ее муж Эдуард Эвелинг) вышел из СДФ и создал новую организацию — Социалистическую лигу. Мы еще вернемся к характеристике взглядов Морриса, но, чтобы лучше понять их, следует проследить истоки его взглядов в идеях его знаменитых учителей и предшественников Т. Карлейля и Д. Рескина.

Томас Карлейль (1795—1881) был в первой половине и середине XIX в. одним из властителей дум в Англии и, в значительной степени, в остальных стран Европы и США. Уолт Уитмен говорил, что XIX столетие невозможно понять без Карлейля. «Как гранитный монумент, стоял он, — писал его биограф Дж. Саймонс, — олицетворенный упрек, с презрением и гневом указуя пальцем на современное общество, спутавшее душевное здоровье с материальным благополучием. Такому обществу он служил своего рода компенсацией, грозным, но и утешительным напоминанием, что существует шкала моральных ценностей, которые можно было хотя бы уважать на словах, даже если на деле они их игнорировали» [1, 236].

Чтобы была понятна роль Карлейля в общественной жизни Англии, дадим краткую характеристику эпохи. Современный английский историк Э. Хобсбаум назвал период конца XVIII — середины XIX в. «веком революции», имея в виду, что в этом периоде истории человечества было два определяющих события — Великая французская революция и так называемая «промышленная революция», происходившая,

прежде всего, в Англии. Англия с начала XVIII в. была мировым экономическим лидером и в то же время лидером в развитии капитализма как общественного строя. Промышленная революция началась в Англии после изобретения в 1784 г. парового двигателя Д. Уатта, который послужил для создания машин и механизмов во всех отраслях производства, а также парового транспорта. Создание новой, механизированной промышленности и получило название «промышленная революция». Одновременно рос и расширялся капитализм. Первоначально оценка капитализма и развития промышленности в общественной мысли того времени ассоциировалась с идеей прогресса. Идея прогресса была связана с философией рационализма, которая оформилась еще в конце XVII—XVIII вв. Согласно ей, люди способны понимать и подчинять все проблемы окружающего мира своему разуму, познавать «естественные» законы природы и общества, что позволяет человечеству наиболее рационально решать свои проблемы путем развития науки и техники. Согласно этим взглядам, прогресс человечества, рост его цивилизованности и благосостояния тесно связаны со свободой личности, индивидуальной предприимчивостью, в том числе в области торговли и производства. Отсюда делался вывод о тождестве прогресса цивилизации и развития капитализма, или, другими словами, негативные стороны капитализма воспринимались как плата за прогресс.

Критика капитализма, отрицательная оценка отдельных его сторон появляется позже и приобретает общественный размах с 1830-х гг. Недовольство своим положением выражали рабочие, число которых постоянно росло, мелкие предприниматели (ремесленники и крестьяне) и мелкопоместное сельское дворянство. Нарастание недовольства капитализмом усугублялось тем, что на 1820—1840-е гг. приходилась первая фаза спада «большого цикла» Кондратьева, которая особенно резко проявлялась в периоды первых кризисов «среднего цикла», приходившихся на 1825, 1836 и 1847 гг. Понятно, что и общий спад, и указанные кризисы проявлялись в разорении части буржуазии и мелких производителей, снижении доходов, росте безработицы. В целом же общество с разочарованием убедилось, что капитализму присущи не только прогресс и подъем, но и циклические кризисы, неустойчивость экономической системы, а также продолжающаяся дифференциация общества — богатые богатели, а бедняки богаче не становились. Экономические трудности проявлялись в этот период и в социально-политических волнениях, и даже в революциях (Революция 1830 г. во Франции, чартистское движение в Англии и, наконец, Революция 1848 г., прокатившаяся по всей континентальной Западной Европе, которая даже воспринималась как крах капитализма). Правда, затем

пошла фаза подъема «большого цикла», но прежнего оптимизма в отношении прогресса цивилизации уже не было.

Кроме того, интеллигенция все более негативно воспринимала нарастание в обществе психологии чистогана и размывание традиционных моральных ценностей как в верхах, так и в низах общества. В высшем обществе образованное и утонченное дворянство вытеснялось нуворишами, а растущий класс новых трудящихся — пролетариат — терял в городах прежние общинные и семейные моральные ценности. Крайние позиции среди критиков капитализма занимали, с одной стороны, социалисты, противопоставлявшие капиталистическому индивидуализму коллективистские ценности, а с другой — люди, ностальгирующие по феодальному прошлому. Одним из родоначальников этой группы критиков капитализма был английский публицист Э. Берк, всемирную известность которому принесли его «Размышления о революции во Франции» (1790), названные даже «Манифестом контр-революции». Берк, в частности, писал: «Лучше было бы забыть все — энциклопедию и все, что создано экономистами, и вернуться к тем старым правилам и принципам, благодаря которым до сих пор правители становились великими, а нации счастливыми» (цит. по: [2, 337]).

К последней группе критиков капитализма отчасти принадлежал и Томас Карлейль, хотя в целом его взгляды были противоречивы. Карлейль уделял главное внимание морально-этическим проблемам современного ему общества и в меньшей степени поднимал социально-экономические вопросы. Выходец из семьи фермера, впоследствии стал известен как публицист и историк, причем его известность и влияние на общественную мысль Европы и США нарастали в течение всей его жизни. На мировоззрение Карлейля оказали влияние идеи романтизма, развивавшиеся в Европе с начала XIX в. как альтернатива рационализму века XVIII-го. Наибольшее развитие романтизм получил в Германии (и Карлейль увлекался немецкими романтиками), но и в других странах Европы, в том числе и в Англии, романтизм занимал весомое место. Правда, в Англии параллельно с романтизмом известное влияние имел утилитаризм, идущий от философии Дж. Бентама. Во времена Карлейля одним из видных представителей утилитаризма был друг Карлейля Дж.С. Милль, взгляды которого имели в Англии не меньший резонанс, чем взгляды Карлейля. Практические идеи Милля сводились к совершенствованию капитализма и демократии путем реформ.

Но вернемся к Карлейлю. Уже в одном из своих ранних очерков «Знамения времени» (1829) Карлейль писал: «Если бы нас попросили охарактеризовать современный век с помощью одного эпитета, у нас было бы сильное искушение назвать его не героическим, религиозным,

философским или моральным веком, но, прежде всего, Веком Механическим» (цит. по: [1, 7]). В своем первом художественно-публицистическом романе «Sartor Resartus» (1833—1834) он продолжает свою мысль: «В одну эпоху человека душат домовые, преследуют ведьмы, в следующую его угнетают жрецы, его дурачат, во все эпохи им помыкают. А теперь его душит, хуже всякого кошмара, Гений Механизма, так что из него уже почти вытрясена душа и только некоторого рода пищеварительная, механическая жизнь еще остается в нем» (цит. по: [1, 8]).

Неоднократно Карлейль поднимал в своих произведениях, в частности, в работе «Чартизм» (1839), вопрос о тяжелом положении рабочих, вспоминал «Питерлоо» (как иронически назвали в Англии расстрел рабочей сходки в Сент-Питерс-Филде, близ Манчестера по аналогии с победой над Наполеоном при Ватерлоо) и «мучеников из Толпадла» (как называли шестерых рабочих, осужденных на семь лет каторги за попытку организовать тред-юнион). В книге «Прошлое и настоящее» (1843) он приветствовал недавнее выступление рабочих Манчестера и с негодованием писал о трактовке кризисов как явления перепроизводства: «Слишком много рубашек? Вот так новость для нашей вечной Земли, где девятьсот миллионов ходят раздетыми... Два миллиона раздетых сидят как истуканы в этих Бастилиях — рабочих домах, еще пять миллионов (по некоторым сведениям) голодают... а для спасения положения, говорите вы — так ведь вы говорите? — “Повысьте нам ренты!”...» (цит. по: [1, 200]).

Но альтернатива капитализму была у Карлейля не совсем ясной и противоречивой. С одной стороны, он восторженно описывал «Историю Французской революции» (1836), но с другой — выдвигал в качестве альтернативы демократии и капитализму «новую аристократию», некое новое гармоничное средневековье (идеализация средневековой жизни была в целом характерна для романтизма). «Когда же, — писал Карлейль Миллю в 1840 г., — ты, наконец, напишешь о Новой Аристократии, которую нам стоит искать? Вот в чем, по-моему, состоит вопрос. Всякая Демократия — лишь временная подготовка к ней» [1, 199]. Аристократия, очевидно, привлекала Карлейля прежде всего с моральной стороны в противовес морали буржуа. Похожие мысли высказывал Герцен, противопоставляя Рыцаря (дворянина) и Купца (буржуа). С одной стороны, духовность и честь, с другой — бездуховность и расчет. Герцену принадлежало и понятие «мещанство» в современном смысле этого слова как характеристика нарождающегося капиталистического общества. Интересно, что во время своей жизни в Англии Герцен вращался преимущественно в эмигрантской среде и

более близкие отношения имел только с двумя английскими мыслителями — Оуэном и Карлейлем.

Одним из наиболее значимых последователей Карлейля был Джон Рескин (1819—1900), ставший следующим после Карлейля властителем дум в Англии середины — второй половины XIX в. Его влияние на общественную мысль Европы было не меньшим, чем у Карлейля. Рескин известен двумя равновеликими сторонами своего творчества. Для одних он, прежде всего, историк искусства и художественный критик, теоретик школы прерафаэлитов, первооткрыватель Тернера, литератор, поэт и художник, для других Рескин — философ и социальный реформатор. Тем не менее две эти стороны взаимосвязаны. Одним из ключевых его постулатов была идея о том, что искусство — это показатель духовного и социального развития общества и в то же время средство для его совершенствования.

Несколько слов об этапах жизни Рескина. Он родился в состоятельной буржуазной семье, в которой царил, однако, религиозный дух пуританского аскетизма. Здоровье Рескина всегда оставляло желать лучшего, поэтому в 1840 г. ему даже пришлось оставить обучение в Оксфорде, и он занялся свободным изучением изобразительного искусства. Постепенно к нему приходит известность искусствоведа и художественного критика. В своих личных симпатиях он склоняется к средневековому искусству, которое он противопоставляет искусству Возрождения (эта идея была воспринята школой прерафаэлитов).

С конца 1850-х гг. Рескин все больше увлекается идеями социальных преобразований в духе «нового феодализма», в значительной степени под влиянием идей Карлейля, хотя не оставляет и проблем искусствоведения. В частности, когда в 1869 г. в Оксфорде была открыта кафедра искусства, Рескин стал ее первым профессором. Тем не менее в публикациях Рескина все большее место стала занимать социальная тематика, а в 1871 г. он организовал земледельческую общину, построенную по разработанным им жизненным принципам — «Гильдию св. Георга». (Опыт создания таких общин и кооперативов, исповедующих разные оттенки социализма, был не нов, подобные опыты осуществлялись в Европе и Америке уже с начала XIX в. В частности, из упоминавшихся выше английских общественных деятелей подобные опыты осуществляли Оуэн и Моррис.) «Гильдия св. Георга» не имела большого успеха и не оправдала надежд Рескина о моральном переустройстве общества с ее помощью, хотя и продолжала существовать в течение нескольких десятилетий. Другим, более успешным начинанием Рескина была организация музея в Шеффилде. Музей имел, прежде всего, задачу просвещения низших слоев общества. Шеффилд был выбран Рескиным неслучайно. С одной стороны, это был промышленный

город, но в то же время там еще существовали ремесленнические традиции, «и поэтому, — писал Рескин, — там еще сохранились те понятия о честности и набожности, которыми жила старая Англия и, наконец, от Шеффилда недалеко живописные пейзажи» (цит. по: [3, 313]). В самом конце XIX в. в Англии и США появились Рескинские общества (самые многочисленные были в Бирмингеме, Ливерпуле и Глазго). Они занимались пропагандой идей Рескина, а также создавали мастерские, где желающие могли овладевать различными ремеслами. Кроме того, на основе идей Рескина был создан банк св. Антония, который давал нуждающимся беспроцентные кредиты.

Как уже было сказано, искусствоведческие идеи Рескина постепенно приближали его к социальным проблемам. Это было связано с тем, что он отвергал понятие «чистое искусство» и связывал искусство, прежде всего, с нравственностью. С одной стороны, нравственность была основным источником искусства. Так, в своей работе «Камни Венеции» (1853), где он стремился установить связь между венецианской архитектурой и историей города, Рескин приходит к выводу: «“Камни Венеции” от начала до конца преследуют только одну цель: показать, что готическая архитектура Венеции выросла из чистой национальной веры и из семейных добродетелей нации... и что наоборот архитектура Возрождения выросла из скрытого состояния национального безверия и семейной распущенности...» (цит. по: [3, 40]). К таким же выводам Рескин приходит и в отношении других периодов истории искусства: «Искусство Греции погибло не потому, что она приобрела верность глаза, а потому, что низость проникла в ее сердце» [4, 177]. С другой стороны, опять-таки в противовес теории «искусства для искусства», «...искусства имели и могут иметь, — писал Рескин, — три главные цели: во-первых, усиление религиозного чувства, во-вторых, подъем нравственности, и в-третьих, практическую пользу» [4, 83].

Исходя из своей идеи о нравственной основе искусства, Рескин делает вывод, что в современном ему капиталистическом обществе с его денежной моралью трудно надеяться на существование высокого искусства. «Люди должны рисовать и строить не из честолюбия, не ради денег, а из любви — к своему искусству, к своему ближнему и любой другой, еще лучшей любви, основанной на них» [4, 200]. Другой опасностью для современного искусства, по мнению Рескина, является массовое механизированное производство: «...почти вся система и все надежды современности основываются на идее, что способность можно заменить механикой, живопись — фотографией, скульптуру — отливкой в формах. Это — основа веры или безверия нашего столетия» [4, 170].

В своих взглядах на отношения искусства и промышленности Рескин был не одинок. Например, известный немецкий архитектор и искусствовед середины XIX в. Г. Земпер писал: «Значительное число художников, в том числе и одаренных, ориентируются на французскую и английскую промышленность, они оказываются в двойном подчинении: с одной стороны, у хозяина-работодателя, относящегося к ним свысока, как к надоедливому советчику в вопросах вкуса... и к тому же плохо их оплачивающего, и, с другой стороны, — у моды сегодняшнего дня, которая обеспечивает сбыт товаров, что, в конечном счете, оправдывает существование промышленного предприятия и является его целью» [5, 182].

В итоге, Рескин исходя из своего положения о несовместимости искусства и современной ему промышленной цивилизации приходит к общему осуждению капитализма как социального строя: «Шум колес прядильных машин оглушает Англию — а ее народ лишен одежды. Страна почернела, добывая уголь, а народ дрожит от холода. Она душу свою продала за барыш, а он умирает от голода. Пребывайте же в торжестве, если вам угодно, но знайте: такого торжества изящные искусства никогда не разделят с вами» [4, 199]. Таким образом, Рескин, вслед за Карлейлем, присоединился к критикам капитализма. Интересно, что Рескин познакомился с Карлейлем и стал его последователем в 1850 г. и уже в 1851 г. во время проведения в Лондоне Всемирной выставки их голоса звучали диссонансом хвалебному хору капиталистической промышленности и прогрессу.

Критика капиталистического производства даже вывела Рескина на совершенно чуждые ему ранее проблемы политической экономии. В 1857 г. он прочитал курс лекций «Политическая экономия искусства», который затем послужил основой книги «Радость навеки». Здесь у него появляется идея о том, что главным стимулом труда является не заработок, не принуждение, а радость творчества. Такой труд характерен для людей искусства, но Рескин считал, что такой мотив трудовой деятельности должен нарастать с развитием общества. Эта идея стала отправной для его «политэкономии жизни», которую он противопоставил современной ему классической политической экономии. Рескин выступил против представителей классической политэкономии в связи с их апологетикой капитализма. Объектом критики Рескина были современные ему известные экономисты Н.У. Сениор, Г. Фоссет и даже Д.С. Милль, несмотря на реформаторские взгляды последнего. Критикуя классическую политэкономия, Рескин пытался создать свою, альтернативную «политэкономия жизни». Он не отрицает возможности построения экономической науки, исходящей из предположения, что всякий человек — лентяй, стремящийся минимизировать свой труд, и

«жадное животное», имеющее единственной целью максимизировать богатство, воплощенное в вещах и измеряемое деньгами («экономический человек» А. Смита). Ну, а если человек не бездельник и не «жадная машина», а одарен любовью к работе и способностью к самопожертвованию, если он стремится не только к вещественным благам, — задает вопрос Рескин, — какая польза будет от этой экономической теории?

Таким образом, Рескин указывает, во-первых, на то, что труд не для всех является неприятной обязанностью, что не только в искусстве, где труд может быть источником высочайшего наслаждения, но и во многих ремеслах существует естественное стремление человека к труду. Во-вторых, Рескин критикует понятие «экономического человека» как абстракции, изолирующей экономику от всех других сторон жизни. Различные привычки, любовь к игре, книги, друзья и тысячи мелких увлечений и свойств, совершенно не экономических, влияют на человека как работника, утверждает Рескин. В-третьих, Рескин, критикует понятие экономистов о богатстве как материальной ценности, иронизируя над заявлением Д.С. Милля, будто «всякий имеет понятие, вполне достаточное и верное для обычного употребления значения термина богатство» (цит. по: [3, 77]). Рескин же указывает на невещественные богатства, такие как искусство, человеческая честность, дружба, семейные привязанности, соседские и гражданские чувства, интеллектуальные усилия, а также все, что полезно и приятно для здоровой человеческой деятельности. (Здесь может показаться, что взгляды Рескина, противоположные классической политэкономии, совпадают с идеями первых, современных ему, маржиналистов, в частности, У.С. Джевонса, об оценке богатства полезностью, но у маржиналистов речь шла только о полезности материальных благ, тогда как у Рескина речь идет и о нематериальном богатстве.) Четвертым пунктом экономического учения Рескина была замена денежного мерил мерил жизни. «Нет другого богатства, кроме жизни — жизни со всеми ее свойствами, с ее любовью, с ее радостью, с ее удивлением. Та страна будет наиболее богатой, которая возвращает наибольшее число благородных и счастливых людей», — писал Рескин [3, 83].

Пятым пунктом критики Рескина является термин «политическая» (общественная) экономия. Речь идет о том, что в классической политэкономии общество считается простой суммой его членов, а «богатство народов» — суммой индивидуальных богатств. Рескин же сравнивает общество и экономику с единым сложным организмом, где классы и отдельные люди играют такие же разные роли, как отдельные органы, и где заболевание одного органа влечет ухудшение общего здоровья, так же как «и всякая местная вредная деятельность богатых в

конце концов приводит к ослаблению ресурсов политического организма» [3, 88]. Таковы основные идеи «политэкономии жизни» Рескина, цель которой состоит в «производстве возможно большего количества здоровых, светлооких и счастливых человеческих существ» [3, 91].

Подводя итоги, нужно сказать, что Рескин не создал подробную и законченную экономическую теорию, но ряд идей в его «политэкономии жизни» затем проявились как в «философии жизни» рубежа XIX — XX вв., так и в теориях институционалистского направления экономической науки XX в. (Неслучайно серьезное исследование социально-экономических взглядов Рескина предпринял английский институционалист начала XX в. Дж.А. Гобсон.)

Какое же общество, по мнению Рескина, может дать этот результат? Здесь мы обратимся к его социальной утопии, к его концепции переустройства общества, которую можно назвать «новым феодализмом» или «средневековым социализмом». Многие идеи идут здесь не только от его непосредственного предшественника Карлейля, но и от многих других мыслителей, начиная с Платона. (Правда, следует иметь в виду, что концепция Рескина не была сформулирована четко и последовательно, его идеи в этой области разбросаны по многим сочинениям и нередко противоречат друг другу.) Идеальное общество должно быть организовано, по мнению Рескина, иерархически, имея в основе пример феодальной монархии. Общественное равенство и демократию Рескин отрицает. Для него «истинная сила человеческой души состоит в том, чтобы зависеть от наибольшего числа признаваемых им благородными личностей и повелевать наивозможно большим числом зависимых от него низших личностей» (цит. по: [3, 203]).

Движущими силами такого общества являются добрая воля и разум высших классов («новый аристократии» Карлейля), которыми являются земельные собственники, «капитаны промышленности», а также ученые и представители искусства. Кроме них к правящей части общества относятся судьи, государственные чиновники, занимающиеся координацией деятельности, направленной на общую пользу, епископы, которым поручается надзор за моральным состоянием семей и отдельных личностей, офицеры и деятели народного образования. В целом, профессиональная деятельность людей в идеальном обществе построена по кастовому признаку, хотя Рескин допускает переход людей в другие касты, если они проявили какие-либо новые способности. Однако в целом он считает, что, если люди в течение поколений занимают какой-либо деятельностью, то способность к ней закрепляется генетически, так что в «будущем обществе» Рескина не предполагается управление государством кухаркой. В то же время наиболее тяже-

лые и неприятные виды деятельности будут выполнять в этом обществе преступники в качестве наказания. Ремесленники в этом обществе на добровольных началах объединяются в гильдии, образцом для которых являются средневековые цехи. Однако основной вид производства, по Рескину, — это земледелие, которое он считал основой жизнедеятельности нации как наиболее здоровое и близкое к природе. Здесь предполагалось сочетание аренды земли фермерами и собственности на землю лендлордов. Правда, предоставление земли в аренду осуществляет государство, а лендлорды получают от государства стабильный доход за свою управленческую деятельность. Таким образом, идеи Рескина о будущем обществе близки к некоторым социальным утопиям, а также к некоторым положениям христианского социализма.

Одним из последователей Рескина в конце XIX в. был Уильям Моррис (1834—1896), о котором уже немного говорилось в начале статьи. Он был разносторонним человеком. Например, английский литературный критик начала XX в. Л. Хирн писал, что Моррис — «самая значительная фигура среди романтиков, вдохновитель кружка прерафаэлитов, самый плодовитый поэт своего века, по таланту и интенсивности чувства не уступающий Вальтеру Скотту» [6, 5]. В области искусства он — художник и скульптор, архитектор и дизайнер, музыкант, переводчик, поэт и прозаик — один из родоначальников жанра «фэнтези». И во всех этих видах искусства Моррис — пламенный поклонник Средневековья, которым он увлекся еще в юности. Еще обучаясь в Оксфорде, Моррис и Берн-Джонс, его будущий товарищ по кружку прерафаэлитов, основали братство Галахада (одного из рыцарей Круглого стола). Здесь можно уточнить, что романтика Морриса в это время не была чем-то необычным. В конце XIX — начале XX в. европейское общество переживало вторую волну романтизма после реализма середины XIX в., который в свое время сменил первую волну романтизма начала XIX в. И если в начале XIX в. англичане зачитывались Байроном и В. Скоттом, то теперь появилась плеяда новых писателей, воспевающих романтику прошлого — Стивенсон, Хаггард, Сабатини, Бульвер-Литтон, тот же Моррис и др. (К сожалению, историко-фантастические романы Морриса у нас практически неизвестны. Единственный переведенный роман «Воды дивных островов» представляет собой стилизацию средневекового романа. Для данной статьи интересно то, что приключения главной героини счастливо заканчиваются в Граде пяти ремесел.) Романтика Средневековья вдохновляла и другие виды творчества конца XIX в. Средневековое искусство было основой творчества прерафаэлитов, которые вслед за Рескиным противопоставляли готику и искусство Возрождения. В упомянутом выше дизайнерском кооперативе Морриса также брали за образец произведе-

дения средневековых ремесел. А в 1890—1891 гг. Моррис основал Келрмскотское издательство, выпускающее книги по образцам «инкунабул» — первопечатных книг, внешне еще напоминавших рукописные.

В значительной степени именно поэтическое восприятие Средневековья привело Морриса к негативному отношению к современному ему капиталистическому обществу. «Капиталистическая индустрия безобразит все: и людей и предметы. Человеческая раса истощается в мастерских и городах. Дым фабрик и заводов затемняет небо, грохот станков нарушает сельскую тишину. Страсть к наживе истребляет леса и истребляет реки, механическое производство убивает искусство, крайняя бедность и чрезмерное богатство одинаково смертельны для вкуса. Чем хуже современности были средневековые времена, когда жили среди полей..., когда городские жители строили соборы?..» [7, 107]. Так характеризовал настроение Морриса французский исследователь социализма А. Метен. Поэтому к концу жизни Моррис, так же как и Рескин, увлекается идеями социализма, о чем уже говорилось выше. Он пишет ряд произведений в духе социальных утопий: «Вести ниоткуда, или Эпоха счастья», «Сон про Джона Бола», «Урок короля», публицистические произведения «Искусство и социализм», «Фабрика такой, какой она могла бы быть», «Как я стал социалистом», широкую популярность имело его стихотворение «Марш рабочих».

Каким он представлял себе будущее идеальное общество — можно видеть в его «Вестях ниоткуда» (1890). В этом фантастическом романе герой попадает в Англию XXI в. и находит, что все изменилось. Прежде всего, изменились сами люди — их лица «были так добры и приветливы, их телосложение так стройно и красиво, что мне было приятно глядеть на них». «Их одежда представляла нечто среднее между костюмом классической древности и одеждой четырнадцатого столетия, материи же были светлые и легкие...» [8, 12]. Исчезли большие города, люди почти полностью переселились в сельскую местность, но жили деревнями. Уединенные фермы были востребованы только любителями одиночества. Все люди заняты теми видами деятельности, к которым у них есть склонность. Они работают либо индивидуально, либо в «союзных мастерских», в союзные же мастерские «народ приходит делать такую работу, где совместный труд более удобен или просто необходим. Кроме того, работать вместе, это так весело!» [8, 35]. «Путь к славе, равно как и понятия чести и уважения других — все изменилось. Единственная возможность заслужить это — поступать на благо общества. Пусть каждый развивает свободно все стороны своей личности и всякий будет помогать в этом» [8, 60]. Помимо желания работать ради общего блага другим стимулом к труду в будущем об-

щество станет, по мнению Морриса, искусство. Каждый человек будет стремиться довести результат своего труда до совершенства, создать маленький «шедевр».

Что касается общей системы управления, то, как отвечают на вопросы путешественнику во времени, «наш парламент — наш народ». «Вот уже полторы сотни лет как мы живем при современных почти условиях жизни. У нас установились уже традиции и привычки, между ними привычка соразмерять действия с общим благом» [8, 58]. Есть административное деление — община, квартал, приход, но нет центрального правительства. Все решения принимаются прямым голосованием.

В области экономики исчезли товарно-денежные отношения. Каждый добровольно трудится на общее благо без всякой оплаты и может получить необходимое количество продукта по потребности. Поскольку остались только здоровые и естественные потребности людей, со временем общество примерно выяснило, сколько каких продуктов необходимо производить. В то же время экономика конца XIX в. описывается Моррисом следующим образом. «Как мне приходилось слышать и читать, — говорит главному герою один из жителей Англии XXI в., — в последнее время коммерческой эпохи люди попали в странное и безвыходное положение. Вырабатывая товар с огромной производительностью, они, чтобы найти ему возможно больший сбыт, придумали остроумную и хитрую систему торговли, назвав ее “мировым рынком”. Но введенная в жизнь, эта система принуждала их все более и более увеличивать размеры производства, не считаясь с надобностью производимых товаров. ...Они нашли выход, создав массу искусственных потребностей, которые гипноз мирового рынка заставил считать не менее важными, чем настоящие жизненные потребности. ...потребности мирового рынка разрастались по мере их удовлетворения. Все так называемые “цивилизованные” страны были завалены продуктами рынка: употреблялись все усилия, чтобы “открыть новые рынки”. ...Отыскав страну, еще не попавшую в круговорот мирового рынка, изобретали какой-нибудь предлог: уничтожение рабства, гораздо менее тяжкого, чем пресловутая система или проповедь религии, до которой было мало дела самим проповедникам, или... наказание какого-нибудь злодея, если его действия производили справедливое возмущение “варваров” — словом все что угодно. Потом в эту страну посылали какого-нибудь искателя приключений, наглого, жестокого и невежественного, с поручением “вести цивилизацию и открыть новый рынок”» [8, 69—70]. (Извините за длинную цитату, но, как мы видим, со времен Морриса наш «цивилизованный мир» ничуть не изменился.)

Подводя итоги, можно сказать следующее. Известно, что капитализм как в XIX в., так, по сути, и все последующее время вызывал и вызывает критику определенной части общества, прежде всего, за развращающую роль денег, потерю моральных ценностей, семейных традиций и т. д. Критики капитализма в XIX в. брали за основу альтернативного общества либо недавний еще феодализм, либо различные гипотетические модели социализма. Иногда, как мы видим на примере Карлейля, Рескина и Морриса, им виделся даже некий синтез феодализма и социализма. Эта тематика достаточно обширна и известна, и хотелось бы обратить внимание лишь на определенный ее аспект, на то, что люди искусства, в частности Рескин и Моррис, считали, что одной из движущих сил, которая должна вывести общество из «капиталистического тупика», является стремление к творчеству. Именно стремление к труду как к творчеству представлялось им альтернативой труда ради наживы, и если в современном обществе такая мотивация жизнедеятельности присуща небольшой группе людей, представителям творческих профессий, то, надеялись они, распространение этой мотивации приведет к изменению общественного строя. Эта идея перекликается с мыслью Достоевского о том, что «красота спасет мир». Мысль же Рескина и Морриса очевидно может быть сформулирована несколько иначе — искусство спасет мир.

Еще одна мысль, которую хотелось бы подчеркнуть, заключается в том, что любование Средневековьем, которое было характерно для романтизма XIX в., дало свои результаты и в области искусства конца XIX — начала XX в. (Как уже говорилось, романтизм начала XIX в. пришел в общественном сознании Европы на смену рационализму XVIII в. Затем в середине XIX в. его сменил реализм и даже натурализм, но в конце XIX в. пришла вторая волна романтизма. Правда, в лице отдельных мыслителей, романтизм не прерывался и в середине XIX в.)

Конечно, искусство романтизма начала XIX в. дало множество прекрасных примеров, но в них тема Средневековья трактуется буквально. То же можно сказать и о романтизме конца XIX в. как в художественной литературе, так и в изобразительном искусстве. Упомянувшиеся неоднократно прерафаэлиты объявили средневековое искусство («искусство до Рафаэля») своим образцом и кумиром, и их картины во многом являются стилизацией средневековой живописи. Но следующий этап изобразительного искусства — модерн, к которому от прерафаэлитов перешел Моррис, — дал уже самостоятельный оригинальный результат. И если критика капитализма привела в итоге к «построению социализма в отдельно взятой стране», результаты кото-

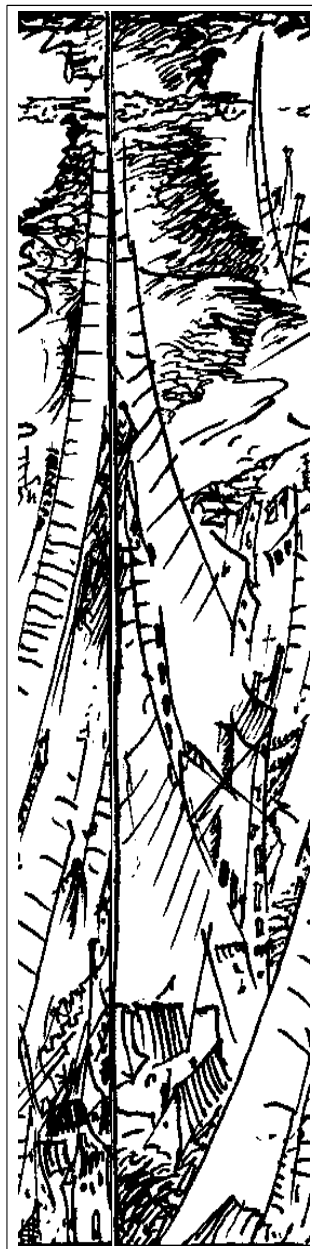
рого являются предметом острых дискуссий, то модерн как новый стиль стал безусловным достижением искусства конца XIX — начала XX в. Правда, он не стал искусством для народа, как хотел Моррис. Авторские произведения искусства модерна были по карману только богатым людям, и сейчас модерн воспринимается как элитарное искусство.

Литература

1. *Саймонс Дж.* Карлейль. М., 1981.
2. *Хобсбаум Э.* Век революции. Европа 1789—1848. Ростов н/Д, 1999.
3. *Гобсон Дж.А.* Джон Рескин, как социальный реформатор. М., 1899.
4. *Рескин Дж.* Лекции об искусстве. М., 2006.
5. *Земпер Г.* Практическая эстетика. М., 1970.
6. *Моррис У.* Воды дивных островов. М., 1996.
7. *Метен А.* Социализм в Англии. СПб., 1989.
8. *Моррис У.* Вести ниоткуда. М., 2009.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

**«Усталость» рынка, или Антиинновационные тенденции
институциональной архитектуры
современной хозяйственной системы**

Аннотация. Используя факты хозяйственной практики и аргументы теории, автор не просто ставит под сомнение рынок как основной институт инновационного развития, но и выясняет причины возникновения таких мифов. Доказывается, что основным инициатором социально-экономического развития стран выступает не абстрактный «рынок», а система конкретных институтов, формирующих стимулы ученых к открытиям, инженеров и технологов к изобретениям, менеджеров к серийному производству, работников к выполнению своих операций. НИР-мультипликатор служит индикатором для определения экономической возможности внедрения новых разработок и изобретений, а средняя норма прибыли высокотехнологичных отраслей — показателем общественного регулирования экономики. Также отмечаются антиинновационные тенденции и их причины в современной экономике.

Ключевые слова: институты рынка, НИР-мультипликатор, рентоориентированность, антиинновационность, тормоз развития.

Abstract. Using the facts of economic practice and arguments of the theory, the author not simply casts doubt upon the market as the basic institute of innovative development, but also finds out the reasons of occurrence such myths. It is proved that as the basic initiator of social and economic development of the countries acts not abstract "market", but system of the concrete institutes, that form stimulus of scientists to discovers, engineers and technologists to inventions, managers to a batch production, workers to execution of the operations. The research workings out — multiplier is the indicator for determination of economic possibility of introduction a new workings out and inventions, and average rate of return of hi-tech branches is indicator of public regulation of economy. In the paper the author also notes antiinnovative tendencies and their reasons in modern economy.

Keywords: market institutes, the research workings out — multiplier, rent-orientation, antiinnovation, brake of development.

Из русской классики известно: бедность — не порок. Но оказывается, не все так просто. И поэтому выяснение причин бедности и благополучия стран является стержневой проблемой всей хозяйственной истории и эволюции экономической науки.

Новый этап дискуссии после известного труда К. Маркса могла бы открыть книга Эрнандо де Сото «Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит неудачу в других странах» [1]. Казалось бы, получай политическую независимость, к которой стремились развивающиеся страны в 1950-е гг., переходи к рынку, на что были нацелены бывшие социалистические страны, и результат не заставит себя ждать. Однако... Реальность XXI в. оказывается еще более сложной и жестокой, а истина также хрупка и таинственна, как и в ранние времена начала основ классических наук в целом и политической экономии в частности.

Чем, например, объяснить и какими экономическими законами, а также, как смириться с тем фактом, что, если в 1820 г. разрыв между богатыми и бедными составлял 3:1 (период становления и развития политэкономии), в 1992 г. — 72:1, то к началу нового века уже достиг 80:1? Является ли *устойчивым* мир, в котором 10% населения обладают почти 90% богатства планеты? И долго ли согласятся жить более 2 млрд жителей планеты на 1 дол. в день и как это выглядит с точки зрения известных неоклассическому мейнстриму *законов равновесия*? Являются ли достигнутые социально-экономические результаты Белоруссии максимально эффективными, если их соотнести с имеющимися ресурсами и потенциалом? Или все же они являются оптимальными с точки зрения политико-экономических отношений, складывающихся в глобальном мире и стране?

Думается, объяснения, лежащие в плоскости поиска «врагов народа», «козней Запада или Востока», «вредных бюрократов» или лености населения, слишком просты, хотя и не лишены оснований. «На деле это приводит к тому, что, когда экономисты не в состоянии анализировать происходящее в реальном мире, они изобретают воображаемый мир, поддающийся их интерпретации. Вот почему я, — пишет нобелевский лауреат Р. Коуз, — старался найти причины существования на фабриках и в офисах, а не в сочинениях экономистов, которым я навешивал непочтительный ярлык «чушь» [2, 80].

Это же слово хочется произнести всякий раз, когда утверждают, что сам рынок решит тот или иной вопрос. Все-таки последняя четверть века — достаточно большой период времени, чтобы заметить, скажем, во всех постсоциалистических странах резкое снижение численности населения, «антисоциалистической» или рыночной деиндустриализации, падения нравственности, культуры и всего того, что

составляет содержание *социального капитала*. Уровень производительности труда как общий итог реформы, например, в Белоруссии, составляет сейчас лишь 75% уровня производительности труда России, которая по этому показателю отстает от США почти в пять раз и от Германии в четыре раза. Таким образом, принципиальной ошибкой, может быть, очередным мифом, является утверждение о том, что переход к рынку автоматически обеспечит экономический прогресс, рост и развитие. Пора бы уже из практики понять, что содержание процедуры перехода к рынку нельзя упрощать, обращаясь лишь к либерализации, приватизации и свободному ценообразованию. Рынок охватывает лишь одну из стадий воспроизводства — обмен. Производство же, а это есть не что иное, как фирма или индивидуальная творческая деятельность, распределение и потребление испытывают лишь косвенное влияние не просто спроса, а именно спроса денежного, помноженного на культуру индивида, рекламу, формы расчетов, доставки товаров и многое другое.

Но даже если принять эти решительные мероприятия по приватизации и либерализации как необходимые, то они абсолютно не являются достаточными. Если бы было все так просто, то индустриальные государства также не нуждались бы ни в каких теориях развития, а развивающиеся страны уже давно бы разорвали порочный круг: бедность → низкая норма сбережений → слабая инвестиционная и инновационная активность → низкая производительность труда → низкие темпы роста → бедность. «...Иногда испытываешь шок, когда понимаешь, — пишет Дж. Хикс, — что не рынок был его (разделения труда. — П.Л.) источником. *Изначально развитие мастерства не зависит от рынка*. Оно действительно предполагает специализацию (подобно введению нового технологического процесса на современной фабрике), которая предписана “сверху”» [3, 44].

Достижение нового технологического уровня всегда требует соответствующих затрат. Но не рынок инициировал и обеспечивал эти затраты. В первую очередь эти затраты, а точнее авансы, делают... *исследователи и разработчики научно-технической продукции (!)*, начиная со школьной скамьи и заканчивая новым знанием, в лучшем случае подтверждающие свое авторство охранной грамотой или патентом. Никто, правда, не подсчитал затрат и не учел трагедий людей, не получивших не то что материальных благ, но даже общественного признания. Более того, в период формирования рынка промышленного капитала фактор труда (парадоксальная, но применяемая экономистами фраза) обеспечивал свое нравственное и интеллектуальное развитие за счет собственных средств и не благодаря, а вопреки существующим на тот период законам распределения. Скажем так, научно-

исследовательская сфера, или отрасль, по своей природе, особенно в условиях производства и специфике продукта, законам его распределения и обмена является *некоммерческой сферой*. Ее деятельность сопровождается высокой неопределенностью результатов и риском, специфическими потребительскими свойствами и, следовательно, оценками (ценой). Ведь, как писал совсем недавно главный редактор журнала «Бизнес Уик», — мы знаем, как измерить продукцию старой экономики, но абсолютно не знаем, как измерить ее в высокотехнологичной экономике. Иначе говоря, *предложение* капитальных благ на рынке имеет лишь косвенную зависимость от денежных стимулов. Очевидно, что это давление идет от потребительских благ. Но это всего лишь определенное давление, или имплицитный стимул.

Самым сложным, а для многих стран и просто невозможным является реальное превращение *контуров спроса*, равно как и самых *облиц очертаний предложения капитальных благ* в эти реальные капитальные блага¹. К тому же неизвестно, какой продукт будет представлен на рынке, а еще более неизвестно, какой из них приобретет «товарный» вид, т. е. включится не просто в экономический, а в *рыночный оборот*. Иначе говоря, кривая предложения потребительских товаров вообще не четко выражена. А предложение капитальных благ, активов носит в целом дискретный и неопределенный характер.

Уже в последующем, когда есть первые разработки, фирма, имеющая жесткую властную организацию, их производит и предлагает, обеспечивая тем самым другие предприятия новой продукцией. Но если сделать прибыль, или прибыльность, единственной целью фирмы, как пишут специалисты по стратегическому планированию У. Кинг, Д. Клиланд, то «это почти неизбежно приведет к ухудшению ее положения в будущем. В этом случае на первый план выйдут объем продаж и уже выпускаемых продуктов, а также использование существующих ресурсов, и внимание к инвестициям, рассчитанным на будущую отдачу, уменьшится до минимума. Таким образом, оставаясь главной целью частной фирмы, прибыль, или прибыльность, должна быть лишь *одним из элементов той системы показателей* (курсив мой. — П.Л.), в соответствии с которыми устанавливаются цели фирмы и измеряются ее достижения» [5, 163]. Мы же с первых дней работы не просто

¹ Есть еще один важный и, пожалуй, самый существенный этап превращения капитальных активов в реальный капитал — это этап нахождения на рынке труда квалифицированных работников, имеющих экономическую зависимость от работодателя и добровольное заключение контракта о найме (см.: [4, 36—73, 428—451]). Не бывает рынка без капитала, его соответствующих атрибутов, отношений и последствий.

инновационной, а любой начинающей фирмы желаем извлечь максимальную прибыль и к тому же еще и обложить ее налогом. Наверное, это понимание идет от примитивного толкования учебников по экономике, его пропаганды на всех уровнях, а не от понимания сложной реальности системы хозяйственных процессов.

Конечно, на решение ввести научно-техническое новшество влияют расчет нормы прибыли в будущем, источник инвестиций, расчет риска. О том, что этот риск значителен, свидетельствует то, что из каждых десяти изделий, которые прошли стадию исследования и разработки, пять не выдерживают производственных и рыночных испытаний, а из пяти, которые проходят эти испытания, только два приносят коммерческий успех. В случае успеха к тому времени, когда новый продукт доводится до рынка, общая сумма затрат фирмы-новатора во много раз превышает затраты на первоначальные исследования, приведшие к фундаментальному изобретению.

Исследования и перспективные разработки, ведущие к фундаментальному изобретению, обычно составляет 5—10% общей суммы расходов. Последующие же расходы на проектирование и конструирование продукта обычно составляют около 10—20%, а расходы на подготовку производства и доводку продукта — 40—60% общих расходов. Наконец, начальные производственные расходы составляют от 5 до 15%, а начальные расходы по сбыту — от 10 до 25% общих расходов. Существует также разный временной лаг между исследованием, изобретением и внедренным новшеством в различных отраслях промышленности. Короче этот лаг на потребительские товары, разработки, осуществляемые на правительственные средства, и также в отраслях в ВПК. Есть и другие параметры *экономики инноваций*.

Если обратиться к истории, то можно заметить, что самым выдающимся гением-изобретателем в прошлом человечества был, конечно, Леонардо да Винчи. На каждой странице его тетрадей содержится какая-нибудь захватывающая дух идея — подводная лодка, вертолет или автоматический молот. Но ни одна из них не была превращена в нововведение с помощью технологии и материалов XV в. И действительно, ни одна из этих идей в то время не была понята и принята хозяйством и обществом в целом. Почему?

Для того, чтобы понять взаимосвязь вложений в НИР и отдачи, прибыль от вложений в технические разработки необходимо разделить *на две части*. Первая часть относится к общему техническому прогрессу и социальному капиталу, получаемым за счет соответствующих вложений. Вторая часть — это уже прибыль, получаемая благодаря этому прогрессу. Мы вкладываем деньги в НИР, чтобы добиться общего научно-технического прогресса, а, в свою очередь, получаемый

технический прогресс формирует нам *потенциал* (!) для получения прибыли. Поэтому есть смысл рассматривать техническую отдачу, социальную, культурную, институциональную, организационную и коммерческо-денежную отдачу НИР отдельно друг от друга. Но важно подчеркнуть, что эти и другие отдачи от научно-технических работ имеют свои временные лаги, организационные формы и этапы, а также весьма специфические стратегии реализации.

На рубеже XIX и XX вв. на каждый доллар, вложенный в НИР, например, автомобилестроительная отрасль получала отдачу в 6—7 дол. Это соотношение возрастало вплоть до 1930 г., когда на каждый доллар, вложенный в технические разработки, автомобилестроительная отрасль США получала отдачу до 75 дол. Пройдя этот путь, отдача от НИР стала снижаться. В 1945 г. промышленность на каждый вложенный в НИР доллар стала получать примерно 5 дол. отдачи. Но и после этого отдача продолжала снижаться. В 1965 г. затраты на разработку новой модели примерно равнялись приросту прибыли. Вкладывая в НИР один доллар, фирмы стали получать лишь один доллар обратно.

Чтобы глубже осознать сложность инновационного процесса в любой экономике, следует ввести понятие *НИР-мультипликатора*. Он представляет собой отношение объема вложений в НИР, требуемого для разработки продукции, к объему инвестиционного капитала, необходимого для производства и продажи этой продукции. Например, в случае успеха программы НИР стоимостью в 1 млн дол. от фирмы может потребоваться 10 млн дол. на строительство нового завода. У нас же от разработчиков программ НИР уже требуют актов о внедрении на минимально потраченные средства. Ученый и инженер-разработчик должны бегать по предприятиям и предлагать, продавать свою продукцию, имея крайне скромные средства для своей конкретной работы. Но это разные сферы деятельности и мышления. Даже водитель троллейбуса не сможет сесть за штурвал трамвая, а плиточник не делает работу штукатура.

$\text{Прибыль на инвестиционный капитал} = \text{отдача НИР} \times \text{НИР-мультипликатор}$. Из формулы видно, что чем ниже значение НИР-мультипликатора, тем ниже окажется прибыль на инвестированный капитал. Другими словами, компания с большей охотой истратит доллар, а не 10 или 100 дол. инвестиций на каждый доллар, вложенный в НИР. Если новые технологии требуют крупных инвестиций в новые заводы, они теряют свою привлекательность. Отсюда: $\text{НИР-мультипликатор} = \text{объем вложений в НИР} / \text{инвестированный капитал} = \text{прибыли на инвестированный капитал} / \text{отдача НИР}$.

Анализ показывает, что диапазон изменения НИР-мультипликатора просто поразителен, так как в разных отраслях его значения соотно-

сятся как 1:100. Ответ на вопрос о причинах данного явления лежит в двух плоскостях. Первая — разные отрасли имеют в своем производстве разное соотношение технического, стоимостного и органического соотношения капиталов. Следовательно, это будет создавать и разную по величине добавленную стоимость, которая лежит в основе прибыли. Вторая причина, объясняющая колебания НИР-мультипликатора, заключается в том, что отрасли, а следовательно, и фирмы отличаются друг от друга временем и скоростью оборота их активов. Иначе говоря, уровень коммерциализации их отличает друг от друга. Но рыночная экономика не может нормально функционировать, а ее фирмы, работающие в коммерческих отраслях, получать свою прибыль, если не будет фирм не коммерческих. Ведь последние осуществляют общественно-полезную функцию и задачи². Попробуйте перевести политико-правовую систему на коммерческие начала... Попытки реализовать коммерческие начала в медицине, образовании, науке, с нашей точки зрения, заложили основы для деградации этих отраслей и значительно снизили качество услуг предприятиями этих отраслей.

Рынок не просто *устал*: разработка и внедрение чего-то нового, что снизило бы издержки и подтолкнуло к снижению цен, не наблюдаются ни в одной стране мира — а формулируются. Рыночная мотивация есть не что иное, как денежно-прибыльная стратегия. И, конечно, рынок обусловил развитие и внедрение тех инноваций, которые наиболее доходны. *Монополия*, напомним, явилась если и не первой, то очень мощной экономической формой, в которой можно зафиксировать две тенденции: к внедрению новой техники, технологий, организаций и к загниванию, паразитизму.

Последние пять десятков лет свидетельствуют о том, что в наибольшей степени инновации были разработаны и внедрены в кредитно-денежной сфере. Но — по определению авторов институциональной теории — это транзакционный сектор, доходы которого следует вычитать из ВВП, а не добавлять. Вот что пишет известный Дж. Стиглиц: «В последние годы общественный баланс, сложившийся в развитых странах под давлением групп специальных интересов, недостаточно учитывает потребность в распространении инноваций. В результате их темпы могут замедлиться, что негативно скажется на уровне жизни населения как в богатых, так и в бедных странах... Сам по себе рынок недоинвестирует в человеческий капитал. Сам по себе рынок

² Инициаторам внедрения этих новшеств у нас мы рекомендуем прочитать добротные аналитические трактаты по обобщению долгосрочного опыта «внедрения рыночных отношений» в пенсионную систему, образование и медицину в США [6; 7].

недоинвестирует в развитие технологий. Ужесточение правового режима охраны прав на интеллектуальную собственность... приведет к ошибочной приватизации общественных знаний, таким образом создавая стимулы для неверного направления интеллектуальной энергии» [8, 28—29].

К тому же современный рынок высокотехнологичной продукции с большой натяжкой можно назвать «рынком». Это весьма монополизированная и жестко властная структура, регламентируемая уже даже не ведущими известными странами. В настоящее время распространение и движение высоких технологий строго контролируются ТНК. Никто также не отменял действия института КОКОМ (Комитет по контролю за экспортом высоких технологий) в отношении проблемных стран. Создаются также на паритетных началах международные стратегические альянсы (МСА), которые состоят из крупных компаний из различных стран, объединенных, хотя и разрозненными, но взаимосвязанными технологиями и стратегическими целями. Чтобы что-то узнать о действиях и политике МСА, силы и умения маркетинга явно недостаточно. Здесь нужна конкурентная разведка, которая по понятным соображениям не входит в предмет экономического анализа, но которая успешно действует уже целые столетия.

А вот как можно объяснить практическую роль нашей банковской системы в решении инновационных задач и стратегий? «Процент по кредитам на нововведения — это часть предпринимательской прибыли, она — его источник, он представляет собой обособившуюся часть ее... Банкир и предприниматель, — пишет один из популярнейших авторов по инновациям Й.А. Шумпетер, — делят между собой эту получаемую в производстве прибыль (или убытки, т. е. невозвратность кредита)... Процент не является, подобно предпринимательской прибыли, самостоятельным продуктом развития, понимаемом как своего рода премия за определенные успехи... Он, скорее, *тормоз развития, некая разновидность “налога на предпринимательскую прибыль”* (курсив мой. — П.Л.)» [9, 311, 381]. Но экономическая и социальная несправедливость заключается еще и в том, что в случае неуспеха инновационного проекта, а как ранее мы писали, нововведения имеют весьма высокий коммерческий риск, особенно сегодня, банки главную экономическую вину возлагают на рискнувшее предприятие или автора? ученого-разработчика, которые несут ответственность перед банками своим имуществом и своим авторитетом. Банки же в своих договорах прописывают лишь *процент по тем ссудам*, источниками которых, кстати, на 5/6 являются те же предприятия и индивиды, имеющие депозиты.

Парадокс в том, что, критикуя, например, американские или английские банки, мы не должны забывать, что белорусские банки никак в своих стратегических целях не отличаются от других, формируя часто упоминаемый мировой «финансовый пузырь». Парадокс в том, что за первый послекризисный 2009 г. темпы роста добавленной стоимости наших банков были самыми высокими из всех отраслей — порядка 147%. Но ведь кризис-то был банковско-финансовый. И за счет кого и чего был этот самый высокий рост добавленной стоимости? Как он сказался на предприятиях, стремящихся преодолеть кризис через новые идеи, товары, рынки и пр.? Иначе говоря, прибыли без производства — это одно из проявлений даже не усталости рынка, а его деградации. К тому же, как пишет известный аналитик из США С. Мелман, «стремление показать “хорошие” результаты за короткие периоды времени (т. е. прибыль. — П.Л.) стимулирует изощренную технику манипулирования статистическими данными... Происходит в обществе инфляция роли инженеров и рабочих» [10, 42, 104].

Итак, сфера денег и денежных отношений получила достаточно сильное распространение и развитие, проникнув в настоящее время даже в те области деятельности людей, которые лишь косвенно соприкасаются с этим феноменальным материалом. Фиктивный капитал породил «финансовый пузырь», т. е. виртуальную экономику, а вместе с ними и *фиктивные доходы*, включающие международные *рентные доходы*.

Одно из *противоречий современной мир-экономики лежит в плоскости столкновения интересов денежной экономики и ее доминирующей спекулятивной нормы поведения с нравственно-этическими и моральными ценностями человека*. Мы хотим обратить внимание на рентоориентированность и утерю инновационно-производительной мотивации современного бизнеса. Последний больше «предпринимает», чтобы не создать какое-то полезное благо, о чем говорил А. Смит, подчеркивая это нравственное условие получения прибыли, а перераспределить или выступить посредником и «зарабатывать» на транзакционных операциях. Сегодня доля дохода транзакционного сектора в ВВП западных стран доходит до 50%. «Превращение предпринимателя в спекулянта, — писал Кейнс, — это удар по капитализму, ибо он разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов... Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им» [11, 100].

Сегодня всего лишь около 2% всех транзакционных операций сопровождается движением реальных товарных ценностей, услуг, обслуживающих реальные потребности человека. Остальное же прихо-

дится на спекулятивные операции с ликвидным материалом, позволяющим с *нарастающим* риском для его *собственников* и еще *большим риском для общества* извлекать банковско-финансовому сектору валютную *ренту*. Это означает, что научно-информационная и техническая сферы входят в зону экономических интересов кредитно-банковской системы по преимуществу лишь в плоскости реализации своих спекулятивных целей. Но все-таки надо помнить, что банковская система является *производной* от реальной экономики и во всех странах по преимуществу формируется не из собственного, а из привлеченного капитала. Для того, чтобы убедиться в этом, необходимо лишь посмотреть на пассивы любого банка.

Банк — это экономический институт переходного типа, и его коммерческие интересы должны находиться, мягко говоря, под общественным контролем. Выскажем точку зрения крамольную, для тех, кто будет говорить о факте такого контроля у нас: у нас в стране действительно сложился альянс политики и банковского капитала, который позволяет реализовываться по преимуществу финансовой структуре, ее держателям и управленцам. В обществе произошел раскол, хотя, возможно, кому-то еще невидимый. С одной стороны, науку пытаются коммерциализировать, из-за чего она теряет свою теоретическую фундаментальность и объективность, привлекательность и результативность. А с другой — главная движущая сила современного развития экономики — научно-технологическая — по существу, не вписывается в сложившийся общий экономический механизм.

Воспроизводственный аспект позволяет также выделить новую норму, не только регламентирующую поведение хозяйствующих субъектов, но и предающую *целостность современной экономической системе среднюю норму прибыли высокотехнологичных отраслей*. Эта норма прибыли является следствием межотраслевой конкуренции и нормативом, базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким нормативом была средняя норма прибыли промышленного капитала. Этот последний на тот период был ведущим видом капитала, объединявшем силу техники, организации и денег. Поэтому тезис «равновеликая прибыль на равновеликий капитал» был нравственен и экономически оправдан. Замена же общественного ориентира свидетельствует, что не ставка банковского процента является экономическим регулятором, а *рентабельность инновационных отраслей*.

Иначе говоря, ставки рефинансирования, которыми пытаются регулировать разнородную экономическую систему, в конечном итоге дают возможность всегда начинать и «выигрывать» самому мощному, но

все же посреднику — банковскому капиталу. А если учесть, что последний по своим размерам, проводимой процентной, организационной политике и социально-экономической зрелости находится на уровне философии малого бизнеса, то вполне объяснимы его неустойчивость и явно выраженная ростовщическая направленность.

К тому же названную выше норму — *норму прибыли высокотехнологичных отраслей* — следует, если привязаться к экономической практике Белоруссии, ввести в качестве прогнозного, а лучше, *планового социально-экономического показателя*. Это будет действительно рыночный показатель, и именно он определяет будущее и текущее «здоровье» социально-экономической системы страны. Если он ниже банковского процента, и тем более ниже рентабельности в промышленности, то кто же найдется, чтобы вкладывать в эти отрасли деньги и кто пойдет заниматься титанически сложной и неизвестной научно-исследовательской деятельностью, разработкой новой техники и технологий? Проблема формирования научно-технических кадров во многих странах, и Белоруссия, к сожалению, здесь не является исключением, подтвердит высказанный выше тезис. А технологии — это, прежде всего, знания и умения. Нет знаний — нет технологий и нет стратегически перспективных инноваций. Управление же подготовкой кадров высшей квалификации посредством *стандартов* еще больше снижает научно-технический потенциал развития страны. Но такую стратегию диктует рынок, ибо *обмен*, а следовательно, и прибыль зависят от скорости и массы реализованной продукции. К тому же, такая «массовость» подготовки кадров значительно дешевле и проще. Однако деньги — не время, а время — не деньги, а вся жизнь. Деньги приходят и уходят, а жизнь только уходит, как заметили мудрецы. Поэтому Т. Веблен о противоречии производственных и денежных сфер заметил следующее: «Денежная деловитость, в целом, не совместима с производственной эффективностью» [12, 158]. И действительно, как неоднократно заявляло правительство и России, и Белоруссии — деньги в стране есть, давайте идеи. Но последних как раз-таки... Нет, они есть. Просто это идеи по развитию стран, которые выходят за рыночную идеологию.

Литература

1. *Сото Э. де* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит неудачу в других странах. М., 2002.
2. *Коуз Р.* Природа фирмы. М., 2001.
3. *Хикс Дж.* Теория экономической истории. М., 2006.

4. Современная политэкономия / Под ред. П.С. Лемещенко. Мн., 2005.
5. *Кинг У., Клиланд Д.* Стратегическое планирование и хозяйственная политика. М., 1982.
6. *Котликофф Л.* Пенсионная система перед бурей: То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М., 2005.
7. *Герземанн О.* Ковбойский капитализм: Европейские мифы и американская действительность. М., 2006.
8. *Стиглиц Дж.* Многообразные инструменты... // Вопросы экономики. 1998. № 8.
9. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М., 1982.
10. *Мелман С.* Прибыли без производства. М., 1987.
11. *Кейнс Дж.М.* Трактат о денежной реформе // Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М., 1993.
12. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.

Ю.М. ОСИПОВ

Развитие и его парадигмальное осмысление

Аннотация. Исследование феномена развития в концептуальном плане в целях понимания экономического развития в современных условиях.

Ключевые слова: экономика, социум, развитие, парадигма, современность.

Abstract. Author researches the phenomenon of development in conceptual aspect aimed at comprehension of economic development in modern conditions.

Keywords: economy, socium, development, paradigm, modernity.

Само слово «развитие», то же, что и разветвление, предполагает не просто обновление, а явление из чего-то малого чего-то большего, из простого — сложного, из локального — целостного, хотя обновление как возникновение нового из старого или нового вместо старого входит безусловным моментом в феномен и процесс развития.

Понять «развитие» можно, в особенности, глядя на такие феномены-процессы, как проявление растения из зерна, организма из эмбриона, но также и новых средств производства и продуктов предприятий, отраслей, государственных институтов и тех же университетов. Сложнее уловить то, что можно было бы посчитать за парадигму развития,

что то же самое — основополагающую идею развития, его концепцию, но при этом и направление, и характер, и цель, и механизм.

Парадигма развития — нечто сложное по смыслу и феноменальному представлению, коли речь идет о социально-экономическом, цивилизационном развитии. Вообще говоря, человек хозяйствующий исторически идет от природы к неприроде, переходя, надо полагать от одного способа развития к другому, соответственно, от парадигмы к парадигме, хотя над парадигмой развития человек задумался не ранее XX в. от Р. Х. К вопросу о парадигме развития подвели наука с философией, когда развитие стало не просто постоянно действующим фактом бытия, но и его целью, а потому и породило вопрошания: что, зачем, каким образом, куда, с какой целью, с какими результатами?..

Оглядываясь назад, можно сказать, что до момента Ренессанса развитие, которое нас интересует, шло достаточно медленно, чтобы о нем специально говорить, а также не выходило масштабно и всеобъемлюще за пределы природы, отличалось привязанностью к натуре, было натуралистическим. С момента же Ренессанса, с переходом к промышленному капитализму, оснащеному развивающимися наукой и техникой, нельзя было не заметить возникновения и расширения сначала очагов, а потом и общего масштабного и всеохватывающего движения к новому, уже по большей части внеприродному миру, причем миру постоянно обновляющемуся, как бы и разворачивающемуся во всей своей неприродной красе — искусственному миру. Это было развитие человеческого мира вопреки и параллельно природе. Отсюда и иная, чем в доренессансные времена парадигма развития: с одной стороны, гуманитарно-экономическая (капиталистическая), а с другой — индустриально-технологическая. И поскольку сейчас поренессансную эпоху принято называть эпохой Модерна (модернизации мира, его перестройки, построения нового мира), то это была модерновая парадигма развития, преодолевающая премодерновую парадигму (натуралистическую), характерную для предшествующей Модерну эпохе Премодерна.

Модерновая парадигма развития отработала в реальности и на ученой бумаге до последней четверти XX в., когда вдруг появились новые начальственные моменты в социо-хозяйственном бытии передового, уже называвшегося высокоразвитым, мира. На передний план вышли наука и изобретательный интеллект, сфера знания и технологий, а реальность стала превращаться в стабильную инновационную, непрерывно изменяющуюся, причем не столько в обычной индустриальной сфере, сколько в сверхиндустриальной сфере — высоких технологий (новейших, тонких, микроскопических, молекулярных, атомных, нано,

био-, ноотехнологий). Тут-то и возникла потребность в переформировании парадигмальной характеристики развития.

Выяснилось вдруг, что это не так-то просто сделать: не находилось подходящих слов, ибо все возможные слова были из мира Премодерна и Модерна и для новой ситуации не очень-то подходили. На выручку пришли такие мало что сами по себе говорящие вспомогательные словечки, как «пост», «нео», «ультра», «сверх», «пара» и т. д., — даже сама новая эпоха получила наименование эпохи Постмодерна, что, правда, оправдывалось ее сочетанием с эпохой Модерна (Премодерн, Модерна, Постмодерн). Отсюда и возможность обозначить новую парадигму развития как постмодерновую парадигму, для которой свойственны, в отличие от модерновой, такие черты, как финансизм (развитой экономизм), интеллектуализм (интеллект ради интеллекта), виртуализм (господство виртуальности над реальностью), высокий технолизм (тонкие, микро и т. д. технологии), а главное — постгуманизм, когда человек, во-первых, не просто дополняется, но и замещается техносистемами, от них уже «кровно» зависит, мало того, ими вытесняется, во-вторых, сам становится главным объектом исследования и переделки. Из царя природы человек становится рабом неприроды, им же — человеком — созданной.

Отсюда постмодерновая парадигма не только продолжает модерновую парадигму, ей наследует, но и отрицает, причем как в ее гуманитарной части (постгуманизм), так и в целом: модерновая парадигма — парадигма стремления к новому неизвестному, но возможному, причем явно лучшему (благополучие, свободное время, наслаждение жизнью) — к сверхприродному, а вот постмодерновая парадигма это уже никакое не стремление к лучшему, а всего лишь торопливое приближение к какой-то... конечной развязке, к прыжку в невозможную неизвестность, не в какой-то там новый, а в уже *иной* мир, а вот в *какой*?

Нынешняя, она же постмодерновая, парадигма развития — это, наверное, уже и не парадигма, и не развитие — это, скорее, конспиративная формула оторопелого ожидания, когда ни теории полномасштабной не выдвинуть, ни будущего великолепного не предусмотреть, когда вместо развертывания человеческого гения выходит... его свертывание, когда интеллект вращается в пространстве, надежно обуяном безвозвратным безумием — вполне уже субстанциальном!

А.И. СУБЕТТО, В.В. ЧЕКМАРЕВ

**Философический концепт военной экономики
в интерьере национального хозяйства и общей
экономической теории**

Аннотация. В статье в жанре диалога предложены различные точки зрения на философический концепт военной экономики.

Ключевые слова: военная экономика, хозяйство, мобилиционность.

Abstract. In this article written in the form of dialogue authors provide different points of view on philosophical concept of military economy.

Keywords: military economy, household, mobilization.

В.В. Чекмарев: Мы с Александром Ивановичем продолжаем наш тренинг в виде диалога, который был опубликован в журнале «Философия хозяйства»³. Этот диалог вызвал определенный интерес. Попробуем проговорить еще 1—2 темы, которые потом появятся в форме диалогов. *Первоначально о чем хочется поговорить — это об изменении понимания военной экономики.*

А.И. Субетто: Я хотел бы сделать заставку к нашему диалогу, которая состоит в следующем: какова сущность военной экономики?

Военная экономика — часть страновой экономики вообще, которая выполняет функцию безопасности страны, защищает ее от нападения врагов, но и, одновременно, иногда выполняет функцию силовой экспансии, что было ранее, с помощью войн захватывались как людские, так и материальные ресурсы.

В этом плане военная экономика — часть экономики вообще, но при этом, можно ли ее назвать экономикой услуг? Как правило, большинство экономистов склоняются к этому. Но прежде всего надо определить, что же такое услуга. На мой взгляд, услуга это нечто, что реализуется на рынке, и нечто, что не обладает качеством необходимости для воспроизводства жизни.

Военная экономика, в значительной своей части, не является составляющей услуги обществу, она ведь обладает качеством необходимости для воспроизводства жизни общества как таковой (с позиции безопасности).

Второй аспект, касающийся *сущности военной экономики*, состоит в том, что она в значительной степени, как в мирное, так и в военное время, относится к мобилиционному сектору экономики. Мы не

³ Начало дискуссии см.: Философия хозяйства. 2010. № 1.

привыкли рассуждать с точки зрения именно мобилизационного фактора. Например, 8 августа 2008 г. состоялось неожиданное нападение Грузии на Южную Осетию, и возникла наша ответная реакция. А ведь реакция должна быть мгновенной. Мгновенными должны быть все действия, связанные с реакцией. Это не только вход в Южную Осетию 8-й армии Хрулева, но и еще мобилизация всех структур, например, штаба вооруженных сил, связи, сюда входят и медицина, и все те органы, которые должны мгновенно реагировать. Лето 2010-го — что оно показало, когда по всей стране прокатилась серия пожаров? Оно показало низкий мобилизационный потенциал страны. Казалось бы, МЧС — Министерство чрезвычайных ситуаций — это мобилизационный сектор экономики. Оно должно мгновенно реагировать на чрезвычайные ситуации в стране. Однако МЧС демонстрирует низкую мобилизационную готовность. Есть факт, который замалчивается в печати. Он состоит в том, что произошла реструктуризация государственной пожарной службы. Ранее эта служба непосредственно подчинялась президенту, начиная с Петра I и до начала 2001 г., а тут ее неожиданно, из либеральных соображений, понизили в ранге, передали в МЧС. Государство Российское в результате этой реструктуризации почти в три раза сократило количество пожарных машин. К этому следует еще добавить, что за последние годы были уничтожены военно-инженерные войска. Иногда говорят, что лето 2010 г. у нас было такое же, как в 1971—1972 гг., но тогда у нас была высокая мобилизационность, действовали военно-инженерные войска, действовали трубопроводные батальоны, которые буквально за три дня проложили около 3000 км трубопроводов для доставки воды в целях пожаротушения. Сейчас с трудом нашли единственный трубопроводный батальон на Северном Кавказе и проложили 140 км. Государство, вследствие доминирования либеральных взглядов на себя и свои функции, превратилось в антигосударство, если использовать метафору — из живого организма в тряпичную бесполезную куклу. В 1971—1972 гг. была готовность к ядерной войне, была соответствующая инженерная техника, сейчас этого нет.

В этом контексте размышлений военная экономика, включая ВПК, носит мобилизационный характер, и поэтому находится в значительной степени в сфере государственной экономики. Например возьмем экономику США: Дж. Гэлбрейт считает, что экономика США — на 60% плановая и на 40% рыночная, указывая при этом, что главным держателем этого планового сектора экономики являлся и является ВПК, который работает на государственном бюджете. Вот на это я хотел бы обратить внимание.

В.В. Чекмарев: В связи с этим возникают некоторые вопросы, связанные с уточнением вашего понимания. Итак, речь идет о военной экономике как о мобилизационной экономике, если я правильно понял.

А.И. Субетто: Я бы осторожно определил так: военная экономика есть мобилизационная экономика примерно на 80%.

В.В. Чекмарев: Хорошо. Но, вообще-то, традиционно понятие «военная экономика» имеет какое-то наполнение, т. е. свое содержание. И по меньшей мере, мне известны три разных содержания этого понятия. Первое: военная экономика — это экономика, которая работает на войну, когда война идет, или на подготовку войны — независимо от того какой она будет являться — оборонительной или наступательной. Второй момент: нет войны, но возможность войны существует, хотя бы в далеком будущем, и тогда военная экономика получает наполнение и содержание в виде производства вооружения, в том числе для продажи его на международном рынке и соответственно для получения от этого дохода. То есть мы создаем танки, автоматы, пулеметы, но не для надобностей страны в части ее обороны и реализации каких-то политических интересов с точки зрения нападения, а просто для пополнения бюджета. И есть еще третье понимание военной экономики, на мой взгляд, более широкое, чем первое и второе. Оно связано с обеспечением военной безопасности. Отмечу сразу, что, понятие «национальная безопасность» имеет определенную структуру. Оно включает в себя экологическую, экономическую, информационную, продовольственную, энергетическую, образовательную и т. д. виды безопасности. И вот в этом ряду стоит понятие «военная безопасность», т. е. такая безопасность, которая не предполагает нападения и ведения политики другими методами, например, какой-то экспансии во внешний мир, а направлена на защиту собственного государства — без желания нападать. Есть тут нюансы. Если придерживаться этой позиции, то получается, что военная экономика является элементом национального хозяйства в той части, в которой государство как социальный институт создано и призвано обеспечивать потребности населения, в том числе защиту этого населения.

А.И. Субетто: Только здесь я бы внес уточнение: не потребности населения, а потребности общества и народа.

В.В. Чекмарев: Хорошее уточнение, соглашусь с этим уточнением. И тогда получается, что военная экономика — это та часть национальной экономики, которая наряду с другими ее частями производит услуги по обеспечению военной безопасности. Насколько вам это кажется правильным?

А.И. Субетто: Я думаю, что военная экономика — это не производство услуг, а восходящее воспроизводство системы обороноспособности страны. Следует уточнить и содержание военной безопасности. В нее входят военно-экономическая безопасность и военно-технологическая безопасность, которые могут рассматриваться как части военной безопасности, как системы, причем очень сложной системы.

В.В. Чекмарев: Почему возникает понятие «военно-экономическая безопасность», а не просто «военная»? Почему военная и экономическая безопасности не могут соседствовать?

А.И. Субетто: Это сложившееся понятие, по крайней мере, в советской системе понятий, которые были у наших военных экономистов.

В.В. Чекмарев: Кто такой «военный экономист»? Почему мы не говорим, «образовательный» или «медицинский экономист»?

А.И. Субетто: Военный экономист — это экономист, который владеет проблемами военно-экономического потенциала и военно-экономической безопасности, воспроизводства военной техники, вооружений и военно-оборонительного, или военно-фортификационного, обустройства театров военных действий.

В.В. Чекмарев: Александр Иванович, вот тут и возникает проблема. Когда мы говорим об экономике, мы не выделяем, например, транспортно-экономическую безопасность, а вот военно-экономическую безопасность выделяем. Но если вооруженные силы страны — часть национального хозяйства, то почему мы не выделяем среди экономистов тех, которые размышляют, как осуществить военное строительство, почему у нас только полковники и генералы могут быть военными экономистами? Почему все экономисты не должны обладать тем системным знанием на макроуровне, которым занимается военная экономика?

А.И. Субетто: Наверное, могут и не имеющие военные погоны люди быть военными экономистами. Но в любом варианте, военная экономика предполагает специальную систему подготовки, которая состоит в том, что военный экономист должен знать особенности военно-экономического строительства страны, вооруженных сил, системы оборонительного обустройства районов будущих боевых действий. Надо владеть особенностями обустройства театров военных действий и уровнем капиталоемкости этого обустройства, в том числе и по линии родов войск. Например, самыми капиталоемкими и сложными по линии обустройства являются военно-морские силы, ракетные войска.

В.В. Чекмарев: Александр Иванович, но это же «цеховики». Вы исповедуете отраслевой подход, вы рассматриваете военную экономику как замкнутую систему внутри себя.

А.И. Субетто: Во-первых, любая система обладает определенной степенью замкнутости-открытости, нет ни абсолютно замкнутых, ни абсолютно открытых. Любые отраслевые системы обладают определенной степенью замкнутости и открытости. Если говорить о системе обороны, частью которой является система базирования вооруженных сил, то она обладает определенной степенью замкнутости и открытости. Что такое замкнутость и открытость? С точки зрения воспроизводства — воспроизводство может быть более замкнуто и более открыто. Вот мы не затронули еще один аспект, который состоит в том, что военная экономика — это замкнутая система воспроизводства вооруженных сил — как кадрового, так и военно-технического вооружения, и воспроизводства системы базирования вооруженных сил и их фортификационной защиты.

В.В. Чекмарев: Насколько я понимаю, сейчас вы перечисляете те задачи, которые свойственны вооруженным силам.

А.И. Субетто: Можно даже больше сказать: *военная экономика — это экономика, которая занимается воспроизводством «разрушительных» сил страны*, направленных на уничтожение, разрушение, как военного, так и экономического, и других видов потенциалов возможного противника (агрессора).

В.В. Чекмарев: Александр Иванович, здесь возникает ряд вопросов, общетеоретического характера. Первый вопрос состоит в том, что конкуренция может рассматриваться как уничтожение конкурента, причем на различных уровнях экономики, и это положение в настоящее время подвергается большим сомнениям, потому что процесс конкуренции через уничтожение превращает выигравшего в монополиста. Монополия как таковая — это всегда плохо. Почему империи всегда разрушались? Потому что они были в определенной степени монополистами, по меньшей мере, для систем империи внутри системы. В связи с этим возникает положение: стратегия на выигрыш конкуренции вооруженным путем является сомнительной стратегией, потому что она не выдерживает проверки временем. Она еще какой-то момент будет использоваться, но обязательно приведет к поражению. И американская империя — буквально в ближайшие двадцать лет — разрушится.

В связи с этим возникают те общеэкономические процессы, которые кажутся мне значимыми, потому что вообще военное строительство как таковое имеет определенный набор задач. Но я сейчас не хотел бы погружаться внутрь системы, которая называется «вооруженные

силы», «военное строительство», «военная экономика» (как отраслевая) и все с этим связанное.

А.И. Субетто: Но тогда я хотел бы еще раз ответить на вопрос, является ли военная экономика экономикой производства услуг? Я считаю, что она таковой не является, так же как образовательная экономика не является экономикой воспроизводства образовательных услуг.

В.В. Чекмарев: Почему?

А.И. Субетто: Есть сектор в образовании и военной экономике, который обеспечивается только рынком. И все то, что проходит только через рынок, можно трактовать как услуги.

В.В. Чекмарев: Но ведь услуга — это не обязательно рынок.

А.И. Субетто: Я считаю, что тот продукт, который обладает качеством необходимости для воспроизводства жизни человека, не является услугой, ведь мы не называем производство промышленной продукции производством услуг.

В.В. Чекмарев: Но у нас есть определение, что такое товар и что такое услуга. Изначально люди производят экономическое благо или просто благо. Благо имеет форму товара или услуги. Услуга — это полезность товара ли, труда ли. Если мы не имеем от военной экономики полезности в виде товара для мирного населения, то имеем полезность в виде труда.

А.И. Субетто: Товар всегда имеет полезность.

В.В. Чекмарев: Товар становится полезным только тогда, когда кто-то признал в нем полезность, а до этого он всего лишь продукт, предназначенный для продажи или купли, т. е. товар — одномоментное состояние овеществленного труда.

Рассматривая результат промышленного производства, следует отметить, что это всего лишь отложенная во времени услуга. Нам не нужно, например, сверло. Нам нужна дырка, проделанная с помощью сверла. Вероятно, здесь уместно вести речь об экономическом времени.

А.И. Субетто: Основанием товарности является наличие потребительной стоимости. Потребительная стоимость обозначает полезность, но как только это потребительная стоимость стала обладать стоимостью, а стоимость выражается через цену, которая есть оценка стоимости при выходе потребительной стоимости на рынок, то сразу этот продукт приобретает характер товара. Товар может потребляться как через рынок, не теряя своей стоимости, так и через плановые механизмы. Иными словами, механизм распределения товара может быть и плановым, и рыночным.

В.В. Чекмарев: Вряд ли с вами можно безоговорочно согласиться. В ваших рассуждениях заложена очень большая мина. И рынок, и план

определяют стоимость через время. Но есть иные теории стоимости, есть, например, теория информационной стоимости. Есть теория энергетической стоимости, и при определении стоимости услуги военной экономики я склонен использовать чисто энергетическую стоимость — через количество потребленной энергии и взятой этой энергии вооруженными силами для производства данной услуги, т. е. услуги по обеспечению безопасности. Мы потребляем не просто услугу, имеющую цену. В пространстве военной экономики мы не идем ни в рынок, ни в план, а в распределительные отношения внутри вооруженной системы — как изолированной от национальной экономики системы. А она таковой быть не может. Даже когда дети, во время войны, работают на конечное производство товара (продукта), а мужчины защищают страну, даже в этом случае вся экономика не становится военной экономикой, она работает и на мирное население, и на тыл, и на будущее страны. Я бы не превращал военную экономику ни в услугу рыночного характера, ни в продукт товарного производства. *Это что-то другое.*

А.И. Субетто: Я вернулся бы к категории стоимости. Вообще, если следовать Ю.М. Осипову, то стоимость это есть некое трансцендентное свойство, которое дано товару чуть ли не Богом. Вот, по Осипову, после 200 лет, после «Капитала» Маркса, вдруг стоимость приобрела такой загадочный характер, который никак не ощутить. На Западе, в рамках экономикса, Марксова стоимость, т. е. стоимость в определении Маркса, не существует. Западные экономисты под категорией стоимости подразумевают некую «обманку», потому что в соответствии с западной школой стоимость приравнивается к цене. Я придерживаюсь Марксова взгляда на природу стоимости: стоимость — это общественно-необходимые затраты труда (ОНЗТ). Проблема состоит в том, что общественно-необходимые затраты труда — это абстракция очень высокого уровня. Рынок как механизм определяет стоимость ОЗНТ через рыночное устрание. Рынок держит эту усредненную планку. В плановом механизме ОНЗТ определились на основе плановых балансовых расчетов. У нас в СССР появились выдающиеся советские экономисты, которые развили теорию стоимости для плановой экономики в 1960 гг. (академики Немчинов, Новожилов и др.). Здесь нужно отметить и заслуги ученых Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ РАН). По разработанным экономико-математическим моделям народного хозяйства общественно-необходимые затраты труда для советской экономики определились как народнохозяйственный оптимум. Иными словами, через плановые механизмы происходило моделирование всей экономики, формировался ответ на вопрос об уровне ОНЗТ.

Я хотел бы обратить внимание на следующий момент в *природе стоимости*. В любом случае, о каком бы механизме ни говорили при определении общественно-необходимых затрат труда, *стоимость есть нечто, что определяется только на уровне страновой экономики* (если мы говорим о стоимости внутри страны), т. е. это есть нечто, что принадлежит высокому уровню иерархии в экономике страны. Стоимость определяется не на уровне продукта. Вот я произвел в цехе продукт, цену через рынок назначил, но я не найду в категории цены стоимость, потому что стоимость — результат функционирования экономики как целостной системы, т. е. результат высокого уровня иерархии, а потребительная стоимость — это конкретное свойство товара. Оно, это свойство, проявляется на более низком уровне. Стоимость и потребительная стоимость разводятся, как экономические ценности разводятся как экономические ценности не только в логике теории двойственности труда, но и еще как категории разного уровня социальной иерархии, отражающие разную социальную иерархию функционирования экономики. С точки зрения глобализации появляется стоимость, определяемая механизмом мирового рынка, т. е. стоимость товара на уровне мировой экономики. И тогда между «страновой стоимостью» и «стоимостью мировой» возникает противоречие. Причем «стоимость страновая» в этом случае отражает особенности функционирования экономики в целом на уровне страны, в ней отражаются действия географического характера. Географический фактор стоимости при формировании страновой стоимости для нас важен, поскольку Россия — самая холодная страна в мире. И если в России установятся цены мирового рынка на основе правил ВТО, то мы все умрем от холода, «вымерзнем как мамонты».

В.В. Чекмарев: Александр Иванович, вот здесь вы становитесь на позицию, которую достаточно неплохо озвучил Ю.М. Осипов в свое время, причем не только он один. Он назвал процесс, который сейчас происходит, финансовикой. По Ю.М. Осипову, как только у нас возьмет верх процесс глобализации, мы станем частью мировой экономики как единого целого. В этом случае мы отойдем от традиционного определения стоимости с помощью денег, рынка валют и перейдем к резервной системе мировой экономики. Возникает новая экономическая картина мира. Возникает экономика, охватывающая земной шар как таковой. И люди, живущие на земном шаре и создавшие эту мировую экономику, вольно или невольно находятся в отношениях с внешней средой по отношению к планетарным условиям жизни. Эти планетарные условия жизни на конкретном уровне разнятся территориально, отражая разнообразие ландшафтов. А процесс глобализации их усредняет. И встает вопрос о поиске механизма выживания человечества в

целом, через выстраивание отношений человечества со средой. Если этот механизм взаимодействия человечества со средой не будет найден, человечество ждет гибель. Сначала это происходит на отдельных взятых территориях, потом он охватывает все население на планете.

В связи с этим возникает вопрос: что такое историческое время? Что такое экономическое время? Что такое психологическое время? Есть ли такие понятия, если есть, то какой смысл вы в них вкладываете?

А.И. Субетто: Я бы перефразировал вопрос о времени в вопрос о столкновении унификационной глобализации (об этом писал Ж. Аталли проповедуя новый порядок, по-французски, он звучит как «мондиализм»). Глобализация в капиталистической парадигме превращает человека в неокочевника, а человечество в «серую расу», т. е. исчезают национальности, народы и государственные экономики. Вот этот процесс и есть «осерение» — превращение всего и вся в серый цвет, а это означает процесс гибели. За рассуждениями о глобализации в англо-американском варианте скрывается процесс рыночно-капиталистического расчеловечивания. На мой взгляд, особенно в России ученые «глобализацию» «жуют, как жвачку коровы», находящиеся на нижнем уровне пирамиды мировой капиталократии. «Фишку» под именем «глобализация» бросили «сверху», ее бросило тайное мировое правительство, или «верхушка» мировой финансовой капиталократии. Мировая капиталократия вбросила понятие глобализации в «низы», чтобы ими манипуляционно управлять, реализуя свой идеал господства и унификации. А вот в действительности человечество выживет, если сохранится как гетерогенное человечество, т. е. если оно сохранит культурно-этническое разнообразие. Я бы сказал так, вот эта гетерогенность есть необходимое качество человечества, и она влечет за собой гетерогенность мировой экономики. Иными словами, «западно-демократическая» унификационность мировой экономики, которая становится ее важным качеством, разрушает целостность. Надо осознать, что качество целостности и качество единства тем выше, чем больше разнообразия, которое объединяется в эту целостность и в это единство. Самый высокий уровень качества единства представлен в человеческом организме: он состоит из различных органов. Все живые организмы гетерогенны, и поэтому целостны и могут взаимодействовать. Человечество начинает функционировать как организм.

Теперь отвечу на вопрос о времени. Все, что касается стоимости и вообще экономических категорий, которые обработаны теоретически экономическим умом, это время ньютоновское. Здесь используется только ньютоновское время, т. е. система координат, в которой «время» — отдельная ось, ортогональная всему пространству. Если абстра-

гироваться от этого ответа, то для меня существует множество перемен. Онтологически, на мой взгляд, время находится в неразрывной связи с «системой». Это атрибут любой системы, субстрата, и как стратное свойство время измеряется масштабом, каковым является несущий цикл системы. В этом плане время не обладает такой непрерывностью, оно — где дискретами выступают циклы — дискретно. И вот этот тип времени непосредственно связан с «природой системы». Именно в этом контексте можно поговорить, например, об «экономическом времени» в России, об «экономическом времени» Люксембурга, можно поговорить об «экономическом времени» больших и малых экономических систем, можно говорить о психологическом времени, можно говорить о биологическом, геологическом времени и т. д. Все эти «времена» обладают разной масштабностью своих дискретов. *В мире действуют множественность системных миров и множественность пространственно-временных характеристик*, а их объединяющим началом является некое абстрактное время, которое выполняет функцию соизмерителя этих разных времен. Иными словами, время — это другая сторона цикличности или ритмичности.

В.В. Чекмарев: Вот передо мной лежит статья Хроник и Головахо, где они пишут, что философская постановка проблемы времени, представляющая особый интерес, связана с двумя альтернативными подходами — субстанциональным и реляционным. С точки зрения первого — время представляет собой некую абсолютную сущность, второго — явление, производное от структуры материальных процессов. Каждый из этих подходов имеет богатую философскую и научную традицию, каждый из них связан с определенным пониманием содержания значения категории времени. В то же время произошла дифференциация содержания понятия времени, появились такие понятия, как физическое, социальное, биологическое время. Параллельно вот с этой дифференциацией содержания категории «время» шел процесс формирования и одновременно расслоения категории пространства. Этот процесс, на мой взгляд, объективный. Поэтому мы можем рассмотреть эту множественность миров с таких позиций — например, с выделением социального мира и духовного мира. И здесь противоречия в рефлексии ученых настолько резки, что подавляющее большинство из них вообще не признает, что есть социальный мир.

А.И. Субетто: Более того, я сказал бы так: *время характеризуется изменчивостью. Не было бы изменчивости, не было времени.*

В.В. Чекмарев: И в этой части «духовный мир» не определяется в данном контексте, т. е. не определяется тем традиционным понятием «духовность», осмысление, роль и место которого в жизни определяется словом «судьба» и т. д. «Духовный мир» есть изоляция собствен-

ного мира от социального мира, в нем нет саморазвития. В этом контексте духовный мир предстает как ограниченный, замкнутый мир, т. е. у этого мира отсутствуют социальные связи с внешним миром. Однако прошу вернуться к вопросу: что такое «экономическое время» для человека, для мира, для социума, для государства?

А.И. Субетто: Я считаю, что разделение времени на реляционное и субстанциональное могло бы трактоваться и по-другому. Время как атрибут, и время как субстанционная характеристика, и время как сама субстанция. Представление о множественности времен появилась еще до Ньютона. Например, множественность времени в геологии существовала всегда. И в биологии как науке, работающей со сложными системами, всегда существовало представление о множественности времен. В геологии время всегда было связано с циклами (еще со времен Стратона). Если придерживаться этой логики, то *экономическое время — это время, которое связано с затратами труда, т. е. время, отражающее затраты труда*. Его можно осознать через закон экономии времени по Марксу, который косвенно переходит в так называемый закон опережающего роста. Вот мы сейчас находимся на пороге перехода к такому типу экономического развития, когда производительность труда перестает быть главной его характеристикой. В этом плане экономическое время связано здесь с трудом человека, создающего стоимость. А вот с позиции реляционной — экономическое время связано с экономическими системами. Возьмем деление на макроэкономику, микроэкономику, мезоэкономику. У каждой из этих экономик есть свое время, а раз имеется свое время, у каждой из них — свое пространство и своя структура пространства. На самом деле — это одна сторона экономической реальности, которая может быть охарактеризована вертикалью экономических систем: предприятие, регион, страна как экономические системы. Я создал теорию системного времени в 1990 г. По этой теории у каждой системы есть свой несущий цикл, и он является носителем времени вот этой системы.

В.В. Чекмарев: Жизненный цикл какой-то системы или отдельных ее элементов является носителем ее времени. Возникает вопрос с пониманием экономического времени. Экономическое время, в моем определении, связано с понятием не цикла в чистом виде и даже несущего какого-то цикла, а с понятием экономической свободы. И когда я размышляю о содержании понятия «экономическая свобода», то в эту часть вклинивается все то, что вы, Александр Иванович, сегодня определяли, говоря о климатических, географических и прочих детерминантах экономического способа производства. Понятно, что взяв затраты на производство килограмма пшеницы в России и Канаде, мы получим разные величины. И в этой схеме возникает момент, связан-

ный с понятием экономической свободы, а именно, той экономической свободы, которую мы реально соотносим с возможностями реализации этой свободы: с возможностями произвести с меньшими усилиями и затратами, с большей интенсивностью, с большей эффективностью при производстве единицы чего либо. И когда мы обратимся к понятию «экономическая свобода», то возникает триединство времени — экономического, исторического и литургического. Вот это триединство в моем понимании и дает нам *новую теоретическую базу для понимания общественного производства*, для понимания усилий формирования мировой экономики как единого целого, разнообразного, но все-таки единого механизма, когда все человечество будет как бы отражать состояние организма. Возникает представление об эволюционном процессе создания мировой экономики как единого механизма. На мой взгляд, этот процесс опосредуется понятием «экономическое время» и понятием «экономическое свобода». Мы знаем, что национальные культуры разные, и в этом культурном разнообразии и прячется единство человечества. Но с другой стороны, мы знаем, что математика не может быть китайской или итальянской. Методологические подходы к понятию экономического пространства могут быть разными. Методологические понятия Евклидовой геометрии или неевклидовой могут быть разными, но они существуют, не отрицают друг друга, а дополняют друг друга, помогая понять сложность устройства мира. Поэтому я бы пользовался понятиями «экономическое время» и «экономическая свобода» тогда, когда мы обсуждаем проблему военной экономики.

В связи с тем, что традиционно «военная экономика», «военное строительство» (как понятие) так или иначе связаны понятием «война», представляется целесообразным сделать переакцентировку с войны на безопасность. Государство, которое создается народом, предназначено для обеспечения его безопасности, для защиты от врага.

А.И. Субетто: Вначале следует разобраться в соотношении системных содержаний в категориальной паре «экономическое время — экономическая свобода», разобраться в самой категории свободы. По большому счету, мне кажется, что категория свободы — это такая категория, которая создана в широком смысле гуманистами, она апеллирует к человеку. Вообще категория свободы — это категория, которая создана христианским мировоззрением и идеологией. В восточных религиях категория свободы отсутствует. Более того, до XVIII в. свобода отсутствовала и в ментальности русского человека. У русского человека «свобода» — это была «воля». «Воля» на несколько порядков больше по смыслу, чем «свобода», потому что воля это не «свобода» в западном варианте, у русского человека «воля» связана с пространством. В физике категория свободы отсутствует. Но есть понятие степе-

ни свободы. Теми или иными степенями свободы и несвободы обладает любое физическое тело. Степень свободы зависит от того, как это тело связано в систему: если оно не завязано в систему, то у него 6 степеней свободы уменьшается. Таким образом, свобода оказывается вещью в себе, особенно когда она переносится из области гуманистики в область экономики. Время — это нечто объективное, а свобода — нечто ощущаемое субъективно.

Можно, конечно, онтологизировать свободу. Такую онтологизацию свободы я выложил в системогенетике. Там свобода материализуется в следующем виде: мир — системно иерархичен, а это означает, что нет системы которая не входила в какую-нибудь надсистему. Все уровни системной иерархии мира эволюционируются, с осуществлением процесса наследования. Надсистемы спускают экологическую нишу для осуществления своей подсистемы-системы ее существования. Вот эти размеры пространства — эти «ниши» — и есть степень свободы и несвободы системы, т. е. *«свобода в это случае есть коридор, устремленный в будущее, границы которого спущены над системой, потому что если перейти какую-то границу, то надсистема свою подсистему уничтожит»*. Это коридор, в котором разрешены процессы ее самоорганизации и адаптации к окружающей среде. Тогда в рамках иерархии экономических систем, границы которой контролируются сверху, со стороны экономической надсистемы и спускаются сверху, с надсистемных уровней, ограничивая процессы самоорганизации и траектории развития данной экономической системы. Например, экономика человечества (глобальная экономика человечества) обладает той свободой, которая выражается через тот коридор развития экономической системы человечества, который контролируется в виде границ этого развития со стороны биосферы планеты Земля, Солнечной системы и Галактики. Выход за эти границы со стороны хозяйства человечества уничтожит само человечество.

Экономическая свобода и экономическое время взаимосвязаны. С расширением экономической свободы, в этом контексте, происходит тайное расширение экономической системы. Расширение экономической свободы есть одновременно и расширение экономической системы с позиции воспроизводства капитала. А вместе с расширением экономической системы увеличивается масштаб экономического времени. То есть экономическое время меняется с изменением экономической системы.

В.В. Чекмарев: В связи с вашими суждениями возникает вопрос уточняющего характера. Если мы опять будем говорить о военной экономике как о части национального хозяйства, то при формировании бюджета страны какие-то средства выделяются на военное строитель-

ство. Не вообще на обеспечение военной безопасности, потому что она не скальвается только из наличия вооруженных сил. Сегодняшние принципы определения бюджета страны не учитывают ни экономические свободы, ни экономическое время. В результате происходит то, что сейчас происходит. А что сегодня происходит?! В 2010 г. отсутствовал набор в высшие военные учебные заведения. Вдруг оказалось, что у нас 15000 офицеров лишних. На мой взгляд, это произошло из-за того, что методика расчета численности вооруженных сил, которая существовала и пока еще не существует, не учитывала вот этого момента — момента экономического времени. Более того, когда речь идет о военном строительстве, традиционные вопросы сводятся к следующим: каков кадровый потенциал, какова структура войск и т. д. Вот конкретный пример: Ярославское высшее военное финансовое училище вдруг оказывается вообще не нужным, оказывается, что не надо нам готовить военных экономистов. Мы вдруг обнаружили, что нет понятия «военный финансист». Преподавателей-офицеров перевели на штатские должности, они теперь не имеют никаких звезд на плечах и спокойно преподают «штатскую» экономическую науку.

А.И. Субетто: Есть экономисты, которые готовятся для нефтегазовой отрасли, там своя специфика, так же как и у военных, потому что гражданские экономисты будут приспособляться 5—7 лет и, наверное, еще и не дойдут до того массива необходимых знаний, который определяется спецификой военной экономики. Например, есть две парадигмы подготовки системных менеджеров, так как там требуется огромный специфичный набор знаний. Случились беды — одна в США, вторая в Японии. В чем состоит различие системных подходов в подготовке высших типов менеджеров? В Японии менеджер должен владеть технологией, потому что выстраивается вертикаль карьеры менеджера — начиная от цехового уровня, дающего владение технологиями, и заканчивая верхним уровнем (системные и топ-менеджеры). Американцы считают, что проходить подготовку, чтобы стать системным менеджером, можно где угодно.

С позиции системной подготовки они на порядок уступают японцам. У нас, в советское время, готовились экономисты-инженеры. Теперь осталось только название Инженерно-экономическая академия. Считается, что если ты экономист, который работает в данной отрасли, то ты должен знать технологическую базу этой отрасли, потому что есть понятие технологической себестоимости. А когда мне пришлось побывать на наших металлургических комбинатах в Белгородской области, мне рассказали, какие были хорошие экономисты, которые всем владели, а теперь уже у нас, говорят, пришли «мальчики-экономисты», и начинается процесс разрушения, поскольку за цифрами они не видят

логики производства. Экономисты-бизнесмены, не владеющие технологиями производства, которым они управляют, фактически уничтожили производительную экономику. За последние 20 лет господства либеральной экономики разрушено 40—60% производственных мощностей. Нигде в мире такого явления нет, чтобы в мирное время с помощью реформ уничтожить половину мощности экономики, только у нас. Это проблема, с одной стороны, «экономических» ученых, которые рассуждают и освещают все эти разрушения, с другой — тех «мальчиков», которые пришли заниматься экономикой, но способных только через офшорные зоны вывозить капитал.

В.В. Чекмарев: Раз у нас ограничены объемы финансирования, ограничена экономическая свобода, ограничено экономическое время и т. д., то как бы вы оценили роль военной экономики и изменение ее роли в контексте задачи устойчивого развития страны и в контексте развития экономической науки? Я не могу отделить военную экономику как теорию от общей экономической, я считаю что и военная экономика развивается по тем же законам, что и гражданская экономика, по которым развиваются все остальные отраслевые экономики. Никакой разницы я здесь пока не вижу.

А.И. Субетто: Первое: мощность военной экономики связана с ее достаточностью. Что такое достаточность военной экономики? Вообще, что такое безопасность? Безопасность — «вещь в себе». Безопасность связана с мощностью потенциала угроз со стороны внешней среды. Если внешней среды нет, то и безопасности нет. Внешняя среда всегда несет угрозу, хотя бы своей непредсказуемостью. В нашем случае — это проблема военных угроз.

В.В. Чекмарев: Они не связаны с экономической теорией. Военная экономика в контексте своей роли как экономической науки нужна для устойчивого развития общества. Для того, чтобы быть лучше понятным, я сформулировал шесть тезисов.

1. До настоящего времени не создано специальных работ, посвященных, разработкам методологии и прикладным аспектам современной военной социальной политики, адекватной нынешнему этапу социально-экономического развития страны, поскольку предшествующие работы отражали соответствующие периоды развития страны.

2. Существует мнение о субъективизации исключительно негативного влияния рыночных отношений на социально-экономическое положение армии и флота. Много сказано о доминировании социально-защитных функций в социальной политике государства в Вооруженных силах, основанной на обеспечении минимальных стандартов жизни (которая фактически превратилась в главную ее цель). Преобладание такого подхода в научной литературе конечном счете приводит к

реальной практике осуществления оборонительной военной социальной политики в войсках.

3. В экономической литературе достаточно поверхностно исследуются взаимодействия социальных процессов в стране и в вооруженных силах, особенно в условиях становления и развития рыночного хозяйства.

4. Отсутствует единство взглядов среди ученых и специалистов по вопросам понимания экономических аспектов функционирования военной сферы государства. Бытует термин «военная экономика», «военное строительство» и т. д.

5. Основные вопросы военно-социальной политики, адекватные задачам военного строительства для общественного развития, характеризуются как недостаточно разработанные.

6. Военно-экономическая теория не стала частью общей экономической теории.

Вот эти шесть тезисов. С ними можно как соглашаться, так и не соглашаться, можно дополнить. На мой взгляд, эти шесть тезисов дают возможность ответа на вопрос: каково сегодня наполнение понимания военной экономики в контексте роли экономической науки в устойчивости развития общества?

А.И. Субетто: Тогда и я сформулирую три тезиса.

Первый: *военная экономика — неотъемлемый компонент устойчивого развития России, потому что устойчивость развития России связана с экономикой, причем той ее части, которая касается социального прогресса общества.*

Второй: *нет рыночных экономик в мире.* На мой взгляд, рыночная экономика, как категория — это миф, который больше всего эксплуатируется в России. Везде существует планово-рыночные экономики с разным соотношением плана и рынка, причем появление планового сектора и его рост начались в капиталистических странах где-то в середине 1960-х гг., и он до сих пор продолжается. На системном языке это выглядит следующим образом. Собственность, которая находится под централизованным контролем государства, в Америке в 1997 г. составляла 35%, в 2008 — уже 45. В Англии в 1997 г. под контролем государства находилось 40%, сейчас — 48, в Германии и Франции в 1997 г. — около 48, сейчас — выросло до 59%. До прихода В. Путина у нас была централизация собственности — 45%, после 10-летия его руководства страной у нас осталось 15%, т. е. мы сейчас по доле приватизации вышли на первое место в мире. *Поэтому у нас нет управляемости.* Ведь рост централизации управления экономической собственностью отражает роль планового сектора. В Америке основным планового сектора является ВПК, иными словами, военная экономика США где-то на 80% плановая, а на 20% рыночная. У нас же рынок

уничтожает страну. *Военная экономика — это основа планового стратегического развития страны в целом, потому что военные технологии служат мультипликаторами экономики в целом.* Государство обязано обеспечивать военную безопасность с помощью ВПК. Военная экономика как никакая другая требует фундаментальных разработок, капиталоемких проектов, которые требуют большой концентрации капитала, мощной системы вооружений, отсюда сразу идут транспортные технологии, т. е. то, что называется венчурным ускорителем, роль которого выполняет ВПК.

Третий: *военная экономика не ограничивается сектором безопасности и военной защиты.* В рамках военно-стратегического мышления военная экономика разбивается на две части: военная экономика, которая обеспечивает безопасность в мирное время, и военная экономика, которая обеспечивает в военной время, но готовится в мирное время, т. е. военная экономика должна быть способна обеспечить безопасность в любое время. Военная экономика развивается, меняет свой облик, меняет свою парадигму, вместе с изменением содержания войны. Содержание войны сейчас изменилось. Появилась информационная война, причем эта война обладает огромнейшим технологическим арсеналом, сюда входят, например, такие средства, как использование телекоммуникаций, появились голограммы и вирусы, которые переносятся на лучевые трубки, технологии использования акустики, технологии использования компьютеров. Пример — война в Южной Осетии. Что тогда произошло? Министр обороны Сердюков перед этой войной произвел реконструкцию штаба, штаб оказался лишен информационной связи, вся связь армии шла на «мобильниках», которые легко прослушивались, не было никакой защиты. Есть и другие виды войн — духовная, психотропная и т. п.

В.В. Чекмарев: По-вашему, уважаемый Александр Иванович, получается, что вся экономическая теория, которая сегодня существует, рассматривает частные вопросы, не акцентируя внимания на военной экономике. А сама военная экономика рассматривает себя внутри этих военно-экономических процессов, вне связи с внешней экономикой. Это замкнутая система внутри себя. Может, тогда и общеэкономическую теорию развивать сквозь призму военно-экономических процессов, так как остальные сферы хозяйства — частный случай? Мирная экономика внутри военной экономики — частный случай? Полагаю, что такая постановка вопроса весьма сомнительна. И хотя в каком-то историческом периоде развития военная экономика и выступает как мультипликатор общественного развития, это историческое время уступает свое место экономическому времени. А военная экономика становится частью общей экономической теории. Впрочем, это уже тема другого диалога.

Е.М. МАРТИШИН

Методологический инструментарий современного исследования экономической эволюции

Аннотация. Анализируются концептуальные подходы в исследовании экономической эволюции, структура методологии эволюционного исследования и формирование логико-философского уровня метода, исходные методологические проблемы эволюционного исследования — единица эволюции, факторы и принципы эволюции.

Ключевые слова: экономическая эволюция, функции эволюционной экономики, структура метода исследования, элементарная единица (вид) социально-экономической эволюции, факторы-причины и принципы-правила экономических эволюционных изменений.

Abstract. Article analyzes the conceptual approaches to the study of economic evolution, structure methodology of evolutionary research and development of logical-philosophical level of the method, the initial methodological problems of evolutionary studies — a unit of evolution, the factors and principles of evolution.

Keywords: economic evolution, the functions of evolutionary economics, the structure of research method, the basic unit (kind of) socio-economic evolution, factors-causes and principles-rules of economic evolutionary change.

Гармонизация многообразия уникальных экономических культур, поиск оптимальных моделей социально-экономического развития стран и регионов связаны с пониманием процессов *эволюции* многообразного единого мира. Эффективные механизмы форм хозяйствования и экономической политики обусловлены уровнем развития данного общества. В познавательной модели эволюционной экономики выделяются следующие основные специфические функции.

1. *Онтологическая* функция, в соответствии с которой настоящее функционирование объекта определено его развитием, хотя существуют и обратные связи.

2. *Методологическая (мировоззренческая)* функция, связанная с возможностями использования опыта исследования общественных и естественных наук для изучения экономических процессов. Во многом, к примеру, из биологии пришли в современную экономическую науку представления о системности, организованности, эволюции.

3. *Интегративная* функция, в соответствии с которой фундаментальная теория эволюционирующего объекта-целостности способствует *интеграции* различных направлений экономической науки.

Категории, понятия, принципы и проблемы теории эволюционной экономики — формы мышления социально-экономических процессов, в этой связи исходным уровнем ее метода является *логико-философский уровень* в познании экономического объекта. Философия, раскрывающая мировоззренческие формы видения окружающего мира, выступает исходным уровнем методологии экономического теоретического знания. «Ключом к успешному овладению основными экономическими принципами, — писал П. Самуэльсон, — является логическое мышление» [1, 9]. Философия как форма теоретического освоения действительности опирается на категориальный аппарат, формирующийся в *истории* человеческого мышления. Методологический системный логико-философский инструментарий образуется посредством *принципов эволюции и генетической связи* предшествующих уровней, отражающих те *всеобщие элементы, которые наследуются, передаются в развитии*. Эти принципы построения классических логико-философских систем (Аристотеля, Гегеля и др.) известны как *принципы единства логического и исторического*.

Вопросы эволюции (развития) исследуются во многих основных направлениях современной экономической мысли, в некоторых школах социологических, исторических, институциональных и иных общественных наук вместе с тем как самостоятельное направление эволюционная экономика считается новым течением в экономической науке. Выделим следующие основные методологические подходы в исследовании процессов экономической эволюции.

1. «Традиционное» направление значительную роль в механизмах эволюции отводит *приспособляемости, отбору, среде*. Варьирование (изменчивость), селекция (отбор) делают «ненужным всякие разговоры о какой-то конечной цели или о каком-то законе исторического движения» [2, 51]. Долгосрочное социально-экономическое прогнозирование в этом направлении практически неосуществимо. «Результат эволюции за исключением простых случаев предвидеть невозможно» [3, 26].

2. Направление, утверждающее *детерминизм, направленность и финализм эволюции, общих законов* в экономическом развитии. Это концепция «либеральной демократии» как «конца истории» Ф. Фукуямы. «Действительно ли в конце двадцатого столетия имеет смысл говорить о логически последовательной и направленной Истории человечества, которая в конечном счете приведет большую часть человечества к либеральной демократии? Ответ, к которому я пришел, утвердительный по двум различным причинам. Одна из них относится к экономике, другая — к тому, что называется “борьбой за признание”...» [4, 10]. К этому направлению можно отнести «*мир-системный*» анализ

Ф. Броделя, И. Валлерстайна и др., *ортогенез, эмерджентные экономические системы* и т. д.

Кстати, названные основные направления мировоззренчески (философски) сформировались еще в Античности. Уже Эмпидокл объяснял «происхождение различных *целесообразных форм... путем борьбы и выживания более приспособленных*». Он «набрасывает *первый туманный абрис учения о борьбе и подборе*, которое будет затем подхвачено Лукрецием и завершится стройной теорией Дарвина о происхождении видов» [5, 31, 172]. В то же время у Сократа, Платона и более полно у Аристотеля формируется концепция целесообразного развития всего мирового процесса в направлении к единой цели. Названные мировоззренческие направления были характерны и для эволюционных теорий в биологии конце XIX — начале XX в. Современные же естественнонаучные теории эволюции показывают значительное многообразие направлений исследования эволюционных процессов. К примеру, в общественных науках, в том числе в экономической, понятие «эволюция» трактуется как сторона «развития». В биологии, наоборот, «эволюция» шире «развития», что указывает, вероятно, на более глубокий уровень разработки проблемы.

Ранее в истории естественные и гуманитарные науки резко противопоставлялись, рассматривались как чужеродные, в настоящее время между ними устанавливаются органические связи. Методологическое использование закономерностей естественных наук, прежде всего, биологии в экономических эволюционных исследованиях основано на теории целостности, признании материального единства мира и структурного единообразия его форм, коэволюции, на возрастании роли междисциплинарного комплекса исследовательских программ, выдвижении на передовые позиции нового методологического инструментария. *Общенаучные методы*, выделяемые в литературе в качестве вторичного уровня в структуре методологии экономического знания, так же как и философские методы, выполняют мировоззренческую функцию. Междисциплинарная компонента оснований науки обеспечивает взаимодействие различных наук, переносы методов из одной науки в другую. Как показано в литературе, биологические метафоры со временем становятся развернутыми эпистемологическими моделями в социальных исследованиях [6].

Под *эволюцией* с учетом общенаучных аспектов понимается: необратимость процессов, коммуникативность (взаимодействие между субъектами), образование нового, единство непрерывности и прерывистости, изменения эволюции под воздействием генотипа и изменения генотипа под воздействием эволюции системы. Эволюция объекта осуществляется как «снизу» (от ее компонентов) к глобальной целост-

ности, так возможен и обратный процесс развития «сверху вниз»; эволюция — самоорганизация, саморегулирование и т. д. При всем многообразии трактовок эволюции с общенаучных позиций выделяется *общее* понимание эволюционных процессов как *перестройки организации* и образования *новых видов*.

Эволюционная методология предполагает определение *элементарной единицы (вида)* социально-экономической эволюции, в рамках которой она осуществляется. В экономической литературе в качестве таковой называются популяции экономических субъектов, предприятия, страны, цивилизации и др. С позиций общенаучной методологии можно выделить эпистемологические характеристики *эволюционной единицы (вида)*, в рамках которой осуществляются эволюция экономических процессов. Эволюционная единица — наиндивидуальная, самовоспроизводящаяся и эволюционирующая, устойчивая и регулируемая система, особый тип (форма) организации, взаимодействия, поведения и наименьшая единица классификации субъектов/объектов эволюции. Такой единицей (видом) является, как обосновывается в наших работах, *исторический этап развития мировой экономической системы*, определенный *господствующий тип ее экономических отношений*. Под мировой экономической системой понимается *единая общность* национальных хозяйств, глобальное сообщество, т. е. общество в широком смысле — соединение всех людей (но не в форме государств). Мировое хозяйство включает в себя национальные экономики и отношения между ними на уровне общих эволюционных закономерностей, принципов и проблем, единых стадий, этапов, механизмов организации и развития. Эволюция предприятий, к примеру, в таком понимании не есть самостоятельный процесс, происходящий вне вида, экономической системы общества, хотя эволюция экономической системы проявляется в эволюции предприятий.

Глобальная экономика исследуется также теорией *глобального (универсального) эволюционизма* — направления теоретических исследований, ориентированных на выявление единых закономерностей, которым подчиняются становление и эволюционное развитие систем всех структурных уровней бытия — физического, биологического, социального, экономического и др. Глобальный эволюционизм рассматривает мир как целостный живой организм, универсальной характеристикой которого является эволюция. Идея глобального эволюционизма, с одной стороны, дает представление о мире как о целостности с универсальной историей, позволяет мыслить общие законы бытия в их единстве, а с другой — ориентирует современную науку на выявление конкретных закономерностей самоорганизации и саморегулирования форм глобальной эволюции.

В эволюционной методологии можно выделить *факторы-причины* экономических изменений и *принципы-правила* их осуществления. Фактором эволюции принято считать каждый дискретный, но действующий в комплексе с другими процесс, если он вызывает необратимые преобразования единицы эволюции, изменения отношений организации субъектов. Во взаимодействии *принципа постепенности* экономических изменений и их *перерыва* эволюционная эпистемология допускает *революционные* преобразования, но, чем больше новизны принимает экономическая система, тем в большей степени *нарушаются процессы преемственности и устойчивости* системы, что приводит к потере ее свойств и, в конечном счете, к разрушению. Поэтому важно определение *пределов* скачкообразных преобразований экономических систем.

Реализация *принципа прогрессирующей специализации* в развитии способствует повышению связности и устойчивости экономических систем в целом, их организованности, прочности к воздействию со стороны внешних дестабилизирующих процессов. Но специализация без диверсификации может быть тупиковым направлением экономического развития. Эволюционистика находится в сложном соотношении с прогрессом. «Первая и основная задача, которую ставит себе теория прогресса, — писал С.Н. Булгаков, — состоит в том, чтобы показать, что история имеет смысл и исторический процесс есть не только эволюция, но и прогресс» [7, 290]. Можно выделить две стороны социально-экономического прогресса: *экономический прогресс* с его показателями удовлетворения потребностей личности, доходности и т. п., а также *организационный прогресс* — повышение уровня экономических отношений в развитии общества, хотя возможны различные критерии прогресса — информационные, экологические и др.

В рассматриваемом методологическом инструментарии важная роль отводится также эволюционным *принципам параллелизма, конвергенции, дивергенции* и др., которые еще недостаточно используются в современном анализе мировых экономических процессов. В экономической эволюции часто из *одного исходного вида* экономических отношений возникают *различные* модели, типы экономических систем, в зависимости от различной внешней и внутренней институциональной и иной среды, что называется *дивергентной эволюцией*. Дивергенция — приобретение различных признаков систем на «общей основе»; так, с развитием капитализма наблюдается поляризация мировой системы, страны исходной модели развиваются в различных направлениях, достигают различных результатов.

Последующий *принцип конвергенции* характеризуется приобретением различными видами экономических отношений черт *сходства*

при различии в уровнях и моделях хозяйствования, что осуществляется, прежде всего, посредством социально-экономической *среды*. Страны, находящиеся на различных уровнях развития, имеют целую сеть взаимодействий — внешнюю торговлю, деятельность ТНК, движение капиталов, инноваций, НТП, миграцию и т. п., что способствует конвергенции национальных экономик. При этом страны различных цивилизационных экономических моделей также могут прийти к внутреннему культурному единству. Многие специалисты считают, что среди современных цивилизаций уже нет «чистых» общественных образований, «незатронутых» процессами взаимодействия и изменений.

Существуют различные виды конвергенции. *Структурная конвергенция*, к примеру, может выступать трендообразующим фактором в сближении (или расхождении) уровней ВВП на душу населения, уровня занятости стран и т. д. Конвергенция на национальном уровне при этом может сопровождаться дивергенцией регионов. В западноевропейских странах наблюдается конвергентное сближение отраслевых структур, о чем свидетельствует специально рассчитанный на основе межотраслевого баланса стран ЕС «индикатор». В ФРГ, Франции, Великобритании, Италии, Нидерландах этот индикатор сближения отраслевых структур показывает увеличение от 60% в 1950-е гг. до 90% в 1980-е гг. Можно привести и другие примеры конвергенции. Эволюция гражданского общества по обе стороны Атлантики привела к тому, что общественные организации в Европе пытались не только освободиться от опеки государственной администрации, но и, по примеру США, использовать ее в своих целях с помощью самых различных форм воздействия [8, 146, 103].

В зависимости от роли и характера воздействия на экономику страны или региона, а также в интеграционных процессах выделяется *реальная конвергенция* — сближение долгосрочных, стратегических параметров экономического и социального развития государств или регионов. *Номинальная конвергенция* характеризуется сближением ценовых и фискальных параметров экономик стран или регионов, показателей инфляции, процентных ставок, обменных курсов, бюджетного дефицита и т. д. Это один из инструментов для реальной конвергенции.

Кроме принципов дивергенции и конвергенции в экономическом развитии выделяется еще промежуточный *принцип параллельного развития*, или параллелизма. Если дивергенция осуществляется на основе эволюции *гомологических* структур (формирование различных социально-экономических моделей стран и регионов одного уровня развития), а конвергенция — на основе эволюции *аналогичных* элементов, то параллелизм — это конвергенция,

осуществляющаяся на основе эволюции гомологичных экономических систем, с независимым приобретением сходных признаков, свойств и целых функциональных систем. Различают *синхронный*, *асинхронный параллелизм* и др.

Процессы *гомогенности* экономических систем обсуждаются в литературе. «Мир становится все более конвергентным и целостным. Степень его гомогенности нарастает. И это создает объективные предпосылки для преодоления все еще значительного разрыва между авангардом и арьергардом человечества» [9, 21]. Если *аналогия* есть внешнее сходство структур и функций системы, *гомология* — сходство, основанное на общности экономического происхождения, то *изоморфизм* — нечто среднее между конвергенцией и гомологией. Гомология и конвергентность могут быть следствием или «родства», или развития в определенном направлении по общим законам, следствием единообразия законов социально-экономических систем, общих стандартных моделей хозяйственной деятельности. Мировая система исходит из единых закономерностей и механизмов экономической эволюции. Безусловно, рамки одной статьи не позволяют рассмотреть все богатство методологического инструментария эволюционного подхода, его эвристический мировоззренческий (философский) потенциал в экономической науке.

Литература

1. Самуэльсон П. Экономика. Т. 1. М., 1992.
2. Луман Н. Эволюция. М., 2005.
3. Макаров В. О применении метода эволюционной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 3.
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2005.
5. Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии. Т. 1. М; Л., 1936.
6. Биология и культура. М., 2004.
7. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
8. Европа: вчера, сегодня, завтра / Институт Европы РАН. М., 2002.
9. Шишков Ю. Эволюция мирового сообщества: поляризация или возрастание гомогенности? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 9.

Г.А. КОТОВА

Полезность бесполезных абстракций

Аннотация. Статья посвящена выявлению ограниченности возможности моделирования экономических событий, определению разумного соотношения абстрактных моделей с экономическими событиями. Делается акцент на важности понимания экономических процессов, которые стоят за моделями.

Ключевые слова: абстрактные модели, потоварная и аккордная субсидия, реклама, затраты, эластичность спроса, Dorfman—Штайнер.

Abstract. The article treats the limitations of economic modeling, It reveals reasonable balance of abstract models and real economic processes. The accent is put on comprehensive approach to economic process that lay behind the economic models.

Keywords: abstract model, per unit lump-sum subsidies, advertisement, cost, elasticity of demand, Dorfman—Steiner.

Использование абстрактных моделей в экономической теории полезно и, даже можно сказать, интересно, так как позволяет наглядно — в случае применения геометрических интерпретаций моделей — или с достаточной большой точностью доказать взаимосвязи экономических событий. Прибегая к моделированию, можно весь запутанный, кажущийся хаосом мир экономических явлений сделать прозрачным, ясным и строго выстроенным в систему. Взять, к примеру, модель, объясняющую четко и наглядно тот факт, почему люди предпочитают получать аккордную субсидию потоварной скидке на определенное благо. На рис. 1, приведенном ниже, показано, что при по товарной субсидии достигается более низкий уровень благосостояния, нежели при аккордной субсидии, хотя сумма денег, затрачиваемая на оба варианта субсидирования, одинаковая⁴.

При этом важно, что бы логика рассуждений была следующей: 1) определяется набор благ, максимизирующий полезность при существующем у потребителя бюджетном ограничении и сложившихся ценах; 2) затем определяется уровень полезности, достигаемый в случае предоставления потребителю субсидии на каждую единицу, допустим, товара X ; 3) и, наконец, отказавшись от потоварной субсидии, увеличиваем доход потребителя на ту же сумму, что была затрачена в случае потоварной субсидии: в последнем случае набор благ, доступ-

⁴ Эта модель, только с противоположной ситуацией — введением потоварного и подоходного налогов, приносящих одинаковую сумму в бюджет, представлена в учебнике «Микроэкономика. Промежуточный уровень» [1, 105—107].

ный ранее при фактически подешевевшем товаре X , также доступен, но модель демонстрирует возможность достижения более высокого уровня полезности.

Как правило, не находится несогласных с выводами этой модели. Каждый предпочитает получить некую сумму денег, которую можно потратить по своему усмотрению. Получая аккордную субсидию, потребитель имеет свободу выбора, а свобода дорогого стоит. И этим можно объяснить то, что тот, кто осуществляет субсидирование (будь то государство или фирма), может при выдаче аккордной субсидии затратить меньшую сумму денег, а потребитель достигнет того же уровня полезности, что и при потовой скидке на благо X (рис. 1). С помощью таких рассуждений и соответствующей модели можно даже объяснить тот реальный факт из жизни, что многие пенсионеры ощутили «снижение благосостояния» (как сказали бы экономисты-теоретики) из-за замены субсидий денежной компенсацией. Видимо, сумма, выделенная на денежную компенсацию, была существенно меньше суммы, используемой ранее на субсидирование, и пенсионеры ощутили то, что называется «оказаться на более низкой кривой безразличия».

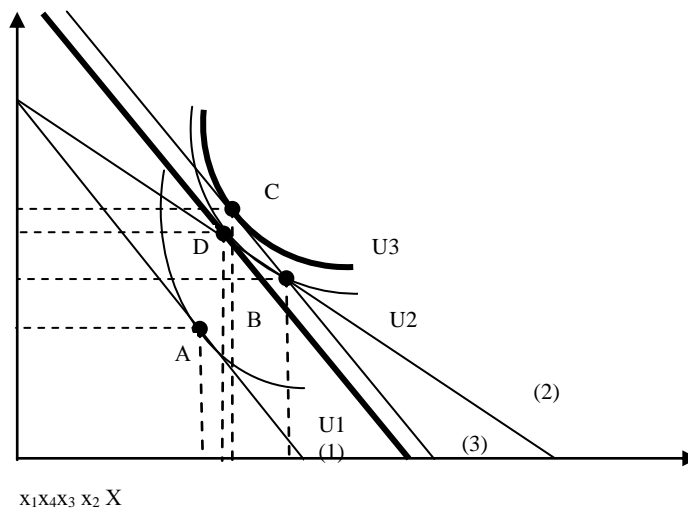

Рис. 1. Сопоставление потовой и аккордной субсидии

Все бы хорошо, но если мы в используемой выше модели изменили бы последовательность рассуждений и сначала предоставили бы потребителю денежную субсидию (аккордную) и затем заменили ее по-

товарной, то получили бы совершенно противоположный вывод. Графический вариант подобных рассуждений представлен на рис. 2.

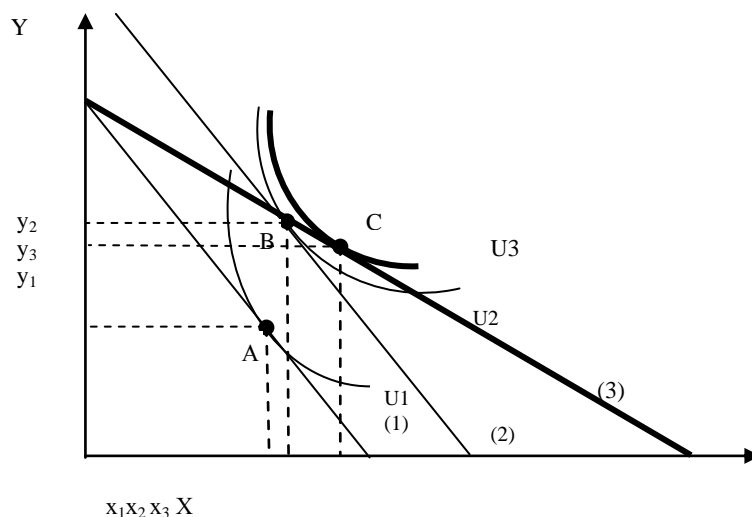

Рис. 2. Сопоставление аккордной и потоварной субсидии

Первоначальный набор $A(x_1, y_1)$ был доступен при бюджетном ограничении до субсидирования (1). Аккордная субсидия, графически означающая параллельный сдвиг бюджетного ограничения (2), сделала доступным набор $B(x_2, y_2)$ на более высокой кривой безразличия U_2 . Потоварная субсидия позволила приобретать набор $C(x_3, y_3)$ в точке касания бюджетной линии (3) и самой высокой из доступных кривых безразличия U_3 .

Из ситуации, приведенной на рис. 2, выяснилось, что более высокий уровень полезности достигается как раз при скидках на каждую единицу одного из товаров, а не при аккордной субсидии. Но подобный вывод не соответствует здравому смыслу и жизненному опыту — сказали бы мы. И это действительно так. Как же определить, какой из вариантов моделей, представленных в экономической теории, соответствует действительности, если нет достаточно богатого жизненного опыта? Как студентам не потеряться в хитросплетениях глубоко формализованных моделей? Мало того, рассуждающие студенты часто задаются вопросом: а зачем нам эти абстрактные модели, с достаточно большим набором допущений, если, как выясняется, на практике не-

возможно вычислить MC (предельные издержки), функция спроса для фирмы в большинстве случаев также точно не известна, а кривые безразличия могут существовать только в нашем воображении?

Зачастую весьма загадочно обстоят дела в случае попытки применения разумной с экономической точки зрения модели к практической ситуации. Так, к примеру, в соответствии с моделью Дорфмана—Штайнера [2] оптимальная доля затрат на рекламную компанию фирмы зависит от соотношения эластичности спроса по рекламе к эластичности спроса по цене:

$$A/TR = \alpha/\varepsilon,$$

где A — расходы фирмы на рекламу, TR — выручка фирмы в условиях проведения рекламы, α — эластичность спроса по рекламе, ε — эластичность спроса по цене.

Представляется весьма логичным объяснение оптимальных затрат на рекламу путем сопоставления с силой реакции покупателей на рекламу и на рост цены. В результате осуществления фирмой рекламных действий происходит разнонаправленное воздействие рекламы на потребительский спрос. Если увеличение объема рекламы увеличивает спрос, то и зависимость здесь прямая. Но одновременно с этим происходит и рост цены реализации, вызванный увеличением общих затрат из-за рекламных затрат, а это снижает величину спроса, следовательно, зависимость обратная. В рамках этой модели предполагается нахождение оптимальных рекламных затрат путем поиска баланса между силой реакции покупателей на рост цены и на рекламу. Но если этот вполне разумный вывод модели попытаться применить в практической ситуации, то выясняется, что в условиях линейно заданных функций спроса и затрат он не работает. Какие параметры ни задать — пусть даже крайне низкие затраты на рекламу и очень высокий рост спроса в результате рекламы — в итоге после рекламной компании прибыль фирмы снижается. И как это не парадоксально, найденный в соответствии с используемой моделью объем выпуска, цена и объем рекламы будут соответствовать условию оптимальной доли рекламы в общей выручке согласно условию Дорфмана—Штайнера. Мало того, если мы нарушим найденный оптимум и будем от него удаляться, увеличивая объем рекламы, выпуск и цену, то прибыль фирмы будет возрастать до бесконечности. Есть чисто математическое объяснение этой загадочной ситуации. Нахождение оптимизирующих объемов рекламы, выпуска и цены получается только при использовании квадратичных зависимостей функций издержек и рекламы [3, 70].

Можно даже обосновать необходимость использования именно квадратичной функции рекламных затрат тем, что в реальности рекламные компании практикуют делать скидки при увеличении объемов

рекламных объявлений. Но на практике не редкость, что фирмы действуют в условиях постоянной отдачи от масштаба, что как раз и предполагает линейный вариант функций средних и предельных издержек. Помимо этого, в каждый ограниченный период времени фирма, использующая рекламу, осуществляет мало изменяющийся объем рекламы, что не приводит к появлению скидок. И, если учесть, что фирма на практике не использует большой разброс значений цен на свою продукцию, то и функция спроса, которая весьма сложна и непредсказуема для определения на большом интервале изменения цен, на небольшом интервале будет представлять линейную зависимость. Как же приложить абстрактную модель определения оптимальных расходов на рекламу к конкретной ситуации? Остается только использовать искусственные ситуации, с придуманными видами функций в целях поиска оптимизации на трехмерной поверхности, типа эллиптического параболоида. Это, конечно, очень интересно, но вряд ли важно для экономиста, который пытается исследовать жизненные реалии. Для исследователя экономической действительности важно обладать соответствующей техникой мышления. Но излишнее углубление в использование абстрактных математических моделей вряд ли что добавит для реальной оценки событий, а только уведет в сторону и создаст иллюзию возможности все просчитать. Экономическая наука в своих исследованиях должна учитывать и исторические особенности, и психологическую составляющую, и социальные моменты, и массу других нюансов, которые невозможно задать функцией. А именно эти составляющие могут привести к получению прямо противоположного результата, заданного ясной, но весьма абстрактной математической моделью.

Восприятие экономической теории, отстоящей довольно далеко от реальных экономических событий, формируется в результате изучения предмета путем освоения элементов техники анализа, не создающих целостную картину экономической жизни. Дальнейшее же углубление во все более усложненные и абстрактные модели без соответствующей демонстрации прикладного характера экономической теории создает у обучающихся представление о двух независимо существующих системах: с одной стороны, красиво и логично выстроенная система экономических моделей с формулами и графиками, с другой — реальная хозяйственная практика, крайне редко вписывающаяся в эти модели. И зачастую те обучающиеся, которые с головой ушли в формализацию экономики, спустя некоторое время с сожалением убеждаются, что их иллюзии о возможности моделирования реальных практических событий не оправдываются. Ценность же экономической теории в том, что она формирует то, что Дж.М. Кейнс назвал «техникой мышления», а

П. Хейне — «экономическим образом мышления». Никаких готовых алгоритмов хозяйственных решений на все случаи жизни экономическая теория дать не может, но может подготовить нынешних студентов к поиску оптимальных решений в тех нестандартных ситуациях, которые будет преподносить практическая деятельность им как специалистам, действующим в самых различных областях экономики.

Для того чтобы наши выпускники ценились как специалисты в области принятия неординарных решений, в процессе преподавания микро- и макроэкономики необходимо сочетать изучение экономических принципов анализа с демонстрацией ее практических возможностей. Особенно важно показывать аналитические возможности моделей на начальном этапе изучения экономики, чтобы не произошел отрыв абстракций от практики. Не так сложно усвоить набор элементов техники анализа, гораздо сложнее увидеть их практическую значимость и научиться ими пользоваться. При изучении начального курса экономической теории представляется целесообразным сделать упор не на разбор как можно большего количества тем и моделей, входящих в курс микро- и макроэкономики, а сосредоточить усилия на понимании тех процессов, которые стоят за этими моделями. В понимании именно экономической составляющей математических и геометрических интерпретаций моделей может помочь использование так называемых кейс-методов. Тем более что в последнее время значительное внимание уделяется усилению значения самостоятельной работы студентов (что и правильно). В рамках тех часов, которые выделяются под самостоятельную работу вполне можно выполнять задания по анализу конкретных ситуаций. При этом наряду со стандартными лекциями, предполагающими преподавание стандартного набора тем экономической теории, решения и разбора задач опять-таки — со стандартными решениями — на семинарских занятиях, ценность разбора кейсов в том, что они не предполагают единого стандартного анализа и единых выводов. Именно здесь у студента есть поле для самостоятельного и творческого поиска решения с опорой на экономические принципы анализа. Работа с заданиями, составленными на основе конкретных экономических ситуаций, с одной стороны, позволит студентам увидеть прикладной характер экономической теории, а с другой — будет способствовать выработке экономической интуиции, рационального мышления и в какой-то степени обогащению жизненного опыта, столь необходимого молодым специалистам.

Использование такого ценного способа усвоения основ экономической теории, как применение кейс-метода, у нас еще широко не практикуется. Это объясняется несколькими причинами. Первая причина — сложность подбора материала для кейсов. Наиболее доступный ис-

точник материалов для подготовки наборов практических ситуаций, предлагаемых к анализу студентам, — известные газеты и журналы, освещающие разные сферы экономической жизни, такие как «Ведомости», «Smart Money», «РБК», «Деньги» и др. В этих источниках можно найти довольно много информации, но не для всех тем, преподаваемых в курсе микро- и макроэкономики. Отдельные вопросы экономической теории в результате остаются без иллюстрации практическими материалами. Очень интересно использование фактических данных о работе конкретных компаний, но этот источник материалов для кейсов наиболее редкий, так как далеко не у всех преподающих экономические дисциплины есть связь с практикующими компаниями. Вторая причина — всегда встречающаяся на начальном этапе любого вида работ — недостаток опыта в составлении заданий с использованием конкретных ситуаций. Несмотря на то, что в ряде высших учебных заведений, используются кейс-методы и опубликованы сборники с набором заданий, четких методик по составлению этих заданий, вариантов структур и разумных их объемов нет. Получается, что у каждого, кто уже использует метод конкретных ситуаций в процессе преподавания своей дисциплины, существует своя уникальная методика составления и применения кейсов. Это, конечно, хорошо, но почему бы не объединить усилия, не поделить опытом и не внедрить широко использование кейс-метода в практику преподавания экономических дисциплин? Третья причина — составление набора кейсов к изучаемым темам (процессы подбора материалов, их обработка, составление заданий) — очень трудоемкое занятие, и конечно, времени всегда не хватает. Использование же кейсов к отдельным темам изучаемой дисциплины приводит к тому, что теряется целостность картины экономической действительности.

Использование при постижении экономической теории метода практических ситуаций, важно не только для выработки научной интуиции и избавления от опасных стереотипов, формируемых абстрактными моделями. Анализ практических ситуаций с использованием знакомых элементов экономической теории полезен тем, что позволяет проработать модели глубже, во всех нюансах, выявить их недоработки, неточности и несовершенства.

В заключение хотелось бы отметить, что, поскольку экономическая теория нуждается в постоянном совершенствовании, именно творческий анализ постоянно преподносимых практикой нестандартных ситуаций позволяет ее дополнить, расширить и избавиться от противоречий.

Литература

1. Вэриана Х. Микроэкономика. Промежуточный уровень, М., 1997.
2. Dorfman R., Steiner P. Optimal Advertising and Optimal Quality // American Economic Review. 1954. No. 44.
3. Вурос А.Д. Экономика отраслевых рынков. М., 2006.

О.В. КОРИШЕВА

Анализ ликвидности при оценке экономической безопасности железнодорожных операторов грузов

Аннотация. Статья посвящена анализу ликвидности как критерия финансового состояния предприятия в рамках оценки экономической безопасности. Изучение экономической безопасности грузовых операторов в ракурсе ликвидности позволяет оценить последствия мирового экономического кризиса на сектор транспортных перевозок и деятельность самих операторов. Проведенный анализ доказывает, что более крупные компании, грузовая база которых более диверсифицирована, устойчивее к нестабильным ситуациям в экономике, чем операторы, специализирующиеся на перевозках одного вида груза.

Ключевые слова: экономическая безопасность организации, транспортные грузовые операторы, ликвидность, экономический кризис, транспортные перевозки, диверсификация, железнодорожный транспорт.

Abstract. The article contains analysis of liquidity as criteria of a financial condition of the enterprise within the framework of an estimation of economic safety. Studying of economic safety of freight forwarders (cargo operators) from an angle of liquidity and solvency allows to estimate consequences of a global economic crisis on sector of transport and railway transportations and activity of operators. The author concludes, that larger companies, which cargo base more diversity, steady to instability situations in economy, than the operators specializing on transportations of one kind of a cargo.

Keywords: economic safety of the organization, transport cargo operators, liquidity, economic crisis, railway transportations, diversity.

В 2009 г. в России из-за последствий кризиса в экономике произошел спад промышленного производства на 10,8% и внутреннего валового продукта — на 8—8,5%. Сокращение грузовой базы прямо отра-

зилось на сокращении объема перевозок железнодорожным транспортом — одного из наиболее чутко реагирующих индикаторов состояния экономики. Изменение объемов перевозок различными видами транспорта было неравномерным. Так, перевозки железнодорожным транспортом сократились на 15%, автомобильным — на 35% [1; 2]. В целом погрузка по сети российских железных дорог по сравнению с показателями 2008 г. уменьшилась на 15% и составила 1108 млрд т. Грузооборот же сократился на 11,8% — до 1865 млрд т.-км.

Падение объемов производства в отдельных отраслях экономики непосредственно определяло снижение объемов перевозок железнодорожных операторов, специализирующихся на том или ином виде груза. Грузоперевозки машин и оборудования сократились на 38,6%, строительных материалов и цемента — на 35%.

Железнодорожные операторы грузовых перевозок ОАО «Первая грузовая компания» (ОАО «ПГК») и ОАО «РейлТрансАвто» (ОАО «РТА») являются лидерами в различных сегментах перевозок. ОАО «РТА» — крупнейший логистический оператор, предоставляющий полный комплекс услуг по доставке автомобилей и автомобильной техники. В 2009 г. ОАО «РТА» в сегменте железнодорожных перевозок автомобилей в среднем составила 60%. ОАО «ПГК» — лидер среди частных компаний операторов и занимает 18,8% всего рынка перевозок железнодорожным транспортом [1]. Грузовой парк вагонов ОАО «ПГК» широко диверсифицирован, а клиенты оператора — представители почти всех сегментов реального сектора российской экономики.

В период кризиса и неустойчивой финансовой ситуации компания — железнодорожный оператор — должна особенно следить за своей экономической безопасностью. В периоды нестабильности необходимо тщательно соблюдать принцип разумной осмотрительности. Кроме того, при оценке должна быть рассмотрена система критериев, из которых первостепенную роль для экономической безопасности предприятия представляют финансовая устойчивость, рентабельность, техническое состояние и движение основных средств, инновационная деятельность и производственный процесс, персонал и внешняя нефинансовая политика.

Важнейший критерий финансового состояния предприятия — это его ликвидность, исследованию которой посвящена данная статья⁵.

В качестве меры ликвидности и инвестиционной привлекательности среди прочих выступает такой показатель, как рабочий капитал, или *чистый оборотный капитал* (ЧОК), представляющий собой пре-

⁵ Литературу по теме см.: [3—6].

вышение текущих активов над текущими обязательствами. Учитывая значимость ликвидности для различных контрагентов предприятия, в ходе анализа необходимо тщательно изучить состав текущих активов и текущих обязательств.

В состав текущих активов включаются: денежные средства; краткосрочные финансовые вложения; краткосрочная дебиторская задолженность (за вычетом резервов по безнадежным долгам); запасы (за исключением запасов, превышающих текущие потребности, обоснованные нормативами).

В состав текущих пассивов включаются: краткосрочные ссуды; кредиторская задолженность; в отдельных случаях — доля долгосрочной задолженности, подлежащая выплате в текущем периоде.

Значения показателей исследуемых предприятий приведены в табл. 1.

Таблица 1

Анализ ЧОК, текущих активов и пассивов, тыс. р.

Показатель	ОАО «ПГК»		ОАО «РейлТрансАвто»	
	На начало 2009 г.	На конец 2009 г.	На начало 2009 г.	На конец 2009 г.
Текущие активы	12389198	20687698	1443946	863957
Текущие пассивы	10816821	9906722	1489570	366734
ЧОК	1572377	10780976	-45624	497223

Чистый оборотный капитал в ОАО «ПГК» увеличился на 85,42%. Данное изменение носит положительный характер и объясняется увеличением производственных запасов на 87,22%, поскольку величину рабочего капитала следует рассматривать в сравнении с другими показателями (например, производственными запасами). ЧОК в ОАО «РТА» также имеет положительную динамику. Не имея рабочего капитала в начале 2009 г., т. е. балансируя на грани кризисного состояния, «РТА» смогло переломить ситуацию, в большей степени за счет сокращения краткосрочной кредиторской задолженности.

Наиболее распространен в качестве оценки показателя ликвидности коэффициент текущей ликвидности — $K_{\text{тл}}$, который определяется как отношение текущих активов к текущим пассивам. $K_{\text{тл}}$ характеризует размер гарантии, которая обеспечивается оборотными активами для погашения текущих обязательств.

Коэффициент общей ликвидности $K_{\text{ол}}$ в целом должен совпадать со значением коэффициента $K_{\text{тл}}$, поскольку рассчитывается как отношение суммы оборотных активов к текущим пассивам.

Результаты расчета вышеприведенных коэффициентов приведены в табл. 2.

Значения рассматриваемых коэффициентов к концу 2009 г. у обоих предприятий улучшились и превысили нормативное значение. Причем более значительное увеличение показателя, а следовательно, и уверенности в оплате обязательств наблюдается у ОАО «РТА», что позволит в случае возникновения потребности в капитале доказать кредиторам свои платежеспособность и общую ликвидность. При этом не стоит забывать, что $K_{\text{тл}}$ характеризует наличие оборотных активов, а не их качество с точки зрения ликвидности, так как в составе запасов могут находиться неликвидные виды объектов или объекты, утратившие свои потребительские свойства.

Таблица 2

Динамика коэффициентов текущей и общей ликвидности по ОАО «ПГК» и ОАО «РТА»

Показатель	ОАО «ПГК»		ОАО «РейлТрансАвто»		Нормативное значение $K_{\text{тл}}$ или $K_{\text{ол}}$
	$K_{\text{тл}}$	$K_{\text{ол}}$	$K_{\text{тл}}$	$K_{\text{ол}}$	
На 01.01.09	1,15	1,34	0,97	1,13	2
На 31.12.09	2,09	2,53	2,36	2,56	2

Еще одним показателем, характеризующим ликвидность, является коэффициент срочной ликвидности (коэффициент покрытия) $K_{\text{сл}}$, определяемый как отношение денежных средств, краткосрочных финансовых вложений и дебиторской задолженности к текущим пассивам. Расчет по исследуемым предприятиям представлен в табл. 3.

Динамика $K_{\text{сл}}$ более стабильна у ОАО «ПГК» и имеет положительное направление в сторону повышения ликвидности активов. Значение $K_{\text{сл}}$ у ОАО «РТА» на конец года превышает более чем в два раза нормативное значение, что позволяет подтвердить кредиторам способность рассчитаться по взятым на себя обязательствам.

Таблица 3

Динамика коэффициента срочной ликвидности по предприятиям ОАО «ПГК» и ОАО «РТА»

Наименование предприятия	На 01.01.09	На 31.12.09	Нормативное значение
ОАО «ПГК»	1,13	1,93	1
ОАО «РейлТрансАвто»	0,90	2,17	1

Для того чтобы оценить готовность оборотных средств в форме денег к немедленному платежу для погашения обязательств, рассчитыва-

ется коэффициент абсолютной ликвидности $K_{ал}$. Данный коэффициент определяется как отношение денежных средств и краткосрочных финансовых вложений к текущим пассивам предприятия. Результат расчета представлен в табл. 4.

Таблица 4

**Динамика коэффициента абсолютной ликвидности
по предприятиям ОАО «ПГК» и ОАО «РТА»**

Наименование предприятия	На 01.01.09	На 31.12.09	Нормативное значение
ОАО «ПГК»	0,02	0,86	0,2—0,25
ОАО «РейлТрансАвто»	0,38	0,38	0,2—0,25

Значение $K_{ал}$ у ОАО «ПГК» на начало 2009 г. было значительно ниже минимального нормативного значения, однако на конец 2009 г. значение данного показателя значительно превысило нормативное, что может являться подтверждением коммерческой активности или использования так называемых заменителей денег, например, открытых кредитных линий. Это находит отражение в балансе по строке 250 «Краткосрочные финансовые вложения».

$K_{ал}$ изучается во взаимосвязи с показателем нормы денежных резервов $H_{др}$, который определяется как отношение денежных средств и краткосрочных финансовых вложений к текущим активам предприятия. Результат расчета данного показателя представлен в табл. 5.

Таблица 5

**Динамика показателя нормы денежных резервов
предприятий ОАО «ПГК» и ОАО «РТА»**

Наименование предприятия	На 01.01.09	На 31.12.09	Нормативное значение
ОАО «ПГК»	0,02	0,41	—
ОАО «РейлТрансАвто»	0,39	0,16	—

Чем выше значение рассматриваемого показателя, тем выше уровень ликвидности денежных резервов. $H_{др}$ увеличилась у ОАО «ПГК» и сократилась у ОАО «РТА». В целом, показатели находятся на приемлемом уровне.

Рассмотренные выше коэффициенты ликвидности позволяют инвесторам, сопоставляя активы с обязательствами, оценить степень риска вложения их капитала в предприятие, а кредиторам — рассмотреть перспективу ликвидации предприятия для возмещения задолженности.

Все коэффициенты ликвидности для комплексного анализа их динамики за анализируемый период (2009) объединены в табл. 6.

Таблица 6

**Анализ динамики коэффициентов ликвидности ЧОК
по ОАО «ПГК» и ОАО «РТА» за 2009 год
и оценка их соответствия нормативным значениям**

Показатель	ОАО «ПГК»			ОАО «РейлТрансАвто»		
	Абсолютное значение, тыс. р. на 01.01.09 и 31.12.09	Темп изменения за 2009, %, +/-	Отклонение от нормы на конец года, %, +/-	Абсолютное значение, тыс. р. на 01.01.09 и 31.12.09	Темп изменения за 2009, %, +/-	Отклонение от нормы на конец года, %, +/-
ЧОК (рабочий капитал)	1572377	585,65	—	-45624	1189,83	—
	10780976			497223		
Производственные запасы — фактическое значение	126366	1078,38	—	48362	-34,74	—
	1489069			31561		
К _{тл} — коэффициент текущей ликвидности	1,15	82,32	-42,73	0,97	143,02	-51,53
	2,09		4,41	2,36		17,79
К _{сл} — коэффициент срочной ликвидности	1,13	71,45	12,71	0,90	140,63	-9,93
	1,93		93,25	2,17		116,74
К _{ал} — коэффициент абсолютной ликвидности	0,02	4453,67	-90,57	0,38	1,56	50,16
	0,86		244	0,38		52,50
Н _{др} — норма денежных резервов	0,02	2397,60	—	0,39	-58,21	—
	0,41		—	0,16		—

По данным табл. 6 можно сделать вывод, что ликвидность в целом за анализируемый период у ОАО «ПГК» по всем параметрам повысилась. Показатели ОАО «РТА» были менее стабильными, и не все показатели изменились в положительном направлении. Предприятие в целом платежеспособно, но, чтобы принять правильное управленческое

решение о целесообразности инвестирования средств в ОАО «РТА», необходимо провести комплексный анализ по всей системе показателей, характеризующих его финансовое состояние и экономическую безопасность в совокупности всех ее параметров.

Проведенный анализ доказывает, что диверсификация актуальна не только при портфельном инвестировании в ценные бумаги, но и при ведении бизнеса. ОАО «РейлТрансАвто» больше подверглось негативному влиянию кризиса и его последствиям, поскольку объем производства машин, на перевозках которых специализируется ОАО «РТА, значительно сократился в нестабильные периоды. ОАО «ПГК», грузовая база в котором диверсифицирована, показало большую устойчивость и стабильность, а также способность даже в кризисных ситуациях в экономике получать прибыль и улучшать финансовые показатели деятельности.

Литература

1. Финансовая (бухгалтерская) отчетность и годовой отчет за 2009 год ОАО «Первая грузовая компания»: сайт. URL: <http://www.pgkweb.ru/>.
2. Финансовая (бухгалтерская) отчетность и годовой отчет за 2009 год ОАО «РейлТрансАвто»: сайт. URL: <http://www.railtransauto.ru/>.
3. *Абрютина М.С., Грачев А.В.* Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. М., 2000.
4. *Вакуленко Т.Г.* Анализ бухгалтерской (финансовой) отчетности для принятия управленческих решений. М.; СПб., 2003.
5. *Графова Г.Ф.* Критерии и показатели оценки финансово-экономического состояния предприятия // Аудитор. 2003. № 12.
6. Управление финансовым состоянием организации (предприятия) / Под ред. Э.И. Крылова, В.М. Власовой, И.В. Ивановой. М., 2007.

Т.И. САФАРОВ

Необходимость повышения корпоративной культуры в деловых организациях

Аннотация. В работе исследуются особенности корпоративной и предпринимательской культуры. Чтобы определить специфику корпоративной культуры компании, необходимо понять структуру взаимоотношений между основными участниками корпоративных отношений: топ-менеджерами, наемными работниками, акционерами и инвесторами.

Ключевые слова: предпринимательство, корпоративная культура, менеджмент.

Abstract. Author considers peculiarities of corporate and business cultures. To define specificity of corporate culture of corporations, it is necessary to understand structure of mutual relations between the basic participants of corporate relations: top-managers, hired workers, shareholders and investors.

Keywords: entrepreneurship, corporate culture, management.

Концепция культуры имеет долгую и запутанную историю. В науке *культура* — это исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Также понятие «культура» применяется для характеристики определенных исторических эпох (например, античная культура), конкретных обществ, народностей и наций (например, культура майя), а также специфических сфер деятельности, или жизни людей (например, культура труда, быта, художественная культура). Культура в широком смысле включает в себя предметные результаты деятельности людей (машины, сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы морали и права и т. д.), а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и этического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей). В более узком смысле — это сфера духовной жизни людей. Такое определение приводится в энциклопедическом словаре и принято в социологии. В конце XX в. этим понятием стали пользоваться менеджеры и исследователи организаций, обозначающие им общий кли-

мат организации и характерные методы работы с людьми, а также провозглашаемые ею ценности и ее кредо. Для того чтобы понять, как культура может влиять на эффективность корпорации, необходимо определить концепцию культуры. Этот вопрос был предметом академических споров в течение длительного периода времени, при этом подходы к определению концепции культуры были самыми разнообразными.

Рассмотрим некоторые из определений. В.В. Томилов дает следующую трактовку: «корпоративная культура — это совокупность мышления, определяющая внутреннюю жизнь организации; это образ мышления, действия и существования. Культура корпорации может рассматриваться как выражение основных ценностей в организационной структуре; системе управления; кадровой политике, оказывая на них свое влияние» [1].

В.А. Спивак определяет корпоративную культуру как систему материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды [2].

В.Д. Козлов считает, что корпоративная культура — это система формальных и неформальных правил и норм деятельности, обычаев и традиций, индивидуальных и групповых интересов, особенностей поведения работников данной организационной структуры, стиля руководства, показателей удовлетворенности работников условиями труда, уровня взаимного сотрудничества, идентификации работников с предприятием и перспективами его развития⁶.

На наш взгляд, наиболее полное определение культуры дал Эдгар Шейн, имя которого тесно связано с зарубежными исследованиями в данной области. *Организационная культура* — это совокупность основных побуждений, сформированных самостоятельно, усвоенных или разработанных определенной группой по мере того, как она учится разрешать проблемы адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, которые оказались достаточно эффективными, чтобы считаться ценными, а потому передаваться новым членам в качестве правильного образа восприятия, мышления и отношения к конкретным проблемам.

В дальнейшем «организационная культура» и «корпоративная культура» будут рассматриваться нами как синонимы.

⁶ Литературу по теме см.: [3—12].

Для того чтобы определить специфику корпоративной культуры корпораций, необходимо понять структуру взаимоотношений между основными участниками корпоративных отношений: топ-менеджерами (директоратом), наемными работниками (менеджерами), акционерами и инвесторами.

Когда действия менеджеров идут вразрез с интересами акционеров, что чаще всего и случается, можно говорить о существовании агентского конфликта. Дело в том, что главной целью менеджеров является не максимизация благосостояния акционеров, а увеличение размеров управляемого бизнеса, что позволяет им увеличить собственную власть, претендовать на более крупные оклады, обеспечить спокойную комфортную жизнь, удерживать собственное положение в рамках данной корпорации и т. д. Если говорить об акционерах, то они в первую очередь стремятся к максимизации дохода на вложенный капитал. Менеджеры же стремятся минимизировать риски, а это мешает оптимизации структуры капитала (так как доля заемных средств при контроле менеджеров очень низка), не растет стоимость акций и т. п.

Существование подобного конфликта говорит о низкой корпоративной культуре, а это в свою очередь отрицательно влияет на инвестиционную привлекательность корпорации, а, следовательно, и тормозит ее развитие, ведет к невозможности достижения ее целей.

В западных странах и, в частности, США, различают несколько типов культуры корпорации.

1. *Феодальная культура корпорации (КК)*. Она основана на подчеркивании разницы между высшим руководством и остальным персоналом предприятия. Участие наемного персонала в собственности предприятия рассматривается как аналог традиционной системы заработной платы. Администрация в данном случае строго контролирует активность работников-собственников, предоставление доли собственности является своеобразным средством платежа. К характерным чертам, присущим «феодалному» типу КК можно отнести следующие:

- размер доли собственности наемного персонала определяется интересами руководства предприятия;
- неразвитость партнерских отношений между персоналом и администрацией;
- отсутствие юридической защиты прав работников-акционеров.

2. *«Инвесторская» культура корпорации*. Суть данной культуры заключается в том, что руководство предприятия стремится ощутимую долю зарплаты персоналу выдавать в виде акций и провозглашает философию «рискового» вознаграждения, т. е. когда размер зарплаты устанавливается в зависимости от экономических результатов деятельности компаний.

Вместе с тем следует отметить, что «инвесторская» культура корпорации рассматривает работника-акционера лишь в статусе держателя акций и, тем самым, ограничивает его инвесторскую активность.

3. *«Культура участия»*. Данная корпоративная культура построена на активном вовлечении наемного персонала в управление персоналом с одновременным участием работников в собственности. При этом имеют место две особенности:

- акционерные права работников отождествляются с их служебными обязанностями;
- участие работников в инвестиционной деятельности компании является логичным и практическим способом признания их акционерных прав.

Основной недостаток данной культуры заключается в том, что в ней игнорируется юридическая защита прав работников-акционеров, хотя реальное участие в управлении способствует росту информированности и ответственности персонала и отвечает его интересам как акционеров.

4. *«Акционерная» корпоративная культура*. Основной особенностью и главным принципом ее считается признание работников-акционеров компании в качестве крупного коллективного собственника, способного и имеющего право существенно влиять на руководство предприятия. Следует при этом отметить, что данный факт, в свою очередь, предполагает возможность иметь своих представителей в Совете директоров и через них принимать участие в решении важнейших вопросов жизнедеятельности акционерных обществ.

5. *«Предпринимательская» культура*. Данный тип КК присущ крайне ограниченному кругу фирм, которые рассматривают культуру как часть общего процесса превращения компании в самую конкурентоспособную в данной отрасли и привлекательную для инвесторов. Для данной культуры характерно то, что в корпорациях, использующих такую культуру, собственность персонала рассматривается как особая инвестиция, которая позволяет сформировать менталитет работника как экономически активного сотрудника и заинтересованного, требовательного акционера. В данной культуре главный упор делается не на то, чтобы работники получили доход как акционеры, а на то, чтобы от них как от акционеров было больше ответственности и готовности пойти на риск.

Какие же принципы и ценности следует использовать для достижения успеха?

В Азербайджане этот вопрос особенно актуален, так как нашим корпорациям еще предстоит создать свои традиции корпоративной этики. Именно в последнее время идет осознание того, что низкий

уровень КК, а как следствие этого и низкое качество корпоративного управления сдерживают приток инвестиций.

Руководство промышленных предприятий у нас традиционно играло заметную роль в управлении, что связано с гипертрофированным использованием принципа единоначалия и сквозной жесткой иерархии, долгое время господствовавших в нашей экономике. В результате реформ директорат получил реальную экономическую власть.

Но хотя в большинстве случаев выгоды из сложившейся ситуации извлекли руководители предприятий, нередко доля собственности внешних акционеров достаточна для того, чтобы добиваться полноценного контроля и управления компанией. Не обладая необходимым количеством акций, директорат вынужден отстаивать свои права контроля над компанией перед аутсайдерами (акционерами) при помощи трудовых коллективов, традиционно ориентирующихся на мнение своего руководства. Именно трудовые коллективы служат важнейшей долгосрочной основой инсайдерского контроля на предприятиях. Но даже будучи широко представленными в акционерном капитале, трудовые коллективы играют наименьшую роль в управлении. В целом директорат почти всегда крайне скептически настроен в отношении участия рабочих в управлении. Основная поведенческая линия менеджмента — соблюдение лишь внешнего ритуала такого участия. А ведь с превращением работников предприятия в акционеров-собственников в нашей стране были связаны большие надежды. Хозяйская мотивация собственника рассматривалась в качестве не только фактора, способного повысить производительность труда, но и эффективного средства привлечения трудящихся к управлению.

Зарубежный опыт, однако, показал, что сам по себе переход акций в собственность работников не является достаточной основой для развития хозяйской мотивации. Для этого необходим еще ряд условий, например, участие в прибылях и управлении. К таким же выводам приводит и опыт Азербайджана. Оказалось, что персонал предприятия в основном не может дать объективную оценку деятельности своих руководителей, а при принятии решений работники руководствуются, скорее, эмоциями, а не расчетом.

Директорат не только стремится выступать от имени трудовых коллективов при решении спорных вопросов, но и оказывает влияние на поведение работников-акционеров, контролирует их возможные действия, которые могут пойти во вред менеджменту. Главным образом это касается несанкционированного движения (продажи) акций. Широко распространена деятельность по объединению акций работников в коллективном трасте (так называемая «добровольно-принудительная» форма сотрудничества с руководством). Для этого внутри открытого акционерного общества создается еще одно — за-

крытое, которое аккумулирует акции, принадлежащие трудовому коллективу, ограничивая право на их изъятия или по-новому распределяя паи. Тем же целям служит и практика покупки акций у рабочих директоратами. Основной мотив подобных действий — предотвращение перепродажи акций третьим лицом.

Важной чертой азербайджанского менеджмента стало его скептическое, настороженное отношение к потенциальным внешним акционерам. Не случайно основным конфликтом последних лет является конфликт между «старыми» менеджерами и потенциальными «захватчиками». Это касается большинства азербайджанских предприятий, хотя и по разным причинам (борьба за финансовые потоки и прибыль, за ведение счетов, за земельный участок и иную недвижимость др.).

Например, модель Г. Харрисона различает четыре типа организаций: организации с корпоративной культурой, ориентирующиеся на роли, на задачи, на человека и на власть. Для анализа он выбрал процесс распределения власти, ценностные ориентации личности, отношения индивида в организации, структуру организации и характер ее деятельности на различных этапах эволюции. Такие модели КК редко встречаются в чистом виде, но большинство организаций ближе всего по своей культуре к какой-либо из них.

1. *Корпоративная культура, ориентированная на роль.* Организации с такой культурой стремятся быть рациональными и аккуратными, насколько это возможно. В центре внимания таких организаций — процедуры и правила, ясно сформулированные функциональные предписания. Им присущи озабоченность свободой действий, соблюдение законов и ответственность. Особо выделяются иерархия и статус. Работники продвигаются по службе с четко определенными карьерными путями. Стабильность и респектабельность нередко также ценятся, как и компетентность. Система не может быстро адаптироваться к изменениям, им недостает гибкости.

2. *Корпоративная культура, ориентированная на задачу.* Здесь выше всего ценится выполнение сверхзадач. В центре внимания — гибкость, быстрота, способность справляться с новыми ситуациями и адаптироваться к ним. Важно отметить, что структурные функции и действия организации оцениваются в зависимости от вклада в сверхзадачу. Власть считается законной, если она основана на соответствующих знаниях и компетенции, а не на силе и положении. Карьера работника зависит от способности справляться со все более сложными изменениями и задачами. Организационная структура меняется, чтобы выполнять задания или функции.

3. *Корпоративная культура, ориентированная на человека.* Организация сама по себе — это средство для выполнения желания ее чле-

нов, которые они могут выполнить сами. Люди в таких организациях никогда не делают то, что противоречит их целям и ценностям. Здесь главное — умение и потенциал отдельных работников. Именно люди определяют успешность таких организаций. Карьера работника зависит от качества его работы и достижений. Человеческие ресурсы — превыше всего.

4. *Корпоративная культура с ориентацией на власть (силу)*. Такие организации пытаются сдерживать окружающую обстановку и подавлять возражение (сопротивление). Они не желают подчиняться каким бы то ни было внешним законам или власти. Центральная тема — рост организации. Руководители прилагают все усилия, чтобы установить абсолютный контроль над подчиненными. Работники борются за стратегические посты, карьера складывается в соответствии с их положением на этой арене власти. Такие организации конкурентоспособны и заботятся о своих сферах влияния.

Модель, в которой в более общем виде представлена связь между культурой и результатами деятельности организации представлена американским социологом Т. Парсоном. Она разработана на основе спецификации определенных функций, которые любая социальная система, в том числе организация, должна выполнять, чтобы выжить и добиться успеха. Первые буквы английских названий этих функций в аббревиатуре дали название модели — AGIL: adaptation (адаптация); goal-seeking (достижение целей); integration (интеграция) и legiacy (легитимность).

Суть модели состоит в том, что для своего выживания и процветания любая организация должна быть способна адаптироваться к постоянно меняющимся условиям внешней среды, добиваться выполнения поставленных ею целей, интегрировать свои части в единое целое, и, наконец, быть признанной людьми и другими организациями.

Таким образом, основополагающая роль экономико-организационной культуры в моделях производственно-хозяйственных систем проявляется и при создании в них соответствующей системы управления, и при формировании корпоративной культуры.

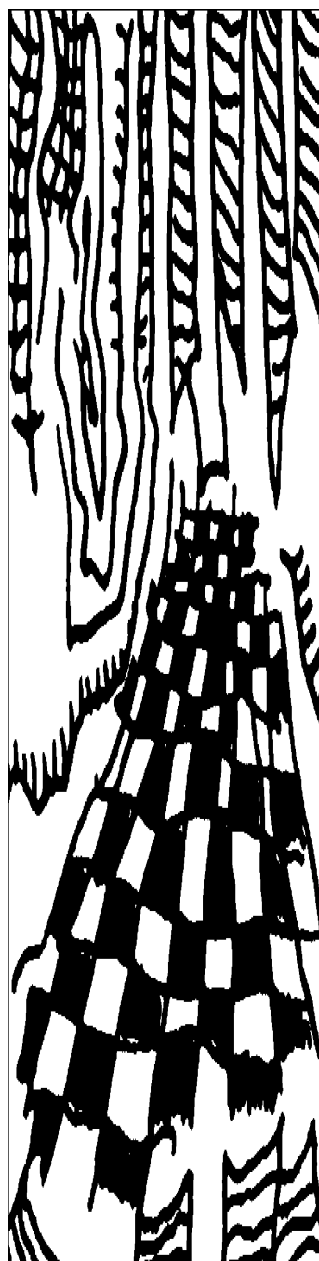
Литература

1. *Томилов В.В.* Культура предпринимательства. СПб., 2004.
2. *Спивак В.А.* Корпоративная культура. СПб., 2001.
3. *Виханский О.С.* Стратегическое управление: Учеб. М., 2005.
4. *Герчикова И.Н.* Менеджмент: Учеб. М., 1997.
5. *Инновационный менеджмент: Учеб. для вузов / Под ред. С.Д. Ильенковой.* М., 1997.

6. *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. СПб., 2001.
7. *Козлов В.В., Козлова А.А.* Корпоративная культура: «костюм» успешного бизнеса // Управление персоналом. 2004. № 11.
8. *Комаров Е.И.* Культура управления: измерение и изменение // Управление персоналом. 1997. № 3.
9. *Коултер Д.* Культурные различия и управление // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 3.
10. *Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М., 1992.
11. *Погорядзе А.А.* Культура производства: сущность и факторы развития. Новосибирск, 1990.
12. *Смирнов Э.А.* Основы теории организации. М., 1998.

IV

ИННОВАЦИИ

А. БЭТТЛЕР

Научно-технологический потенциал России: сравнительный анализ

Аннотация. Больше половины российских ученых (по опросам) полагают, что российская наука находится не ниже мирового уровня. Статистический анализ автора ряда индикаторов, относящихся к научно-технологическому потенциалу стран, не подтверждает подобную оценку. Наоборот, этот анализ свидетельствует об отставании России не только от всех развитых стран мира, но и многих стран так называемого второго и третьего мира. В статье затронуты причины подобной ситуации и возможные способы разрешения научно-технологических проблем России.

Ключевые слова: Россия, США, Китай, Япония, модернизация, инновация, наука, технология, НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), ученый, индекс развития человеческого потенциала, индекс глобальной конкуренции.

Abstract. More than half of Russian scientists (according to polls) believe that Russian science is not below the world level. Statistical analysis of the author of a number of indicators related to scientific and technological potential of countries does not confirm such an assessment. On the contrary, this analysis indicates that Russia's lag behind not only from all developed countries, but many of the so-called Second and Third World. The article touched upon the reasons for this situation and possible ways of solving scientific and technological problems in Russia.

Keywords: Russia, U.S., China, Japan, modernization, innovation, science, technology, R&D, scientist, Human Development Index, Global Competitiveness Index.

В последние два года слова «инновация» и «модернизация» стали чуть ли не определять путь развития России, на который она вступает под руководством молодых и энергичных руководителей страны. Утверждается, что такая стратегическая линия, т. е. упор на науку и новые технологии, должна кардинально изменить структуру российской экономики, вывести ее наконец из сырьевого капкана и превратить в наукоемкую базу мирового масштаба. Прекрасно!

Не все, но многие понимают, что реализация такой стратегии требует мощного научно-технологического потенциала, в оценках кото-

рого, однако, имеются существенные расхождения. Естественно, все познается в сравнении. Из опросов населения и отдельно — ученых, проведенных три года назад Институтом статистических исследований и экономических знаний Государственного университета — Высшей школы экономики, получалось, что 50% населения и 58% ученых (а среди последних 68% — сотрудники РАН) оценили уровень российской науки как «выше» мирового. В среднем же около 60% респондентов признали, что уровень отечественной науки «выше или на уровне мирового» [1]. Если так, тогда можно считать стратегическую задачу выполнимой. Правда, более поздние опросы несколько омрачают этот оптимизм. В частности, в ходе опроса молодых ученых, проведенного в марте 2011 г. на одной из конференций молодежи в Москве, 20% респондентов оценили состояние отечественной науки как «катастрофическое», а 35% — как «неудовлетворительное». И только 32% сочли его «удовлетворительным». Причем, по мнению 39% респондентов, за последние десять лет состояние науки «ухудшилось или значительно ухудшилось», 24% — «не изменилось» и только 32% — «улучшилось»¹.

Из результатов этого опроса следует, что «молодняк» более реалистично оценивает ситуацию в науке, чем маститые ученые, и особенно начальники от науки. Прежде всего те, которые представляют радужную картину «в верха». Видимо, до «верха» так и не дошло известное открытое письмо российских ученых, работающих за рубежом, в котором они называли положение дел в российской фундаментальной науке «катастрофическим».

При этом следует сказать, что оптимизм многих научных работников России не является показным: они действительно верят в высокий уровень российской науки. Поскольку я знаю реальное положение дел в науке, меня это крайне поражало, пока я не провел собственные опросы ученых, в основном среди международников, японоведов и китаеведов. И оказалось, что ни один из них четко не понимает разницу между наукой и не-наукой, между ученым и не-ученым. Для них человек, имеющий ученую степень или звание, — уже ученый. Они не допускают мысли, что даже «академик» может не быть ученым. Это качественная сторона оценки науки, которую мы затронем в конце данной статьи.

I

А пока от слов перейдем к статистике, которую средний русский пытается всегда избежать, предпочитая «низким истинам»

¹ Итоги анкетирования участников всероссийской научной конференции «Россия 2030 глазами молодых ученых», 11 марта 2011 г., Москва [2].

(=статистка) «нас возвышающий обман» (=слова). Количественная сторона научно-технического потенциала современной России представлена в табл. 1.

В ней приведены некоторые важные индикаторы научно-технического потенциала России на фоне ведущих стран мира. Один из них — затраты страны на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). По сумме финансирования НИОКР Россия отстает от всех основных развитых стран плюс КНР, а по доле НИОКР в ВВП (1,0%) — от первой двадцатки стран мира. Причем последний показатель снижается в сравнении с предыдущими годами (например, в 2007 г. доля НИОКР составляла 1,12% ВВП). Следует обратить внимание, что в 1991 г. по затратам на НИОКР РСФСР отставала только от США, Японии, Германии и Франции.

На Западе при затратах на НИОКР большое внимание обращают на «соотношение сил» между правительством и предпринимательским сектором. В России доля госбюджета в НИОКР составляла около 65% от всех затрат (2008). На бизнес приходится только 29%, что отражает слабость «других источников финансирования» [7, 217].

Что касается количества людей, вовлеченных в НИОКР, то в табл. 1 приведено только количество исследователей. По этому показателю позиция России в мире вроде бы не так уж плоха — 4-е место. Но если внимательнее посмотреть на количество вовлеченных в НИОКР, вырисовывается другая картина. Используем для этого российские источники.

В 2008 г. в НИОКР было вовлечено 761 252 человек, включая исследователей, техников, вспомогательный и «прочий персонал». При этом на «исследователей» (375 804 чел.) в 2008 г. падало 49,4% вовлеченных в НИОКР. На «вспомогательный персонал» (194 769 чел.) — 25,9, на «технический» (60 218 чел.) — 7,9, на «прочий персонал» (130 461 чел.) — 17,1% [12, 560]. Эти цифры показывают, что более половины вовлеченных в НИОКР не являются исследователями. В результате, если по общему количеству вовлеченных в НИОКР на 10 000 чел. Россия занимает 10-е место в мире, то по исследователям уже 19-е. Кстати, в 2009 г. количество участников НИОКР сократилось до 742 433 чел., почти на 20 тыс. человек.

Чтобы картина была более ясной, надо зафиксировать и такой момент: более 70% исследователей не имеют ученых степеней. Еще одна проблема — возрастная. За период между 2002 и 2008 гг. стало значительно меньше исследователей в среднем возрасте. Более 40% исследователей перешагнули порог пенсионного возраста [7, 218].

Таблица 1

Научно-технологический потенциал ведущих стран мира

	Ед. изм.	Годы	США	ФРГ	Анг-лия	Япония	КНР	Россия	Ю. Корея
Население	млн	2009	314,7	82,2	61,6	127,2	1345,8	140,9	48,3
ВВП	US млрд дол.		14256,3	3352,7	2183,6	5 068,1	4909,0	1229,2	832,5
Место			1	4	6	2	3	12	
Затраты на НИОКР	По ППС, US млрд дол.	2009	398,2	84,0	40,4	148,8	120,6	33,4	
Доля в ВВП	%	2008	2,8	2,6	1,8	3,4	1,5	1,0	3,4
Кол-во исследователей	тыс.	2007	1426	291	255	710	1 423	469	222
Доля в мире	%		20,0	4,0	3,5	9,8	19,7	6,5	3,1
	тыс.	2009	1413	312	235	657	1 592	422	236
Кол-во опубл. статей	тыс.	2008	272,9	76,4	71,3	74,6	105,0	27,1	32,8
Доля в мире	%		27,7	7,7	7,2	7,6	10,6	2,7	3,3
Место в мире			1	3	5	4	2	14	12
Кол-во патентов*		2006	19883	4947	2 033	13264	259	84	1037
Доля в мире	%		41,8	10,4	4,3	27,9	0,5	0,2	2,2
Пользователи Интернета	На 100 чел.	2008	74	78	78	71	22	32	81
ИРЧП**	Место (из 169 стран)	2010	4	10	26	11	89	65	12
СПЖ*** со дня рождения	Из 224 стран	2008	78,1	79,1	78,9	82,1	73,2	66,0	78,6
Место			47	32	37	3	108	164	41
	Из 223 стран	2011	78,4	80,1	80,1	82,3	74,7	66,3	79,1
Место			50	27	29	5	96	163	41

Примечание: патенты вычислены на основе методики ОЭСР; ИРЧП** — индекс развития человеческого потенциала; СПЖ*** — средняя продолжительность жизни; 2011 — оценка.

Источник: [3—11].

Среди показателей научно-технического потенциала определенное значение имеет количество публикаций. Хотя подсчет этого индикатора страдает многими изъянами и не свидетельствует о качестве этого

потенциала, однако он по крайней мере отражает количественную сторону разбираемого потенциала.

Итак, Россия по данному индикатору в 2008 г. находилась на 14-м месте в мире, скатившись с 7-го места в 1995 г. (В 1980 г. СССР занимал 3-е место в мире.) В результате Россия уступает не только всем ведущим странам Запада, Японии и Китаю, но даже такой небольшой стране, как Южная Корея. Обогнала ее и Индия (36,3 тыс. статей в 2008 г.), а через год-другой обгонит и Бразилия (26,5 тыс.). Обращает на себя внимание и следующая динамика: в 1988 г. в СССР было опубликовано около 38 тыс. статей, в 2008 г. уже в России их количество уменьшилось до 27,1 тыс., в то время как на Бразилию приходилось тогда всего 2,9 тыс., а на Китай — 6,7 тыс. статей. Другими словами, все страны наращивают их количество. Россия же сокращает.

Важнейшим результирующим индикатором, прежде всего технологического потенциала страны, являются патенты, фиксирующие главным образом прикладные открытия для использования в технологиях. По количеству патентов, вычисленному по методике ОЭСР, Россия уступает всем основным странам мира, а ее доля в мире практически незаметна. Эта оценка подтверждается данными о торговле технологиями. Так, в 2008 г. Россия экспортировала технологий на сумму всего лишь 0,8 млрд дол., тогда как, скажем, Венгрия — на 2,5 млрд дол., Финляндия — на 3,8, США — почти на 86 млрд дол. [7, 222].

В определенной степени о качестве науки той или иной страны свидетельствуют международные премии, в первую очередь самая престижная из них — Нобелевская. Из таблицы 2 видно, что «русские» не находятся на передовых позициях по данному показателю. Подавляющее преимущество на стороне англосаксов.

Таблица 2

Количество лауреатов Нобелевской премии в разных странах (1901 — 2010)

Все-го	США	Анг-лия	Герма-ния	Фран-ция	СССР/Росси-я	Япо-ния	Др. стра-ны
569	258	85	68	30	12	12	107

В связи с Нобелевской премией и другими международными научными премиями русские имеют привычку указывать на следующий фактор. Дескать, да, например, «Нобелевка» по физике в 2010 г. была присуждена «англичанам», но они (имеются в виду Андрей Гейм и Константин Новоселов) русские по рождению и обучению. Следовательно, этих ученых надо рассматривать как представителей России. Такая «логика» распространяется на всех западных ученых русского

происхождения типа Питирима Сорокина, Василия Леонтьева, Ильи Пригожина и др.

Это абсолютно неверный подход. У американцев чуть ли не половина ученых из бывших иммигрантов. Но раскрылись они как ученые именно в США. Это означает, что именно в этой конкретной стране ученому дают возможность раскрыться как ученому. Например, среди американских нобелевских лауреатов много японцев и китайцев по происхождению. Но ни Япония, ни Китай не причисляют этих ученых к своим странам. Что совершенно правильно.

В подсчете научной продукции следует принимать во внимание наиболее значимые открытия, которые обычно фиксируются в авторитетных научных журналах и занимающихся наукой СМИ. Приведенная таблица 3 фиксирует самые значимые открытия в мире за первое десятилетие XXI в.

Таблица 3

Десять самых значимых открытий в мире в 2000 — 2010 гг.

По версии журнала «Сайенс» (17 декабря 2010)	По версии американского телеканала «Дискавери» (16 декабря 2009)
1. «Темная материя» генома	1. Скорость таяния ледников
2. Становление космологии как науки	2. Картирование генома человека
3. «Древняя ДНК»	3. Обнаружение воды на Марсе
4. Вода на Марсе	4. Получение стволовых клеток этическим путем
5. «Репрограммирование клеток»	5. Управление протезами с помощью сигналов мозга
6. «Микробиом»	6. Обнаружение планет-«пришельцев»
7. Экзопланеты	7. Новые предки человека
8. Воспалительные процессы в организме	8. Подтверждение существования темной материи
9. Метаматериалы	9. Изучение мягких тканей динозавра
10. Изменения климата Земли	10. Открытие нового космического объекта в Солнечной системе

Хочу обратить внимание, что в этих открытиях главным образом участвовали американцы, западноевропейцы и японцы и ни в одном из указанных открытий не были зафиксированы русские ученые.

А вот как выглядит полный список важнейших изобретений за последние несколько сот лет по версии британцев (Би-би-си, 2009): 1) рентгеновский аппарат; 2) пенициллин; 3) двойная спираль ДНК; 4) космический челнок «Аполлон—10»; 5) Фау—2 (немецкая одноступенчатая баллистическая ракета, явившаяся после войны прототипом для разработки первых баллистических ракет в США, СССР и других

странах, первый в истории объект, совершивший суборбитальный космический полет); 6) первый локомотив «Ракета»; 7) компьютер «Pilot ACE» (один из первых построенных в Великобритании, он позволил четко понять, что компьютер обладает потенциально очень полезными возможностями); 8) паровая машина; 9) «Ford Model T» (автомобиль, выпускавшийся «Ford Motor Company» с 1908 по 1927 г. обычно он рассматривается в качестве первого доступного автомобиля, выпускавшегося миллионами экземпляров); 10) электрический телеграф.

Таблица 4

Индекс глобальной конкуренции (место в мире)

	СШ А	ФР Г	Анг- лия	Фран- ция	Ита- лия	Япо- ния	КН Р	Рос- сия	Ин- дия	Бра- зилия	Ю. Кор- ея
2010—2011 (из 139)	4	5	12	15	48	6	27	63	51	58	22
2009—2010 (из 133)	2	7	13	16	48	8	29	63	49	56	19
2008—2009 (из 134)	1	7	12	16	49	9	30	51	50	64	13
Качество начального образования	34	36	27	24	47	20	35	65	98	127	31
Качество образования системы	26	18	28	29	83	35	53	78	39	103	57
Пользователи Интернета	17	14	9	26	45	21	77	52	118	57	12
Способность к инновациям	6	1	15	8	27	2	21	38	33	29	18
Качество НИИ	4	6	3	19	65	15	39	53	30	42	25
Затраты компаний на НИОКР	6	4	14	13	39	3	22	50	37	29	12
Вклад университетов в НИОКР	1	9	4	44	70	19	25	61	58	34	23
Укомплектованность ученых и инженеров	4	27	29	12	54	2	35	56	15	68	23
Патенты в сфере технологий, на 1 млн чел.	3	9	20	21	25	2	51	49	59	61	5

Источник: [10].

И среди названных открытий русские не были замечены, за исключением доработки «Фау—1» в сфере космоса.

Обобщающим индикатором научно-технологического потенциала является показатель *индекса глобальной конкуренции*, которым пользуются ученые и практики для оценки перспективности той или иной страны. Сам индекс рассчитывается на основе десятков параметров, в том числе и относящихся к науке и технике. В таблице 4 приведены

именно эти параметры, точнее, их оценки со стороны организации, которая составляет этот индекс глобальной конкуренции.

Обращает внимание низкий рейтинг России, которую обогнали даже такие развивающиеся страны, как Индия и Бразилия, а также множество государств из зоны «третьего мира». Причем рейтинг России год от года ухудшается. Внимательно стоит проанализировать каждую строчку табл., чтобы понять, как глубоко вниз ушла Россия в области науки и техники.

На Западе агрегатным показателем общего развития страны является *индекс развития человеческого потенциала* (ИРЧП), формирующийся из многих показателей, имеющих отношение к науке (здоровье) и образованию. В 2010 г. по ИРЧП Россия заняла весьма непочетное 65-е место среди 169 стран. За последние два-три года Россия несколько улучшила этот индекс (в 1999 г. у нее было 55-е место), но хочу напомнить, что СССР в самые плохие его годы (1990) занимал по этому показателю 33-е место. Динамика очевидна.

Однако конечным агрегатным показателем развития страны является средняя продолжительность жизни, которая напрямую связана с развитием науки. Все остальные индикаторы — производные от науки². Из 223 стран и гособразований Россия в 2011 г. заняла по этому показателю 163-е место, улучшив свою позицию по сравнению с 2008 г. на одно место. Другими словами, Россия оказалась в компании наименее развитых стран мира — вывод, психологически не укладывающийся в голову русского человека. Но этот факт!

II

Почему это произошло? От правильного ответа на это вопрос зависят методы и способы лечения страны.

Многие полагают, что одной из причин является утечка мозгов из России. Хотя такой ответ не объясняет причину, однако он действительно является одним из факторов понижения научного потенциала страны. Вот как об этом пишет российская пресса.

Заместитель директора Института США и Канады В.Б. Супян со ссылками на различные источники приводит такие данные: «По оценке председателя профсоюза научных работников России Валентина Калинушкина, за последние 10 лет от 500 до 800 тыс. российских ученых покинули страну для работы за рубежом. Западные оценки гораздо скромнее — максимальная цифра из имеющихся оценок составляет 200 тыс. ученых, выехавших из России. Исследование, проведенное в

² Этот тезис был мной научно обоснован в монографии «Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала)» [13].

Гарвардском университете, предлагает еще более скромные оценки: за период после 1991 г. Россию покинули от 10 до 30 тыс. ученых» [14].

А вот более поздние данные. Их приводит О.А. Ускова — президент Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ). Она пишет: «Только в прошлом году (в 2009 г. — А.Б.) в рамках профессиональной эмиграции в США уехали 56 тыс. человек, в Израиль — около 13 тыс., в Австралию — 12 тыс., в Германию — 9 тыс. и в Канаду — 8 тыс. человек» [14]. Хочу особо отметить, что это только за один год.

Ускова приводит и такую интересную цифру, свидетельствующую о результатах «научного сотрудничества» молодых ученых России с зарубежными странами. Она указывает: «...на сегодняшний день более 90 тыс. молодых российских ученых и специалистов на постоянной основе работают в США, 40 тыс. — в Германии, 20 тыс. — в Великобритании, около 4 тыс. — в Японии и около 25 тыс. — в Китае» [14].

Известно, что большая часть таких ученых находят варианты, чтобы не возвращаться на родину, в результате чего командировка превращается в эмиграцию. По мнению Усковой, если такая практика сохранится, то к 2018 г. «Россия может практически полностью лишиться креативного научного слоя. В этом случае создание собственного инновационного сектора станет просто невозможным, и мы опять окажемся в технологической зависимости от западных стран» [14].

Насчет работы российских ученых за рубежом. У многих в России превратное представление об их вкладе в науку США, которая, дескать, развивается не просто за счет иммигрантов, а главным образом за счет «российских мозгов». Вынужден в этой связи привести данные докт. ф.-м. н. С.В. Егерова, которые хотя и относятся к концу 1990-х гг., но порядок их не изменился и по настоящее время. Со ссылкой на американские источники он указывает: «Итак, распределение профессорско-преподавательского состава университетов США по странам и регионам происхождения — осень 1998 года: США — 87,2%; Канада — 0,8%; Европа — 4,2%; СССР/Россия — 0,3%; Латинская Америка — 1,8%; Африка — 0,8%; Азия — 4,4%; прочие — 0,8%» [15]. Иначе говоря, на Россию приходится наименьший процент. Поэтому все разговоры о том, что «Америка выживает за счет русских мозгов», не имеют основания.

Тем не менее «утечка мозгов» существует, и этот фактор нельзя сбрасывать со счетов.

На Западе, говоря о существенном отставании российской науки от мирового уровня, называют такие факторы, как отсутствие стратегического планирования развития науки, низкие заработные платы науч-

ных работников, отсутствие исследовательских работ в стенах университетов, резкое ухудшение качества преподавания в высших учебных заведениях и, я мог бы добавить, в средних школах. Все это имеет место, и каждый из перечисленных факторов достоин отдельного анализа. Здесь же хотелось бы обратить внимание на последний из них — образование. Крах российского образования подтверждают и уникальные результаты опроса, которые могут сравниться только с аналогичными результатами в странах Карибского бассейна. Опросы проведены ВЦИОМ в конце января 2011 г., с ними можно ознакомиться на сайте Центра от 22 января (пресс-выпуск № 1715).

Итак, оказалось, что более 80% россиян не могут назвать ни одной фамилии ученого-современника. Чаще всего участники опроса называли имена Жореса Алферова, Сергея Капицы, Сергея Королева и Андрея Сахарова. Эти же ученые возглавляли список, составленный по итогам аналогичного опроса в 2007 г. Вместе с тем доля россиян, которые не смогли вспомнить ни одного имени, значительно выросла с 2007 г. — тогда она составляла 67%.

Доля участников опроса, которые сказали, что их интересуют новейшие достижения науки и техники, за четыре года снизилась с 68 до 54%. Одновременно увеличилась доля тех, кто безразлично относится к открытиям в науке и технике (с 2 до 43%).

В феврале 2011 г. были обнародованы результаты опроса ВЦИОМ, в соответствии с которыми почти треть россиян считает, что Солнце вращается вокруг Земли. Каждый десятый опрошенный заявил, что радиоактивное молоко делается безопасным после кипячения. И т. д. в том же духе.

Предполагаю, что окончательное утверждение ЕГЭ и всяческих богословских наук в школе приведет к тому, что в представлениях школьников Солнце и Земля вообще прекратят вращаться, а весь мир окажется скроенным по канонам первой страницы Библии.

III

Прежде чем указать на главную причину кризиса науки и техники в России, следует обратить внимание на следующий фактор: понимание самими учеными того, что является наукой, а что нет³.

³ На эту тему у меня написано немало работ, среди которых есть и статья под названием «Еще раз о науке и учености», опубликованная в моей книге «Разрушители мозга (О российской лженауке)» (Россия, 2011. — 206 с.) в ее электронной версии [16].

Приведем только определение ученого, данное на понятийном уровне.

Ученый — это человек, который открывает законы природы и общества. Его масштабность зависит от того, на каком уровне познания действуют открытые им законы: *всеобщего, особенного или частного.* К первому уровню относятся ученые-гении, которых за всю историю человечества наберется не так много. Их открытия носят всеобщий характер, т. е. охватывают как онтологию, так и гносеологию (эпистемологию). На этом уровне находятся Платон, Сократ, Аристотель, Гегель, Кант, Коперник, Лейбниц, Ньютон, Р. Клаузиус, лорд Кельвин, Л. Больцман (последние трое — авторы второго закона термодинамики), Эйнштейн, Маркс и некоторые другие. Обычно это ученые энциклопедических знаний. Это те ученые, которые ускорили развитие прогресса всего человечества.

Ко второму уровню — *особенное* — относится значительно большая часть ученых, открывавших законы в конкретных науках. Это такие, как Ом, Ампер, Менделеев, Гаусс, Лобачевский, Паскаль, семья Кюри, Шредингер, Гейзенберг и др.

К третьему уровню — *частное* — примыкает еще большее количество ученых, открывающих законы или закономерности по частным проблемам внутри конкретных наук. К таковым относятся, например, лауреаты Нобелевской премии последних десяти лет.

Главный признак подлинного ученого — открытие законов или закономерностей. Обычно это происходит в сфере фундаментальных наук, которые концентрируются на поиске общих закономерностей окружающего мира. Их не надо путать с учеными-прикладниками. Последние занимаются внедрением результатов фундаментальных открытий в практику (в конкретные отрасли науки и производства). Как раз именно эта категория составляет подавляющую часть «ученых в рамках НИОКР». Не уверен, что их можно назвать учеными, скорее, исследователями, хотя их значимость нельзя недооценивать.

Исходя из такого понятийного понимания слова «ученый», такие люди от науки, как академик М. Титаренко, академик Е. Примаков и многие другие академики, в основном общественного профиля, учеными не являются. Это в лучшем случае специалисты в той или иной области, а в худшем — научные работники, подпадающие под термин «вспомогательный персонал» в системе НИОКР.

А теперь возвращаюсь к главной причине упадка науки в современной России. Она заключается в том, что Россия выбрала *неверный стратегический путь развития, связанный с утверждением капитализма.* Любой либерал возразит, указав на то, что в других капстранах

наука развивается, почему же она не может развиваться на российской капиталистической почве? Ответ заключается в том, что в мире существуют три крупнейших державы, в которых капитализм *западного типа* не может развиваться в принципе: Россия, Китай и Индия. Именно этот формационный тип и внедрен в российскую действительность (у КНР и Индии другие, азиатские, варианты). Для этого существует много причин, которые объяснены мной в специальных работах. Здесь могу только напомнить, что даже в период развития капитализма в России с 1880 по 1913 г. наука, несмотря на некоторый ее всплеск, продолжала качественно отставать от западной науки без перспектив ее догнать, о чем свидетельствует сравнительный анализ количества крупных открытий в России и в западных странах, четко подсчитанного американским автором Чарльзом Мёрзеем в его фундаментальном труде (см.: [17]).

На контрасте с капиталистическими периодами развития России социалистический период демонстрирует «Большой взрыв» в развитии науки и техники, в результате чего СССР фактически приблизился к самой мощной в научно-технологическом отношении державе — США за весьма краткий исторический период. Отсюда мой основной вывод: только возврат к социализму в его осовремененной модификации сможет вернуть Россию на уровень мировой научной и технологической державы.

Если же этого не произойдет, то в ответ на оптимистические взгляды многих российских ученых, что, дескать, худшее — позади, вынужден категорически заявить: оно еще впереди.

Литература

1. Независимая газета. 2008. 25 июня.
2. <http://www.rusrand.ru/>.
3. Oecd 2011. Main Science and Technology Indicators. Vol. 2012/2
4. Oecd Factbook 2010.
5. Oecd Science, Technology and Industry Outlook 2010.
6. UNESCO Science Report. 2010.
7. The Current Status of Science around the World. UNESCO. 2010.
8. Human Development Report. 2010.
9. UNDP. N. Y., 2010.
10. The Global Competitiveness Report 2010—2011. World Economic Forum. Geneva, 2010.
11. The World Factbook. CIA, 2011.
12. Российский статистический ежегодник 2010. М., 2010.

13. *Бэттлер А.* Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала). М., 2008.
14. Независимая газета. 2003. 1 июля.
15. Литературная газета. 2003. 28 мая.
16. http://www.olegarin.com/olegarin/Razrusiteli_mozga.html.
17. *Murray Ch.A.* Human Accomplishment: the Pursuit of Excellence in the Art and Sciences, 800 d.c. to 1950. N. Y., 2004.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

**Перестроение вместо модернизации
(о необходимости новой парадигмы
российской реформации)**

Аннотация. Наиболее адекватным ответом на ситуацию перманентного структурного кризиса российской экономики является смена парадигмы. Парадигма модернизации является поверхностной, и ее необходимо заменить парадигмой перестроения. Парадигма перестроения базируется на долгосрочном структурном плане развития ключевых отраслей, формирующих новый технологический уклад, и мобилизации усилий государства и бизнеса.

Ключевые слова: перестроение российской экономики, перманентный структурный кризис, новые приоритеты (рабочие формы) государственной структурной политики, мобилизация хозяйствующих субъектов и ресурсов, финансово-инновационные инициативы государства и бизнеса, системный долгосрочный финансовый и инвестиционный план, узловые технологии, новый технологический уклад.

Abstract. The most appropriate response to a situation of permanent structural crisis of the Russian economy is a paradigm shift. Paradigm of modernization is superficial and it is necessary to replace the paradigm of the Re-architecture. The Re-architecture paradigm is based on long-term rebuilding structural plan of development of key industries, a new technological order, and the mobilization of government and business.

Keywords: re-architecture of Russian economy, permanent structural crisis, new patterns of the state structure policy, mobilization of economic entities and resources, financial-and-innovation Initiative, long-term systemic financial and investment plan, key technologies, new technological mode.

Главный концептуальный вывод конференции заключался в следующем тезисе: ошибочным является лозунг технологической модернизации, поскольку он ориентирует на частичную замену изношенного физически и морально оборудования новым, а не на создание новых технологических укладов, в частности, путем развития научного потенциала и его коммерциализации. Если в России 75% предприятий относятся к 4-му технологическому укладу, то парадигма технологической модернизации будет просто консервировать преобладание 4-го уклада, а не структурный перелом путем создания условий для опережающего развития 5-го и 6-го укладов. В качестве наиболее точных лозунга и парадигмы инновационного развития лабораторией философии хозяйства и Центром общественных наук при МГУ были предложены лозунг и парадигма *перестроения российской экономики*.

Было отмечено, что никакой модернизации без перестроения быть не может. Более того, идея модернизации убийственна для России, поскольку она предполагает не развитие собственной науки, а ее сворачивание, и нацелена на ввоз техники из-за рубежа, а не на промышленное освоение собственных научных разработок. Кроме того, пример отдельных стран, в частности, пример Польши показал, что реализация программы модернизации по зарубежным рекомендациям привела фактически к гибели национальной экономики. Польские предприятия специализируются главным образом на производстве комплектующих для развитых стран, а также на производстве дефицитных сырья и полуфабрикатов сельского хозяйства и других отраслей, изделия из которых потом ввозятся обратно в Польшу, но при другом уровне цен. Национальная валюта также не самостоятельна, а определяется ЦБ ЕС.

Кроме того, идея перестроения учитывает необходимость решения проблемы социума инновационной деятельности (подготовка инженерно-технических и управленческих кадров, воспитание культуры и образа действий инновационного предпринимателя и работника, что предполагает кардинальные изменения в системе образования и переподготовки кадров). Предполагается также принципиальное изменение взаимодействия государства и предпринимательства — с тем, чтобы развернуть российскую экономику в русло инновационного и высокотехнологического развития.

Надо создать ядро перестроения, узловой стратегический план по типу ГОЭЛРО и выйти из ситуации перманентного тягучего кризиса, который во многом обусловлен погруженностью нынешних властных структур в имитационную модель инноваций.

Российское перестроение предполагает прежде всего системную смену приоритетов государственной структурной политики и мобили-

зацию как хозяйствующих субъектов, так и необходимых финансовых и инвестиционных ресурсов усилиями прежде всего государства и российского бизнеса, а не путем очередного зазывания иностранных инвесторов.

Российское перестроение базируется на формировании системного долгосрочного финансового и инвестиционного плана, предусматривающего четкие задания, подкрепленные организацией финансирования, по созданию и развертыванию новых технологических укладов, а также на разработке и реализации модели *финансово-инновационных инициатив*, исходящих от субъектов инновационной деятельности (Федеральное правительство, корпорации, НИИ и университеты, малые инновационные предприятия, регионы, технико-внедренческие зоны, технопарки и др.). Поскольку 6-й уклад базируется на информационно-коммуникационных технологиях, то узловой стратегический план должен, видимо, находиться там. Далее необходимо организовать передачу ИТ-технологий и технологических продуктов для развития сопряженных отраслей экономики и преобразования действующих производств.

Важным представляется также формирование единого законодательства в сфере государственного и частного партнерства на российской почве с использованием российских традиций во взаимодействии власти всех уровней и предпринимательства.

Если обобщить большинство выступлений участников, то нынешнее состояние инновационного развития в России можно охарактеризовать как структурный кризис. Он проявляется в разрезе отдельных институциональных подсистем в следующем.

В *сфере управления национальной инновационной системой* кризис обнаруживается в следующем.

- В наличии разрыва между сферами управления национальной инновационной системой и сферой финансов, который получил обобщенное выражение в разрыве между инновациями и инвестициями. Он проявляется в хроническом недофинансировании науки и исследований, образования, информационных и высоких технологий.

- В отсутствии единого законодательства в сфере частного-государственного партнерства (разделение рисков и прибыли). По этой причине недостаточно эффективно работают и созданные венчурные фонды, которые сосредоточены преимущественно в сферах с быстрым оборотом капитала (торговля, логистика, телекоммуникации).

- Правоприменительная практика находится в разладе с нормативными правовыми актами и не обеспечивает их должного исполне-

ния. Во многом это обусловлено высоким уровнем коррупционности российского чиновничества.

В сфере финансов кризис обнаруживается в следующем.

- В создании механизма постоянного вывоза российского капитала, включая валютные поступления от экспорта, за границу, в страны — эмитенты мировых резервных валют и оффшорные центры и зоны, что фактически парализует инвестиции в развитие.

- В создании механизма постоянного и крайне высокого, даже порой абсурдного, разрыва между рыночным обменным курсом российского рубля и курсом по паритету покупательной способности (который в течение последнего десятилетия находился в диапазоне 200—600% — наиболее высокие показатели среди развивающихся и транзитивных стран). Это создает постоянное инфляционное давление на экономику, способствует удорожанию импорта, включая импорт технологического оборудования, в силу чего инвестиционные проекты, нацеленные на замену изношенного оборудования новым либо на открытие новых технологических линий, могут еще быть рентабельными только в экспортных отраслях. Учитывая преимущественно сырьевую специализацию российского экспортного сектора, технологическую модернизацию могут себе позволить только предприятия добывающих отраслей с крайне низкой долей добавленной стоимости, тогда как в остальных отраслях подобные проекты попросту отсекаются. Подобная ситуация способствует замораживанию сложившейся структуры российской экономики.

- Точечные прорывные проекты типа «Сколково» неэффективны, поскольку они не подкреплены соответствующим госзаказом либо заказом частного сектора, а обслуживают преимущественно иностранные компании. Над технико-внедренческими зонами довлеет внешняя аутсорсинговая ориентация, что резко ограничивает использование их потенциала для нужд технологического переоснащения отечественной промышленности и услуг.

- Организация управления инвестиционным процессом происходит по так называемому принципу «ручного регулирования», что означает возможность реализации в рамках конкретных постановлений правительства лишь отдельно взятых инвестиционных проектов регионального либо отраслевого формата, тогда как для реализации их в массе, автоматически, без вмешательства государственного аппарата, механизмы не созданы.

- До сих пор доступ предприятий к долгосрочным кредитным ресурсам банков крайне ограничен. Так, по данным опросов, 75% российских предприятий используют возможности только текущего фи-

нансирования (на пополнение оборотных средств и т. п.) и только 25% могут воспользоваться средне- и долгосрочным кредитованием.

- Не преодолен монополизм в сфере экономики и финансов. Так, на десять крупнейших российских компаний приходится 55% всех кредитов. Сейчас надо обеспечить массовое финансирование. Надо перестраивать систему оценки. В России пока оценивается не проект, а заемщик. Специалисты по оценке проектов присутствуют пока только в Газпромбанке.

- В последние годы сложилась отрицательная схема организации так называемого «VIP», или элитного, финансирования, предполагающая размещение и поступление финансовых ресурсов через оффшоры, которая обеспечивает инвестиции не внутри страны, а за рубежом, и предусматривает пользование услугами зарубежных банков и финансовых компаний. Было сделано сенсационное сообщение, что такие олигополистические и олигархические структуры, как «Газпром» или «Лукойл», вообще не нуждаются в услугах российских банков. В то же время условия и механизмы для общедоступного кредитования инвестиционных проектов все еще отсутствуют.

- В финансовой системе России сложилась ситуация, когда есть фрагментарный (сегментарный) искусственно создаваемый избыток ликвидности преимущественно в экспортно-ориентированных отраслях (точками накопления избыточной ликвидности являются Сбербанк России, ВТБ (из-за преимущественно депозитной деятельности и недостатка кредитно-инвестиционной), ММВБ — из-за преобладания спекулятивных операций).

Указанные явления создания избыточной ликвидности в отдельных сегментах банковской и финансовой системы при дефиците ликвидности в массе остальных; разделение хозяйствующих субъектов и регионов по доступности к финансовым инвестиционным ресурсам на элитные и остальные, финансируемые по остаточному принципу и испытывающие постоянный недостаток ликвидности; монополизм и необоснованное посредничество были охарактеризованы как *«анклавизация» финансов.*

П.П. ЖУЛИКОВ, А.С. ФУЗЕЕВ

Шанс России возродить индустриальный потенциал

Аннотация. Для возрождения сельских регионов России следует создавать комплексы аграрных предприятий, которые могут объединяться в Ассоциации народных предприятий, для их обслуживания будут формироваться национальные банки на базе средних региональных. В управлении народной ТНК смогут принять участие все желающие акционеры как крупные, так и рядовые, то есть практически все активное население региона влияния корпорации, чего не было в современной практике корпоративного управления в РФ.

Ключевые слова: экономика, корпорация, сельские регионы, акционеры.

Abstract. To revive rural regions of Russia should create systems of agricultural enterprises, which may be assembled within an Association of undertakings, for their service will be formed national banks on the basis of medium-sized regional. In the management of traditional TNCS will be open to participation by all interested shareholders both large and ordinary, that is, almost all of the active population in the region influence the Corporation, which was not the case in modern corporate governance practices in Russia.

Keywords: economics, corporation, rural regions, the shareholders.

В настоящий период времени мировое экономическое развитие сопровождается процессами глобального перераспределения сфер влияния. Это один из самых серьезных процессов перераспределения за всю историю современной христианской цивилизации.

Главными субъектами процессов глобального перераспределения сегодня становятся ТНК, а не государства. Именно ТНК играют ведущую роль в определении будущих путей развития мирового хозяйства, это осуществляется путем реализации глобальных стратегий развития, объединяющих национальные, региональные и мировые рынки. Глобализация мировой экономики оказывает существенное влияние на политические трансформации внешней среды ведущих стран. Это видно на примере тенденции формирования властных структур, когда в лидеры стран выбираются незначительные (малотиражные) фигуры, что само по себе свидетельствует об их управляемости. Происходит мощное воздействие и на технологические и демографические трансформации внешней среды на всех уровнях взаимодействия международных фирм. Под их влиянием изменяются роль и порядок государственного и надгосударственного регулирования, появляются совер-

шенно новые технологии в управлении международными фирмами и глобальной финансовой системой.

Сегодня усиление глобализации уже привело к изменению характера конкуренции, ее ужесточению. Конкуренция имеет место в современной экономике только между ведущими ТНК, которые опосредованно относятся к той или иной стране. Формируется новое содержание конкурентоспособности крупнейших ТНК. Это обусловлено и глобальным характером операций, и широким применением информационных технологий, и гиперагрессивной внешней средой. Конечно, это существенно влияет на развитие межфирменной кооперации, изменение характера и способов государственного регулирования экономик ведущих стран. В последнее время наблюдается устойчивый рост конкурентоспособности небольшой группы ведущих мировых ТНК-лидеров в своих секторах экономики, по показателям прибыли и капитализации они занимают ключевые позиции в мировой экономике. Объем управляемого ими капитала сравним с ВВП ведущих европейских стран. А некоторые корпоративные объединения аккумулируют и более серьезные финансовые потоки (порядка 80 млрд дол.).

Конкурентоспособность современных ТНК обеспечивается путем оптимизации отдельных видов деятельности и управлением всей цепочкой создания стоимости, выходящей далеко за рамки самой ТНК, но жестко ею контролируемой. Диверсификация деятельности ТНК порождает эффект синергии, провоцирует формирование новых центров сил на основе новых экономических агентов. Анализ количественных индикаторов по разным показателям ведущих мировых ТНК позволяет сделать вывод о том, что они эффективно используют комбинацию ресурсных, технологических, инновационных и глобальных конкурентных преимуществ.

Оценивая реальную экономическую ситуацию, следует отметить, что российские ТНК сегодня находятся в стадии зарождения, а их деятельность (развитие, становление) осуществляется в обстановке жесткой и динамичной конкуренции с другими ТНК не только из развитых стран, но и некоторых развивающихся, таких как Китай, Индия, Бразилия, Южная Корея. Причин тому множество. Существенно осложняют процесс становления и развития корпоративного сектора в России отставание в развитии законодательства, коррумпированность всех уровней власти, как исполнительной, так и законодательной, чрезмерная зарегулированность отношений. К негативным факторам следует отнести и тот факт, что ведущие российские корпорации сегодня в большинстве своем — это компании перерабатывающей и добывающей промышленности, практически не использующие современные

конкурентные преимущества, доступные им на международном рынке. В значительной степени это происходит из-за устаревшего оборудования, а также устаревшей неконкурентоспособной системы управления с малоэффективным и искусственно «раздутым» менеджментом, перешедшим к ним по наследству еще из советского прошлого. Отсюда вытекают и неконкурентоспособность всей экономики России, ее инертность, так как именно ТНК в современном мире являются основой (локомотивом) экономического развития и процветания в развитых и развивающихся странах (суммарный ВВП стран, входящих в G20, составляет 55,5 трлн дол., суммарный мировой ВВП — примерно 75 трлн дол.).

Одним из вариантов повышения эффективности и конкурентоспособности российской экономики может стать создание российских промышленных субТНК, конкурентоспособных на внутреннем рынке, с современной системой управления, разработанной путем глубокого научного анализа ведущих мировых и отечественных систем управления. Но необходимо не бездумное копирование какой-то существующей системы, а создание своей системы управления — именно для российских условий ведения бизнеса (см.: [1—2]).

Такая система может основываться на принципе народной корпорации, в состав которой войдут промышленно-строительные, аграрные и образовательные комплексы.

Комплексы этих предприятий могут объединяться в ассоциации народных предприятий, для обслуживания которых будут формироваться национальные банки, на базе средних региональных. В управлении народной ТНК смогут принять участие все желающие акционеры — как крупные, так и рядовые, т. е. практически все активное население региона влияния корпорации, чего не было в современной практике корпоративного управления в РФ. Реализовываться эта система будет путем привлечения микропакетов от рядовых акционеров, которые будут объединяться в микроблоки и далее передаваться в доверительное управление ПИФа ТНК.

Такая модель позволит в течение нескольких лет существенно повысить уровень экономического развития региона, где разворачивает и ведет свою деятельность народная ТНК, что является основной задачей социальной политики современной ТНК.

Конечно, современная ТНК должна иметь более четкую специализацию деятельности, и данная модель будет являться, в некоторой степени, шагом назад в общем векторе мирового экономического развития. Но России сегодня необходимо набрать силу, которую она поте-

ряла в период неэффективных реформ до и особенно после революции 1991 г.

России сегодня необходимо сформировать запас прочности, восстановить индустрию, аграрный сектор, национальное образование, т. е. обеспечить национальную безопасность страны, которая сегодня отсутствует.

В рамках этой программы необходимо основываться на наиболее эффективных моделях управления и развития государством и ТНК. Так же необходимо учитывать тот фактор, что применение той или иной, например европейской, модели для нас неприемлемо. Большинство европейских стран по площади своих территорий сравнимы с нашими областями (не самыми большими), а некоторые и с районами областей. Отсюда и разные инфраструктурные нагрузки, удаленность промышленных объектов друг от друга.

Применение вышеприведенной схемы корпоративного строительства вкупе с корректировкой законодательства в части обеспечения соответствия современным нормам корпоративного развития, основанной на опыте ведущих стран, а также применением в системе государственного управления современных методик, которые позволят производить моделирование экономических и управленческих процессов на региональном и глобальном уровнях в реальном времени с учетом большинства факторов и быстро реагировать на происходящие изменения внешней и внутренней среды, даст шанс России выровнять свой промышленный потенциал. А это позволит снизить уровень коррумпированности, излишнюю зарегулированность существующей системы, накопить необходимый управленческий опыт, отвечающий современным тенденциям, поднять индустрию, восстановить национальную безопасность страны, т. е. обеспечить сохранение территориальной целостности страны и создать основу для перехода к постиндустриальному этапу развития.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства: Учеб. пос. М., 2005.
2. *Жуликов П.П.* Деформация экономического пространства после либерально-демократической революции августа 1991 года // Перестроение России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузеева, Е.С. Зотовой: В 2 т. Т. 2. М.; Волгоград, 2010.

V

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Ю.М. ОСИПОВ

Экономическая глобализация

Аннотация. Экономическая глобализация как феномен современности, отражающий господство стоимости в мировом масштабе.

Ключевые слова: экономика, глобализация, стоимость, мировая экономика.

Abstract. Economic globalization is considered as the phenomenon of modernity, which represents the dominance of cost in a global scale.

Keywords: economy, globalization, cost, world economy.

Экономическая глобализация — характерный для высокоразвитой экономической цивилизации эпохи Постмодерна (последняя четверть XX и начало XXI в. от Р. Х.) процесс полномасштабного освоения всемирного хозяйства и планетарной жизни выделившимся из хозяйственной реальности, обретшим самостоятельность, одолевшим вязкое реальное время-пространство и освоившим ирреальность экономическим, или товарно-денежным, началом, способным к целостному конструированию мировой экономики сверху и из единого центра, к объемному подчинению мировой хозяйственной и жизненной действительности.

Обычно под *экономической глобализацией* (Э. г.) понимают рост взаимозависимости *национальных хозяйств*, их взаимную интеграцию друг в друга, стирание экономических границ или их свободное преодоление деньгами, товарами, капиталами, информацией и населением, складывание *единого всемирного хозяйства*. Иногда к этому добавляют, в качестве невинной необходимости, образование и функционирование *единого мирового экономического центра*, способного к миромасштабному управлению экономическими процессами в интересах-де всего мира. *Всеобщая интеграция* плюс действующий в интересах-де всемирного сообщества *центр* — вот, собственно, и все или же главное, что по широкому убеждению лежит в основе Э. г., ее на практике представляет.

Однако не все так просто. Э. г. есть процесс глубокой качественной трансформации экономики (Э.) вообще, ее перехода от одного образа к другому, обусловленного становлением *глобальной экономики* и *глобализированного хозяйства*, в общем-то мировых, но не строго обяза-

тельно мировых. Глобальной зрелости Э. может достичь в меньших пространственных масштабах, хотя, разумеется, на сверхнациональном уровне, ибо главное в глобализации все-таки не пространственный масштаб, а системная целостность. Глобальная экономика — не всемирная прежде всего Э., а особого рода *надреальная*, или *надхозяйственная*, Э., способная к иной в своих интересах реализации, чем обычная Э.

Главная особенность глобальной экономики состоит в ее способности целостно осуществлять себя как бы вне и до производительной хозяйственной реальности, иметь собственный расклад и подчинять ему собственно производительную хозяйственную реальность. Нет, Э. не покидает совсем хозяйства, она в нем присутствует, но не столько как органичное от нее производное, сколько как входящее в нее начало — сверху и из центра. Такое становится возможным вследствие надреального и надхозяйственного подчинения *стоимости* и ее системного бытия, установления субъективной власти над стоимостью и ее движением, а затем целенаправленного использования феномена стоимостной власти над хозяйственной реальностью в интересах владельцев стоимости. Стоимость и все стоимостное в чистом виде глобализуются, что позволяет глобализовать, т. е. целостно и конструировать, Э. и соответствующим образом определять всю хозяйственную жизнь.

Не интеграция национальных хозяйств друг в друга и образование вследствие этого единого мирового хозяйства в сути процесса глобализации, а выделение особой надстроечной сферы над всемирным хозяйством, способной иметь свой собственный *экономический расчет* и осуществить целостную реализацию Э. — сначала вверху ирреально (виртуально), а затем внизу реально (онтологически). Условно говоря, сначала целостно в уме, затем не менее целостно в действительности.

При глобальной экономике как бы образуется дополнительный экономический сектор в хозяйстве — сектор управления, в рамках которого Э. целостно проигрывается — ирреально, виртуально, а потом выходит в виде управленческих импульсов, направленных на реперные параметры, точки, узлы, потоки и процессы, в хозяйственную реальность, в среде которой и окончательно реализуется. Не Э. теперь производится более хозяйством, являясь его органичной принадлежностью, а хозяйство производится более экономикой, испытывая от нее управленческое воздействие.

Те же деньги сегодня — не продукт хозяйственной жизни, а *фикция*, в эту хозяйственную жизнь входящая, ее подчиняющая и ею управляющая. Владение деньгами, их эмиссией и потоками, вложе-

ниями и инвестициями, тратами, наконец — владение всей Э. и всем хозяйством. Деньги сегодня — абсолютно фиктивный кредит, а вот хозяин таких денег — совершенно реальный хозяин жизни. Не деньги сейчас от чего-то, а все вокруг нынче — от денег.

Вот и *экономический глобализм* — как действие, как политика, как процедура, а раз глобализм, то и *глобализация* — как уже ход вещей, процесс, осуществление. Э. г. — освоение экономикой хозяйства, но такое освоение, при котором Э. оказывается над хозяйством и в начале хозяйства, когда Э., целостно внутри себя и для себя разворачиваясь, ведет за собой хозяйство. Сначала воспроизводство Э. ради Э., а затем уже воспроизводство хозяйства... но ради той же Э. Это есть глобализация Э. и глобализация хозяйства, обретение Э. и хозяйством глобального характера, что как раз и отражается на уровне исполняемого процесса в понятии *экономической глобализации*.

Ю.М. ОСИПОВ

Солидарность

Аннотация. Рассматривается феномен солидарности, характерный для жизнедеятельности человеческого общества, хозяйства, цивилизации.

Ключевые слова: социум, экономика, цивилизация, человек, солидарность, конкуренция, философия хозяйства.

Abstract. Article considers the phenomenon of solidarity, which is characteristic for the life of human society, household, civilization.

Keywords: socium, economy, civilization, human, solidarity, competitiveness, philosophy of economy.

Солидарность — хозяйственное, социальное, политическое, вообще всякое жизненное единение людей, сообществ, сознаний, их действий, в основе добровольного, но в чем-то и в какой-то мере вынужденного, иной раз и принудительного, характера, дающее возможность совместного решения общих задач и достижения общих целей.

Жизнь в том или ином плане есть борьба — с природой, со средой, со временем и пространством, с людьми и сообществами людей, с идеями и идеологиями, с решениями и действиями, это борьба между *сознаниями* и внутри сознаний, борьба с характерами и наклонностями, с недомоганиями, болезнями и смертью, борьба за место и про-

странство бытия, за средства существования, за историю, за первенство, за доминирование, за иерархию, за обучение, за ничегонеделание, за труд, за... за... с... с... против... против, короче — все жизнеотправление человека и общества есть борьба, обусловлено борьбой, проходит в борьбе. А сама по себе борьба есть не что иное, как реализация возможности жизни наперекор любой возможности, препятствующей исполнению возможности жизни, а поскольку жизнь человека субъективирована, то речь так или иначе всегда идет о реализации возможности *субъекта*, его собственного жизнеотправления. А так как отдельный субъект — будь-то и индивид или какое-либо сообщество людей — не располагает полной возможностью собственного частного бытия, то борьба за жизнь с необходимостью предполагает то или иное единение субъектов с целью ведения такой борьбы с внешним для этих субъектов контекстом при исключении борьбы между самими объединившимися субъектами. Отсюда и феномен *солидарности* (С.) — единения субъектов в борьбе, среди борьбы, ради борьбы, а если и против борьбы, то лишь как отмены борьбы в одном месте ради борьбы в другом. Жизнь — это борьба, но борьба, предполагающая непременно и С., которая не столько противоположность борьбы, как, к примеру, те же *мир*, согласие, сотрудничество, сколько противоположной по сути момент борьбы: вне борьбы нет и С.! С. — феномен активный, энергичный, даже силовой, это не столько состояние жизни, ее течение, сколько жизненная позиция, ищущая и находящая действенную реализацию.

Вне борьбы нет жизни, но ее нет и без С.! С. — неперемное условие жизни, возможно, не у всех жизненных форм, не у всех организмов (паразитизм, к примеру, — вовсе не С.!), но в человеческом общежитии С. играет фундаментальную роль: семейная С., коллективная, общинная, дружеская, половая, территориальная, трудовая, государственная, национальная, политическая, как и любая иная. Несмотря на всю моральную привлекательность и большое функциональное значение в жизнедеятельности человеческого общества, С. трудна для реализации, в особенности в цивилизованных обществах, базирующихся на индивидуализме и частных социальных образованиях: С. требует самоограничений, обязательств, компромиссов, честности, благородства, в общем всего того, что всего труднее бывает человеку — индивидуалисту и лукавцу, — исполнить. Вот почему С. граничит с вынужденностью и не чурается совсем принуждения.

Всякое общество, всякое социальное образование, всякая человеческая общность в той или иной степени «солидарственны». Наиболее эффективны и исторически живучи те солидарные конструкции, кото-

рые избегают крайностей: как «солидарного тоталитаризма», так и псевдолиберального анархизма. С. — не просто единение элементов, но единение, образующее системный, функциональный, воспроизводственный организм. Разумеется, С. внутри отдельных частей социального организма может противодействовать общеорганизменной С., как, собственно, и наоборот. Задача любой текущей С. всегда состоит в поиске своего оптимального образа, включая соотношение между частными С. и общей С.

Хозяйство (Х.) — феномен, как и сама жизнь, «солидарственный». Без С. никакое Х. невозможно, как невозможно оно, нельзя этого забывать, и без борьбы. Нужно заметить, что и сама по себе С. — феномен непосредственно хозяйственный. Любая реализация С. — дело хозяйственное. Так что вести Х. — солидаризироваться, а солидаризироваться — вести Х.!

Цивилизационная С. требует высокого солидарного сознания, позволяющего, с одной стороны, строить, поддерживать и развивать эффективную цивилизацию, а с другой — предоставлять человеку и частным организациям возможность полноценной реализации. С. — не одно желание, но и умение. Цивилизация, как и характерное для нее Х., базируется на таком умении, которое вырабатывается в ходе исторического жизнеотправления, имеет традиции, поддерживается культурой и воспроизводится в процессе бытового народного и специализированного образования.

В повседневной жизни С. реализуется как бы сама по себе, она особенно не чувствуется и почти не замечается. Однако при серьезном ослаблении С., не говоря о ее потере, отношение к ней резко меняется: проблема С. не только выходит на передовой план, но и за С. может начаться настоящая... борьба. С. — не одно чье-то благоволие, а жесткая необходимость, — и нет ничего удивительного в том, что С. нередко устанавливается принудительно, с применением силы.

Достижение С. — момент и итог целенаправленного хозяйственного действия. Хозяйствовать — устанавливать и поддерживать С.

С. обычно восходит к тому или иному компромиссу, а компромисс — важнейшее условие и средство поддержания любого человеческого жизнеустройства. Компромисс лежит в основе, к примеру, отношений между капиталом (предприниматель) и трудом (наемными работниками); он вполне возможен между конкурентами; любая товарообменная акция имеет компромиссный характер; деньги, бытующие в обществе — следствие общественного компромисса, конечно же, во многом стихийно-подвижного. Где компромисс, там и С., а потому та же *экономика* (Э.) вовсе не одна конкуренция, а и С. Иное дело, что в Э. своя

С., особого рода С., но это все-таки именно С., о чем не стоит никогда забывать: без С. никакой Э., как собственно, и без конкуренции, без борьбы, быть не может.

Глобализм, выступая за глобальную, но при этом и глобалистическую, т. е. ему потребную, С., является противником любой мешающей ему локальной С., в особенности национальной. Однако у современного человечества нет иной эффективной, целостной и спасительной С., кроме национальной. Планета Земля, конечно, общий дом для человечества, но вот возможен ли общий планетарный дом для самого по себе человечества. Пока история доказала, что возможны лишь дома национальные, причем необязательно многоэтнические, а и полиэтнические. Вообще, *нация* — не этнос, а суперэтнос, она в любом, даже многоэтническом варианте выше просто этноса. Нация — цивилизационное явление, хотя нация может и не быть отдельной цивилизацией. Нация — дом, большой дом, разнообразный и специфический, а глобальный мир... это, скорее, уже не дом, а какой-то расселенческий конгломерат, лишенный признаков собственно дома. Отсюда общепланетарная С. — это С. прежде всего межнациональная, а не глобальная (последнее вообще вряд ли возможна: вынужденное движение в форваторе глобального центра — не С. как таковая, а в лучшем случае ее подобие).

Современная постсоветская и пореформенная Россия далека от полноценной внутринациональной С. Спровоцированная реформой борьба за куски национального богатства, за возможность частного предпринимательства, как и откровенное ограбление населения посредством реформы денег и социального обеспечения, вызвали диссипацию социума, его расслоение, рост недоверия к государству и всем социальным институтам, а отсюда и самый настоящий упадок того, что можно было бы назвать национальной С. Правда, эти же процессы вызвали в качестве защитной реакции усиление разного рода локальных солидарностей, не связанных с общей национальной С., что обеспечивало локальное выживание людей и сообществ, некоторое их развитие. В 2000-е гг. произошло ослабление диссипативных тенденций, наметился и возврат к национальной С., но проблема национальной С. остается для России и ее Х. все еще острой.

Ю.М. ОСИПОВ

Мера

Аннотация. Рассматривается категория меры как отражающая окружающую реальность и адекватное о ней представление.

Ключевые слова: мера, философия, философия хозяйства.

Abstract. Author considers the category of measure as the one reflecting the surrounding reality and an adequate view on it.

Keywords: measure, philosophy, philosophy of economy.

Мера — достаточность, степень достаточности и показатель достаточности чего-либо, имеющие качественную и количественную определенности, позволяющие чему-либо быть, а также судить о чем-либо по критерию достаточности, соответственно и недостаточности; способ определения достаточности-недостаточности; эталон достаточности; величина чего-либо, его значение, относительная значимость, сравнительная характеристика.

Обычно о *мере* (М.) говорят, когда определяется количество чего-либо — как об определяемом количестве, так и определяющем количестве. «Много» и «мало», «достаточно» и «недостаточно», «хватает» и «не хватает» — уже выражения и проявления М., хоть и не слишком точные. Имеют место и более точные, с использованием меровых эталонов, выражения и проявления М. — вплоть до сверхточных. В такого рода *мерах*, которые повсюду, ничего особенного нет, если не считать проблем с точностью измерений и правильностью расчетов, их иной раз условностью, вероятностью, той или иной погрешностью. Все это так или иначе *меровая физика*. А в *физике* одна забота: допустимость эталона да адекватность и точность самого мерового действия. Человек живет так или иначе в мире физических М.: пространственных, временных, тяготения, весовых, массных, силовых, энергетических, информационных, как и вообще любых качественных. И человеческое *хозяйство* (Х.) полно разных физических мер, в особенности, где *наука* и *техника*, где материальный процесс, где, фигурально выражаясь, царствует *физис* и физика, где есть потребность в физическом счете. Все цифры — М., — хоть сами по себе цифры, хоть отражаемые в них физические конкретности. Подавляющее большинство мер имеет цифровое, следовательно, и математическое выражение, мало того, сама *математика* — наука о М. и наука мер, в то же время — и М. науки. Число — великое мировое нечто, при этом и ничто, ибо само по себе совершенно абстрактно. Х. — постоянное практическое мерование, мерывыведение и мероиспользование. Меровой процесс и про-

цесс мер. Без М. и связанных с ней действий Х. нет и быть не может. Пусть неосознанные и спутанные, неточные и приблизительные, даже «наобумные» и «авосьные», но меры. В особенности любит М. экономика (Э.). *Деньги*, будучи главной экономической М., все и вся мерят в Э., представляя все и вся денежными величинами. Э. — непрерывный денежно-физический счет, неусыпный денежно-меровый процесс. *Цена*, а цену получает опять же все и вся в Э. — М., меровая однеженная величина, обмеренная и обмеривающая. Никого не удивить в рамках экономического Х. ни деньгами, ни ценой: деньги и цены всюду, а экономические субъекты охотно их держат в голове, все и вся ими и мера. И сами эти субъекты получают экономическую М., однеживаясь и оцениваясь.

Сложнее обстоят дела с М. в ее не физическом, а *метафизическом* понимании. Здесь М. — прежде всего единство качества и количества, дающее возможность чему-либо быть. Все бытие вокруг — М. В таком понимании М. само меровое измерение отходит на задний план. М. здесь может быть и не измеренной. Если есть человек, то есть и М., присущая человеку. Даже простой камень имеет свою М., дающую ему возможность быть. Ничего в мире нет без такой, в общем-то, сущностной М. И если учесть, что в мире заложено совсем немало качества и количества, как, к примеру, в том же человеке, то М. тут оказывается явно *полилектическим феноменом*, о котором в целом и сказать-то ничего мерового нельзя — человек, к примеру, и все тут, вот и вся М.! Выходит, что знак — М., слово — М, понятие — М. То же самое «Я», что это, если не М. — самого себя осознающего человека. А Х. это разве не М., а Э., а *цивилизация*? Не надо специально измерять в данном случае ни Х., ни Э., ни цивилизацию, но меры, они и есть меры, однако какие?, — именно метафизические, достаточно замешанные на *трансцендентности*, которая тоже ведь М. — тайного, неизвестного, ничто. А разве слово-понятие, называемое *пустотой* — не М.? Как раз вполне М., если, конечно, все именно метафизически понимать.

Многое в Х. и в Э. подлежит эталонированию, меровой стандартизации. Но Х. и Э. — социальные миры-процессы, в рамках которых возможны не только отключения от эталонов-стандартов, но и заведомые от них исключения. При всем единстве многого в Х. и в Э., немало в них остается и различного. Есть общее, а есть особенное. М. — вовсе не одно лишь единое и общее, эталонное и стандартное, это еще и отдельное, специфическое. И сам эталон тут может не служить М., ибо он имеет отношение лишь к тому, что эталонируется. Есть вещи, которые вообще вне эталонирования, они как бы сами себе эталон, сами себе М., как, например, культурные и цивилизационные особен-

ности стран, народов и регионов. М. обязана, с одной стороны, подтягивать под себя, а с другой — уважать другую М. Поиск М. — далеко не только физическое и логическое действие, это еще и действие метафизическое и *металогическое*, когда важен не один только расчет, но важна и интуиция, мало того, когда имеет значение и стихия, которую принято называть сейчас более всего самоорганизацией. Бывает, что М. явно есть, она стоически стоит, а бывает, что ее как бы и нет, она лишь возникает, да и то не слишком напористо. М. — и нечто текущее, неопределенное, невпрямое.

Такое-то Х. хорошее, а такое-то — плохое. Что есть в этом утверждении, кроме оценки как таковой? Нетрудно догадаться, что тут есть и М., в данном случае взаимосвязанная, как бы состоящая из двух взаимообусловленных М. Любая оценка — М., как М. меры. В жизни человека, социума, Х. и Э. таких оценок-М. великое множество — что эталонных, что произвольных. Произвол — тоже механизм М. Далеко не все, что подлежит оценке, правильно оценивается, наоборот, субъективность бывает велика, а произвольность значительна. М. для человека и социума — не указ. Вот почему обычаи, правила, нормы, законы, диктат, насилие, наказания, суды, тюрьмы — все это механизм борьбы за М., за ее поддержание и удержание. Велика в человеке и социуме, в особенности, в России, тяга к несоблюдению М., к собственному мерообразованию, вообще к безмерию. Безмерие — не одно лишь отсутствие М., это еще и противодействие мере, стремление к иной М., переход к другой М. От М. к М. через безмерность! Революция — поиск новой М., причем чуть ли не во всем. Диктатура — установление М., часто и ее разрушение. Тоталитаризм — всеобщность М., ее надо всем господство. Борьба за М. и борьба против М., борьба мер, но и *мир мер*, их взаимообусловленная целостность.

Есть социумы, цивилизации, хозяйства и экономики, базирующиеся на меровой стабильности, а есть, предпочитающие меровую подвижность М., правда, при наличии кое-какого мерового каркаса. Восток, к примеру — всегда тяготел и тяготеет до сих пор к меровой стабильности, Запад — к изменчивости, разумеется, в том и другом случаях относительных. Умение поддерживать М. и умение изменять М. — совсем не простое умение. От такого умения зависит качество Х. и жизни в целом, их устойчивость и приспособляемость, возможность совершенствования и развития, неизбежность упадка и застоя. Любое хозяйствование — оперирование с М., — и лучше, если само это оперирование пронизано М. Любовь к М. — великая любовь, питаемая и великой мудростью, но... приходится мириться, если уж не любить, с переходами от М. к М., и с самим безмерьем тоже, ибо признание все-

го этого тоже есть великая мудрость. Эффективное сочетание мер, но и эффективный переход от одного сочетания к другому — таков мерный идеал любого хозяйствования. Потребно соблюдать М. в мерах и в меросозидании, но потребно соблюдать и М. в безмерии — ни больше ни меньше! И если все это удастся, то удастся и практическая реализация *философии хозяйства*.

VI

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ф.И. ГИРЕНОК

Алгоритмическая эстетика*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимоотношении современного искусства и классического, а также анализируется переход от классического искусства к цифровому. Автор приходит к выводу, что компьютер — это кисть для современного художника.

Ключевые слова: эстетика, искусство, творчество, сознание, человек.

Abstract. Algorithmic estheticism article the question on mutual relation of the modern art and classical is considered, and also transition from classical art to the digital is analyzed. The author comes to a conclusion that the computer is a brush for the modern artist.

Keywords: an esthetics, art, creativity, consciousness, the person.

В самом словосочетании «алгоритмическая эстетика» есть что-то вызывающее, какое-то несоответствие слов. Эстетика является тем способом, которым философия понимает искусство, а искусство — это творчество, полный произвол, нарушение всякого порядка. И вот этот хаос и произвол авторы книги «Алгоритмическая эстетика» попытались понять при помощи закона, порядка, вычисления. Что же из всего этого получилось?

В итоге авторы отделили классическое искусство от современного, а современное искусство — от актуального. Какие же для этого есть основания? Самое главное основание — это изобретение компьютера, которое не только изменило общество, превратив его в информационное, но и искусство, превратив его в современное. В чем состоят эти изменения?

В том, что, например, все мы слушаем хоралы Баха, не отказываем себе и в удовольствии иногда послушать ноктюрны Шопена, но с изобретением компьютера оказалось, что ноктюрны и хоралы можно не только слушать, но и создавать. Понятно, что среди нас нет Баха, равно как и Шопена, но это неважно. Нужно быть программистом, чтобы, проанализировав стиль, манеру гениальных композиторов, выделить необходимые в их творчестве элементы и создать на их основе компьютерную программу, посредством которой мы могли бы производить

* Рецензия на книгу: Мигунов А.С., Ерохин С.В. Алгоритмическая эстетика. — СПб.: Алетейя, 2010. — 280 с.

ноктюрны и хоралы. Примерно этим делом занимался профессор Д. Коуп, который создал около 5 тысяч хоралов Баха и тысячу ноктюрнов Шопена. Баха и Шопена нет, а Коуп есть, и он при помощи компьютера создает новые хоралы Баха и ноктюрны Шопена. Проблема состоит в том, что его аналоги не отличаются от оригиналов. Но значит ли это, что Коуп — это Бах? Или мы имеем дело все-таки с подделкой, а Коуп — просто шулер?

Английский художник Гарольд Кохен создал робота под именем ААРОН. Этому робота он научил рисовать картины. Кохен спал, ААРОН работал. Кохен заставил ААРОНа использовать визуальные примитивы для сочинения изображений. Робот складывал их, как в детском калейдоскопе. Маркферланд придумал робота, который умел, словно Поллок, разбрызгивать краску. Дриппинг этого робота получил известность. В Корнельском университете создали робота с самосознанием, т. е. робота, способного самоидентифицировать свое устройство, и назвали его «Морской звездой». Юничи Такено из Японии научил своего робота узнавать себя в зеркале и радоваться своей способности отличать себя от других роботов. Создаются в большом количестве искусственные нейронные сети, моделирующие работу мозга, хотя достигнуть успеха на этом пути пока не удалось, так как оказалось, что мозг может передавать информацию и помимо нервных путей, кроме того, эти пути передают сигналы как в одном направлении, так и в обратном и напоминают работу монад Лейбница.

Другой пример. Как нам называть Э. Булгака, писателя и программиста, разработавшего компьютерную программу под названием «Генератор постмодернизма»? Он кто? Деррида? Делез? Подбирая подходящую лексику, грамматику и синтаксис, Булгак получал электронные тексты, ничем не отличимые от текстов Деррида, Делеза и Бурдые. Правда, специалисты, читающие такие тексты, после некоторого колебания начинали понимать, что их дурачат. Иными словами, тексты Булгака есть, но вот есть ли в них следы сознания? Это еще вопрос. На мой взгляд, Булгак воспроизводил не тексты сознания, а язык, на котором говорили французские постмодернисты.

Авторы книги, если я правильно их понял, называют его творцом искусственного сознания. На их взгляд, искусственное сознание означает для художника двойной отказ: от принципа техне, т. е. отказ от работы с материалом, краской, холстом и т. д., и отказ от участия человека в создании произведения. Реализуется этот отказ при помощи компьютера. При этом авторы отмечают, что компьютер никогда не достигнет полной независимости от человека. Но если это так, то тогда никакого искусственного сознания нет и быть не может, ибо слово «искусственное» как раз и означает полную независимость от челове-

ка. Так же, как и априоризм означает полную независимость человека от отражения реальности, от мимесиса и от техне.

«Искусственное» означает, что речь идет не о сознании, которое всегда связано с эмоциями и воображением, а о том, что с ними не связано. Эта несвязанность реализуется в идее интертекстуальности, в том числе в комбинационном творчестве компьютера. Что такое интертекст? Это текст, в котором видны следы других текстов, но ни одно сознание не является производным от комбинации других сознаний. Сознание, не связанное с эмоциями и воображением, это не сознание, а в лучшем случае язык. Булгак играет не с сознанием Деррида, а с языком Деррида. Авторы книги приводят наглядный пример такой игры.

Физик А. Сокал провел эксперимент: в 1996 г. он опубликовал бессмысленную статью в научном журнале. Статья называлась «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации». Текст был составлен компьютерной программой. Этот эксперимент ясно показал, что на место смысла в современной культуре встал знак, на место сознания — язык. В итоге, не только наука, но даже искусство стало языковым событием. С появлением компьютера это событие стало носить виртуальный характер. Виртуальное — это возможное, которое не надеется стать наличным, локализованным в пространстве. Так в искусстве появляется проблема границы телесного.

Долгое время считалось, что кисть или карандаш являются продолжением руки художника, органом его тела. В свое время от Репина, страдающего атрофией мышц правой руки, прятали кисти, перья и карандаши, и он тайком рисовал окурком папиросы, окуная его в чернила. Рембрандт, работая тушью, иногда рисовал пальцем. Почему же нам нельзя считать, что и компьютер является продолжением нашего тела? Это предположение не опровергается тем, что изображение, основанное на выразительных свойствах линии, штриха и пятна, легко имитируются компьютерными моделями. Авторы книги отмечают, что сегодня созданы уже алгоритмы, лежащие в основе имитации пастельной техники, а также техники письма акварелью, тушью, чернилами и красками. Имитации выставляются в галереях. Их покупают и продают. Ими наслаждаются. Но все это означает только одно: в современном искусстве художнику нужно стать прежде всего программистом, а все остальное — дело алгоритмов компьютерной имитации художественной техники, которые зависят от внутренних образов художника, от экзистенциальных испытаний мира. То есть компьютер — это наш «окуроч» в той мере, в какой составление самой компьютерной программы зависит от наших образов и испытаний мира. И одновременно компьютер является калиткой, которая ведет в мир виртуальной реальности.

Художник, создавая программу, отделяет смысл от формы. Если программа создана, то художник может отдыхать, его программа будет работать. Создаваемые изображения могут быть выполнены в любом стиле или направлении. Компьютерные модели легко имитируют как реалистическую живопись, так и авангардную, как пуантилизм, так и абстракционизм. Иногда создаются программы, имитирующие персональный стиль художника, например Моне или Сера. И эти новые композиции воздействуют на зрителя так же, как и подлинные произведения импрессионистов. Как будто не произошло отделения формы от содержания, а смысла — от замысла. Возникает вопрос: признавать ли компьютерное искусство искусством или нет? На мой взгляд, компьютерное искусство было бы возможным, если бы компьютер проявил свою полную автономность, независимость от человека. Он бы обладал свойствами самораздражения, самоаффектации, самовозбудимости и реализацией этой возбудимости в изображении. Тогда бы я сказал, что у компьютера есть сознание, и это сознание допускает принцип априорности. По той же причине нельзя согласиться с принципом сделанности в искусстве, сформулированным Филоновым в живописи и Маяковским в поэзии.

Конечно, авангардизм и концептуализм радикально меняют искусство, но еще более радикально его меняют хеппенинг, перформанс, инсталляция, через которые в культуру входит некультурное, вульгарное, банальное. В этом случае мы теряем идею художественной реальности, ибо перестает говорить художник, и начинают говорить сами вещи.

Возьмем картину Ван Гога «Крестьянские башмаки». Что мы обычно делаем с износившейся обувью? Мы ее выбрасываем на свалку как хлам, как ненужную вещь, как то, что отслужило свой срок. Так же, видимо, поступили и с теми крестьянскими башмаками, которые изобразил Ван Гог. Но вот они изображены. Хайдеггер говорит, что картина Ван Гога раскрывает то, что поистине есть башмаки. Поверим Хайдеггеру. Отсюда следует, что башмак как башмак есть нераскрытое бытие. А нераскрытость бытия вещей означает, что у них нет собственного голоса, плана выражения. Они не могут сами говорить о том, что они есть поистине. О том, что они есть поистине, говорят их репрезентации. У Хайдеггера художник раскрывает истину башмаков. Но художник, на мой взгляд, в данном случае раскрывает то, что уже раскрыто крестьянином на деле, фактически. Если бы башмаки скрывали свою истину от крестьянина, то он бы их просто не носил. Картина Ван Гога говорит о вещи, за которой осталась жизнь. Башмаки изношены, и их путь теперь на свалку.

Хайдеггер дал голос репрезентации, картине. Поп-арт или концептуальное искусство дают голос самим вещам. В первом случае истина

вещи раскрывается художником, во втором — вещь предоставлена самой себе, и в этой предоставленности она раскрывает свою сущность, которая в данном случае не зависит уже от крестьянина. На мой взгляд, сущность вещи раскрывается не самой вещью и не самим по себе художником, а тем способом, которым она используется человеком. Художник раскрывает то, что уже раскрыто в данном случае крестьянином. Суть дела не в башмаке, а в крестьянине. Картина Ван Гога раскрывает не то, что поистине есть башмак, а то, что поистине есть крестьянин. Башмак — это лишь то, что указывает на него. Концептуальное искусство, выставляя башмак как башмак, отрывает его от смысла, который дает ему крестьянин. Чтобы дать голос самой вещи, Дюшан решил выставить свой первый писсуар в качестве произведения искусства. После него к искусству стало относиться то, что именовано как предмет искусства. Тем самым в искусстве появляется вульгарное, т. е. сами вещи, так как они есть. Вместе с башмаками и писсуаром в пространство искусств попадают изображения, сделанные животными — обезьянами, слонами, свиньями и улитками. Пространство искусства расширяется настолько, что в него попадают и картины, сделанные ветром.

Замечу, что восприятие вещи и восприятие репрезентации вещи радикально различаются. Однако вот этого фундаментального различия почему-то эстетика и не заметила, хотя сегодня, по сути дела, речь идет о пересмотре понятия эстетики. Что такое эстетика?

Согласно Канту, суждения вкуса не зависят ни от истины, ни от добра, ни от пользы. А это значит, что они носят априорный характер. Если сознание лишит априорной структуры, то человек потеряет способность эстетического суждения. Без него искусство становится бессмысленным. Об этом совсем недавно рассуждал и Бахтин, который говорил, что нехудожественное чтение некультурного человека состоит в проживании жизни героя романа, в сочувствии ему, в сопереживании. Художественное чтение культурного человека предполагает взгляд извне, со стороны. Это взгляд, который может безучастно оценить совершенство сделанной работы автора.

По мнению авторов книги «Алгоритмическая эстетика», современная художественная практика, реализуемая в перформансах и хеппенингах, т. е. так называемое актуальное искусство, складывается вопреки взглядам Канта и Бахтина на искусство. Она исходит из того, что эстетические переживания могут быть только у того, кто непосредственно участвует в представлении. Вовлечь зрителя в действие, заинтересовать его, как раз и является задачей современного искусства. На мой взгляд, на эту ситуацию можно взглянуть и иначе. Например, почему у животного, вовлеченного в ситуацию, развивается не эстетический взгляд на нее, а инстинктивный штамп поведения. Человек, вовлечен-

ный в акцию, теряет возможность быть наедине с собой и, следовательно, теряет способность думать и эстетически созерцать.

В заключение хочу заметить, что книга А.С. Мигунова и С.В. Ерохина «Алгоритмическая эстетика» ставит ряд новых философских проблем, ответы на которые мы, видимо, найдем в ближайшем будущем.

Ю.М. ОСИПОВ

Социально-хозяйственная модернизация как момент реконструкции*

Аннотация. Социально-экономическая модернизация как момент реконструкции российского общества и экономики.

Ключевые слова: модернизация, экономика, социум, философия хозяйства, Россия.

Abstract. Socio-economic modernization as the moment of reconstruction of Russian society and economy.

Keywords: modernization, economy, socium, philosophy of economy, Russia.

Всем сегодня в России ясно, что страна должна измениться в конструктивном направлении, стать страной трудо-творческого созидания, а не паразитарного проедания природных ресурсов и беспечного расходования и разбазаривания человеческого потенциала. При нынешнем хозяйственном устройстве и моральном состоянии, возникших по итогам недавнего реформирования, Россия не способна ни к поддержанию созидательного тонуса, ни к всестороннему развитию, ни к утверждению себя как научно-инновационной державы. Отсюда выходит, что Россия нуждается в *глубокой и масштабной социально-хозяйственной реконструкции*, способной обеспечить преодоление затянувшегося структурно-системного *пореформенного кризиса*, обеспечить защиту страны от внешних негативных влияний и обрести в итоге новый социально-хозяйственный облик — *уже постреформенный*.

Отсюда потребность в мобилизационном сосредоточении интеллектуальных, финансовых и материальных ресурсов и их эффективном применении через посредство соответствующего такой грандиозной

* К выходу в свет: Экономическая теория в XXI веке — 8(15): Экономика модернизации: монография / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. — М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2011. — 496 с.

задаче обновленного национально-хозяйственного центра и перестроенного управленческого аппарата в направлении созидания *новой России* — как раз постреформенной, в среде не просто морально устаревшей, а вообще никуда негодной, исторически бесперспективной и социально крайне опасной пореформенной России.

Нависшая над страной, но не исполняемая потребность в серьезной социо-хозяйственной реконструкции выявила факт особого рода кризисной ситуации — ситуации *тревожной неопределенности*, сравнимой с ситуацией рубежа 1980—1990-х гг., причем ситуация эта возникла не без содействия высших правящих кругов, решивших никак не ворошить впавшую в своеобразную потребительско-обывательскую кому страну, а всего лишь ее... *модернизировать*, разумеется, по внешним образцам и при активном, чуть ли не руководящем, внешнем участии.

Отсюда ряд жгучих вопросов: что вообще значит в данном случае модернизация? означает ли это всего лишь подновление и некоторое оцивилизовывание сложившейся и действующей в стране системы? существует ли системный проект модернизации? ставит ли модернизация задачу преодоления глобального системного кризиса и обретения страной действительной и эффективной, а не виртуальной и эфемерной, как сейчас, национальной субъектности? каковы движущие силы и где реальный штаб модернизации, предусматривается ли какая-либо мобилизация ресурсов и сил для реализации модернизационного проекта? является ли модернизация воистину национальной и суверенной, или это всего лишь зависимое от глобализма подновление субординационной страны? Таких вопросов множество, их можно продолжать и продолжать.

Из-за возникшей концептуальной и проективной неопределенности, чреватой не только временным пиар-хаосом, но и реальной судьбоносной угрозой для России, способной либо окончательно превратиться в параколониальную провинцию глобализма, правда, им — глобализмом — осовремененную, либо вообще перестать существовать как целостное геополитическое образование. Эксплуатация и обескровливание России идет полным ходом, и резервы страны не только для ее выживания, но даже и для такого с ней эксплуатационного обращения не бесконечны, а потому вовсе не за горами и возможность какой-то глобальной в России или с Россией коллизии, не сводимой вовсе к очередной социо-хозяйственной смуте, но и чреватой самораспадом страны, либо при ее резком ослаблении, насильственным расчленением.

К какому еще другому заключению можно придти, наблюдая происходящее в стране втягивающейся, кажется, и в серьезный *внутриполитический кризис*? Разве лишь к заключению о *раз-*утверждении Рос-

сии, трагикомично повторяющем уже нами виденное *раз*-утверждение СССР.

Что ж, возможно, что все здесь сказанное лишь патогенное преувеличение, что в России дела идут, и идут куда надо, что иного пути для России, собственно, и нет. Хотелось бы с этим согласиться, но текущая реальность почему-то этого не позволяет.

Россия сегодня — не устойчивая и развивающаяся в большом геопространстве система цивилизованного человеческого бытия, а нахально задержавшаяся и неуклонно нарастающая в этом пространстве *системная катастрофа*, принявшая уже не только институциональный, но и прямо-таки субстанциональный характер.

Катастрофа как институт и как субстанция!

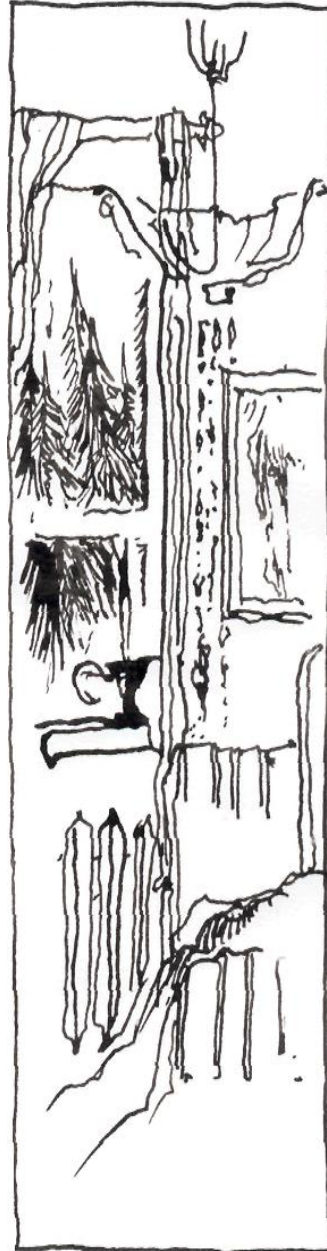
Главная для России проблема сегодня — проблема идейно-нравственная, а не какая-либо другая. Социально-хозяйственная реконструкция предполагает мощную позитивную идейно-нравственную работу, а что предполагает провозглашенная модернизация — разве лишь модернизацию тупика, в котором находится сегодня Россия, или охватившей Россию безумной инфернальности?

Да, самоутверждение России в позитивном идейно-нравственном ключе — более сегодня утопия, чем реальность, но сама-то реальность российская ныне такова, что любое самоутверждение России в существующем негативном образе, что то же самое в состоянии субстанциональной катастрофы, есть не что иное, как самое обыкновенное преступление перед человеком, нацией, Россией, а потому нам, нынешним горе-утопистам, ничего не остается как решительно высказаться все-таки за российское самоопределение России, за ее самоизлечение и самовыздоровление и как раз посредством не чего-нибудь, а *российского перестроения!*

Не пойдем этого сегодня, пойдем, возможно, завтра, а вот послезавтра понимать уже будет, по всей вероятности, поздно!

Жгучая проблема самоутверждения России на путях социально-хозяйственной реконструкции с использованием рычага модернизации стала предметом оживленной дискуссии на Международной междисциплинарной научной конференции «Самоутверждение России: социум, экономика, политика», прошедшей 8—10 декабря 2010 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по инициативе Центра общественных наук при МГУ с участием Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания. По итогам конференции создана нижеследующая коллективная монография, увидевшая свет по воле Ростовского отделения Академии философии хозяйства (А.Ю. Архипов — вице-президент, И.Р. Бугаян — академик-секретарь) и при участии Южного федерального университета.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

20 — 22 апреля в рамках IV Международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: институциональная среда» прошли заседания секции лаборатории философии хозяйства «Модернизация как созидание новой России», включившие в себя пленарное заседание (руководитель — д.э.н., профессор Ю.М. Осипов) и заседания двух подсекций — «Модернизация — центральный феномен российской современности» (ведущие д.э.н., профессор В.Т. Рязанов, к.э.н., профессор В.В. Кашицын, к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова) и «Финансово-хозяйственные инновационные инициативы в современной России» (ведущие — д.э.н., профессор И.Р. Бугаян, д.э.н., профессор Л.Н. Дробышевская, к.э.н., с.н.с. С.Ю. Синельников).

В работе секции приняли участие 36 человек, представляющие вузы и организации Российской Федерации (Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Краснодара, Ярославля, Иванова, Тюмени, Владимира и др.), а также гости из стран ближнего зарубежья (Белоруссия, Казахстан, Украина).

На секции выступили доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), В.А. Гордеев (Ярославль), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), С.Г. Ковалев (СПб.), В.И. Корняков (Ярославль), В.А. Кутырёв (Н. Новгород), Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), С.С. Мишуров (Иваново), К.В. Молчанов, И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (Тула), В.Т. Рязанов (СПб.), Н.И. Усик (СПб.), А.С. Филипенко (Киев, Украина), И.Ю. Фомичев (Тюмень), К.А. Хубиев, Н.А. Шапиро (СПб.); кандидаты наук Ю.Н. Акимова (Ярославль), А.В. Андреева (Ростов н/Д), К.С. Бакулев, М.Н. Глазунов, О.В. Доброчеев, Г.В. Фадейчева (Владимир), Г.Ю. Дубянская, Е.В. Косов, Г.В. Косолапов, С.Ю. Синельников, Р.Н. Солдатова (Ярославль), Т.Н. Шушунова; научный сотрудник А.А. Антропов; аспирант А.Н. Гвозденко (Волгоград), соискатель Ю.Н. Сенчина, инспектор А.А. Сурков; бухгалтер Е.Н. Братищева.

* * *

18 апреля 2011 г. в г. Туле состоялась научно-практическая конференция «Теория и практика современной торговли», организованная Тульским филиалом Российского государственного торгово-экономического университета. В конференции принял участие директор ЦОН профессор Ю.М. Осипов, выступивший с докладом «Модернизация как надежда России».

* * *

12—14 мая 2011 г. в г. Киеве (Украина) в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко (декан — член-корреспондент НАН В.Д. Базилевич) и в Киевской духовной академии и семинарии (ректор — архиепископ Бориспольский Антоний) состоялась организованная совместно с Центром общественных наук при МГУ международная научная конференция в честь 140-летия со дня рождения Сергея Булгакова «Наследие Сергея Булгакова в современном социогуманитарном дискурсе». На пленарном заседании с докладом «С.Н. Булгаков и современная философия хозяйства» выступил директор ЦОН профессор Ю.М. Осипов. В конференции приняли участие действительные члены Академии философии хозяйства доктора наук В.Д. Базилевич (Киев, Украина), В.Г. Бодров (Киев, Украина), В.В. Ильин (Киев, Украина), В.В. Чекмарев (Кострома), Н.А. Шапиро (СПб.); кандидаты наук В.А. Ушанков (СПб.), И.В. Назаров (Киев, Украина), Н.Г. Филиппенко (Киев, Украина), Е.С. Зотова.

* * *

По решению Ученого совета Университета банковского дела Национального банка Украины (г. Киев) за выдающиеся заслуги в развитии философии хозяйства и за видный вклад в развитие международного сотрудничества директору ЦОН профессору Ю.М. Осипову присвоено звание почетного профессора УБД НБУ (ректор — д.э.н., профессор Т.С. Смвженко). Вручение диплома с почетной мантией состоялось 17 мая 2011 г. в г. Черкассы на заседании Ученого совета УБД НБУ, на котором Ю.М. Осипов выступил с кратким научным сообщением. В тот же день был подписан договор о взаимном сотрудничестве между ЦОН и УБД НБУ.

* * *

14 июня в г. Ирпень (Украина) в Национальном университете государственной налоговой службы Украины состоялся научный доклад директора ЦОН профессора Ю.М. Осипова по теме «Философско-хозяйственная трактовка экономики», а также прошли переговоры с руководством университета о возможном сотрудничестве с ЦОН.

* * *

В мае 2011 г. диплом Почетного члена (академика) Академии философии хозяйства вручен Т.С. Смовженко, д.э.н., профессору, ректору Института банковского дела Национального банка Украины.

* * *

18—20 мая 2011 г. в г. Львове на базе Львовского института банковского дела (директор — Н.А. Вознюк) совместно с Центром общественных наук при МГУ состоялись IV Международные философско-экономические чтения «Философия финансовой цивилизации: человек в мире денег», посвященные 20-летию независимости Украины, 20-летию Национального банка Украины, 5-летию Университета банковского дела Национального банка Украины, на которых с пленарным докладом «Знания об экономике под присмотром естествознания и опекой философии» выступил директор ЦОН Ю.М. Осипов. В чтениях приняли участие действительные члены Академии философии хозяйства доктора наук В.В. Ильин (Киев, Украина), З.Э. Скрынник (Львов, Украина), В.Г. Бодров (Киев, Украина), Н.Г. Диденко (Донецк, Украина), С.В. Синяков (Киев, Украина); кандидаты наук В.В. Липов (Харьков, Украина), В.М. Сологубов (Екатеринбург), Е.С. Зотова.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Философско-хозяйственное осмысление
современной и исторической
реальности,***

*посвященная 140-летию со дня рождения С.Н. Булгакова
(1871–1944)*

Философия хозяйства как развивающееся специфическое знание новейшего времени. Значение прорыва С.Н. Булгакова в сферу философии хозяйства, его личный вклад в философию хозяйства. Ренессанс философии хозяйства. Концептуальная и методологическая специфика философии хозяйства, ее принципиальная метафизичность. Современная школа философии хозяйства. Социо-хозяйственная реальность через призму философии хозяйства. Хозяйственная историософия: исторические эпохи, этапы, циклы. Хозяйственная телеология. Современность в философско-хозяйственной трактовке. Социум, экономика, политика, идеология. Проблема человека, сознания, ноосферы. Хозяйственная эсхатология. Хозяйственная футурология. Перспективы философии хозяйства в России и в мире.

Секция 1. Философия хозяйства как течение мысли. Вклад С.Н. Булгакова.

Секция 2. Философско-хозяйственная картина мира.

Секция 3. Хозяйственная (экономическая) практика в поле зрения философии хозяйства.

16—17 июня 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Ломоносовские чтения — 2011

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

*Историческая поступь великоросса —
М.В. Ломоносов*

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Великий русский мыслитель: «вся Россия» и «весь в Россию». Ученый-энциклопедист. Целостность и органичность Универсальность. Философ, исследователь, просветитель, созидатель. Естественник и гуманитарий. Физик, химик, географ. Теоретик и экспериментатор. Лингвист, историк, социолог, экономист, философ хозяйства. Проектант. Осмыслитель России и ее будущего. Модернизатор. Ломоносов и российская мысль, им вдохновленная (Карамзин, Пушкин, Л. Толстой, Федоров, Менделеев, С. Булгаков, Циолковский, Вернадский). Ломоносов сегодня и сегодня с Ломоносовым. Подвиг великоросса: память и слава!

15 ноября 2011 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Интеллект-революция:
свершения и ожидания***

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Интеллект как хозяйственный и хозяйствующий фактор. Интеллект как производительная сила. Интеллектуальная сфера хозяйства. Общественный интеллект, его обустройство. Производительная сила интеллекта. Интеллект и техника, техника и интеллект. Интеллектуализированная техника и технизированный интеллект. Технобщество. Интеллект и этика, интеллект и свобода. Метафизика интеллекта. Современная интеллект-революция. Свершения и ожидания. Интеллект, сознание, человек. Современный интеллектуал. Интеллект, ноосфера, общество. Интеллектообщество. Контуры интеллект-будущего.

7 — 9 декабря 2011 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

РУМЯНЦЕВ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*churila@yandex.ru*).

СКРЫННИК ЗОЯ ЭДУАРДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой общественных дисциплин, Львовский институт банковского дела Университета банковского дела Национального банка Украины (*kgd@lbi.wubn.net*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, факультет философии и культурологии, Южный федеральный университет (г. Ростов н/Д) (*vkorolev@sfedu.ru*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (*marina.eloyan@mail.ru*).

РЫШКУС ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ,

аспирант, Российский государственный торгово-экономический университет (*ryshkus.v.v@mail.ru*).

ЖУЛИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.т.н, доцент; экономический факультет, Московский государственный университет приборостроения и информатики (*peter-julikov@yandex.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@volsu.ru*).

ГУСЕЙНОВ РИФАТ МИР-АХМЕД ОГЛЫ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заслуженный экономист РФ, кафедра общей экономической теории, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (*guseinra@hotmail.com*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы, Шуйский государственный университет (ШГПУ); научный руководитель, Центр кризисологических исследований при ШГПУ (*ocean_65@mail.ru*).

КУРБАТОВ ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ,

писатель (г. Псков) (*wk2909@mail.ru*).

ЧУРИНОВ НИКОЛАЙ МЕФОДЬЕВИЧ,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и социальных наук, Сибирский государственный аэрокосмический университет им. ак. М.Ф. Решетнева (г. Красноярск) (*churinov@sibsau.ru*).

ТОЛКАЧЕВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра государственного регулирования национальной экономики, Государственный университет управления (*dtr.paulo@mail.ru*).

РОСТОВЦЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, д.социол.н., профессор, Тульский филиал Российского государственного торгово-экономического университета (*rostovtsevali@rambler.ru*).

ВАХТИНА МАРГАРИТА АНАТОЛЬЕВНА,

к.э.н., доцент, проректор, Поволжский государственный университет сервиса (г. Тольятти) (*vahtina@tolgas.ru*).

ПОКИДЧЕНКО ИРИНА МИХАЙЛОВНА,
соискатель, кафедра эстетики, философский факультет МГУ
(*ipokidchenko@yandex.ru*).

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой
теоретической и институциональной экономики, Белорусский государ-
ственный университет (г. Минск) (*liamp@bsu.by*; *lemeshchenko@
bcse.by*; *caftiec@bsu.by*).

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,
действительный член АФХ, АГН, д.э.н., д.ф.н., к.т.н., профессор, за-
служенный деятель науки РФ, проректор по внешним связям, Кресть-
янский государственный университет им. Кирилла и Мефодия (г.
Санкт-Петербург) (*subal1937@yandex.ru*).

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, заведующий кафедрой экономической теории, Костромской
государственный университет им. Н. А. Некрасова (*tcheckmar@
ksu.edu.ru*).

МАРТИШИН ЕВГЕНИЙ МИТРОФАНОВИЧ,
действительный член АФХ, к.э.н., доцент, кафедра мировой экономи-
ки, экономический факультет, Южный федеральный университет
(г. Ростов н/Д) (*olegarin@mac.com*).

КОТОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА,
к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ (*gakot1012@yahoo.com*).

КОРИШЕВА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА,
аспирант, кафедра финансов и кредита, Институт экономики и финан-
сов Московского государственного университета путей сообщения
(МИИТ) (*pretty_ok@mail.ru*).

САФАРОВ ТОГРУЛ ИЛЬАС ОГЛЫ,
соискатель, кафедра менеджмента, Азербайджанский государственный
экономический университет (г. Баку) (*Sevda51@yandex.ru*).

БЭТТЛЕР АЛЕКС (АРИН ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ),
д.и.н., профессор, независимый эксперт (г. Нью-Йорк, США)
(*olegarin@mac.com*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,
действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, департамент монетарной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

ФУЗЕЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ,
соискатель, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (*peter-julikov@ya.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2011 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.